ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕОРИЯ, АНАЛИЗ, МОДЕЛИРОВАНИЕ

Монография

Под редакцией Алпатовой Э.С., Подкопаева О.А.

УДК 338.2
ББК 65.05
П82

Авторы монографии: Алешина Е.В., Алпатова Э.С., Быканова Н.И., Вихарев В.В., Гавчук Д.В., Глушак Н.В., Даник О.Л., Евдокимова О.Н., Закорецкая О.С., Заступов А.В., Иранкунда Э., Круглов В.Н., Кузьменко С.С., Куриная Н.В., Макарова Н.В., Манжула Т.Ю., Мельникова Н.С., Нехайчук Д.В., Нехайчук Ю.С., Нурыйахметова С.М., Павленко И.Г., Пефтиев О.В., Продолятченко П.А., Пугачева М.А., Пугачёва С.Д., Свечников К.Л., Сергеева К.И., Тамицкая Е.Н., Танков А.М., Ушаков А.С., Хазиахметова Г.А., Харьковский М.Б., Хорошева А.С., Хорошева Е.И., Ширинкина Е.В.

Научные редакторы:
Алпатова Эльмира Сунгатовна – профессор АНО ВО «Российский новый университет», доктор экономических наук, доцент
Подкопаев Олег Александрович – доцент кафедры экономики и управления социально-культурной деятельностью Самарского государственного института культуры, кандидат экономических наук, доцент

Рецензенты:
Бабина Елена Николаевна – профессор Ставропольского филиала РАНХиГС, доктор экономических наук,
Осмонова Айнур Анваровна – заведующая кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Кыргызско-Российского Славянского университете им. Б.Н. Ельцина, доктор экономических наук, доцент

П82 **Пространственное развитие экономики России: теория, анализ, моделирование** : монография / [Алешина Е.В., Алпатова Э.С., Быканова Н.И. и др.]. Под ред. Алпатовой Э.С., Подкопаева О.А. – Самара: ПНК, 2026. – 306 с.

В монографии «Пространственное развитие экономики России: теория, анализ, моделирование» авторы рассматривают поставленную исследовательскую проблему в разрезе пяти глав: концептуальные основы пространственного развития экономики России; институциональные основания пространственного развития экономики России: теоретический анализ и прикладные интерпретации; пространственное развитие экономики России на мезоуровне; ресурсное обеспечение и экономическая эффективность функционирования агропромышленного комплекса: теоретико-прикладные подходы; роль предприятий в пространственном развитии экономики России. Монография предназначена исследователям, преподавателям, аспирантам, магистрантам, практикам, а также широким слоям читательской аудитории, интересующимся пространственным развитием экономики России, а также теоретико-методологическими подходами и практическими результатами исследований в данной научной области.

ISBN 978-5-6055952-2-9

© Авторы исследований, 2026
© ООО НИЦ «Поволжская научная корпорация», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	7
1.1. Пространственная экономика России: ретроспектива, теория и стратегия	7
1.2. Синтез экономической безопасности и сбалансированного пространственного развития в федеральной стратегической политике России	20
1.3. Финансовые средства для пространственного развития экономики	31
1.4. Взаимосвязь межбюджетных отношений и пространственного развития: теоретический аспект бюджетного регулирования	44
1.5. Налоговое право и налоговая политика в системе управления пространственным развитием Российской Федерации: теоретико-прикладной синтез	56
1.6. Современные вызовы и угрозы для экономического доверия в условиях глобализации	70
1.7. Влияние краудфандинга на развитие творческих индустрий и культуры в Казахстане и России	86
1.8. Специфика внешней торговли Российской Федерации на рынке меха	108
ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРИКЛАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	132
2.1. Теоретические подходы к анализу пространственного развития экономики	132
2.2. Методологические основы институционального анализа пространственных процессов	136
2.3. Институциональная специфика пространственного развития экономики России	140
2.4. Прикладные интерпретации институциональных трансформаций в российском пространстве	145
ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА МЕЗОУРОВНЕ	152
3.1. Экономическая устойчивость регионов Российской Федерации: экзистенциальный аспект	152
3.2. Преференциальные территории как инструмент стимулирования экономического развития Российской Федерации	167
3.3. Определение общей емкости рынка нефтесервисных услуг и смежных отраслей в ХМАО-Югре	179

3.4. Инновационные методы управления программно-целевой компонентой (на примере муниципального образования «Город Калуга»)	188
3.5. Пространственное развитие Архангельской области в историческом сознании послевоенного поколения жителей региона	200
ГЛАВА 4. РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПОДХОДЫ	210
4.1. Теоретические основы и мировой опыт ресурсного обеспечения развития аграрного производства	210
4.2. Теоретико-методологические основы анализа ресурсного потенциала агропромышленного комплекса Юга России	220
4.3. Ресурсный потенциал АПК Юга России: эмпирическая оценка и направления повышения эффективности его использования	223
4.4. Финансовые ресурсы предприятий АПК: теоретико-прикладные аспекты в современных условиях хозяйствования	230
4.5. Теоретико-прикладные аспекты государственной поддержки агробизнеса	243
ГЛАВА 5. РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	248
5.1. Производительность труда в организациях здравоохранения: проблемы и факторы роста	248
5.2. Цифровая трансформация бизнес-процессов на примере предприятий агропромышленного сектора экономики	268
5.3. Техническое перевооружение на судостроительном предприятии	277
5.4. Анализ организации экологического менеджмента	290
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	301
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	303

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы пространственного развития экономики России обусловлена рядом факторов современной социально-экономической реальности.

Во-первых, Россия сталкивается с проблемой крайне неравномерного территориального развития. Острота проблемы проявляется в сохраняющейся гипертрофированной централизации экономической активности. Более 70% ВВП страны производится в 15% регионов, что создает дисбалансы в развитии территорий и ведет к перенаселению крупных агломераций при одновременной деградации периферийных районов. Экономическая активность сконцентрирована в ограниченном числе регионов – Москве, Санкт-Петербурге и нескольких нефтегазовых субъектах федерации. При этом многие территории, особенно моногорода и сельские районы, испытывают острый дефицит инвестиций и сталкиваются с проблемой депопуляции.

Во-вторых, в условиях глобальных трансформаций и геополитических изменений вопросы территориальной организации экономической деятельности приобретают особую значимость для обеспечения устойчивого роста и национальной безопасности. Геополитическая ситуация требует пересмотра подходов к пространственной организации экономики. Санкционное давление и необходимость обеспечения экономической безопасности делают особенно актуальными вопросы развития транспортной инфраструктуры, логистических коридоров и производственных кластеров в стратегически важных регионах, таких как Дальний Восток и Арктическая зона.

Особую значимость теме придают демографические вызовы. Наблюдается устойчивый отток населения из восточных и северных регионов страны, сопровождающийся старением населения в сельской местности. Эти процессы требуют разработки новых моделей пространственного развития, способных обеспечить сбалансированное расселение и эффективное использование человеческого капитала.

Цифровая трансформация экономики создает новые возможности и вызовы для территориального развития. Развитие удаленной занятости, появление «умных городов» и цифровых платформ управления изменяют традиционные представления о факторах пространственного развития и требуют переосмысления существующих моделей регионального роста.

Государственная политика пространственного развития приобретает особое значение в текущих условиях. Реализация национальных проектов, стратегии пространственного развития до 2035 года, создание территорий опережающего развития – все эти инициативы требуют научного обоснования и тщательного анализа эффективности.

Теоретическая значимость исследования заключается в необходимости разработки новых концептуальных подходов, учитывающих специфику российской пространственной экономики в условиях четвертой промышленной революции и меняющейся архитектуры мировой экономики.

Практическая ценность работы определяется ее потенциалом для формирования эффективной государственной политики регионального развития, создания инструментов пространственного планирования и разработки моделей территориальной организации экономики, способствующих преодолению существующих диспропорций.

В монографии «Пространственное развитие экономики России: теория, анализ, моделирование» авторы рассматривают поставленную исследовательскую проблему в разрезе пяти глав: концептуальные основы пространственного развития экономики России; институциональные основания пространственного развития экономики России: теоретический анализ и прикладные интерпретации; пространственное развитие экономики России на мезоуровне; ресурсное обеспечение и экономическая эффективность функционирования агропромышленного комплекса: теоретико-прикладные подходы; роль предприятий в пространственном развитии экономики России.

Монография предназначена исследователям, преподавателям, аспирантам, магистрантам, практикам, а также широким слоям читательской аудитории, интересующимся пространственным развитием экономики России, а также теоретико-методологическими подходами и практическими результатами исследований в данной научной области.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

1.1. Пространственная экономика России: ретроспектива, теория и стратегия[1]

Пространственное развитие экономики представляет собой один из наиболее сложных и многогранных вызовов для современной России. Уникальность страны – её огромная территория, составляющая более 17 миллионов квадратных километров, сочетается с крайней неравномерностью размещения населения, инфраструктуры и экономического потенциала. Исторически освоение российских пространств происходило волнами, было сопряжено с чрезвычайными усилиями и имело противоречивые последствия [15]. Сегодня задача заключается в том, чтобы трансформировать это географическое пространство из ограничения в фактор устойчивого экономического роста и повышения качества жизни граждан.

Период 2021-2025 годов является критически важным для понимания процесса пространственного развития России. На него приходятся как постпандемийное восстановление, так и глубокие структурные изменения в глобальной и национальной экономике, потребовавшие пересмотра стратегических подходов к управлению пространством. Данный период стал временем перехода от одной стратегической парадигмы к другой: в декабре 2024 года «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» была заменена новой «Стратегией пространственного развития регионов Российской Федерации до 2030 года и прогнозом до 2036 года» [9]. Целью данного материала является комплексный анализ ключевых тенденций пространственной трансформации, оценки итогов реализации предыдущей стратегии и перспектив новой, а также прогнозных данных о развитии российских регионов в контексте общемировых и внутристрановых трендов.

Пространственное развитие – это не просто географическое распределение экономической активности, а сложный результат взаимодействия рыночных сил, институциональных решений, исторических предпосылок и инфраструктурных ограничений. Для России характерны две фундаментальные пространственные диспропорции: между западными и восточными регионами (по оси «запад-восток») и между крупными городскими агломерациями и периферийными территориями (по оси «центр-периферия»). Исследования показывают, что в XXI веке продолжилась концентрация экономической активности с миграцией ресурсов с востока на запад и из периферии в центр.

Агломерационные эффекты, выражающиеся в росте производительности и инноваций в крупных городских центрах, являются мощным рыночным драйвером этой концентрации. Однако в российских условиях они сочетаются с уникальными вызовами: низкой плотностью населения на большей части территории, экстремальными климатическими условиями и высокой стоимостью поддержания инфраструктурной связности. Это создает постоянное напряжение между экономической эффективностью, достигаемой через

[1] Автор раздела: Глушак Н.В.

концентрацию, и необходимостью обеспечения национальной безопасности, суверенитета и базовых социальных гарантий на всей территории страны.

Утверждённая в конце 2024 года «Стратегия пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года» знаменует новый этап в осмыслении и управлении территориальной организацией страны. Этот документ смещает фокус с исключительно отраслевого подхода на комплексное развитие территорий, ставя во главу угла формирование сбалансированной системы расселения и инфраструктурно-экономического каркаса страны [9]. По словам заместителя Председателя Правительства Марата Хуснуллина, эта работа станет основополагающим элементом реализации нового национального проекта «Инфраструктура для жизни» [9].

Осмысление пространства как экономической категории в России имеет глубокие исторические корни. Процессы обретения и освоения (колонизации) пространства заняли многие века и изначально были сопряжены не только с хозяйственными, но и с геополитическими мотивами [15]. Уже в трудах учёных и государственных деятелей дореволюционного периода прослеживается понимание того, что эффективное управление столь обширной территорией требует специальных подходов к её районированию и организации.

В начале XX века значительный вклад в формирование научных основ экономической географии и районирования внёс А.Н. Челинцев. Он разработал принципы сельскохозяйственного районирования, основанные на учёте природно-климатических условий и специализации аграрного производства [14]. Эти идеи стали важной предпосылкой для последующих теорий пространственной организации (таблица 1).

В советский период, особенно с началом активного планового хозяйствования, вопросы размещения производительных сил выдвинулись на первый план. Н.Н. Баранский развил идеи экономического районирования, предложив научный метод анализа влияния природных ресурсов и условий на размещение производства и специализацию экономики региона [2]. В отличие от Челинцева, Баранский продвигал концепцию районирования на основе планового размещения производительных сил, рассматривая экономическое пространство как материальный объект экономической географии, обладающий собственными законами развития [2].

К середине XX века сформировалась теория экономического районирования Н.Н. Колосовского. В своей работе «Основы экономического районирования» (1958) учёный обосновал принципы районирования в условиях плановой экономики, где ключевым фактором формирования районов выступало наличие природных ресурсов [3]. Помимо этого аспекта, учитывались производственный аппарат, национально-культурные особенности населения, трудовые ресурсы и транспортные коммуникации территории. Данный принцип лег в основу сетки из одиннадцати экономических районов, использовавшейся с 1960-х годов.

Важным этапом стало создание в 1960-х годах Генеральной схемы размещения производительных сил СССР. Над её методикой работали такие учёные, как А.И. Ведищев, М.В. Бахрах, Н.Н. Некрасов, А.Е. Пробст [13]. Эта

схема стала комплексным документом, содержащим планы развития и размещения основных отраслей народного хозяйства, союзных республик, экономических районов, а также освоения новых территорий и формирования производственных комплексов [7].

Таблица 1

Эволюция теоретических подходов к пространственному развитию в России в XX веке [4,5,13,15]

Период	Ключевые учёные и концепции	Основные идеи	Практическое воплощение
Начало XX века	А.Н. Челинцев	Принципы сельскохозяйственного районирования на основе природно-климатических условий	Заложены основы территориального подхода к планированию
1920-1930-е годы	Н.Н. Баранский	Экономическое районирование как основа планового размещения производительных сил	Создание первых схем экономического районирования СССР
Середина XX века	Н.Н. Колосовский	Теория энергопроизводственных циклов (ЭПЦ) и территориально-производственных комплексов (ТПК)	Формирование ТПК в Сибири и на Дальнем Востоке (например, Братско-Усть-Илимский)
1960-1970-е годы	Н.Н. Некрасов, Э.Б. Алаев	Выделение региональной экономики в самостоятельную науку, развитие теории регионального планирования	Разработка Генеральной схемы размещения производительных сил СССР
1980-е годы	Е.Н. Перцик, Г.М. Лаппо	Концепция опорного каркаса расселения и территориальной структуры	Учёт в планировании развития городских систем и транспортных коридоров

В 1973 году академик Н.Н. Некрасов в монографии «Региональная экономика» обосновал разграничение понятий «экономическая география» и «региональная экономика», выделив последнюю в новую отрасль экономических знаний [7]. Э.Б. Алаев, разделяя эту позицию, акцентировал внимание на понятии региона как «локализованной территории, обладающей единством и взаимосвязанностью составляющих её элементов» [1].

К 1980-м годам сформировалась теория территориально-производственных комплексов (ТПК), развиваемая М.К. Бадманом. Она предполагала моделирование ТПК на основе определения их отдельных элементов и предлагала инструменты реализации предплановых исследований. Одновременно Е.Н. Перцик и Г.М. Лаппо разработали учение об опорном каркасе территориальной структуры народного хозяйства, предполагавшее преимущественное развитие производства в крупных городах и вдоль соединяющих их транспортных магистралей [13].

Распад СССР и переход к рыночной экономике потребовали переосмысления теоретических подходов к пространственному развитию.

Постсоветский период характеризуется, по выражению А.Н. Швецова, «сложным переплетением реформ и контрреформ» [15]. Рыночно-федеративному развороту 1990-х годов, сопровождавшемуся ростом регионального сепаратизма и усилением территориальных диспропорций, противостояли попытки воспроизведения советских планово-размещенческих алгоритмов, зачастую не учитывавших новые реалии.

Современные исследования, как отмечается в научных работах, базируются в основном на формализованном и социальном подходах, рассматривая пространственное развитие комплексно, как междисциплинарное явление, отражающее существующую систему отношений. Произошёл сдвиг от рассмотрения пространства как пассивного «вместилища» производительных сил к пониманию его как активного ресурса и фактора развития, требующего инвестиций и целенаправленного формирования.

В 2010-2020-х годах в научной и экспертной среде активно обсуждались различные модели федеральной пространственной политики [5]:

- Модель поляризованного развития (опора на ограниченное число ключевых центров роста).
- Модель сбалансированного (или «облайсированного») развития (поддержка точек роста разного масштаба с обеспечением их позитивного влияния на окружающие территории).
- Модель сокращения территориальных различий (приоритет отдается проблемным территориям).

Как отмечается в докладе «Россия 2035: пространство развития», оптимальным для текущих условий признаётся сбалансированный подход, подразумевающий опору на сложившиеся и перспективные точки роста при условии расширения их географии и усиления их влияния на прилегающие территории [10, С.45].

Утверждённая Распоряжением Правительства №4146-р от 28 декабря 2024 года Стратегия пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года представляет собой системный документ, определяющий новый вектор территориальной политики государства [9]. Её разработка велась с учётом предложений регионов, Совета Федерации, Государственной Думы и экспертного сообщества.

Целью Стратегии провозглашено формирование системы расселения и территориальной организации, которые будут способствовать достижению национальных целей развития и обеспечению национальной безопасности [9]. Эти национальные цели, определённые майскими указами Президента в 2024 году, включают сохранение населения, воспитание патриотичной личности, комфортную среду для жизни, экологическое благополучие, устойчивую экономику, технологическое лидерство и цифровую трансформацию [9].

Глобальный контекст 2021-2025 годов, отмеченный последствиями пандемии, геополитическими конфликтами и перестройкой цепочек создания стоимости, оказал на Россию особое влияние. Страна столкнулась с необходимостью переориентации логистических потоков, импортозамещения в критических отраслях и усиления внутренней экономической интеграции. Новая

Стратегия-2030 прямо указывает на развитие внутреннего рынка в условиях санкций и уход от экспортно-сырьевой модели как на ключевые ориентиры [9]. Эти задачи напрямую затрагивают пространственную организацию, требуя развития новых транспортных коридоров, размещения производств в безопасных, логистически эффективных точках и сбалансированного развития регионов.

Оценка текущего периода невозможна без анализа смены стратегических документов. Ключевым правовым источником, определявшим политику до конца 2024 года, была «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Ее основой была модель поляризованного развития с опорой на ограниченное число центров роста, прежде всего крупные городские агломерации. Основной целью провозглашалось сокращение высокого уровня межрегионального социально-экономического неравенства.

Однако, как показывают статистические анализы, к концу периода ее действия поставленная задача не была решена. Не произошло существенного сокращения дифференциации между регионами. Ставка на развитие промышленности в активных агломерациях в сочетании с ростом доходов населения усилила миграцию и перераспределила ресурсы не в пользу слабых регионов. Проблема дифференциации была перенесена в новый стратегический документ.

В декабре 2024 года Правительством РФ была принята новая «Стратегия пространственного развития регионов Российской Федерации до 2030 года и прогнозом до 2036 года» (Стратегия-2030) [9]. Она ознаменовала попытку перехода к более сбалансированной областнической (или дистрибутивной) модели. Ее основные принципы включают: ориентацию на самостоятельность и инновационное развитие регионов, акцент на геостратегических приграничных территориях, развитие внутреннего рынка и диверсификацию производства.

Основным инструментом для достижения сбалансированности в новой Стратегии стала концепция «Единого перечня опорных населенных пунктов». В него должны войти населенные пункты разного типа и масштаба, выполняющие различные функции.

Однако новая Стратегия уже на этапе проекта столкнулась с серьезной научной и экспертной критикой, которая указывает на преемственность старых проблем. Аналитики отмечают ряд фундаментальных недостатков [6,12]:

1. Декларативность и отсутствие механизмов реализации. Многие формулировки носят общий характер, не подкреплены конкретными финансовыми и нормативными инструментами.

2. Недостаточное научное обоснование и некорректность данных. В документе слабо отражены результаты исследований пространственной экономики, а некоторые используемые данные признаются некорректными.

3. Проблема данных. Стратегия оперирует понятиями, которые не имеют четкого статистического измерения. В федеральном законодательстве до сих пор отсутствуют критерии отнесения населенного пункта к городскому или сельскому, что делает любые расчеты по их развитию некорректными.

4. Игнорирование внешнеэкономического контекста. В условиях санкций и переориентации торговли раздел о связях с зарубежными партнерами

проработан слабо, а в проекте отмечается отсутствие внимания относительно внешнеэкономических связей.

Таким образом, новая Стратегия-2030 задает в целом верный вектор на полицентричность и сбалансированность, но ее практическая реализация в период до 2025 года и далее остается под большим вопросом из-за методологических пробелов, недостатка научного сопровождения и институциональных барьеров, унаследованных от предыдущего периода.

Одной из ключевых новаций Стратегии является введение понятия и формирование Единого перечня опорных населённых пунктов [9]. Данный перечень призван стать инструментом концентрации ресурсов и мер государственной поддержки для создания точек роста, которые обеспечат развитие не только данных пунктов, но и прилегающих территорий (таблица 2).

Стратегия выделяет особое внимание развитию макрорегионов, имеющих стратегическое значение, но отличающихся специфическими вызовами.

Дальневосточный федеральный округ и Арктическая зона определены как территории, требующие особых подходов [15]. Для них предусмотрено:

- Наращивание международных торговых связей с дружественными странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе через создание международных территорий опережающего развития в приграничных районах.

- Повышение эффективности ключевых транспортных коридоров: Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, Северного морского пути, морских портов Тихоокеанского побережья.

- Развитие транспортной связанности: строительство дорог, связывающих порты с логистическими центрами, создание аэродромов и расширение авиасообщения.

Новые регионы (территории, вошедшие в состав России в 2010-2020-х годах) также выделены в отдельный фокус [9]. Для них ключевыми задачами являются:

- Дальнейшая интеграция в общероссийское экономическое и правовое пространство.

- Создание к 2028 году единого экономического пространства Приазовья за счёт повышения транспортной связанности Крыма и Севастополя с новыми регионами, а также с Краснодарским краем и областями Юга России.

- Ликвидация дефицита кадров, реализация инвестиционных проектов (в частности, в угольной промышленности), развитие туристско-рекреационного кластера.

В отраслевом разрезе Стратегия определяет приоритеты пространственного развития по ключевым секторам [9]:

- Транспорт: развитие магистральной и внутрирегиональной инфраструктуры, повышение связности территорий.

- Энергетика: обеспечение надёжного и эффективного энергоснабжения, развитие распределённой энергетики в удалённых районах.

- Социальная сфера: достижение гарантированной доступности базовых социальных услуг (образование, здравоохранение, культура) на всей территории страны.

- Промышленность: стимулирование промышленной кооперации, импортозамещения и создания новых производств с учётом территориальных преимуществ.

- Научно-технологическое развитие: укрепление научно-образовательного потенциала регионов, создание региональных инновационных кластеров.

Таблица 2

Классификация опорных населённых пунктов согласно Стратегии пространственного развития [9]

Категория опорного населённого пункта	Критерии отнесения	Роль в пространственном развитии
Городские агломерации и административные центры	Города-ядра с населением от 250 тыс. человек, столицы субъектов РФ	Крупнейшие центры экономического роста, науки, образования и инноваций
Центры реализации инвестиционных проектов	Наличие новых инвестиционных проектов, существенно влияющих на экономику территории	Локомотивы инвестиционной активности и создания новых рабочих мест
Населённые пункты обеспечения безопасности	Занятость населения в обеспечении национальной безопасности и обслуживании критически важной инфраструктуры	Обеспечение обороноспособности и функционирования ключевых объектов инфраструктуры
Наукограды	Наличие статуса наукограда или концентрация научно-исследовательских организаций	Центры генерации знаний, технологий и инноваций
Центры предоставления услуг	Население от 3 до 50 тыс. человек, наличие медучреждений, школ, вузов, культурных центров, обслуживающих прилегающую территорию (до 50 км)	Обеспечение базовых социальных услуг для жителей окружающих территорий, сдерживание депопуляции
Населённые пункты с рисками ухудшения ситуации	Моногорода и иные поселения с высокими социально-экономическими рисками	Объекты особого внимания для предотвращения кризисов и диверсификации экономики

Реализация столь масштабной Стратегии требует разнообразного инструментария. В течение трёх месяцев с момента её утверждения Минэкономразвитие России совместно с другими ведомствами должно представить план мероприятий по реализации документа [9]. К основным инструментам, согласно проекту Стратегии, относятся:

- Документы стратегического планирования федерального и регионального уровней, а также индивидуальные программы развития для опорных населённых пунктов и геостратегических территорий.

- Единый перечень опорных населённых пунктов как ключевой инструмент адресной поддержки.

- Совершенствование системы территориального планирования на всех уровнях власти.

- Создание цифровой платформы управления комплексным социально-экономическим и пространственным развитием для повышения эффективности принятия решений на основе данных.

- Бюджетные и институциональные инструменты, включая государственно-частное партнёрство, инструменты институтов развития (ВЭБ.РФ, Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики и др.).

Важным аспектом является изменение логики финансирования. Как отмечается в докладе «Россия 2035: пространство развития», «народнохозяйственный инвестиционный спрос в нашей стране все в большей степени должен порождаться не отраслями, а регионами и территориями» [10, С.67]. Это потребует пересмотра подходов к формированию и распределению национальных финансов.

Несмотря на продуманную концепцию, реализация Стратегии сталкивается с рядом системных проблем, требующих решения.

1. Проблемы законодательного и статистического характера [5]:

- Неопределённость статуса городских и сельских населённых пунктов. В федеральном законодательстве отсутствуют чёткие критерии отнесения населённых пунктов к городским или сельским, а также определение самого понятия «населённый пункт». Это затрудняет адресную политику и ведёт к искажённым представлениям о развитии городской и сельской местности.

- Почти полное отсутствие официальной статистики на уровне населённых пунктов, что крайне усложняет мониторинг ситуации и оценку эффективности мер поддержки.

2. Социально-демографические вызовы [17]:

- Сохраняется глубокая дифференциация российских территорий по плотности населения и демографическим тенденциям. По данным, приведённым в анализе проекта Стратегии, в период 2016-2021 гг. население сокращалось практически во всех типах муниципалитетов, кроме «столиц» регионов, крупных нестоличных городов и пригородных зон.

- Остро стоит проблема региональных различий в уровне смертности, которая требует не точечных мер, а комплексного подхода к развитию целых «демографически депрессивных» территорий.

- Требует решения вопрос о сбалансированной миграционной политике, учитывающей реальные потребности экономики регионов в кадрах и необходимость интеграции мигрантов.

3. Экономические ограничения [17]:

- Необходимость ёмких инвестиций в инфраструктуру для связывания территории страны, особенно в условиях её обширности и сурового климата во многих регионах.

- Инерционность пространственных пропорций, которые меняются очень медленно, что требует от государства долгосрочных и последовательных усилий.

Экспертные оценки, представленные в докладе «Россия 2035: пространство развития», указывают на постепенное снижение значимости географического и природного факторов в развитии территорий и возрастание роли инвестиционных, технологических и человеческих факторов [10, С.72]. Это означает, что будущее

развитие всё больше будет зависеть от целенаправленных усилий по обустройству пространства, насыщению его современной инфраструктурой, что является капиталоёмким, но необходимым направлением.

Основой пространственного развития является распределение населения. В 2025 году тенденции роста концентрации населения в крупнейших агломерациях и его снижения в провинциях продолжали действовать, что подтверждается итогами реализации предыдущей стратегии.

Стоит отметить, что даже внутри провинций существует значительная дифференциация. Наиболее быстро теряют население малонаселенные и удаленные территории, в то время как пригороды крупных городов демонстрируют устойчивый рост. Эта динамика свидетельствует об углублении внутрирегионального неравенства, которое также не было преодолено в рамках предыдущей стратегии.

Фактические данные за 2024-2025 годы указывают на общее замедление роста. Это создает сложные условия для реализации масштабных пространственных проектов, требующих значительных бюджетных вливаний. Ключевой проблемой, выявленной по итогам Стратегии-2025, остается неравномерное распределение инвестиций. Регионы-аутсайдеры остро нуждаются в инвестициях как основе развития, однако государственные программы зачастую делали акцент на городские агломерации, а не на гармоничное развитие всего пространства.

Новая Стратегия-2030 устремлена на преодоление этого вызова через ориентацию на инновационное развитие экономики регионов при бюджетных ограничениях [9]. Однако в условиях прогнозируемого замедления экономики (например, прогноз ВВП России в 2026 году – около 1-1,3%) регионы, чье развитие в значительной степени зависит от федеральных трансфертов (многие территории Дальнего Востока, Севера, депрессивные промышленные регионы), столкнутся с повышенными бюджетными рисками. В то же время, регионы, интегрированные в новые логистические цепочки (например, на юге и востоке) или обладающие ёмким конкурентным несырьевым экспортом, могут показать более устойчивую динамику.

В ответ на внешние вызовы в обновленной Стратегии сделан явный акцент на развитие геостратегических территорий [9]. К ним, согласно новому единому перечню, помимо Арктической зоны и Дальнего Востока, отнесены новые субъекты Российской Федерации, а также реально проблемные приграничные муниципалитеты. Их развитие становится вопросом не только экономики, но и национальной безопасности, что прямо прописано в задачах Стратегии.

Основные направления пространственной политики до 2025 года и в последующий период можно свести к нескольким ключевым блокам, вытекающим из анализа документов [11]:

1. Развитие инфраструктуры и отраслевые приоритеты. Ускоренное строительство и модернизация транспортных, энергетических и информационно-коммуникационных коридоров. В Стратегии-2030 этим вопросам посвящены отдельные разделы.

2. Стимулирование полицентризма через систему опорных населенных

пунктов и создание новых точек роста, а также обеспечение предоставления базовых услуг на местах.

3. Поддержка депрессивных территорий, развитие механизмов для моногородов и регионов с устойчивым оттоком населения, включение их в перечень опорных населенных пунктов со специальным статусом.

4. Акцент на внутреннем рынке и импортозамещении, переориентация логистических и производственных цепочек в ответ на санкционное давление, развитие кооперации между регионами.

Таким образом, пространственное развитие России в период 2021-2025 годов проходит под знаком глубокой трансформации и адаптации к изменившимся внутренним и внешним условиям, а также под знаком смены стратегической парадигмы. Государство стремится отойти от стихийной гиперконцентрации в пользу более управляемой полицентричной модели, о чем свидетельствует переход от поляризованной модели (Стратегия-2025) к областнической (Стратегия-2030) [9]. Однако, как показывает анализ, укоренившиеся проблемы – прежде всего, нерешенная задача сокращения межрегиональной дифференциации – не только сохраняются, но и воспроизводятся в новых документах [8].

Ключевым вызовом на пути к сбалансированному пространственному развитию остается преодоление разрыва между декларациями и реализацией [9]. Для этого, по мнению экспертов, потребуется [12]:

1. Существенная научно обоснованная корректировка Стратегии-2030 с привлечением академического сообщества и созданием специализированной научной структуры по исследованию и сопровождению пространственной политики.

2. Ликвидация фундаментальных методологических пробелов, таких как законодательное закрепление понятий «город» и «село» и формирование адекватной статистики по населенным пунктам.

3. Поиск новых финансовых механизмов для развития инфраструктуры в условиях бюджетных ограничений, с акцентом на инвестиции в отстающие регионы, а не только в точки роста.

Перспективы до 2030 года будут напрямую зависеть от того, насколько успешно в текущем периоде будут заложены институциональные и инфраструктурные основы, преодолена инерция поляризации и найдены ресурсы для поддержки слабых территорий. Успех возможен только при условии перехода от «стратегии на бумаге» к последовательной, финансово обеспеченной и научно выверенной политике, признающей разнообразие российских территорий и предлагающей дифференцированные решения для их устойчивого развития в новой геоэкономической реальности. Действие рыночных механизмов в чистом виде, как правило, ведёт к усилению пространственной неоднородности (концентрации экономической деятельности и населения в наиболее выгодных локациях). Поэтому ключевой задачей государства является управление этой дифференциацией, не блокируя механизмы роста, но и не допуская чрезмерной фрагментации и социальной напряжённости.

Важным трендом, влияющим на пространственную организацию экономики, является перенос активности крупного российского бизнеса с западных рынков на внутренний рынок и рынки дружественных стран. Этот процесс сопровождается редомициляцией компаний и формирует структурные изменения с ориентацией на южное и восточное направления, изменяя логистические потоки и налоговые базы регионов. Государственная поддержка этого процесса может включать развитие соответствующей транспортной инфраструктуры и создание финансовых инструментов для работы на новых рынках.

Оптимальным сценарием для России на ближайшие десятилетия считается реализация сбалансированной модели, которая представляет собой синтез поляризованного развития (в научно-технологической сфере и на геостратегических территориях) и модели расширения географии роста (в большинстве других сфер). Реализация концепции опорных населённых пунктов видится практическим воплощением этого подхода, направленным на создание многочисленных центров роста разного масштаба, образующих устойчивый каркас развития всей страны.

Таким образом, можно констатировать, что пространственное развитие экономики России прошло долгий и сложный путь эволюции – от идей сельскохозяйственного и экономического районирования начала XX века до современной комплексной Стратегии, ставящей во главу угла качество жизни человека и сбалансированное развитие территорий [2]. Теоретические поиски отечественных учёных, от Н.Н. Баранского и Н.Н. Колосовского до современных исследователей, создали богатый интеллектуальный фундамент для сегодняшней политики. Утверждённая в 2024 году Стратегия пространственного развития до 2030 года знаменует переход к более целостному и системному управлению территорией [9]. Её ключевая новация – концепция опорных населённых пунктов – призвана преодолеть крайности как гиперконцентрации ресурсов в нескольких мегаполисах, так и неэффективного распределения средств, создавая сеть разномасштабных центров роста [9]. Особое внимание к Дальнему Востоку, Арктике и новым регионам отражает геополитические и геоэкономические приоритеты страны, стремящиеся усилить свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и консолидировать собственное пространство. Однако успех этой амбициозной стратегии будет зависеть от решения ряда системных проблем: устранения законодательных пробелов (особенно в определении статусов населённых пунктов), налаживания качественного статистического наблюдения, привлечения масштабных инвестиций в инфраструктуру и реализации эффективной демографической и миграционной политики. Требуется долгосрочная политическая воля и межведомственная координация, поскольку пространственные преобразования носят инерционный характер и результаты усилий проявятся через многие годы.

В конечном итоге, цель пространственного развития – не просто управление территорией, а создание условий для реализации потенциала каждого жителя России независимо от его места проживания, укрепление экономического единства и национальной безопасности страны. Достижение

этой цели превратит уникальное российское пространство из исторического вызова в ключевое конкурентное преимущество в XXI веке.

Список источников информации

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Баранский Н.Н. Экономическая география Советского Союза. Обзор по областям Госплана. – М., 1926. / О творчестве учёного см.: Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://letopis.msu.ru/peoples/7626 (Дата обращения: 13.02.2026).
3. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. – М.: Госполитиздат, 1958. – 200 с.
4. Крамар А.А. Концепция экономического районирования А.Н. Челинцева // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2016. – № 4. С. 34-46.
5. Кузнецова О.В. (2024). Стратегия пространственного развития России до 2030 года: анализ перехода от поляризованной модели к сбалансированной через систему опорных населенных пунктов. Аналитический материал на основе проекта стратегии. Портал Mosregdata. URL: https://mosregdata.ru/article/russias-spatial-development-strategy-2030 (Дата обращения: 11.02.2026).
6. Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития России - 2030: новации и перспективные направления исследований / О.В. Кузнецова // Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. С. 12-21.
7. Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. – М.: Экономика, 1975. / О труде учёного см.: Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/economics/text/v/2257465 (Дата обращения: 13.02.2026).
8. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2025 г. № 187 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами"» // Докипедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dokipedia.ru/document/5549551 (Дата обращения: 13.02.2026).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года №4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года и прогнозом до 2036 года». Официальный сайт Правительства РФ. URL: http://government.ru/news/53917/ (Дата обращения: 09.02.2026).
10. Россия 2035: пространство развития. Доклад Центра стратегических разработок / под ред. А.Л. Кудрина. – М.: ЦСР, 2024. – 98 с.
11. Тарасова О.Б. Статистический анализ итогов реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / О. Б. Тарасова, Н. З. Гончарова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 5. – С. 3503-3520.
12. Тулохонов А.К., Иванова С.Н. О новой Стратегии пространственного развития России, или уроки пройденного // ЕСО. 2025. №55(3). С. 56-67. URL:

https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4863 (Дата обращения: 09.02.2026).

13. Хантуева И.О. Генезис подходов пространственного развития в трудах российских ученых / И. О. Хантуева, Л. Р. Слепнёва // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 11. – С. 6707-6722.

14. Челинцев А.Н. К методологии сельскохозяйственного микрорайонирования. – М.: Новая деревня, 1928. – 40 с.

15. Швецов А.Н. Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. № 6. С. 66–100.

16. Эксперт Онлайн. (2025, 6 января). Кабмин утвердил стратегию пространственного развития России до 2030 года. Журнал «Эксперт». URL: https://expert.ru/news/kabmin-utverdil-strategiyu-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-do-2030-goda/ (Дата обращения: 10.02.2026).

17. Экспертный совет при Правительстве РФ / Экономический факультет МГУ. (2023). Доклад: «Россия 2035: пространство развития». Сайт «Экономика для всех». URL: https://ecfor.ru/publication/rossiya-2035-prostranstvo-razvitiya/ (Дата обращения: 10.02.2026).

1.2. Синтез экономической безопасности и сбалансированного пространственного развития в федеральной стратегической политике России[2]

В условиях повышенной турбулентности глобальной экономики и усиления геополитической конкуренции федеральная стратегическая политика России всё более ориентируется на синтез экономической безопасности (ЭБ) и сбалансированного пространственного развития (ПР) как взаимообусловленных основ устойчивости государства. Целевые векторы федеральных документов требуют наличия рабочего механизма трансляции абстрактных приоритетов в конкретные инструменты территориального развития.

Исследование направлено на выявление и оценку степени интеграции векторов ЭБ и ПР в комплексе федеральных стратегических документов, а также анализ трансформации этих установок в механизмы межрегионального и локального уровня. В качестве объекта анализа выступают девять ключевых документов федерального уровня, охватывающих общие рамки национальной безопасности и отраслевые аспекты, непосредственно влияющие на безопасность региональных экономик.

Методологической основой работы служит единая рамка контент-анализа, позволяющая транслировать стратегические направления в конкретные функции управления на региональном уровне через выделение и группировку целевых векторов. Анализ федерального стратегического поля проведён по следующим документам:

1. Федеральный закон от 28.12.2010 №390-ФЗ «О безопасности».
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации.
3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
4. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
5. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
6. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. №176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».
7. Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г.№646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».
8. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. №216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации».
9. Указ Президента РФ от 06 мая 2018 г. №198 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу».

Выборка документов осуществлялась исходя из их способности охватывать общие рамки национальной безопасности, а также отраслевые и функциональные аспекты, непосредственно влияющие на безопасность

[2] Автор раздела: Танков А.М.

региональной экономики. Для обеспечения сопоставимости анализа всех последующих стратегических документов применяется единая методологическая рамка: выделение целевых векторов с их последующей группировкой по нескольким содержательным акцентам. Данная рамка позволяет транслировать абстрактные положения документов в конкретные функции управления на региональном уровне.

Федеральный закон Федеральный закон «О безопасности» задаёт институциональную основу обеспечения безопасности в Российской Федерации. Анализ документа позволяет распределить одиннадцать формальных векторов по четырём содержательным группам:

1. Прогнозирование, выявление, анализ и оценка угроз.
2. Планирование политики и установка правил обеспечения безопасности.
3. Принятие специальных мер, использование технологий и техники.
4. Согласование действий и контроль расходов.

Как базис стратегического планирования закон оказывает двойственное влияние на пространственное развитие:

1. Децентрализация функций в пользу региональных и муниципальных образований (статья 12), акцент на прогнозировании угроз и корректировке инвестиционно-градостроительных планов (статья 3), необходимость межведомственного и межрегионального согласования.

2. Сосредоточение ключевых полномочий у Президента и Совета Безопасности РФ, что ограничивает компетенцию субъектов. Понятийная неопределённость провоцирует избыточно осторожную оценку местных изменений как потенциальных угроз, увеличивая административную нагрузку. Недостаток реальных полномочий у регионов, сохранявшийся до 2010 г., частично компенсирован созданием координационных совещаний. Однако механизмы прямого регулирования, включая противодействие терроризму и экстремизму, остаются неопределёнными, делая вопрос реализации региональных полномочий в сфере безопасности актуальной и дискуссионной проблемой [10].

Концепция общественной безопасности (КОБ) в РФ расширяет рамки ЭБ, интегрируя социальную устойчивость и связывая общественное благополучие с долгосрочным экономическим ростом. Приоритетные направления в данной сфере реализуются по двум группировкам:

1. Векторы, направленные на митигацию прямых дестабилизирующих угроз. Приоритеты соответствуют противодействию антропогенным угрозам (коррупции, экстремизму, терроризму), которые подрывает работу институтов [15], и социальным конфликтам, дестабилизирующим экономическую деятельность. Имеют место предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций (ЧС), регулярно снижающих экономические возможности регионов [17]. В Сибирском федеральном округе (СФО) ЧС регулярно негативно сказываются на реализации социальных и экономических программ, тем самым снижая экономические возможности регионов [8].

2. Векторы, направленные на развитие институциональных и кооперативных механизмов управления безопасностью. Группировка содержит

внутреннюю системную оптимизацию и укрепление международного сотрудничества, что позволяет приграничным регионам снижать трансграничные риски, например связанные с пандемией, незаконной миграцией или контрабандой, имеющих экономические последствия.

Стратегия национальной безопасности (СНБ) РФ служит основой для взаимодействия власти и организаций, задавая рамки для отраслевых документов, включая Стратегию пространственного развития (СПР). Редакция 2021 года усиливает роль регионов, делегируя им полномочия по адаптации принципов безопасности к местным условиям.

Пространственное развитие выступает как системообразующий фактор, трансформируя целевые установки СНБ в конкретные территориальные проекты и механизмы межрегионального взаимодействия [7]. Целевые векторы документа распределяются по трём содержательным группам:

1. Векторы, связанные с устойчивостью государства и его территориальной целостностью: защите суверенитета, обороноспособности и обеспечения правопорядка, основанных на сбалансированном развитии субъектов РФ.

2. Векторы социально-экономического благополучия: развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и обеспечение устойчивого экономического роста с целью сокращения межрегионального неравенства.

3. Векторы долгосрочной конкурентоспособности и идентичности: технологическое развитие, безопасность информационного пространства, эффективное госуправление (G2C) и сохранение культурно-цивилизационного наследия. Для политики ПР требуется трансформация этих целей, создание сети взаимосвязанных инновационных, промышленных и культурных центров роста, обеспечивающих синергию и распространение лучших практик.

Стратегия экономической безопасности (СЭБ) РФ на период до 2030 года выступает связующим звеном между концепцией национальной безопасности и мерами по обеспечению устойчивости и суверенитета экономики. Приоритеты СЭБ распределяются по четырём содержательным группам:

1. Векторы, направленные на укрепление институциональной среды и единого экономического пространства. Направления фокусируются на качестве государственного управления, обеспечении верховенства права, поддержания целостности общероссийского рынка. Ключевой проблемой является межрегиональная дифференциация, воспринимаемая как угроза, а также неоднородность применения законодательства на местах, создающая административные барьеры для бизнеса.

2. Векторы, обеспечивающие устойчивость и диверсификацию реального сектора и финансовой системы. Группировка нацелена на структурную перестройку экономики и технологическую модернизацию. Создание производственно-логистических кластеров, ОЭЗ и инновационных территорий носит неравномерный характер и сосредоточено преимущественно в центральных и развитых регионах.

3. Векторы, способствующие развитию международного сотрудничества и повышению экспортного потенциала: ориентация на интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости, диверсификацию связей и поддержку несырьевого экспорта. Поиск новых экспортных ниш порождает конкурентную борьбу между регионами за одни и те же внешние рынки и транспортные коридоры.

4. Векторы, ориентированные на развитие человеческого капитала и технологическое обновление экономики. В экономическом пространстве повышается доступность социальных благ и инновационной инфраструктуры. Для депрессивных территорий сохраняется проблема оттока высококвалифицированных кадров в крупные агломерации.

Доктрина продовольственной безопасности (ДПБ) РФ ставит стратегической целью обеспечение населения безопасной, качественной и доступной продукцией отечественного производства. Приоритетные направления требует сбалансированного роста АПК и рыбного хозяйства, укрепления региональных продовольственных систем, снижения зависимости от импорта и распределяются по четырём содержательным группам [18].

1. Векторы, направленные на обеспечение качества жизни и здоровья населения. Блок устанавливает прямую связь между развитием АПК и физическим здоровьем нации через гарантирование доступности безопасного и качественного питания для всех граждан.

Реализации мешает значительная региональная дифференциация в концентрации производства и государственной поддержки (разрыв в субсидиях по коэффициенту вариации достигает 315,7%), особенно в животноводстве [13]. Отсутствие современного сельскохозяйственного районирования ведёт к нерациональному размещению производства. Наблюдаются и отдельные межрегиональные инициативы, например, «Сибирское соглашение» по зерну или сотрудничество Орловской области с Беларусью [11].

2. Векторы, ориентированные на устойчивое развитие сельского и рыбного хозяйства. Устойчивость измеряется темпами повышения конкурентоспособности отечественных производителей, развитием инновационных технологий, а также государственной поддержкой АПК и рыбохозяйственного комплекса. По состоянию на 2025 год, Россия, наряду с Египтом, входит в группу стран с серьёзными барьерами для внедрения ESG-принципов в сельском хозяйстве, отставая от других стран БРИКС.

3. Векторы, обеспечивающие экологическую и биологическую безопасность продовольственных систем. Группа включает меры по защите сельскохозяйственных земель и контролю за использованием ГМО и биологических агентов.

Реализация госпрограммы «Земля» по мелиорации сталкивается с асимметрией инвестиций. Лидерами являются Северо-Западный и Центральный ФО, а СФО и ДВФО значительно отстают [3]. Разрешение импорта ГМ-сои для кормов в 2025 г. несёт риски несанкционированного распространения ГМО на внутреннем рынке. Борьба с болезнями животных затруднена из-за устаревших вакцин, основанных на штаммах 1970-1990-х гг., а доля биологических средств защиты растений в РФ 8-10% значительно ниже, чем в ЕС (25–30%) [14].

4. Векторы, связанные с созданием эффективной нормативно-правовой и институциональной среды. Аспект охватывает разработку единых стандартов, усиление контрольно-надзорных функций и подготовку кадров для АПК, создавая необходимые рамки для реализации предыдущих направлений.

Направления Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года связаны с предотвращением и минимизацией экологических угроз, которые распределяются по 5 группам:

1. Векторы, направленные на создание эффективной правовой и институциональной основы. В группу попали ориентиры по развитию законодательства, институтов управления и финансовых механизмов, таких как экологические фонды (ЭФ).

Государственные ЭФ в России отсутствуют с 2001 года, а расходы идут через бюджетную систему и региональные фонды. Межрегиональные управления Росприроднадзора координируют политику для нескольких регионов, но их эффективность различается из-за неравномерной административной нагрузки и кадрового обеспечения. Так, сибирские МРУ, контролирующие большую территорию, могут иметь небольшой штат специалистов, в то время как центральным МРУ, где плотность промышленных объектов высокая, требуются «умные» технологии.

2. Векторы, ориентированные на технологическую модернизацию и снижение антропогенной нагрузки: внедрение инновационных и ресурсосберегающих технологий, развитие современных систем очистки и обращения с отходами, а также повышение технического потенциала для предотвращения и ликвидации аварий.

Существуют стратегические технологические проекты, например, направленные на ресурсосберегающие технологии для нефтегазовой отрасли и экологически чистой энергетики. Реформа в сфере обращения твердых коммунальных отходов нацелена на создание инфраструктуры для экологически безопасной обработки отходов, однако механизмы межрегионального взаимодействия в этой области пока недостаточно проработаны.

3. Векторы, обеспечивающие восстановление и сохранение природного капитала. Охватываются мероприятия по рекультивации загрязненных земель, бережному использованию недр, сохранению биологического разнообразия и уникальных водных объектов. По состоянию на 2025 год в России насчитывается более 12 тыс. особо охраняемых природных территорий, включая 109 заповедников, 65 национальных парков и 63 заказника, которые играют ключевую роль в сохранении видов [12].

4. Векторы, связанные с развитием человеческого капитала и научно-образовательной среды. В настоящее время реализуются образовательные программы, просветительскую деятельность и поддержку исследований (через РНФ, РФФИ и институты, например, Институт экологии Волжского бассейна).

В рамках пространственного развития выделены приоритетные макрорегионы, но для достижения системности необходимы новые стратегии для субрегионов с устойчивым межмуниципальным взаимодействием [4].

5. Векторы, способствующие интеграции России в глобальные экологические процессы. Сотрудничество с такими партнерами, как Европейский Союз, необходимо для решения общих глобальных и трансграничных экологических проблем, обмена опытом, привлечения инвестиций. Россия участвует в инициативах на своих условиях.

Стратегия обладает комплексной структурой из 16 направлений, что позволяет не только реагировать на текущие вызовы, но и формировать долгосрочную траекторию устойчивого пространственного развития.

Доктрина информационной безопасности (ДИБ) РФ 2016 года включает всего пять стратегических направлений, что свидетельствует о недостаточной детализации в быстро меняющейся обстановке. Особую обеспокоенность вызывает отсутствие в ней чёткого курса на технологический суверенитет. Вместо этого акцент делается на общее развитие ИТ-отрасли без дифференциации источников роста, что может отражать признание ограниченности текущих научных, инвестиционных и производственных потенциалов страны.

Пробел особенно заметен на фоне активной политики импортозамещения, начатой после 2014 года: создание СПБ, НСПК «Мир», отечественных ОС. В ДИБ такие понятия, как «технологический суверенитет», трактуются двусмысленно, оставляя пространство как для развития отечественных компетенций, так и для сохранения зависимости от внешних решений под предлогом международного сотрудничества.

На практике формировалась модель «сборочной экономики», когда под российскими брендами (MIG, Eltex, Rombica и другие) продаётся продукция, собранная на китайских OEM-заводах из импортных компонентов [16]. Таким образом, создаётся критическая уязвимость, где цепочки поставок и качество компонентов контролируются извне, активы не локализованы в РФ. Зависимость от Китая, несмотря на партнёрство, остаётся геополитическим риском.

Для реального суверенитета необходима локализация ключевых этапов производства, нормативы по доле отечественных компонентов, инвестиции в R&D и кооперация науки и промышленности.

В рамках единой методологической рамки векторы ДИБ распределяются по трём содержательным группам:

1. Векторы, направленные на защиту прав граждан и обеспечение равного доступа к цифровым благам. Группа охватывает гарантии свободы получения и распространения информации и меры сбалансированного цифрового развития.

2. Векторы, обеспечивающие технологический суверенитет и устойчивость критической инфраструктуры. Сюда входят развитие электронной промышленности и ИТ-сектора, а также обеспечение бесперебойного функционирования информационных систем.

3. Векторы, связанные с укреплением позиций России в международном информационном пространстве. Речь идёт про продвижение национальных подходов к регулированию глобального интернета, противодействие дезинформации и защиту от вмешательства во внутренние дела через информационные технологии.

Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) равно как и транспортная, финансовая, информационная отрасли весомый фактор сбалансированного, полицентричного, устойчивого развития территорий. Доктрина энергетической безопасности (ДЭБ) РФ определяет приоритеты, которые можно консолидировать в шесть групп:

1. Векторы, обеспечивающие ресурсную устойчивость и долгосрочную энергонезависимость. Развитие минерально-сырьевой базы осложнено истощением легкодоступных запасов в традиционных регионах и высокой стоимостью освоения в Арктике, Восточной Сибири на Дальнем Востоке. Освоение проблемных территорий осуществляется при поддержке «опорных населенных пунктов».

2. Векторы, направленные на надёжность и доступность энергетической инфраструктуры. Обеспечение бесперебойного и качественного энергоснабжения не обходится без «дорожных карт» и контроля аудиторских организаций, например, «Межрегиональный Альянс Энергоаудиторов», реестр которого состоит более чем из 120 организаций и предпринимателей. Доступность подразумевает возможность подключения для всех потребителей независимо от местоположения.

3. Векторы, регулирующие экономическую и рыночную среду в ТЭК. В центре внимания регулирование тарифов с учётом социально-экономических особенностей регионов и контроль за недискриминационной практикой Федеральной антимонопольной службой. Финансирование сектора демонстрирует стагнацию, что связывают с ограничениями на иностранные инвестиции [6]. Поддержка фокусируется на СФО и ДВФО в рамках освоения месторождений и строительства экспортной инфраструктуры (газопроводов, СПГ-заводов).

4. Векторы, способствующие повышению эффективности и устойчивости энергопотребления. Локально направления реализуются через требования энергоэффективности, энергоаудит и развитие энергосервиса. Локально, это выглядит как установка требований энергоэффективности зданий, техники или оборудования, проведение энергетического аудита или развитие механизмов энергосервиса. Межрегиональное взаимодействие осуществляется через цифровые площадки: «Российская ассоциация центров энергоснабжения», «Межрегиональный альянс энергоаудиторов», «Межрегионэнерго», «Межрегиональное объединение по развитию энергосервисного рынка и повышения энергоэффективности» и другие.

5. Векторы, обеспечивающие безопасность и устойчивость к чрезвычайным ситуациям. Охватывают предотвращение террористических актов, ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций и обеспечение экологической безопасности на всех этапах.

6. Векторы, ориентированные на международную конкурентоспособность и экспортный потенциал. Экспорт энергоресурсов России диверсифицирован от сырья до услуг при поддержке институтов развития «ВЭБ.РФ», Минэнерго и Минпромторга. Доля отечественных технологий в ТЭК выросла с 33% в 2013

году до 80% в 2025 году., с целью достичь 90% к 2028 году [9]. Ведутся работы по разработке турбин и цифровизации.

Указ Президента РФ от 6 мая 2018 г. № 198 определяет долгосрочные цели промышленной безопасности (ПБ). Векторы ПБ группируются по четырём направлениям:

1. Векторы, формирующие единое правовое и нормативное пространство. Данные направления включают разработку и актуализацию законодательства для единых требований к опасным объектам, ключевая роль Ростехнадзора. Действующие подходы к обеспечению ПБ имеют ряд проблем: несогласованность с пожарной, экологической и другими видами безопасности, запоздалость обновлений норм, плюрализм в их интерпретации, жёсткость правил, отвлекающая ресурсы от управления рисками, и сложность применения риск-ориентированного подхода.

2. Векторы, обеспечивающие дифференцированное управление рисками и территориальный контроль.

Межрегиональное взаимодействие осуществляется через отраслевые соглашения на площадке «Российского союза промышленников и предпринимателей», но они носят декларативный и фрагментированный характер, что осложняет формирование единой системы защиты. Государственный надзор, осуществляемый Ростехнадзором, обязан применять риск-ориентированный подход [2], но его внедрению мешает преобладание предписывающих федеральных норм, отсутствие развитой системы количественной оценки рисков, а также высокие затраты и сопротивление со стороны бизнеса, особенно МСП.

Сокращению количества бесхозных промышленных объектов (БПО) способствовала поправка 2025 года, уменьшившая срок оформления прав собственности с 12 до 3 месяцев [1]. Регионы активно выявляют БПО на локальном уровне.

3. Векторы, развивающие человеческий капитал и организационную культуру на всей территории страны. Их реализация требует создания инфраструктуры подготовки кадров и продвижения единых стандартов безопасности.

Координация осуществляется через модели вроде «Регионального стандарта кадрового обеспечения» агентства стратегических инициатив, включающие наставничество регионов, межрегиональные центры компетенций и соглашения об условиях труда. Культура ПБ развивается в основном через корпоративные инициативы и общественные соглашения, как в случае с «единой культурой безопасности» в РЖД или с соглашениями Ростехнадзора со Всероссийским обществом охраны природы о нетерпимости к нарушениям требований ПБ.

4. Векторы, интегрирующие национальную систему безопасности в международное и пост-национальное пространство. Направления выходят за рамки традиционного внутрироссийского пространства, включают гармонизацию стандартов через международное сотрудничество и урегулирование вопросов по объектам на новых территориях ДНР, ЛНР и

других. Для объектов вне юрисдикции РФ прямых алгоритмов нет; регулирование происходит через международные договоры или включение требований российских норм ПБ во внутренние корпоративные регламенты.

Анализ девяти федеральных стратегических документов выявил особенность современной системы стратегического планирования России. Несмотря на роль человека как центральной ценности безопасности, между декларируемыми установками экономической безопасности и их трансляцией в механизмы пространственного развития существует системный разрыв.

Разрыв проявляется в шести критических точках. Во-первых, недостаточная детализация ключевых доктрин создаёт правовую неопределённость, допуская разную интерпретацию. Например, под «развитием информационной инфраструктуры» может пониматься как обеспечение технологического суверенитета, так и сохранения зависимости через «сборочную экономику». Во-вторых, механизмы межрегиональной координации «управления», «отраслевые соглашения» носят декларативный характер, не обеспечивая системной интеграции территорий. В-третьих, концентрация ресурсов на приоритетных макрорегионах при недостаточном внимании к депрессивным территориям усиливает межрегиональную дифференциацию. В-четвёртых, риск-ориентированный подход в промышленной и экологической безопасности остаётся формальным из-за жёсткости нормативной базы и отсутствия инструментов количественной оценки на местах. В-пятых, международное измерение стратегий трансформировалось из вектора взаимовыгодного сотрудничества в механизм вынужденной адаптации к санкционному давлению, создавая неопределённость для приграничных регионов. В-шестых, нормативное совершенствование превратилось в самоцель. Детализация правовых рамок на федеральном уровне не сопровождается созданием институциональной инфраструктуры для их реализации на территориальном уровне.

Преодоление разрыва требует не фрагментарных корректировок, а детализации критериев трансляции векторов с учётом специфики макрорегионов, трансформации нормативного совершенствования в инструмент с институциональной поддержкой, а также создания гибких механизмов межрегиональной координации, выходящих за административные границы. Только такой системный подход позволит трансформировать стратегические документы из декларативных ориентиров в действенные механизмы обеспечения экономической безопасности через сбалансированное пространственное развитие, где человек остаётся не объектом управления, а центральной ценностью системы.

Список литературы

1. О внесении изменений в статью 225 части первой гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 315-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального

контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Бандурина, И. П. Стратегическое значение мелиорированных земель для экономического развития регионов России / И. П. Бандурина, В. Е. Бобрышева // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 1(66). – С. 58-62. – EDN QOAIOP.

4. Бухвальд, Е. М. Субрегионы в пространственной организации регионов Российской Федерации / Е. М. Бухвальд, И. С. Бессонов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 1. – С. 7-27. – DOI 10.52180/2073-6487_2024_1_7_27. – EDN DZWBTK.

5. Земсков, В. В. Экономическая безопасность пространственного развития России / В. В. Земсков // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 2. – С. 74-80. – DOI 10.22394/2079-1690-2024-1-2-74-80. – EDN URDIEV.

6. Инвестиционные проекты России, стран ЕАЭС и СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://investprojects.info/sectors/power-engineering (дата обращения 25.01.2026).

7. Кротов, М. И. Пространственное развитие - ключевой фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России / М. И. Кротов, В. И. Мунтиян // Проблемы современной экономики. – 2025. – № 1(93). – С. 20-26. – EDN LGTJHU.

8. Кружкова, О. В. Влияние последствий чрезвычайных ситуаций на экономику региона России / О. В. Кружкова, Е. С. Кузнецова // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. – 2017. – № 4. – С. 67-70. – DOI 10.25257/FE.2017.4.67-70. – EDN ZXKWXL.

9. Лента: импортозамещение в ТЭК-2025 [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2025/07/08/privivka-ot-importa/ (дата обращения 26.01.2026).

10. Магомедов, Ш. Б. Вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и региональное нормотворчество / Ш. Б. Магомедов, С. Н. Решетников // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 29-33. – EDN OJYKRF.

11. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение» [Электронный ресурс]. URL: https://sibacc.ru/investment-projects/portfolio-projects/381821/ (дата обращения 30.01.2026).

12. Минприроды России [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/ (дата обращения 28.01.2026).

13. Петриков, А. В. Региональная дифференциация сельского хозяйства в России и современная аграрная политика / А. В. Петриков // Федерализм. – 2022. – Т. 27, № 3(107). – С. 89-108. – DOI 10.21686/2073-1051-2022-3-89-108. – EDN OBCRGH.

14. Площадка для аграриев [Электронный ресурс]. URL: https://поле.рф/ (дата обращения 30.01.2026).

15. Хайбуллин, А. Р. Понятие и содержание общественной безопасности в Российской Федерации / А. Р. Хайбуллин, Н. А. Шурухин. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 324-326.

16. Biswajit Lahiri, Thiruchirapalli Sudarshan Anurag, Swapnali Borah, Natasha Rangsa Marak, S. T. Pavan Kumar, Sierra Manda Sangma, Aiarson Kubi Sangma & Balkho Rangsha Marak. Designing a user-centric mobile-based agro advisory system for sustainable development of smallholder farming systems in the eastern Himalayas // *Information Technology for Developmen., - vol.* 30(4). - pp. 665-695.

17. Christos Kollias & Panayiotis Tzeremes The nexus between social unrest and economic growth in Middle East and Central Asia countries // Review of Economics and Political Science, Emerald Group Publishing Limited. - vol. 7(2). – pp. 74-86.

18. Kurbatova, S. M. Food Security of the Russian Federation: Concept, Indicators, Levels, Measures of State Support, Problematic Legislative Aspects / S. M. Kurbatova, L. Y. Aisner, V. A. Vlasov // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : 2020 International Science and Technology Conference on Earth Science, ISTCEarthScience 2020, Vladivostok, 06–09 октября 2020 года. – IOP Publishing Ltd: IOP Publishing Ltd, 2021. – P. 052021. – DOI 10.1088/1755-1315/666/5/052021. – EDN PMBDEM

1.3. Финансовые средства для пространственного развития экономики[3]

Современное состояние отечественной экономики и сложившиеся экономические и геополитические условия, препятствующие ее развитию, вызывают острую потребность пересмотра существующих подходов в теории и практике экономического роста. В настоящее время у экономики России существуют довольно зыбкие перспективы в вопросах глобализации и использования мирового рынка для создания условий, обеспечивающих динамичное развитие. Поэтому довольно длительный период нашей стране придется опираться на собственные ресурсы в решении проблем развития отечественной экономики и ее финансовых рынков. При этом необходимо более глубокое понимание факторов современного экономического роста и прежде всего внутренних факторов пространства, свойственных России.

В этих условиях пространственное развитие становится ключевым элементом новой экономической стратегии. Традиционная модель роста, основанная на экспорте сырья и концентрации капитала в ограниченном числе регионов, исчерпала свой потенциал. Требуется переход к качественно новой парадигме, учитывающей территориальную специфику и внутренние резервы каждого региона. Особое значение приобретает разработка механизмов межрегиональной кооперации, позволяющих максимально эффективно использовать конкурентные преимущества различных территорий. Геополитическая изоляция России актуализирует вопросы пространственной организации экономики. Ограничение доступа к западным технологиям и рынкам капитала делает критически важным развитие внутренних производственных цепочек и создание замкнутых технологических циклов в масштабах страны. Это требует принципиально новых подходов к территориальному планированию, учитывающих необходимость обеспечения экономической самодостаточности при сохранении гибкости и адаптивности производственных систем.

Прежде всего крайне важно учитывать «влияние территориального фактора на экономический рост в российской экономике с ее пространственной неоднородностью, противоречиями между основными локациями размещения ресурсов и центрами их переработки, неравномерным размещением населения и трудовых ресурсов, высокими транспортными издержками и т.д.» [15, С. 251]. Назревшая необходимость изменения территориальной организации общества и экономики России привела к тому, что после почти 15 лет нахождения в разработки, вышло Распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Распоряжение утвердило Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. А затем была разработана и был принят план реализации Стратегии пространственного развития до 2030 года с прогнозом до 2036 г. Таким образом в центр современного реформирования в экономике и политике государства

[3] Автор раздела: Вихарев В.В., Продолятченко П.А.

становится системное, сбалансированное, стратегическое развитие территорий России, обеспечивающее поступательный рост экономики страны, благосостояния населения и укрепление ее экономического суверенитета. А сама проблематика пространственного развития российской экономики в настоящее время приобретает новые смыслы и значимость [1; 4; 14; 17]. Пространственное развитие экономики призвано укрепить все российское экономическое пространство, снизить внешнеэкономическую зависимость и обеспечить укрепление национальной экономической безопасности на условиях технологического и экономического суверенитета страны. Как подчеркивает профессор И.В. Бойко «В современных условиях основным содержанием экономической политики, осуществляемой российскими регионами, должна стать технологическая перестройка, курс на производство технологически сложной, замещающей импорт продукции, имеющей высокую добавленную стоимость. Решение данных задач невозможно вне формирования новой территориально-пространственной конфигурации российской экономики» [2, С. 30]. Новая стратегия как раз и возникла в результате переосмысления концептуально-теоретических основ пространственного развития экономики [16].

Основной целью стратегии пространственного развития провозглашено (рис. 1):

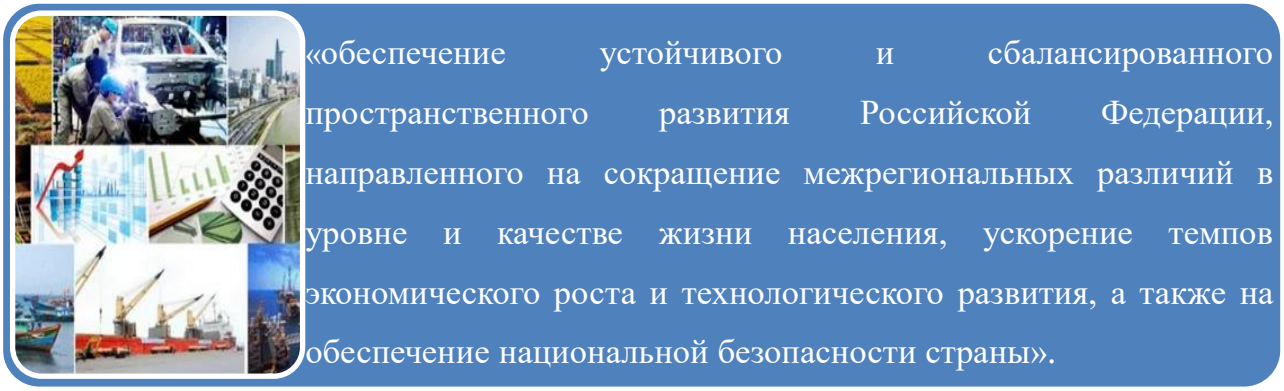


Рисунок 1 – Основная цель реализации стратегии пространственного развития Российской Федерации

Для реализации данной цели Стратегией предусматривается реализация следующих основных задач (рис. 2):

Рисунок 2 – Основные задачи реализации стратегии пространственного развития Российской Федерации

Стратегия выделяет геостратегические территории, для которых предусматривается ускоренное развитие, механизмы поддержки и ставится задача создания условий для раскрытия потенциала. В составе таких геостратегических территорий выделяется в 89 регионах России 2160 опорных населенных пунктов, представляющих собой агломерации, крупные и малые города, а также населенные пункты, которые являются ключевыми центрами роста и развития своих территорий. Для каждого такого центра предусматривается дифференцированная поддержка с учетом местных возможностей и потребностей.

Для каждой геостратегической территории определены основные направления развития и системообразующие объекты, воздействующие на раскрытие потенциала, преобразующего экономику территорий. В данных

территориях реализуется 290 приоритетных проектов. Так, например, для южных территорий страны предусмотрены следующие конкретные объекты в выбранных направлениях развития:

Северо-Кавказский федеральный округ

Транспортная инфраструктура:

• Реконструкция аэропортов: комплекс "Штаковское", аэропорты в Минеральных Водах и Нальчике.

• Строительство терминала в морском порту Сабетта для перевалки сжиженных углеводородных газов.

Энергетическая инфраструктура:

• Новолакская ВЭС.

• Реконструкция ПС 500 кВ Тихорецк с установкой третьего автотрансформатора мощностью 501 МВА.

• Подключение автотрансформаторов мощностью 240 МВА к КРУЭ 220 кВ.

Здравоохранение:

• Строительство лечебно-диагностического корпуса онкологического диспансера в Ставрополе.

• Строительство инфекционной больницы в Нальчике.

• Новый корпус краевой детской клинической больницы в Ставрополе. Республика Крым и г. Севастополь

Транспортная инфраструктура:

• Автодорога М-2 "Крым": реконструкция и строительство участков от Москвы до границы с Украиной, в том числе обход г. Плавск и тоннель под путепроводом "Красные ворота" на северном подъезде к Туле.

• Автодорога А-290 "Новороссийск- Керчь": реконструкция участка км 52 -км-73 и км 100; строительство транспортной развязки на км 16+050; обход п. Верхнебаканский на км 16- км 42.

• Автодорога Р-280 "Новороссия": строительство обхода г. Джанкой и подъезда к автодороге 35А-001 (Симферополь-Красноперекопск-граница с Украиной).

Здравоохранение:

• Севастопольская больница скорой помощи: новые палатные корпуса.

• Севастопольская городская психиатрическая больница: два новых корпуса.

• Севастопольская городская больница №9: новый хирургический корпус.

Новые территории

Железные дороги

Модернизация инфраструктуры портов Азово-Черноморского бассейна.

Автодороги:

- М-2 «Крым»: строительство и реконструкция участков от Москвы до границы с Украиной.
- Р-280 «Новороссия»: строительство и реконструкция от Ростова-на-Дону до Симферополя, включая обход Мариуполя.
- З-150: реконструкция от Белгорода до Мариуполя, строительство обхода для Старобельска и Чмыровки.
- Р-260: проектирование дороги для улучшения связи между Р-150 и А-258.
- Реконструкция дорог А-121 и М-20 в Ленинградской области, А-260 в Волгоградской области.

Энергетическая инфраструктура: реконструкция подстанции 500 кВ «Таврическая» с установкой новых ШР для надежного электроснабжения региона.

Еще более масштабные планы должны осуществиться в отношении таких геостратегических территорий как Арктика, Дальневосточный федеральный округ, Приграничные территории. Стратегическое значение придается Калининградской области, где помимо развития транспортной инфраструктуры планируется в сфере высшего образования создать «Кампус Кантиана» - интеллектуальное пространство будущего в г. Калининграде.

Следует отметить, что планируемые стратегией пространственного развития мероприятия, являются лишь частью того, что необходимо создавать и развивать в регионах. Стратегия пространственного развития затрагивает лишь приоритеты, на которых будут сконцентрированы ресурсы из бюджетных и внебюджетных источников, что позволит решить ключевые задачи развития, создаст условия для дальнейшего развития территорий за счет финансовых ресурсов бизнеса. Реализация мероприятий стратегии осуществляется за счет бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете на соответствующие финансовые годы. С учетом ситуации, сложившейся в настоящее время в бюджетном процессе государства, выделение достаточных финансовых ресурсов для реализации мероприятий стратегии сопряжено со значительными трудностями. Исходя из опыта реализации стратегии, рассчитанной на период 2019-2024 гг. финансирование намеченных федеральных инвестиционных проектов в значительной степени будет зависеть от привлечения внебюджетных источников. Так, например, на исполнение транспортной части стратегии в 2019-2024 гг. из федерального бюджета выделялось 47,7% необходимых ресурсов, 0,9% добавлялось из консолидированных бюджетов субъектов РФ, а 51,4% финансовых средств предполагалось привлечь из внебюджетных источников. Большинство

транспортных федеральных проектов бюджетным финансированием обеспечивается менее чем на 50%, в остальном ставка делается на привлечение частного капитала. Стратегия пространственного развития РФ, реализуемая в 2025-2029 гг. также будет осуществляться в режиме взаимодействия государства и бизнеса, направленного на софинансирование реализации федеральных инвестиционных проектов. Причем в задачи бизнеса входит формирование системы финансирования сопутствующих проектов, обеспечивающих развитие регионов. Таким образом, решение задач пространственного развития в значительной степени находится в зависимости от финансовых возможностей и интересов частных инвесторов. Заранее планируется ситуация, при которой «достижение инвестиционных целей федеральных проектов более чем на половину будет зависеть от финансового состояния частных компаний и их желания участвовать в реализации пространственной Стратегии» [8, с. 91]. При этом следует отметить, что большинство геостратегических территорий и их опорных субъектов роста не отличаются повышенной инвестиционной привлекательностью и активностью развития, что обуславливает наличие повышенных рисков вложения средств и достижения эффективности инвестиций. На протяжении ряда лет из 85 субъектов РФ более 50 (включая практически все территории, рассматриваемые с стратегии пространственного развития) имеют крайне низкий инвестиционный потенциал. Поэтому, относительно перспектив привлечения внебюджетных инвестиций, следует отметить, что у частных инвесторов нет особых стимулов участвовать в реализации федеральных инфраструктурных проектах. Кроме этого, с учетом изменившейся геополитической и экономической обстановки, существенно сократились возможности участия частных инвесторов в долгосрочной инвестиционной деятельности.

Таким образом, реализация стратегии пространственного развития РФ, в значительной мере зависит от решения вопросов финансового участия бизнеса в указанных процессах, что обуславливает поиск источников для долгосрочного финансирования и кредитования, а также создание механизма вовлечения инвестиционных средств в реализацию программ Стратегии. Следует отметить, что свободных финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов, вовлекаемых в решение задач мобилизации внебюджетных средств для реализации Стратегии нет. Эти ресурсы можно найти посредством развития инвестиционного интереса у населения и ряда финансовых институтов. В этой связи предлагается рассмотрение трех основных направлений обеспечения финансовыми ресурсами реализации программ, обеспечивающих пространственное развитие РФ (рис.3):

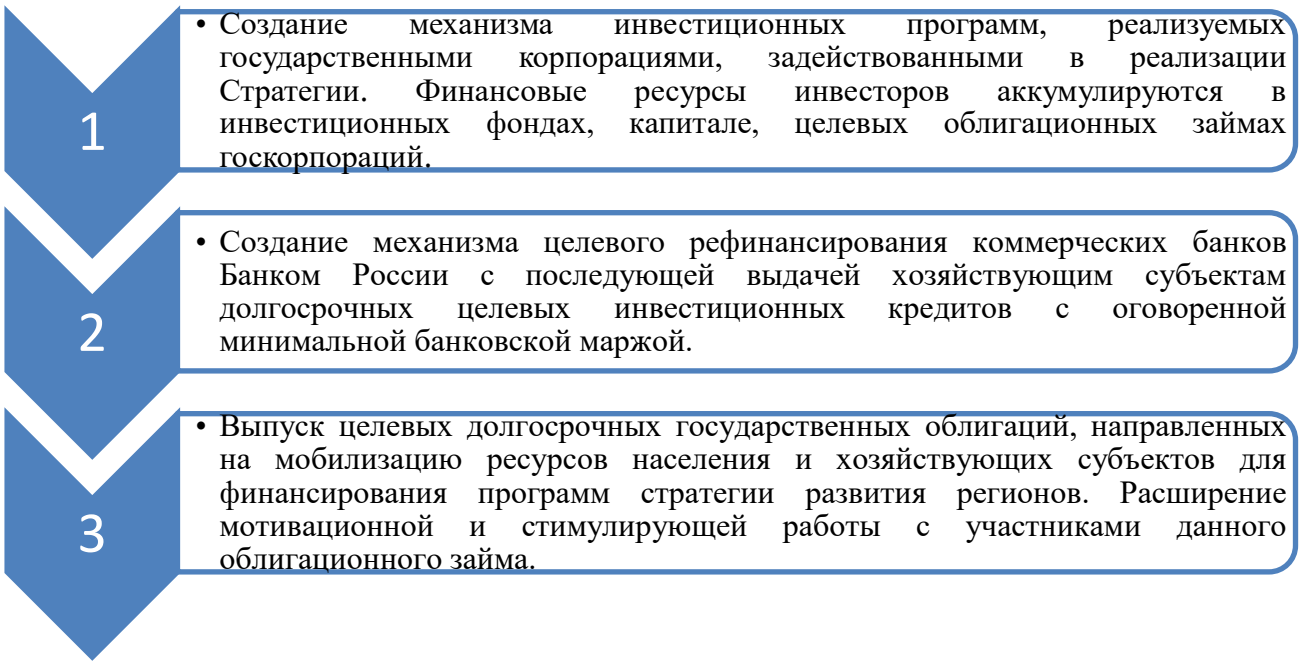


Рисунок 3 – Основные пути финансового обеспечения стратегии пространственного развития внебюджетными средствами

Самым приоритетным направлением привлечения финансовых ресурсов для пространственного развития экономики считаем использование возможностей банковской системы страны, реализацию ее кредитно-инвестиционного потенциала [7]. В настоящее время кредитно-инвестиционный потенциал банковского сектора России находится под воздействием основных факторов, связанных с отсутствием значительного роста экономики, невозможностью привлечения иностранных инвестиций, ограничениями рефинансирования коммерческих банков со стороны Банка России, что обуславливает наличие финансового дефицита для инвестиционного кредитования экономики, особенно ее реального сектора. «При проводимой Банком России политике таргетирования инфляции, кредитование коммерческих банков осуществляется лишь с целью поддержания их ликвидности на очень короткие сроки и в незначительных размерах» [3, с. 99]. Возникает противоречие между растущими потребностями экономики в финансовых ресурсах, в том числе сосредоточенных в центральном банке страны и сдерживанием инфляции путем ограничения денежной массы включая практическое неиспользование инструментов рефинансирования банка России. Банк России опасается (и не без оснований) разгона инфляции в случае возобновления кредитования коммерческих банков. Однако при организации системы рефинансирования коммерческих банков и заимствовании финансовых ресурсов у Банка России, воздействующих на объемы кредитной денежной массы, многое зависит от масштабов, направлений и порядка использования заемных средств. Долгосрочное инвестиционное кредитование лишь опосредованно влияет на потребительские цены. Тем не менее Банк России осуществляя современную

денежно-кредитную политику, прогнозируя «сбалансированные и устойчивые темпы роста российской экономики и закрепление инфляции на целевом уровне» не планирует своего масштабного участия в пространственном развитии РФ.

При рассмотрении возможности реформирования системы рефинансирования, направленной на решение проблемы «длинных денег» для отечественной экономики, Банк России учитывает готовность и способности коммерческих банков осуществлять целевое инвестиционное кредитование реального сектора экономики. В современных условиях ведения банковского бизнеса отмечается неспособность большинства кредитных организаций страны «трансформироваться в инвестиционные институты, реализующие долгосрочные инвестиционные программы и обеспечивающие финансовыми ресурсами проекты капитальных вложений. Эта неспособность проявляется в пассивности привлечения (аккумуляции) длинных денег физических и юридических лиц, а также в весьма скромных объемах долгосрочного кредитования экономики. При этом кредитные организации неоднократно провозглашают готовность удовлетворить все потребности реального сектора экономики при наличии долгосрочных финансовых ресурсов» [9, с. 408]. Однако «кроме заверений о готовности предоставлять «длинные» кредиты, в том числе и в первую очередь для финансирования капвложений, в случае наличия «длинных» пассивов, менеджеры банка практически ничего не делают для создания такого рода пассивов» [5, с. 257]. При существенном росте депозитной ресурсной базы банков долгосрочные депозитные вложения юридических и физических лиц постоянно сокращаются по объемам и доле. И дело здесь ни в желании и возможности клиентов пользоваться услугами долгосрочного депозитования, а в создании банками невыгодных условий размещения денежных средств на долгосрочных депозитных счетах. В настоящее время при постепенном снижении ключевой ставки Банка России приоритетными направлениями депозитования является стимулирование краткосрочных депозитов со сроками 3-6 месяцев. При нестабильности ключевой ставки Банка России, «изменении тенденций ее роста или снижения кредитные организации должны менять свою депозитную политику, приспосабливать ее к изменяющимся ценам на кредитные ресурсы. Причем, чем чаще меняется ключевая ставка, тем чаще приходится менять условия привлечения и размещения финансовых ресурсов. Чем короче сроки действия установленных процентов, тем менее продолжительными являются сделки по кредитным и депозитным операциям кредитных организаций с клиентами» [12, с. 337]. Следует отметить, что прирост депозитных вложений в банковский бизнес осуществляется в основном за счет новых денежных доходов населения, сокращения потребления в пользу сбережения. При этом не удается привлечь и трансформировать в инвестиции денежные сбережения, находящиеся на руках у населения: в последние годы наблюдается рост наличных денег, объемы которых

достигли 20 трлн рублей. «Финансовым и кредитным институтам необходимо проявлять большую активность в трансформации денежных сбережений в долгосрочные инвестиции. Очевидно, что для этого необходимо огромное желание, отражаемое в разработке и реализации соответствующих инвестиционных программ, и способности, характеризуемые состоянием кадрового инвестиционного менеджмента. В значительной мере именно потенциал персонала обуславливает содержание и обеспечивает успех реализации инвестиционной политики» [9, с. 408].

Совершенно очевидно, что без участия Банка России современные проблемы развития отечественной экономики включая пространственное развитие РФ не решить. И иного пути насыщения финансовыми ресурсами экономики кроме создания системы целевого рефинансирования коммерческих банков за счет ресурсов Банка России в настоящее время не существует. Только Банк России обладает возможностью создать ресурсную базу для инвестиционного кредитования потребностей экономики (напрямую или через посредничество коммерческих банков). Это должны быть масштабные ресурсы с благоприятными сроками размещения, оптимальной ценой, приемлемым характером обеспечения и добропорядочными субъектами отношений. Такими ресурсами в стране в настоящее время обладает лишь один субъект – Банк России. Основная проблема заключается в проводимой руководством центрального банка политики сокращения свободной ликвидности и таргетирования инфляции на основе уменьшения денежной массы. С учетом формирования «суверенной экономики» и ее пространственного развития системной целью деятельности Банка России должно стать создание целевого фонда для обеспечения долгосрочного инвестиционного кредитования реального сектора экономики страны в основе которого лежат собственные средства Банка России и депозитные вложения коммерческих банков. Система рефинансирования банковского сектора может включать в себя предоставление коммерческим банкам инвестиционных кредитов, по умеренной ставке (не выше ставки по депозитам Банка России) при условии целевого использования для инвестиционного кредитования предприятий реального сектора экономики и использования банковской маржи не более трех процентов. Такая система существовала в начале 90-х годов в переходный период образования второго уровня банковской системы и была оправдана в целях сохранения приоритетных отраслей промышленности и сельского хозяйства. При умелом квалифицированном отборе инвестиционных проектов и деятельном участии банковских структур в осуществлении реализации данных проектов, обеспеченных непрерывным кредитным финансированием, маржинальная разница является вполне достаточной для компенсации рисков кредитных организаций. Организация указанной системы целевого рефинансирования коммерческих банков со стороны Банка России будет реальным вкладом

регулятора финансового рынка в обеспечение устойчивого роста отечественной экономики, что способно повлиять на достижение цели снижения инфляции до приемлемого уровня.

Если коммерческие банки не готовы использовать вышеуказанные возможности инвестиционного кредитования и степень доверия по поводу целевого и эффективного использования рассматриваемых ресурсов не высока, Банку России и Правительству РФ необходимо с учетом требований новой денежно-кредитной политики, направленной на формирование и развитие суверенной экономики, разработать концепцию и приступить к формированию, отвечающих требованиям времени, современных государственных кредитно-инвестиционных институтов. При этом требуется или создавать «новый уровень в банковской системе – специализированных государственных банков» [10], или трансформировать систему банков развития, или создавать внутри Банка России структуры, решающие задачи поступательного развития экономики и прежде всего ее реального сектора.

Определенные перспективы мобилизации финансовых ресурсов для пространственного развития экономики страны имеет организация выпуска целевых долгосрочных государственных облигаций, средства от реализации которых будут использованы на конкретные программы и объекты связанные с реализацией стратегии пространственного развития. В основу подобного государственного заимствования может быть положен отечественный опыт решения проблем восстановления и развития отечественной экономики за счет денежных средств населения (в истории России это было не раз). Однако необходимо творчески рассматривать данный опыт с учетом изменившейся государственной системы и общественного строя. Приоритетом мобилизации денежных доходов и сбережений населения для пространственного развития РФ должны стать мотивационно-патриотические мотивы. В настоящее время часть населения России обладает значительными финансово-инвестиционными ресурсами и имеет существенный заемный потенциал. Объем средств физических лиц в коммерческих банках по состоянию на 01.01.2026 года превысил 67 трлн рублей, из них свыше 46 трлн рублей размещено на срочных депозитных счетах, более 19 трлн рублей находится на текущих счетах граждан. По данным Банка России на 01.01.2026 года в обращении находится примерно 20 трлн наличных рублей, значительная часть из которых сосредоточена на руках у населения. По мнению различных исследователей и аналитиков объем иностранной валюты (долларов, евро, юаней и других зарубежных стран) на руках у населения превышает 100 млрд долларов. При создании привлекательных условий размещения целевого долгосрочного государственного займа часть вышеуказанных средств может быть вовлечена во внебюджетное финансирование пространственного развития РФ. Для повышения мотивации приобретения подобных ценных бумаг могут быть

использованы различные стимулы: освобождение от налогообложения доходов по облигациям; расширение государственных гарантий своевременной возвратности денежных средств и начисленных процентов; привязка процентных ставок к курсу ключевой ставки Банка России при резком ее повышении; учет показателей инфляции при назначении дополнительных процентных выплат при ее значительном росте и проч. Для отдельных инвесторов могут быть использованы и дополнительные стимулы, такие как, например, присвоение званий «Почетный инвестор», «Участник стратегии пространственного развития РФ», почетных знаков «За вклад в развитие региона», выделение земельных участков под строительство в опорных населенных пунктах и проч. Подобные целевые облигационные займы могут осуществляться и субъектами РФ. При этом может быть использован опыт выпуска и обслуживания «народных» облигаций в отдельных регионах страны. В настоящее время «народные» регионов имеют эпизодический характер и их возможности недооценены. Вместе с тем на фоне другого классического инструмента сбережения денежных средств населением, банковских депозитов, «народные» облигации также имеют свои отличительные черты. Ключевая из них – это то, что население может вернуть облигации региону в любой момент, не потеряв при этом накопленный купонный доход, по банковским депозитам же возможности досрочного закрытия вклада с получением дохода отсутствуют. Кроме этого население, имеющее «народные» облигации, видит каким образом их денежные средства используются для нужд регионального развития. И если раньше средства от распространения «народных» облигаций шли на восполнение дефицита регионального (местного) бюджета, то в настоящее время они предназначены для реализации конкретных инвестиционных проектов. Ассоциирование «народных» облигаций с какими-либо важными проектами зависит от креативности региональных команд, которым необходимо понимать текущую востребованность у населения, что и будет определять успешность предлагаемых выпусков.

Таким образом финансовые ресурсы для пространственного развития РФ можно привлечь различными способами, что однако требует совместных усилий Правительства РФ и администраций регионов, финансово-банковский учреждений, хозяйствующих структур и населения. При этом надо решить комплекс вопросов, направленных на совпадение интересов сторон в финансировании пространственного развития экономики страны.

Список использованной литературы

1. Бессонова, О. В. Развитие банковского сектора в регионах Российской Федерации / О. В. Бессонова, В. В. Вихарев // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сборник научных трудов 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 21–22 февраля 2019

года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 55-61. – EDN YZUPYD.

2. Бойко, И. В. Методологические принципы пространственного развития экономики / И. В. Бойко // Управленческое консультирование. – 2024. – № 6(186). – С. 29-41. – DOI 10.22394/1726-1139-2024-6-29-41. – EDN VHBTRB.

3. Котляренко, С. Р. Кредитная политика банка при ограниченности финансовых ресурсов / С. Р. Котляренко, П. А. Продолятченко // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее : Сборник научных статей 8-й Всероссийской молодежной научной конференции. В 3-х томах, Курск, 17 октября 2025 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", Северо-Кавказский федеральный университет, 2025. – С. 98-105. – EDN NGPYSW.

4. Кузнецов Н.В., Першина Т.А. Формирование стратегии структурной модернизации экономики России в условиях санкций // Финансы и управление. 2025. № 3. С. 106-125. DOI: 10.25136/2409-7802.2025.3.75400 EDN: PZOYRB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75400

5. Михно, А. А. Банковский инвестиционный кредит: сущность, особенности и формы / А. А. Михно, П. А. Продолятченко // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения : Сборник научных статей 14-й Международной научно-практической конференции, Курск, 28 июня 2024 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 253-258. – EDN VFOEMF.

6. Мудрова, С. В. Развитие понятийного аппарата пространственной экономики и пространственного анализа / С. В. Мудрова // Финансовый менеджмент. – 2021. – № 3. – С. 42-48. – EDN QZXTDZ.

7. Пименов, Г. Г. Тенденции развития банковской системы России в современных условиях / Г. Г. Пименов // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 6(83). – С. 818-822. – EDN YZMMQF.

8. Новая пространственная стратегия для России: Монография // Ответ. ред. д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, д.э.н., проф. А.В. Виленский. М.: Институт экономики РАН, 2020 – 250 с.

9. Продолятченко, П. А. Кадровые проблемы банковского инвестиционного кредитования / П. А. Продолятченко, А. А. Михно // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика : Сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Курск, 24 октября 2024 года. Том 14. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 407-411. – EDN CQQAFC.

10. Продолятченко, П.А. Необходимость создания многоуровневой банковской системы в России / П. А. Продолятченко // Электронный инновационный вестник. – 2019. – № 1(6). – С. 8-10. – EDN VUFWPZ.

11. Продолятченко, П.А. Роль банков в пространственном развитии экономики России. / П. А. Продолятченко // Экономические и социальные проблемы регионального развития в современных условиях : Сборник научных статей 2-й Международной научно-практической конференции, Курск, 6 февраля 2026 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2026. – С. 296-300. – EDN LTMKSC.

12. Продолятченко, П.А. Влияние ключевой ставки Банка России на перспективы роста экономики / П. А. Продолятченко // Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы : Сборник научных статей участников XXIII Международной научно-практической конференции, Курск, 15 мая 2024 года. – Курск: ЗАО "Университетская книга", 2024. – С. 334-338. – EDN LGYTTW.

13. Современная парадигма социально-экономического развития территорий: финансово-инвестиционные аспекты / Л. Л. Игонина, В. В. Вихарев, А. С. Окунь [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. – 214 с. – ISBN 978-5-466-02608-5. – EDN CORNIP.

14. Строев, П. В. Пространственное распределение экономических ресурсов в условиях новых вызовов развитию России / П. В. Строев // AlterEconomics. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 185-202. – DOI 10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2. – EDN DGKMRC.

15. Теняков, И.М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // Журнал экономической теории. - 2016. - №3. - С. 245-252.

16. Тополева, Т.Н. Генезис концептуальных подходов пространственнй экономики: основополагающие теории, новые направления и перспективы исследований // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. - 2022. - Том 19. - №4 - С. 94-130.

17. Шамахов, В.А., Межевич, Н.М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4. – С. 19-24.

1.4. Взаимосвязь межбюджетных отношений и пространственного развития: теоретический аспект бюджетного регулирования[4]

Среди ценностных ориентиров России одно из важнейших мест занимает гармонизация финансовых отношений на всех уровнях управления бюджетными ресурсами как по вертикали, так и по горизонтали. Необходимость обеспечения сбалансированного развития территориальных систем страны, объединенных единым экономическим пространством, но имеющих диспропорции в финансово-экономическом положении, обусловливает потребность в вовлечении всех ресурсов, так как находит отражение во всех сферах функционирования общества. Масштабы страны, наличие определенных традиций, современные вызовы для экономики и общества влияют на дифференциацию субъектов государства, региональную специфику. Это обусловливает потребность в поиске действенных инструментов адаптации регионов в условиях вызовов и ограничений, с одной стороны, и ориентацией на национальные интересы, с другой стороны. Такая сложная задача актуализирует проблему выбора приоритетов при формировании и реализации всех составляющих государственной экономической политики, в том числе бюджетной. При решении данной проблемы следует учитывать инновационный потенциал институциональной среды различных по статусу территорий. Особенности институциональной среды предопределяют возможности развития региональных инновационных систем и уровень инновационной активности, что важно для формирования эффективных стратегий развития региональной экономики и реализации их инновационного потенциала.

Пространственная особенность России формирует ряд потребностей для создания возможностей эффективного функционирования как страны в целом, так и отдельных ее территорий. Эта особенность выражается в параметрах, на которые необходимо ориентироваться в процессе финансового обеспечения реализации задач пространственного развития, имеющих для современной России стратегическое значение.

Работы многих современных ученых посвящены исследованию возможностей пространственного развития Российской Федерации, среди которых отметим Решетникова М.Г., Широва А.А. Кузнецову О.В., Михееву Н.Н., Узякова М.Н. В их трудах исследуются основные стратегические направления пространственного развития Российской Федерации и оцениваются возможности реализации новой стратегии [1, 2]. Исследованию эффективности использования бюджетных ресурсов в части реализации задач пространственного развития посвящены работы Косова М.Е. [3], Сидорова А.А. [4]. Следует отметить, что при разработке отечественной стратегии пространственного развития акцентировалось внимание на использовании бюджетных ресурсов в условиях современных вызовов, с одной стороны, ограниченности бюджетных ресурсов, с другой стороны, необходимости обеспечения реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности государства, с третьей стороны.

[4] Автор раздела: Хорошева Е.И., Хорошева А.С.

Самым впечатляющим аргументом в пользу стратегии пространственного развития является огромная разница в плотности населения, проживающего в разных регионах России, и экономического потенциала, которым эти регионы обладают. В результате различна эффективность функционирования экономики регионов и предоставления благ населению. Поэтому решение задачи пространственного развития России требует регуляторного воздействия со стороны государства.

Прежде всего, уделим внимание таким взаимосвязанным категориям, как «пространственное развитие» и «территориальное развитие». Наумов В.И., исследуя эволюцию теорий пространственного развития, обращает внимание на то, что научное осмысление пространственного аспекта развития общества начиналось в античности [5].

Научное осмысление территориального развития имеет более позднее проявление и связано в основном с потребностью государства со сложным административно-территориальным устройством решить дилемму реализации принципов при значительной дифференциации развития его территорий.

В монографии, подготовленной коллективом авторов, «Новая пространственная стратегия для России» [6] вопросам различия данных дефиниций уделено внимание, прежде всего, с позиции восприятия категории пространственного развития как более емкого понятия (рис.1).

Процесс пространственного развития как системное динамическое явление состоит из трех подсистем: территориальное развитие; совершенствование системы расселения; совершенствование территориальной организации экономики.

К целям совершенствования территориальной организации экономики, которые имеют наиболее важное значение при решении вопросов пространственного развития относятся: сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения; ускорение темпов экономического роста и технологического развития за счёт социально-экономического развития перспективных центров экономического роста; обеспечение национальной безопасности страны за счёт социально-экономического развития геостратегических территорий; получение дополнительного экономического эффекта за счёт лучшего размещения хозяйства на основе более полного и рационального использования территориальных факторов развития.

Достижение целей пространственного, в том числе и территориального развитие может решаться за счет как государственных, так и частных финансовых ресурсов. Однако, конечно же, бюджетное финансирование в реализации любой стратегии развития государства является ключевым. Учитывая несбалансированность этих процессов и многофакторность воздействия на них, приоритетной становится такая функции как бюджетное регулирование.

Рис. 1. Взаимосвязь категорий «пространственное развитие» и «территориальное развитие»

Бюджетное регулирование предполагает разнонаправленность воздействия на различные процессы, однако его основную область составляют межбюджетные отношения. Поэтому регулирование межбюджетных отношений нередко отождествляется с бюджетным регулированием. Исследование возможностей повышения эффективности регулирования межбюджетных отношений неминуемо выводит к поиску возможностей регуляторного воздействия на социально-экономическое развитие регионов. Поэтому в рамках бюджетной политики в последние годы вопросы межбюджетных отношений и пространственного развития находится в тесной взаимосвязи. И при разработке основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики межбюджетные отношения и пространственное развитие рассматриваются в единстве.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации является важнейшей составляющей общей стратегии развития государства. В период с 2019 год по 2024 год реализация стратегии осуществлялась по двум важнейшим направлениям, определяющим содержание пространственного развития:

расселение и территориальная организация экономики. Такой подход позволил обозначить целевые ориентиры в их широком восприятии. При разработке стратегии на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года решение перспективной задачи было конкретизировано, что способствовало более эффективной концентрации усилий в различных областях государственного регулирования. Акцент на ограниченности бюджетных ресурсов в условиях новых вызовов объективно привел к необходимости выбора приоритетов с вовлечением в сферу общенациональных интересов всех участников реализации стратегии. Концентрация бюджетных ресурсов в условиях их ограниченности обусловила поиск возможностей наиболее эффективных инструментов бюджетного регулирования. В Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации, предложенной Министерством экономического развития РФ, содержится пояснение объективной необходимости приоритетного решения данного вопроса ввиду действия ряда факторов, определяющих пространственное развитие страны: масштабная пандемия 2020-2021 годов; санкции, введенные в 2022 году, а затем расширенные; рост геополитической напряженности.

Вопросы бюджетного регулирования социально-экономического развития территориальных систем исследуется учеными давно. Дифференциация различий в развитии территорий наблюдается не только в масштабах государства, а и на уровне, например, агломерации. Так, Хорошева Е.И. обосновала тесную зависимость между наличием синергетического агломерационного эффекта и бюджетным регулированием развития территориальных подсистем крупного города [7].

Вопросы бюджетного регулирования пространственного развития лежат в плоскости управления бюджетными ресурсами при решении разнообразных задач [8], обусловленных емкостью такого явления, как пространственное развитие, о чем упоминалось ранее.

Для понимания сути бюджетного регулирования пространственного развития, прежде всего в рамках реализации стратегических задач в этой области государственной политики, необходимо ориентироваться на стратегическую цель, а именно - формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Федерации для достижения безопасного соблюдения национальных интересов.

Бюджетное регулирование пространственного развития представляет собой реализацию бюджетного потенциала через прямое и косвенное воздействие на процессы расселения и территориальной организации экономики с учетом приоритетных направлений применения комплекса инструментов сбалансирования системы реализации стратегических задач при отклонении от намеченной цели.

Бюджетное регулирование осуществляется в форме регулирования межбюджетных отношений, доходов и расходов бюджетов разных уровней. Эти формы приемлемы и для воздействия на процессы пространственного развития. Результатом такого воздействия должно стать формирование и реализация надежного бюджетного потенциала социально-экономического развития

каждого региона как органичного элемента системы социально-экономического развития страны.

Концептуально бюджетное регулирование пространственного развития должно осуществляться на основе принципов, согласующихся с принципами пространственного развития Российской Федерации.

Прежде чего, речь должна идти о принципе бюджетных приоритетов, что означает выявление ключевых проблем и определение курса бюджетной политики в направлении закрепления территориальных приоритетов в соответствующих нормативных и правовых актах. При этом особое направление бюджетного регулирования в России – это воздействие на процессы развития Арктической зоны и геостратегических территорий Российской Федерации, достижение необходимого состояния развития опорных населенных пунктов и прилегающих к ним территорий.

Наличие территориальной дифференциации вызывает потребность в опоре на принцип бюджетного обеспечения социального равенства и социально-экономической справедливости на основе инструментов горизонтального и вертикального бюджетного регулирования с учетом территориальных особенностей. Для этого в большей части необходимо задействовать инструменты непосредственного регулирования межбюджетных отношений.

Эффективность бюджетного регулирования пространственного развития может быть достигнута исключительно на основе принципов ресурсного обеспечения инфраструктурного развития, доступности получения образовательных, медицинских и других потребностей населения отдельных субъектов Российской Федерации и муниципалитетов, которые определены государственной стратегией.

Важно опираться на общие принципы бюджетного регулирования: соответствие принципам бюджетной системы государства; соответствие расходов бюджета закрепленным полномочиям; максимальное обеспечение каждого звена бюджетной системы устойчивыми и регулярными поступлениями, достаточными для решения задач пространственного развития; обеспечение необходимого уровня самостоятельности территориального бюджета; бюджетный комменсализм.

Бюджетный метод, который наиболее адекватен стратегическим программным установкам – это программно-целевой метод, практика которого давно уже применяется в управлении государственными финансами. Поэтому в область бюджетного регулирования следует включать ту часть государственных программ и национальных проектов, которая ориентирована на пространственного развитие. Так, в 2026 году будет продолжаться бюджетное финансирование индивидуальных программ развития регионов с низким уровнем социально-экономического развития, что будет способствовать формированию регионального экономического потенциала сокращения территориальной дифференциации.

Достаточный потенциал сформирован в бюджетной сфере в области цифровых технологий. Это дает возможность для гармоничного сопряжения бюджетного регулирования и управления пространственным развитием при

использовании цифровой платформы в процессе реализации стратегии.

Ресурсный потенциал бюджетного регулирования пространственного развития может быть задействован как внутренний, так и внешний, на уровнях как государственного, так и муниципального управления, а также с вовлечением бизнеса при смешанном финансировании проектов пространственного развития.

Основу содержания механизма бюджетного регулирования пространственного развития составляют нормативно-правовое обеспечение, методы бюджетного регулирования и инструменты бюджетного регулирования.

К нормативно-правовому обеспечению относятся законы и другие нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы межбюджетных отношений и обеспечения пространственного развития. Прежде всего, следует упомянуть Конституцию Российской Федерации, в которой в ст. 5 говорится о равноправности субъектов федерации, а в ст. 19 – о равенстве прав человека. Эти фундаментальные положения заложили основу для решения задач сбалансированного развития регионов, формирования сбалансированной системы предоставления государственных услуг населению и создание равных условий допуска к общественным благам и их использования, создания сбалансированной системы формирования доходов граждан.

Содержание финансовой политики государства в регулировании межбюджетных отношений и пространственного развития охватывает широкий спектр вопросов, направленных на обеспечение сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития территорий.

Направления финансовой политики в регулировании межбюджетных отношений и пространственного развития представлены на рис. 2.

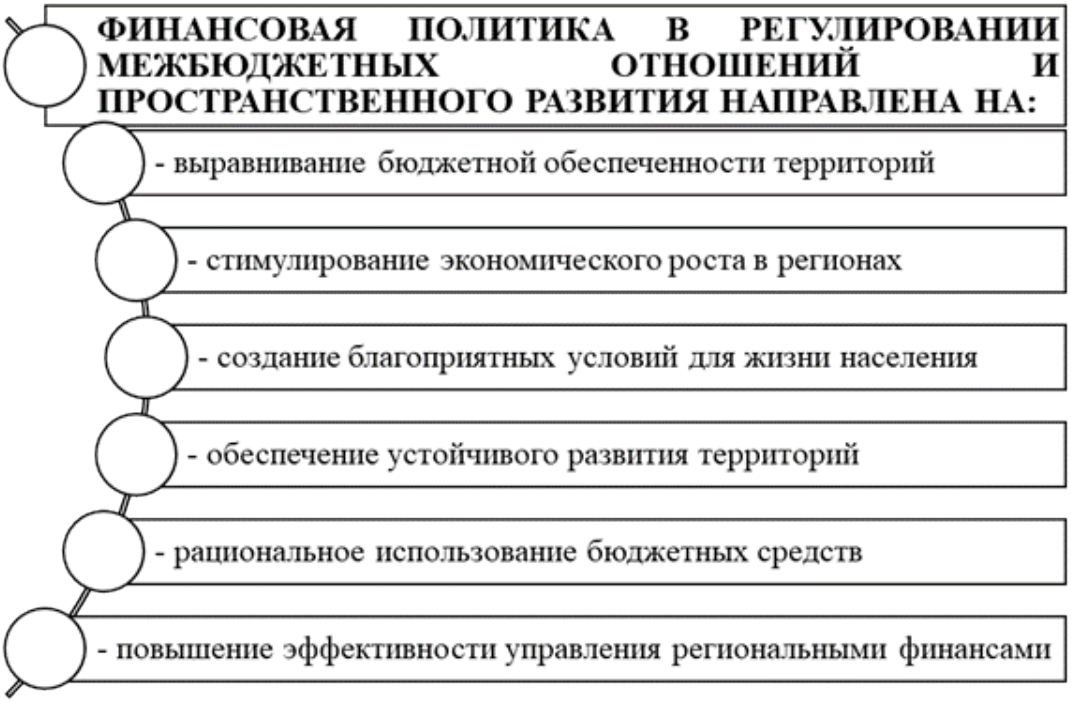


Рис. 2. Направления финансовой политики в регулировании межбюджетных отношений и пространственного развития

Эффективная реализация этой политики требует комплексного подхода, скоординированных действий органов государственной власти всех уровней, а также активного участия бизнеса и гражданского общества. Важно также учитывать специфику каждого региона и использовать индивидуальные подходы к решению проблем пространственного развития.

Перечислим основные аспекты регулирования межбюджетных отношений и пространственного развития, ориентируясь на практику реализации этих процессов.

Формирование системы межбюджетного выравнивания заключается в разработке и совершенствовании механизмов распределения финансовой помощи (дотаций, субсидий, субвенций) из федерального бюджета в бюджеты субъектов РФ и из региональных бюджетов в местные бюджеты. Цель – сглаживание различий в бюджетной обеспеченности территорий, обусловленных объективными факторами (различия в налоговом потенциале, структуре экономики, потребностях населения и т.д.) [9].

Определение разграничения полномочий между уровнями власти подразумевает четкое закрепление за каждым уровнем власти (федеральным, региональным, местным) расходных обязательств и соответствующих источников финансирования. Это необходимо для исключения дублирования функций, повышения ответственности за выполнение возложенных задач и стимулирования развития собственной доходной базы территорий.

Совершенствование налоговой системы и распределения налоговых доходов состоит в определении перечня налогов и сборов, закрепленных за каждым уровнем бюджета, а также установлении нормативов отчислений от федеральных налогов в бюджеты субъектов РФ и от региональных налогов в местные бюджеты. Важно обеспечить достаточность доходных источников для финансирования расходных обязательств каждого уровня власти и стимулировать экономический рост в регионах.

Финансовая поддержка бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов заключается в предоставлении различных форм финансовой помощи (дотации, субсидии, субвенции, иные межбюджетные трансферты) для решения социально-экономических задач, обеспечения сбалансированности бюджетов, стимулирования развития отдельных отраслей и территорий.

Контроль за эффективностью использования межбюджетных трансфертов характеризуется установлением механизмов надзора за целевым и эффективным использованием средств, выделяемых из федерального и региональных бюджетов в форме финансовой помощи. Это включает в себя разработку критериев оценки эффективности, проведение проверок и применение мер ответственности за нецелевое использование средств.

Управление региональным и муниципальным долгом состоит в установлении ограничений на объем и структуру долговых обязательств субъектов РФ и муниципальных образований и разработке мер по управлению долговой нагрузкой и недопущению долгового кризиса.

Разработка и реализация стратегий пространственного развития определяет приоритетные направления и механизмы развития территорий с

учетом их социально-экономических, геополитических и экологических особенностей. Это включает в себя разработку прогнозов развития, определение перспективных отраслей и видов экономической деятельности, формирование опорных точек роста.

Инвестиции в инфраструктуру представляют собой финансирование строительства и модернизации объектов транспортной, энергетической, социальной и коммунальной инфраструктуры, обеспечивающих связанность территорий, улучшение условий жизни населения и создание благоприятной среды для бизнеса.

Поддержка инновационной деятельности и развития наукоемких производств заключается в создании условий для развития инновационной инфраструктуры, привлечении инвестиций в научные исследования и разработки, стимулировании создания и внедрения новых технологий.

Развитие малого и среднего предпринимательства подразумевает поддержку предпринимательской инициативы, создание благоприятной среды для ведения бизнеса, предоставление доступа к финансовым ресурсам и инфраструктуре.

Стимулирование развития отдельных территорий осуществляется путем разработки и реализации специальных программ и проектов, направленных на развитие депрессивных, монопрофильных и приграничных территорий, а также территорий с особым статусом (особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития).

Сохранение и рациональное использование природных ресурсов состоит в разработке и реализации мер по охране окружающей среды, предотвращении загрязнения и истощения природных ресурсов, стимулировании развития экологически чистых производств.

Развитие жилищного строительства и социальной сферы осуществляется путем обеспечения доступности жилья, развития системы здравоохранения, образования, культуры и спорта, создания комфортной и безопасной среды для жизни населения.

Совершенствование системы территориального планирования подразумевает разработку и реализацию документов территориального планирования (схемы территориального планирования, генеральные планы), обеспечивающих сбалансированное и устойчивое развитие территорий с учетом экономических, социальных, экологических и иных факторов.

Сравним методы регулирования межбюджетных отношений и бюджетного регулирования пространственного развития. Один из ведущих принципов бюджетного регулирования пространственного развития – баланс интересов власти, бизнеса и общественности. Также важное значение имеет принцип пространственной справедливости. Государство должно гарантировать гражданам, независимо от места их проживания, повышение уровня и качества жизни через разработку и реализацию социальных стандартов жизни и жизнеобеспечения на всей территории страны [10]. При регулировании межбюджетных отношений и бюджетном регулировании пространственного развития применяются во многом идентичные методы, что объяснимо

сущностью этих видов бюджетного регулирования, применяемых в условиях управления демократическим государством. Выбор формы государственного режима оказывает существенное влияние на целеполагание в определении стратегии развития и применение методов достижения поставленных целей. Основным инструментом бюджетного регулирования пространственного развития являются межбюджетные трансферты. Именно поэтому в бюджетной политике России на 2026 год предусмотрен рост объемов бюджетных средств, предназначенных для бюджетного выравнивания с учетом снижения уровня региональной дифференциации. Прямое выделение бюджетных средств предусмотрено для поддержки субъектов хозяйствования, деятельность которых связана с развитием социальной инфраструктуры и способствует экономическому развитию регионов и муниципальных образований, а также для финансового обеспечения инвестиционных проектов, отвечающих стратегическим интересам государства в области пространственного развития (рис. 3).

Регулирование межбюджетных отношений	***Бюджетное регулирование пространственного развития***
Основные принципы	
Сбалансированности бюджета каждого уровня власти, согласно которому объём доходов должен быть достаточен для решения первостепенных задач	Баланс интересов власти, бизнеса и общественности; Принцип пространственной справедливости (Полушкина, 2018)
Основные методы	
Установление нормативов отчислений от налоговых и отдельных неналоговых доходов	Предоставление межбюджетных трансфертов
Предоставление финансовой помощи (дотации, субсидии, субвенции, бюджетные кредиты, бюджетные ссуды, бюджетные компенсации)	Прямое оказание финансовой поддержки организациям
Взаимные расчёты	Реализация инвестиционных проектов, которые финансируются за счёт федерального бюджета
Перераспределение полномочий и доходов бюджетов между субъектами РФ и муниципальными образованиями	Перераспределение денежных средств между звеньями бюджетной системы и видами бюджетов
Разработка государственных программ	Инициативное бюджетирование
	Межмуниципальное экономическое сотрудничество

Рис. 3. Основные принципы и методы регулирования межбюджетных отношений и бюджетного регулирования пространственного развития

Потенциальным инструментом бюджетного регулирования пространственного развития является формирование целевых бюджетных фондов. Данный инструмент не задействован в современной практике

реализации стратегии пространственного развития.

Государственно-частное партнерство как инструмент бюджетного регулирования пространственного развития проявляется через различные соглашения между государством и бизнесом в области сотрудничества по решению соответствующих производственных и инфраструктурных задач.

При недостаточности собственных бюджетных ресурсов прибегают к заемным источникам финансирования проектов пространственного развития. В этой области существует комплекс инструментов: региональные облигации; муниципальные облигации; народные облигации; банковские кредиты. В эту группу инструментов можно отнести и бюджетные кредиты.

Разные инструменты регулирования могут обеспечивать различный эффект даже при одинаковых суммах выделяемых средств. Поэтому следует оценивать результаты применения различных инструментов и при необходимости заменять недостаточно эффективные из них другими.

Гипотеза научного исследования взаимосвязи межбюджетных отношений и пространственного развития в контексте бюджетного регулирования строится на результатах исследования проблем реализации межбюджетных отношений, бюджетного обеспечения стратегии пространственного развития, теории и практики бюджетного регулирования, нацеленного на формирование эффективного поля взаимодействия всех уровней публичной власти и субъектов экономики по достижению стратегических целей развития государства.

Сергеев Л.И. и Сергеев Д.Л. [11] указывают на двойственную природу системы перераспределительных отношений, складывающую в процессе решения вопроса пространственного развития. С одной стороны, средства федерального бюджета выделять необходимо, а с другой стороны, это может порождать иждивенческую позицию на региональном уровне, что может привести к развитию деструктивных процессов.

Актуальной проблемой по-прежнему остается несбалансированность между источниками формирования местных бюджетов и полномочиями, закрепленными за местными властями [12].

Современная отечественная практика бюджетного регулирования характеризуется выдвижением на всех уровнях власти объективно обусловленных масштабных задач стратегического значения, не подкрепленных соответствующими бюджетными ресурсами. И это упирается в проблему поиска разумного баланса, о котором пишет Косов М.Е. [13], между стимулированием межрегиональной конкуренции и развитием страны в рамках единого пространства России.

Таким образом, для эффективного бюджетного обеспечения потребностей реализации стратегии пространственного развития России необходимо задействовать комплекс инструментов бюджетного регулирования прямого и косвенного действия. В дальнейших исследованиях предполагается систематизация теоретико-методологических и концептуальных подходов к бюджетному регулированию пространственного развития, а также поиск механизмов совершенствования межбюджетных отношений, ориентированных на обеспечение наиболее оптимальных условий реализации национальных

интересов и обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Решетников, М. Г. Новая стратегия пространственного развития России: основные задачи и приоритеты / М. Г. Решетников // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 4(211). – С. 6-10. – DOI 10.47711/0868-6351-211-6-10. – EDN UYHBFQ.

2. The Role of Spatial Development in Achieving National Goals of the Russian Economy# / A. A. Shirov, O. V. Kuznetsova, N. N. Mikheeva, M. N. Uzyakov // Studies on Russian Economic Development. – 2025. – Vol. 36, No. 4. – P. 441-449. – DOI 10.1134/S1075700725700169. – EDN WOIXCI.

3. Косов, М. Е. Предложения по развитию бюджетного федерализма в Российской Федерации в контексте актуальных тенденций пространственного и экономического развития государства / М. Е. Косов // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 201-207. – DOI 10.24412/2414-3995-2025-1-201-207. – EDN BDABLW.

4. Сидоров, А. А. Бюджетная политика как инструмент управления пространственным развитием РФ / А. А. Сидоров // Актуальные проблемы пространственного развития : Материалы II Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24 октября 2025 года. – Нижний Новгород: Нижегородский институт путей сообщения, 2025. – С. 666-669. – EDN ADPLJU.

5. Наумов, И. В. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований / И. В. Наумов, В. М. Седельников, Л. М. Аверина // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 383-398. – DOI 10.31063/2073-6517/2020.17-2.12. – EDN TXJTCB.

6. Новая пространственная стратегия для России: Монография // Ответ. ред. д.э.н., проф. Е.М. Бухвальд, д.э.н., проф. А.В. Виленский. М.: Институт экономики РАН, 2020. – 250 с.

7. Хорошева, Е.И. Синергетический агломерационный эффект и бюджетное регулирование развития территориальных подсистем крупного города / Е.И. Хорошева // Финансы, учет, банки. Сборник научных трудов. Общ. ред. д.э.н., проф. Егорова П.В. Донецк: КИТИС, ДонГУ, 2000. С. 208-214.

8. Хорошева, Е. И. Сохранение ценностных ориентиров при формировании бюджетной политики государства в условиях санкций / Е. И. Хорошева, А. А. Антонова // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения : Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Донецк, 05–06 февраля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 107-111. – EDN PEUPFO.

9. Кучер, А. А. Содержание финансовой политики регулирования межбюджетных отношений и пространственного развития / А. А. Кучер, Е. И. Хорошева // Финансово-экономические исследования: актуальные вопросы теории и практики : Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых

учёных, Донецк, 12–13 марта 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 85-88. – EDN GDMSIT.

10. Полушкина, Т. М. Государственное регулирование пространственного развития на внутрирегиональном уровне / Т. М. Полушкина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2018. – № 3. – С. 67-72. – EDN YQDKMP.

11. Сергеев, Л.И. Проблемы регулирования региональной экономики в системе межбюджетных отношений / Л.И. Сергеев, Д.Л. Сергеев // Экономические стратегии. 2023. №2(188). С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.33917/es-2.188.2023.64-71

12. Симонова, Н. Ю. Особенности межбюджетного регулирования в Российской Федерации / Н. Ю. Симонова, С. С. Шинжин // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 07 ноября 2024 года. – Омск: Омский государственный технический университет, 2024. – С. 85-89. – DOI 10.24412/cl-37098-2024-1-85-89. – EDN BRGBYI.

13. Косов, М. Е. Предложения по развитию бюджетного федерализма в Российской Федерации в контексте актуальных тенденций пространственного и экономического развития государства / М. Е. Косов // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 1. – С. 201-207. – DOI 10.24412/2414-3995-2025-1-201-207. – EDN BDABLW.

1.5. Налоговое право и налоговая политика в системе управления пространственным развитием Российской Федерации: теоретико-прикладной синтез[5]

В условиях глобальных вызовов и трансформации экономических отношений, фискальные инструменты приобретают особую роль в стимулировании роста депрессивных регионов, поддержке точек роста и обеспечении устойчивости федерального, региональных и местных бюджетов. Налоговая система, являясь основой формирования доходной части бюджета, выступает ключевым рычагом реализации государственной политики, направленной на рациональное размещение производительных сил, сокращение межрегиональных диспропорций и создание благоприятных условий для инвестиционной и предпринимательской активности на всей территории страны. Теоретической основой исследования послужили труды отечественных экономистов и правоведов, таких как Л. А. Омельянович, Д. С. Гвасалия, П. В. Куренков, Т. Ю. Манжула, Е. И. Хорошева, М. Е. Лобанова, О. В. Пефтиев и другие [1-6]. Понимание механизмов, посредством которых налоговое законодательство и политика влияют на пространственное развитие, требует комплексного анализа как нормативно-правовой базы, так и реальной экономической конъюнктуры.

Актуальность исследования проблематики налогового права и политики в системе управления пространственным развитием Российской Федерации обусловлена объективной необходимостью достижения сбалансированного развития государства.

Чтобы выявить, каким образом законодательная и нормативная база Российской Федерации регулирует взаимосвязь налогово-бюджетных инструментов и пространственного развития, нами была проведена систематизация ключевых актов. Данная структура позволяет оценить комплексный характер правового каркаса, охватывающий как основополагающие кодексы, так и специфические отраслевые законы и стратегические документы, определяющие приоритеты региональной политики. Таблица 1 представляет собой целостную картину нормативно-правовых решений, формирующих основу для применения налогово-бюджетных механизмов в целях пространственного развития.

Представленная в таблице 1 систематизация нормативно-правовых актов наглядно демонстрирует многоуровневый и комплексный характер взаимосвязи налогового права, налоговой политики и управления пространственным развитием России. Анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Наличие развитой правовой базы. Существует целостная иерархическая система документов: от конституционных основ через кодифицированные акты и специальные законы к стратегиям, программам и текущему планированию. Это свидетельствует о формальном признании роли фискальных инструментов как важнейшего рычага пространственной политики.

[5] Автор раздела: Манжула Т.Ю., Пефтиев О.В.

Таблица 1

Система нормативно-правовых актов, регулирующих взаимосвязь налогово-бюджетных инструментов и пространственного развития Российской Федерации [7-23]

Законодательные и нормативные акты	Краткое содержание
I. Кодифицированные акты (системообразующие)	
Конституция Российской Федерации (Ст. 8, 57, 71-73, 75, 104, 114)	Определяет основы финансовой, налоговой системы и полномочия публичной власти
Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)	Устанавливает систему налогов, общие принципы налогообложения, права и обязанности участников
Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)	Регулирует конкретные налоги и сборы, включая региональные и местные
Бюджетный кодекс Российской Федерации	Определяет основы бюджетного устройства, межбюджетных отношений, распределение доходов между уровнями бюджета
Градостроительный кодекс Российской Федерации	Закрепляет правовые основы территориального планирования и градостроительного зонирования
II. Специальные федеральные законы (инструментальный уровень)	
Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»	Задает рамки для документов пространственного развития на всех уровнях
Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»	Вводит понятия специальных налоговых режимов для МСП (малое и среднее предпринимательство) как инструмента региональной политики
Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»	Устанавливает правовой режим ОЭЗ (особые экономические зоны), включая налоговые льготы для резидентов
Федеральный закон «О концессионных соглашениях»	Регулирует механизмы ГЧП (государственно-частное партнерство) для развития инфраструктуры
III. Стратегические и программные документы (уровень целеполагания и планирования)	
Указ Президента РФ «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации»	Определяет приоритеты и цели стратегического планирования
Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики	Ключевой документ, задающий цели пространственного развития на новом этапе

регионального развития Российской Федерации на период до 2035 года»	
Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2035 года	Основной документ, конкретизирующий и развивающий положения государственной политики, содержит конкретные целевые показатели и приоритеты по макрорегионам
Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов	Ежегодный документ, отражающий текущие и планируемые налоговые меры в увязке с бюджетом
Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и территориальное развитие»	Главный финансово-управленческий инструмент реализации пространственной политики, определяющий объемы и направления бюджетного финансирования
Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»	Пример программы развития макрорегиона с использованием инструментов господдержки
Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии пространственного развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2035 года»	Документ, детализирующий общегосударственную стратегию применительно к специфике макрорегиона, задает ориентиры для применения региональных налоговых стимулов
Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»	Пример специализированной пространственной стратегии с налоговыми преференциями – режим Арктической зоны РФ

2. Двойственная природа налоговых механизмов. Таблица 1 отражает два ключевых направления воздействия:

- прямое стимулирование: специальные законы об ОЭЗ, МСП, Арктике и ГЧП создают «точечные» налоговые режимы (льготы, пониженные ставки,

особые условия), целенаправленно изменяющие инвестиционную привлекательность конкретных территорий или видов деятельности;

- бюджетное опосредование: Бюджетный и Налоговый кодексы, работая в связке, формируют систему межбюджетных отношений. Распределение налоговых доходов между центральными, региональными и местными бюджетами напрямую определяет финансовые возможности территорий для самостоятельного развития.

3. Стратегическое подчинение фискальных мер. Ключевой тренд, прослеживаемый от Указа Президента «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2035 года» до отраслевых стратегий, – это интеграция налогово-бюджетных инструментов в логику пространственного планирования. Налоговые льготы перестают быть универсальными преференциями, а становятся производными от пространственных приоритетов (развитие макрорегионов, опорных городов, Арктики).

4. Проблема координации и «вертикали» управления. Представленная структура выявляет потенциальную проблему: многослойность системы (федеральные стратегии, региональные программы, местные планы) требует высокой степени координации. Эффективность налоговых стимулов может нивелироваться, если они не синхронизированы с решениями в области градостроительства, инфраструктуры и социальной политики, что регулируется отдельными блоками законодательства (Градостроительный кодекс, отраслевые госпрограммы).

5. Динамизм оперативного уровня. Наличие ежегодных «Основных направлений бюджетной и налоговой политики» подчеркивает, что система не статична. Налоговое право и политика адаптируются к текущим экономическим условиям и корректируют инструментарий пространственного развития, что требует от исследователя постоянного мониторинга изменений.

На основе вышеизложенного можно сделать следующий теоретико-прикладной вывод. Представленная система актов формирует правовое поле для прикладного синтеза, где теория налогового права (принципы справедливости, эффективности) проверяется на практике через ее способность решать конкретные пространственные задачи (сокращение диспропорций, рост полюсов развития).

Представленная в таблице 1 система нормативных актов формирует правовые «правила игры» и задает стратегические цели для применения налогово-бюджетных инструментов в целях пространственного развития. Однако, правовая модель сама по себе не является гарантией результата.

Ключевой вопрос для теоретико-прикладного синтеза заключается в следующем: Каковы фактические фискальные результаты функционирования этой системы? Как трансформируется структура доходов федерального бюджета - главного финансового ресурса для реализации национальных пространственных приоритетов - под влиянием как общей экономической конъюнктуры, так и целенаправленных политических решений?

Переход от анализа нормативной базы к оценке фактических поступлений позволяет сместить фокус с теории управления на практику финансирования. Это необходимо для понимания реальной финансовой «мощности» государства в решении пространственных задач и выявления структурных сдвигов, которые могут как способствовать, так и препятствовать достижению стратегических целей, закрепленных в документах из таблицы 1.

Таким образом, логическим продолжением анализа правового каркаса является изучение его фискального «наполнения». Данные о динамике и структуре налоговых поступлений в федеральный бюджет (табл. 2) служат индикатором:

- финансовой базы государства для проведения активной пространственной политики через межбюджетные трансферты, госпрограммы и инфраструктурные проекты;
- структурных изменений в экономике и налоговой системе, которые напрямую влияют на бюджетную обеспеченность разных территорий;
- фактической зависимости бюджета от различных источников, что определяет его устойчивость и пространственные эффекты (например, высокая доля рентных доходов создает иные региональные диспропорции, чем доходы от налога на прибыль или НДС).

Таблица 2

Динамика налоговых поступлений в федеральный бюджет Российской Федерации за период 2020-2025 гг., млрд. руб. [24-27]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025*
Доходы, всего,	18719,1	25286,4	27825,0	29124,1	36110,7	40296,1
Налоговые доходы, всего	14652,2	19111,3	20828,8	23455,6	28422,6	32842,7
Удельный вес налоговых доходов, %	78,3	75,6	74,9	80,5	78,7	81,5
1. Налоги, связанные с внутренним производством и потреблением	*6260,3*	*8135,1*	*9455,1*	*10306,4*	*12618,9*	12101,1
Удельный вес в налоговых доходах, %	*42,7*	*42,6*	*45,4*	*44,0*	*44,4*	36,9
НДС (внутренний)	4268,6	5479,3	6489,4	7182,4	8733,6	9864,6
Акцизы	900,3	1012,8	1147,2	1045,8	1260,8	1274,2
Налог на прибыль	1091,4	1552,4	1669,5	1918,6	2285,7	4186,3
Налог на доходы физических лиц	0,0	90,7	149,0	159,5	338,7	810,5
2. Налоги, связанные с импортом	*3748,8*	*4724,5*	*3777,6*	*5706,6*	*6256,2*	6376,5
Удельный вес в налоговых доходах, %	*25,6*	*24,7*	*18,1*	*24,3*	*22,0*	19,4
НДС на ввозимые товары	2933,5	3733,0	3063,4	4432,0	4789,0	5591,8

Акцизы на ввозимые товары	102,1	132,6	103,8	164,2	236,4	247,2
Ввозные пошлины	713,2	858,9	610,4	1110,4	1230,8	1319,2
3. Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	4643,1	6251,7	7596,1	10880,9	14334,1	14498,9
Удельный вес в налоговых доходах, %	31,7	32,7	36,5	46,8	52,3	51,0
Налог на добычу полезных ископаемых	3819,7	7110,9	10643,7	9590,6	12079,6	12334,8

*-предварительные данные

Динамика и структура налоговых доходов федерального бюджета, представленная в таблице 2, количественно отражает ключевые вызовы и приоритеты пространственного развития: усиление рентной зависимости, централизацию ресурсов и изменение баланса между внутренними и внешними источниками финансирования.

Налоговые доходы выросли в 2,2 раза – с 14652,2 млрд. руб. в 2020 году до 32842,7 млрд. руб. в 2025 году, создавая значительный ресурс для федеральных инвестиций в регионы.

Группа налогов за пользование природными ресурсами демонстрирует взрывной рост и становится доминирующим источником. Ее доля увеличилась с 31,7% (2020 год) до пика в 52,3% (2024 год), что является ключевым индикатором структурной проблемы. Это означает, что свыше половины налоговых доходов федерального бюджета генерируется в ограниченном числе сырьевых регионов (ЯНАО, ХМАО и др.). Финансовая устойчивость всей государственной политики пространственного развития становится напрямую зависимой от конъюнктуры в этих анклавах, консервируя ресурсную модель и усиливая дисбаланс «центр-периферия».

Несмотря на абсолютный рост, доля налогов, связанных с внутренним производством и потреблением, после пика в 45,4% (2022 год) снизилась до 36,9% (2025 год). Это свидетельствует об относительном ослаблении фискальной базы, формируемой диверсифицированной экономикой по всей территории страны.

Поступления Налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в федеральный бюджет выросли с 0 руб. (2020 год) до 810,5 млрд. руб. (2025 год). Это прямой результат законодательных изменений (прогрессивная шкала), ведущий к перераспределению фискальных ресурсов с регионального на федеральный уровень и сокращению налоговой автономии субъектов РФ.

После снижения от 3777,6 млрд. руб. (2022 год) поступления от импорта восстановились до 6376,5 млрд. руб. (2025 год), но их доля устойчиво снижается (с 25,6% до 19,4%). Это отражает структурную перестройку внешней торговли и, вероятно, рост доли импорта из «дружественных» стран с иными тарифными условиями.

Данный тренд косвенно указывает на изменение географии поставок и логистических потоков, что может повлиять на развитие приграничных и транспортных узлов (например, на юго-востоке страны).

Теоретико-прикладные выводы, основанные на цифрах, позволяют выделить три ключевых тренда.

Во-первых, происходит усиление рентной и централизованной модели управления. Фискальная статистика однозначно свидетельствует, что финансовая база для пространственного развития все более зависит от сырьевой ренты, доля которой в налоговых доходах превысила 50%. Параллельно растет централизация ресурсов, что наглядно демонстрирует увеличение поступлений НДФЛ в федеральный бюджет. Это повышает управляемость «сверху вниз», но закономерно снижает фискальную автономию, гибкость и инициативу региональных властей.

Во-вторых, наблюдается сужение диверсифицированной налоговой базы. Падение доли налогов, связанных с внутренним производством и потреблением, с 45,4% в 2022 году до 36,9% в 2025 году означает, что действующая налоговая система в ее текущем конфигурации недостаточно стимулирует создание добавленной стоимости по всей территории страны. Фактически, она в большей степени фиксирует доходы от точечных сырьевых активов, чем способствует развитию диверсифицированной экономики в регионах.

В-третьих, для трансформации налоговой системы в действенный инструмент сбалансированного пространственного развития необходим четкий количественный приоритет для политики. Это требует, прежде всего, перехода к качественному, а не только количественному росту налога на прибыль. Его резкий скачок требует тщательного анализа источников: является ли он результатом развития несырьевых секторов в различных регионах или же следствием изменения правил изъятия ренты, что дает нейтральный пространственный эффект. Наконец, реальный эффект могут дать только адресные инструменты стимулирования через льготы, такие как инвестиционные вычеты и преференции по налогу на имущество для резидентов территорий опережающего развития (ТОР) и особых экономических зон (ОЭЗ). Именно такие меры способны количественно увеличить долю внутренних несырьевых налогов, не повышая фискальную нагрузку на бизнес в депрессивных регионах.

Таким образом, таблица налоговых поступлений является «диагностической картой» российской пространственной экономики. Она показывает, что текущая налоговая политика обеспечивает фискальную устойчивость, но её преобразование в эффективный инструмент пространственного развития требует более смелых, адресных и децентрализованных решений в области налогового права.

Далее проведём корреляционный анализ, интерпретируя результаты строго в рамках заданной темы. Поскольку у нас короткий временной ряд (6 наблюдений, или 6 лет), мы будем оценивать парные коэффициенты корреляции Пирсона (r) между ключевыми агрегированными показателями, чтобы выявить структурные взаимосвязи в налоговой системе.

Малое количество точек (n=6) делает расчёт формальной статистической значимости (p-value) малопоказательным. Поэтому мы фокусируемся на силе и направлении связи (значение r), интерпретируя её как показатель системной взаимозависимости в рамках проводимой политики.

На основе данных табл. 2 проведём корреляционный анализ структуры налоговых доходов в контексте пространственного развития (2020-2025 гг.). Цель анализа: выявить, как различные компоненты налоговой системы (отражающие разные инструменты политики) взаимосвязаны между собой и с общим объёмом ресурсов, что свидетельствует об их согласованности или конфликте в достижении целей пространственного развития. Матрицу парных коэффициентов корреляции (r) представим в виде таблицы 3.

Таблица 3 – Матрица парных коэффициентов корреляции (r)**

Показатель A / Показатель B	Доходы, всего	Налоговые доходы	Налоги, связанные с внутренним производством и потреблением	Налоги, связанные с импортом	Налог на добычу полезных ископаемых
Налоговые доходы	0,995	1,000	0,937	0,886	0,973
Налоги, связанные с внутренним производством и потреблением	0,938	0,937	1,000	0,774	0,843
Налоги, связанные с импортом	0,905	0,886	0,774	1,000	0,798
Налог на добычу полезных ископаемых	0,960	0,973	0,843	0,798	1,000

** Расшифровка силы связи: $|r| > 0.9$ - очень сильная; $0.7 < |r| < 0.9$ - сильная; $0.5 < |r| < 0.7$ - умеренная.

На основе полученных данных представим следующую интерпретацию результатов в рамках темы исследования.

1. Абсолютная фискальная доминанта, налоговые доходы как ядро бюджетной системы. Наблюдается практически функциональная связь (r = 0,995) между общими доходами и налоговыми доходами. Это означает, что фискальный потенциал государства и его способность финансировать пространственное развитие (через трансферты, федеральные программы) почти полностью определяются успешностью налоговой мобилизации. Неналоговые доходы играют минимальную роль.

2. Структурный дуализм и скрытый конфликт между НДПИ (налогом на добычу полезных ископаемых) и налогами с внутреннего производства - это борьба за финансовые ресурсы между этими секторами через бюджет. На основе этого факта представим следующие выводы:

1) Доминирование ренты. Связь налоговых доходов с НДПИ (r = 0,973) сильнее, чем с налогами от внутреннего производства (r = 0,937). Это статистическое подтверждение сырьевой зависимости бюджетной системы.

Финансовая устойчивость, а значит, и возможности для пространственного перераспределения, критически зависят от конъюнктуры в нефтегазовом секторе и географии добычи.

2) Ограниченная диверсификация. Корреляция между НДПИ и внутренним производством сильна (r = 0,843), но не абсолютна. Это указывает на то, что рост доходов от сырья в анализируемый период частично сопровождался ростом несырьевого сектора (возможно, за счёт государственных расходов, финансируемых той же рентой). Однако тот факт, что связь не равна ~1.0, оставляет пространство для манёвра: целенаправленная налоговая политика (льготы, специальные режимы) может в перспективе повысить автономность доходов от внутреннего производства.

3. Импорт как зависимый, но самостоятельный фискальный контур. Налоги, связанные с импортом, демонстрируют сильную, но наименее тесную связь с общими налоговыми доходами (r = 0,886) и НДПИ (r = 0,798). Это свидетельствует о том, что данный доходный блок:

- реагирует на иные факторы: в первую очередь, на внешнеторговую политику (санкции, контрсанкции, курс рубля, структуру импорта) и внутренний потребительский спрос;

- имеет собственную пространственную логику: его поступления генерируются преимущественно в логистических узлах (крупные таможни, порты) и регионах-потребителях, а не в сырьевых анклавах. Его относительная автономность делает его потенциальным стабилизатором доходов регионов, не вовлечённых в нефтегазовый комплекс, особенно в условиях волатильности рынков сырья.

4. Внутреннее производство, умеренная связь с импортом и потенциал для импортозамещения. Корреляция «Внутреннее производство – с импортом» умеренно сильная (r = 0,774). Это отражает общую экономическую конъюнктуру (рост/спад ВВП влияет на оба показателя). Однако значение меньше, чем у связей с НДПИ. Это важный прикладной нюанс: в периоды изменений внешних условий (санкций) налоговая политика может воздействовать на эти блоки разнонаправленно (например, повышая пошлины для стимулирования внутреннего производства). Статистически эта возможность для дифференцированного налогового регулирования подтверждается тем, что связь не является предельно жесткой.

Таким образом, проведённый корреляционный анализ не только подтверждает фундаментальные диспропорции российской фискальной системы, но и выявляет конкретные «узлы» для потенциального реформирования. Однако выявление возможностей – это лишь первый шаг. Ключевой вопрос заключается в том, какие инструменты и механизмы налогово-бюджетной политики могут быть использованы для реализации выявленного потенциала и целенаправленного воздействия на пространственное развитие. Для ответа на него необходим переход от диагностики к проектированию.

Теоретико-прикладной синтез на основе корреляционного анализа.

1. Подтверждение рентно-ориентированной модели: корреляционная структура однозначно подтверждает, что российская налоговая система и

вытекающая из неё политика пространственного развития остаются заложниками рентных доходов (НДПИ). Это создаёт системные риски: инвестиции в развитие одних территорий (сырьевых) косвенно финансируют дотации другим, не создавая устойчивой собственной налоговой базы в последних.

2. Выявление «точек роста» для налоговой политики: относительно более слабые корреляционные связи у блока «Внутреннее производство» (особенно с импортом) указывают на то, что именно этот сегмент наиболее чувствителен и восприимчив к точечным мерам налогового права (инвестиционные вычеты по налогу на прибыль, льготы для резидентов ТОР/ОЭЗ). Для целей пространственного развития это означает, что стимулирующий эффект будет максимальным, если эти меры будут территориально привязаны.

3. Оценка фискальной устойчивости пространственной политики: Очень сильная связь всех компонентов с общими доходами говорит о высокой синхронизации фискальных циклов. Проблема в том, что эта синхронизация задаётся НДПИ. Следовательно, шок в сырьевом секторе одномоментно ударит по всем направлениям финансирования пространственного развития, от федеральных инфраструктурных проектов до дотаций регионам. Диверсификация налоговой базы (ослабление связи с НДПИ) – ключевая задача для повышения устойчивости.

4. Рекомендация: налоговой политике, нацеленной на управление пространственным развитием, необходимо:

- целенаправленно ослаблять корреляцию между общими доходами и НДПИ через опережающий рост доходов от внутреннего производства;
- использовать относительную автономность импортного блока как источник стабильных доходов для регионов-транспортных хабов, развивая их логистическую инфраструктуру через целевые налоги и сборы;
- внедрять территориально-дифференцированные налоговые инструменты, которые будут напрямую влиять на компоненты с более слабыми системными связями (например, налог на прибыль в конкретных регионах), тем самым эффективно меняя экономико-географический ландшафт.

В целом, корреляционный анализ не просто описывает статистические связи, а вскрывает системную архитектуру фискальных взаимозависимостей. Для России эта архитектура остаётся моноцентричной (вокруг НДПИ), что ограничивает гибкость пространственной политики. Задача реформы налогового права – создать новую, полицентричную и территориально-гибкую корреляционную структуру, где несколько сильных и относительно автономных налоговых блоков будут обеспечивать стабильность и целевое развитие разных типов территорий.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Структурная основа. В РФ сформирована многоуровневая правовая база для управления пространственным развитием через фискальные инструменты. Она включает стратегические документы (Стратегия пространственного развития), кодексы (НК РФ, БК РФ) и специальные законы (об ОЭЗ, ТОР,

Арктике), что обеспечивает системный подход к налогово-бюджетному регулированию территорий.

2. Инструментальная реализация. Фискальные механизмы выполняют двойную функцию. Прямое стимулирование осуществляется через «точечные» налоговые льготы (ОЭЗ, ТОР). Бюджетное опосредование обеспечивается через распределение доходов и межбюджетные трансферты, регулируемые НК РФ и БК РФ, что определяет финансовую дееспособность регионов.

3. Фискальный каркас. Анализ выявляет системные риски. Доминирование ренты: НДПИ обеспечивает свыше 50% налоговых доходов, делая пространственную политику зависимой от сырьевой конъюнктуры. Централизация: рост доли НДФЛ в федеральном бюджете снижает фискальную автономию регионов. Сужение диверсифицированной базы снижает потенциал для сбалансированного развития несырьевых территорий.

4. Теоретико-прикладной синтез. Корреляционный анализ подтверждает структурный дуализм экономики и высокую синхронизацию фискальных потоков с НДПИ, что создает риск синхронного кризиса при шоках. Относительная автономность доходов от внутреннего производства указывает на его чувствительность к точечным налоговым мерам (льготы, вычеты). Ключевая задача - ослабить зависимость бюджета от НДПИ, целенаправленно стимулируя диверсифицированное внутреннее производство с помощью территориально-дифференцированных инструментов налогового права.

В целом, синтез нормативной базы и фискальных данных показывает, что, несмотря на наличие инструментов, российская налоговая политика и право остаются в значительной степени «заложниками» рентно-сырьевой модели. Для эффективного управления пространственным развитием требуется переход к более полицентричной налоговой структуре, где диверсифицированные внутристрановые доходы и более автономные региональные налоговые источники играют существенную роль, а налоговое право используется как осознанный инструмент формирования экономико-географического ландшафта.

Список литературы

1. Особенности реализации бюджетной политики Российской Федерации с учётом современных вызовов / Л. А. Омельянович, Д. С. Гвасалия, У. А. Афанасьева, С. К. Макашова // Финансовый контроль и казначейское сопровождение целевых средств: перспективы развития в условиях цифровизации : Материалы III Международной научно-практической онлайн конференции, Донецк, 12 ноября 2025 года. – Донецк: Издательство ФЛП Кириенко С.Г., 2025. – С. 182-189. – EDN PNEFEQ.

2. Куренков, П. В. Актуальные проблемы бюджетной политики на современном этапе / П. В. Куренков, Т. Ю. Манжула // Финансовый контроль и казначейское сопровождение целевых средств: перспективы развития в условиях цифровизации : материалы I Международной научно-практической интернет-конференции, Донецк, 12 октября 2023 года. – Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2023. – С. 125-129. – EDN FMIYJO.

3. Догадов, Я. Р. Параметры состояния государственных финансов / Я. Р. Догадов, Е. И. Хорошева // Финансово-экономические исследования: актуальные

вопросы теории и практики : Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции молодых учёных, Донецк, 12–13 марта 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 40-43. – EDN AOEQTI.

4. Хорошева, Е. И. Модель формирования бюджетного потенциала обеспечения финансовой безопасности государства / Е. И. Хорошева, Е. Ю. Шевченко // Финансово-экономические исследования. – 2025. – № 2. – С. 43-52. – DOI 10.5281/zenodo.18067812. – EDN BZWYGL.

5. Лобанова, М. Е. Влияние бюджетной политики на социально-экономические процессы / М. Е. Лобанова, И. А. Манжула // Экономика, управление и финансы: новые подходы и решения : Тезисы докладов и выступлений Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Донецк, 05–06 февраля 2025 года. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. – С. 56-60. – EDN QNBQII.

6. Пефтиев, О. В. Правовое регулирование контроля в бюджетной сфере: современное состояние и перспективы развития / О. В. Пефтиев, Т. Ю. Манжула // Донецкие чтения - 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. – Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. – С. 80-82. – EDN QIXIWU.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

11. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.

12. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

13. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

14. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3127.

15. О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

16. Об основах стратегического планирования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 46 (часть II). – Ст. 7796.

17. Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 761 (ред. от 29.11.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210190001 (дата обращения: 100.02.2026).

18. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2035 года (с изменениями на 28 сентября 2023 года): Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2022 № 3368-р // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 48 (ч. IV). – Ст. 7907.

19. Об утверждении Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов (одобрены Правительством РФ 29.08.2025): Проект документа // Официальный сайт Министерства финансов РФ. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/08/main/ONBP_2026-2028.pdf (дата обращения: 20.02.2026).

20. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Региональная политика и территориальное развитие»: Постановление Правительства РФ от 08.12.2021 № 2225 (ред. от 15.12.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112080042 (дата обращения: 10.02.2026).

21. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 309 (ред. от 30.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2163.

22. Об утверждении Стратегии пространственного развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.09.2022 № 2512-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202209050038 (дата обращения: 18.02.2026).

23. Об утверждении Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 26.10.2020 № 2800-р // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7157.

24. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/.

25. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13723.

26. Результаты проверки и анализа объемов прогнозируемых доходов проекта федерального бюджета на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruLiVvTum14n78QG6N3c9tvRzZF_mU_qvXf-9TR8fg0crlkxX8cn-w5DQJnuLAsTvRrtXLIpxel775d-JTcz-pXBcK4eHp6lxzxMyb6-pc_uV08sTpcrF-BUpibJTtuhfOw%3D%3D%3Fsign%3Dxmbi_2L16ZtnVqWrOCIcTkbBleq8IKf3W5nIQLjTFh4%3D&name=07%20-%20доходы.docx&nosw=1

27. Сведения о формировании и использовании дополнительных нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2018-2026 годах [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/oil?id_57=122094-svedeniya_o_formirovanii_i_ispolzovanii_dopolnitelnykh_neftegazovykh_dokhodov_federalnogo_byudzheta_v_2018-2024_godakh.

1.6. Современные вызовы и угрозы для экономического доверия в условиях глобализации[6]

Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации, характеризующийся нарастанием геополитической напряженности, усилением конкуренции между ведущими державами и кризисом многосторонних институтов глобального управления. В этих условиях экономическое доверие между государствами становится критически важным, но одновременно крайне уязвимым элементом международного взаимодействия. События последних лет – торговые войны между США и Китаем, масштабные санкционные режимы, разрыв производственных цепочек, технологическое противостояние – наглядно демонстрируют, как быстро может разрушаться десятилетиями формировавшееся экономическое доверие и какие серьезные последствия это имеет для глобальной экономики и международной стабильности.

Экономическое доверие представляет собой фундаментальную основу международного экономического сотрудничества, определяя готовность государств к долгосрочным инвестициям, технологическому обмену, созданию совместных производственных цепочек и интеграционных объединений. В условиях глобализации, когда национальные экономики глубоко взаимозависимы, а производственные процессы распределены между множеством стран, значение экономического доверия многократно возрастает. Однако именно эта взаимозависимость делает экономические отношения особенно чувствительными к геополитическим потрясениям и превращает экономические инструменты в средства политического давления.

Геополитическая напряженность оказывает многомерное воздействие на экономическое доверие, создавая атмосферу неопределенности, повышая риски трансграничных операций, стимулируя протекционистские тенденции и политику экономического национализма. Одновременно наблюдается процесс секьюритизации экономических отношений, когда соображения национальной безопасности начинают доминировать над экономической рациональностью, а экономическая взаимозависимость воспринимается не как источник взаимной выгоды, а как потенциальная уязвимость. Это приводит к фрагментации глобальной экономики, формированию конкурирующих экономических блоков и эрозии универсальных правил международной торговли и инвестиций.

В то же время мировая экономика демонстрирует способность к адаптации и поиску новых форм сотрудничества даже в условиях повышенной геополитической напряженности. Появляются инновационные механизмы поддержания экономических связей при политических разногласиях, развиваются региональные интеграционные проекты, формируются стратегии

[6] Автор раздела: Гавчук Д.В.

диверсификации и хеджирования геополитических рисков. Изучение этих процессов, понимание механизмов разрушения и восстановления экономического доверия, разработка эффективных стратегий его укрепления в нестабильной среде приобретают первостепенное значение как для теории международных отношений, так и для практической политики.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика экономического доверия в международных отношениях находится на пересечении нескольких научных дисциплин – теории международных отношений, международной политической экономии, институциональной экономики и социологии. Теоретические основы исследования доверия в экономических отношениях заложены в работах представителей институционализма (Д. Норт, О. Уильямсон, Э. Остром), которые рассматривали доверие как механизм снижения трансакционных издержек и основу эффективного функционирования институтов. Социологические аспекты доверия разработаны в трудах Ф. Фукуямы, П. Штомпки, Н. Лумана, анализировавших роль доверия в социальных системах и его влияние на экономическое развитие.

В рамках теории международных отношений проблемы доверия и сотрудничества между государствами исследовались представителями различных школ. Неореалисты (К. Уолтц, Д. Сакс, Дж. Миршаймер) скептически оценивали возможности формирования устойчивого доверия в условиях анархии международной системы, рассматривая экономические отношения через призму распределения относительных выгод и соображений безопасности. Неолиберальные институционалисты (Р. Кохейн, Дж. Най) подчеркивали значение международных институтов и режимов в формировании доверия и обеспечении стабильности сотрудничества. Конструктивисты (А. Вендт, Э. Адлер) обращали внимание на роль идентичностей, норм и социальных практик в формировании доверительных отношений между государствами.

Взаимосвязь геополитической напряженности и экономических отношений анализировалась в работах по геоэкономике и экономическому государственному управлению (Э. Люттвак, Р. Блэквилл, Дж. Харрис). Проблемы экономической безопасности и использования экономических инструментов в геополитическом противостоянии исследовались в трудах Г. Киссинджера, З. Бжезинского, Дж. Айкенберри. Российские исследователи внесли значительный вклад в изучение трансформации международных экономических отношений в условиях геополитической турбулентности (А.В. Торкунов, А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина, С.А. Караганов, В.А. Никонов).

Вместе с тем, несмотря на значительный объем исследований отдельных аспектов проблемы, комплексный анализ экономического доверия как самостоятельного феномена международных отношений, систематическое изучение механизмов его формирования, разрушения и восстановления в

условиях геополитической напряженности остаются недостаточно разработанными. Требуют дальнейшего исследования методы измерения уровня экономического доверия, стратегии его укрепления в нестабильной среде, институциональные механизмы защиты экономических отношений от деструктивного воздействия геополитических конфликтов.

Современная эпоха глобализации характеризуется беспрецедентной взаимосвязанностью мировой экономики, что одновременно создает как новые возможности для международного сотрудничества, так и принципиально новые риски и угрозы для экономического доверия между государствами. Традиционные формы геополитической конкуренции, основанные преимущественно на военной силе и территориальных завоеваниях, в XXI веке дополнились и во многом заменились более сложными и многоуровневыми формами соперничества, использующими экономические, технологические, информационные и кибернетические инструменты воздействия.

Цифровая революция и развитие информационных технологий кардинально изменили характер международных отношений и создали новые сферы конкуренции между государствами. Киберзащита стала краеугольным камнем государственной безопасности, тогда как цифровые атаки на критически важные объекты, финансовую инфраструктуру и органы власти превратились в новейший рычаг геополитического влияния. Информационные манипуляции, направленные на формирование общественных настроений и вмешательство в политические процессы зарубежных стран, создают среду взаимного недоверия и подозрительности, которая естественным образом переносится на экономические взаимодействия [2].

Технологическое соперничество между ведущими мировыми силами, особенно между Соединенными Штатами и Поднебесной, привело к формированию идеологии "технологической самодостаточности" и намерению государств управлять критическими технологиями и производственными сетями. Борьба за превосходство в сферах ИИ, квантовых вычислительных систем, чипостроения, технологий 5G и других передовых областей приобрела стратегическую направленность и стала оцениваться через призму национальной безопасности. Это привело к введению экспортных ограничений на высокотехнологичную продукцию, созданию "черных списков" компаний, ограничениям на научно-техническое сотрудничество и инвестиции в технологические стартапы.

Энергетическая безопасность остается одним из важнейших факторов геополитической конкуренции, особенно в условиях перехода к возобновляемым источникам энергии и борьбы с изменением климата. Контроль над энергетическими ресурсами и транспортными маршрутами продолжает играть ключевую роль в международных отношениях, а энергетическое оружие активно используется как инструмент политического давления. События 2022 года,

связанные с прекращением поставок российского газа в Европу, наглядно продемонстрировали уязвимость экономических систем, зависящих от импорта энергоресурсов из геополитически нестабильных регионов.

Таблица 1

Новые формы геополитической конкуренции в условиях глобализации

Сфера конкуренции	Кибератаки на инфраструктуру, хакерские атаки, кибершпионаж	Энергетические системы, финансовые сети, государственные базы данных	Мгновенный-краткосрочный	Атака на Colonial Pipeline (2021), вирус Stuxnet против Ирана	Высокое - подрывает доверие к цифровой инфраструктуре
Кибернетическая	Кибератаки на инфраструктуру, хакерские атаки, кибершпионаж	Энергетические системы, финансовые сети, государственные базы данных	Мгновенный-кратко-срочный	Атака на Colonial Pipeline (2021), вирус Stuxnet против Ирана	Высокое - подрывает доверие к цифровой инфраструктуре
Информационная	Дезинформационные кампании, пропаганда, влияние на выборы	Общественное мнение, политические процессы, СМИ	Среднесрочный-долгосрочный	Вмешательство в выборы в США (2016), Brexit-кампания	Среднее - создает политическую нестабильность
Технологическая	Экспортные ограничения, санкции против техкомпаний, блокировка патентов	Высокотехнологичные компании, научные институты, стартапы	Долгосрочный	Санкции против Huawei, ограничения на чипы для Китая	Очень высокое - разрушает глобальные цепочки создания стоимости
Финансовая	Вторичные санкции, исключение из платежных систем, валютные войны	Банки, платежные системы, валютные резервы	Краткосрочный-среднесрочный	Отключение от SWIFT, заморозка резервов ЦБ РФ	Критическое - подрывает основы международной финансовой системы
Энергетическая	Эмбарго на энергоресурсы, диверсификация поставок, "зеленый" переход	Энергетические компании, транспортные маршруты	Среднесрочный-долгосрочный	Прекращение поставок российского газа в ЕС	Высокое - создает энергетическую неопределенность

Финансовая система стала одной из основных арен геополитической конкуренции, поскольку доминирование доллара США в международных расчетах и контроль над глобальной финансовой инфраструктурой предоставляют Соединенным Штатам мощные рычаги воздействия на другие страны. Использование финансовой системы как инструмента принуждения через вторичные санкции, угрозы отключения от международных платежных систем и заморозку активов создает стимулы для развития альтернативных финансовых механизмов и платежных систем [10].

Климатическая повестка и переход к устойчивому развитию также становятся новой сферой геополитической конкуренции. Углеродное регулирование, "зеленые" стандарты, ESG-критерии инвестирования используются как инструменты создания конкурентных преимуществ и ограничения доступа на рынки для стран и компаний, не соответствующих новым экологическим требованиям. Европейский углеродный пограничный механизм, вступающий в силу с 2026 года, может существенно повлиять на международную торговлю и создать новые барьеры для развивающихся стран.

Цепочки поставок превратились из чисто экономического инструмента оптимизации затрат в объект геополитической конкуренции и обеспечения национальной безопасности. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала уязвимость глобальных цепочек поставок и зависимость многих стран от импорта критически важных товаров. Это привело к пересмотру стратегий компаний и государств в пользу "решоринга", "френдшоринга" и диверсификации поставщиков, что увеличивает издержки и снижает эффективность глобальной экономики.

Таблица 2

Воздействие новых форм геополитической конкуренции на международные экономические связи

Тип воздействия	Механизм влияния	Затронутые сектора	|Географический охват	Экономические последствия	Адаптационные стратегии
Фрагментация технологических стандартов	Создание несовместимых технологических экосистем	Телекоммуникации, интернет, мобильные технологии	Глобальный, особенно США-Китай	Увеличение издержек на R&D, дублирование инвестиций	Развитие региональных стандартов, технологический нейтралитет
Реструктуризация цепочек поставок	Политизация торговых отношений, требования локализации	Автомобилестроение, электроника, фармацевтика	Преимущественно развитые страны	Рост производственных затрат на 10-25%	"Френдшоринг", диверсификация поставщиков
Финансовая фрагментация	Создание параллельных платежных систем и	Банковский сектор, международные расчеты	Глобальный с региональной спецификой	Снижение эффективности международ-	Развитие цифровых валют центральных банков

	валютных блоков			ных платежей	
Энергетическая реконфигурация	Ускоренный переход к возобновляемым источникам энергии	Энергетика, транспорт, тяжелая промышленность	Европа, развитые страны Азии	Инвестиции в размере $4-5 трлн до 2030 года	Создание новых энергетических партнерств
Информационная сегментация	Создание национальных интернет-сегментов, цензура	IT-услуги, социальные сети, медиа	Авторитарные режимы, частично демократии	Снижение эффективности цифровой экономики	Развитие локальных цифровых платформ

Санкционная политика стала одним из наиболее распространенных инструментов современной дипломатии, кардинально изменив характер международных экономических отношений и создав новые риски для глобальной экономической стабильности. По данным различных исследований, количество санкционных режимов, действующих в мире, увеличилось более чем в десять раз за последние три десятилетия, а их сложность и охват значительно возросли. Современные санкции выходят далеко за рамки традиционных торговых эмбарго и включают в себя финансовые ограничения, технологические блокады, персональные санкции, вторичные санкции против третьих стран и компаний [15].

Эволюция санкционной политики отражает изменение характера международных отношений и растущую роль экономических факторов в геополитической конкуренции. Если в период холодной войны санкции применялись относительно редко и в основном в рамках противостояния двух блоков, то в современном многополярном мире санкции стали рутинным инструментом внешней политики, используемым для достижения широкого спектра целей - от принуждения к изменению внешнеполитического курса до наказания за нарушения прав человека.

Особенностью современных санкций является их экстерриториальный характер, когда ограничения распространяются не только на непосредственных адресатов, но и на третьи страны и компании, ведущие с ними бизнес. Это создает эффект "принуждения к соблюдению", когда компании и финансовые институты вынуждены самостоятельно отказываться от потенциально прибыльных сделок из-за опасений попасть под вторичные санкции. Такой подход значительно расширяет воздействие санкций, но одновременно подрывает принципы свободной торговли и создает атмосферу неопределенности в международном бизнесе.

Технологические санкции представляют собой особенно разрушительный инструмент воздействия на экономическое доверие, поскольку они нарушают глобальные цепочки создания стоимости и препятствуют международному научно-техническому сотрудничеству. Ограничения на поставки

полупроводников, программного обеспечения, высокотехнологичного оборудования создают долгосрочные структурные проблемы для экономик-мишеней и стимулируют развитие параллельных технологических экосистем [6].

Финансовые санкции, включая отключение от международных платежных систем и заморозку активов, наносят особенно серьезный ущерб доверию к международной финансовой системе. Использование доллара США и контролируемой американскими властями финансовой инфраструктуры как инструмента принуждения создает стимулы для развития альтернативных валют и платежных механизмов, что может в долгосрочной перспективе подорвать доминирование доллара в международных расчетах.

Таблица 3

Типы современных санкций и их воздействие на экономическое доверие

Тип санкций	Механизм действия	Основные цели	Экономические эффекты	Воздействие на доверие	Примеры применения
Торговые санкции	Запрет или ограничение импорта/ экспорта определенных товаров	Ослабление экономики противника, принуждение к изменению политики	Сокращение торгового оборота на 25-60%	Среднее - создает неопределенность в торговых отношениях	Эмбарго на российскую нефть, ограничения на иранские товары
Финансовые санкции	Заморозка активов, ограничение доступа к финансовым рынкам	Изоляция от международной финансовой системы	Рост стоимости заимствований на 200-500 б.п	Высокое - подрывает доверие к финансовым институтам	Отключение российских банков от SWIFT
Технологические санкции	Запрет на поставки высокотехнологичной продукции и технологий	Ограничение технологического развития	Снижение производительности на 15-30%	Очень высокое - разрушает инновационные экосистемы	Ограничения на поставки чипов в Китай
Персональные санкции	Заморозка активов и запрет на въезд для физических лиц	Давление на политическую элиту	Ограниченный прямой эффект	Среднее - влияет на деловые связи элит	Санкции против российских олигархов
Секторальные санкции	Ограничения для целых отраслей экономики	Системное ослабление экономики	Высокое - создает долгосрочную неопределенность	Сокращение инвестиций на 40-70% | Высокое - создает долгосрочную неопределенность	Российского энергетического сектора

Торговые войны представляют собой еще один деструктивный фактор, подрывающий международное экономическое доверие. В отличие от санкций, которые обычно имеют четко определенные политические цели, торговые войны часто развиваются по собственной логике эскалации, когда каждая сторона отвечает на ограничительные меры противника еще более жесткими мерами. Торговая война между США и Китаем, начавшаяся в 2018 году, стала крупнейшим торговым конфликтом со времен Великой депрессии и продемонстрировала, насколько быстро могут разрушиться десятилетиями формировавшиеся экономические связи.

Психологические эффекты санкций и торговых войн часто превышают их непосредственное экономическое воздействие. Неопределенность относительно будущих ограничений, опасения эскалации конфликтов, репутационные риски заставляют компании и инвесторов принимать консервативные решения и избегать потенциально прибыльных, но рискованных проектов. Это создает эффект "охлаждения" деловой активности, который может сохраняться долгое время после формального урегулирования конфликтов [11].

Правовая неопределенность, создаваемая сложными и часто меняющимися санкционными режимами, также подрывает доверие к международной правовой системе [12]. Компании вынуждены тратить значительные ресурсы на обеспечение соблюдения санкционных требований, что увеличивает издержки ведения международного бизнеса и создает барьеры для малых и средних предприятий.

Таблица 4

Экономические последствия санкционной политики и торговых войн

Сфера воздействия	Краткосрочные эффекты (1-2 года)	Среднесрочные эффекты (3-5 лет)	Долгосрочные эффекты (5+ лет)	Механизмы адаптации	Примеры
Международная торговля	Сокращение торговых потоков на 20-40%, рост цен на 5-15%	Реструктуризация торговых маршрутов, поиск новых партнеров	Формирование региональных торговых блоков	Диверсификация рынков, развитие торговли Юг-Юг	Сокращение торговли США-Китай на $100 млрд
Прямые иностранные инвестиции	Резкое сокращение ПИИ на 50-80%	Переориентация инвестиционных потоков	Создание параллельных инвестиционных экосистем	Развитие суверенных фондов, региональных банков развития	Отток западных инвестиций из России $300+ млрд
Финансовые рынки	Волатильность валют, рост премий за риск	Развитие альтернативных платежных систем	Фрагментация глобальной финансовой системы	Цифровые валюты центральных банков, биткоин	Создание китайской системы CIPS

Технологический сектор	Нарушение цепочек поставок, дефицит компонентов	Дублирование НИОКР, рост издержек на 20-40%	Технологическая биполярность	Импортозамещение, создание национальных чемпионов	Развитие китайской полупроводниковой промышленности
Энергетические рынки	Ценовая волатильность, перебои в поставках	Ускоренная диверсификация источников энергии	Региональная фрагментация энергетических рынков	Возобновляемая энергетика, новые транспортные маршруты	Отказ ЕС от российского газа

Российская Федерация представляет собой наиболее яркий современный пример кардинальной трансформации международного экономического доверия под воздействием геополитических факторов и санкционной политики. До 2014 года Россия была интегрирована в мировую экономическую систему: страна входила в G8, активно участвовала в работе G20, была членом ВТО с 2012 года, российские компании котировались на международных биржах, а российские банки имели широкий доступ к международным финансовым рынкам.

События 2014 года, связанные с присоединением Крыма и началом конфликта на Донбассе, стали поворотной точкой в отношениях России с западными странами. Первый пакет санкций включал персональные ограничения против российских официальных лиц, заморозку активов и запреты на въезд. Однако постепенная эскалация привела к введению секторальных санкций против крупнейших российских банков, энергетических и оборонных компаний. Ограничения на доступ к долгосрочному финансированию на западных рынках, запреты на поставки технологий для нефтегазового сектора, ограничения на военно-техническое сотрудничество создали серьезные вызовы для российской экономики.

Ответные российские санкции, включавшие запрет на импорт продовольственных товаров из стран ЕС, США, Канады, Австралии и Норвегии, еще больше усугубили ситуацию и привели к разрыву устоявшихся торговых связей. Российский рынок, который до 2014 года был одним из крупнейших импортеров европейского продовольствия, практически закрылся для западных поставщиков, что нанесло ущерб как российским потребителям, так и европейским производителям.

Специальная военная операция на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 года, привела к беспрецедентной эскалации санкционного давления на Россию. Были введены санкции против Центрального банка России и заморожены его валютные резервы в размере около $300 миллиардов, что стало первым в истории случаем заморозки резервов центрального банка крупной экономики. Ряд российских банков был отключен от системы SWIFT, что серьезно осложнило

международные расчеты. Введены запреты на импорт российских энергоносителей, заморожены активы российских бизнесменов и компаний на сотни миллиардов долларов [4].

Массовый исход западных компаний из России стал одним из наиболее заметных проявлений утраты экономического доверия. Более 1000 международных компаний полностью или частично прекратили свою деятельность в России, включая такие гиганты как McDonald's, Coca-Cola, PepsiCo, Unilever, Procter & Gamble, IKEA, H&M. Многие из этих компаний работали в России десятилетиями и имели значительные инвестиции в российскую экономику.

Российская экономика продемонстрировала значительную устойчивость к санкционному давлению благодаря накопленным резервам, высоким ценам на энергоносители и политике импортозамещения. Переориентация торговых потоков на азиатские рынки, развитие альтернативных платежных механизмов, создание параллельных цепочек поставок позволили частично компенсировать потери от разрыва связей с Западом. Однако долгосрочные последствия для технологического развития и модернизации экономики остаются серьезным вызовом [5].

Введение секторальных санкций ознаменовало качественно новый этап в санкционном противостоянии, поскольку эти меры были направлены не против отдельных лиц или компаний, а против целых отраслей российской экономики и имели целью ограничить долгосрочный экономический потенциал страны. Особенно болезненными для российской экономики стали финансовые санкции, которые ограничили доступ крупнейших российских банков и компаний к международным рынкам капитала и привели к значительному удорожанию заимствований для российских экономических субъектов [3].

Российские компании, которые до 2014 года активно привлекали средства на международных финансовых рынках, внезапно оказались отрезанными от этого источника финансирования, что заставило их кардинально пересмотреть свои инвестиционные планы и стратегии развития. Общий объем внешнего долга российского частного сектора сократился с пикового значения в 732 миллиарда долларов в 2013 году до менее чем 400 миллиардов долларов к концу 2010-х годов, что свидетельствует о масштабах вынужденного сокращения внешних заимствований.

Технологические санкции, ограничившие доступ российских компаний к передовым западным технологиям в области нефтегазового сектора, создали долгосрочные вызовы для развития российской энергетики, особенно в части освоения трудноизвлекаемых запасов углеводородов. Российские нефтегазовые компании были вынуждены отказаться от ряда амбициозных проектов в Арктике и на шельфе, а также искать альтернативные источники технологий и

оборудования, что привело к увеличению издержек и замедлению темпов развития отрасли.

Ответные российские санкции, введенные в августе 2014 года и предусматривавшие эмбарго на импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из стран, присоединившихся к антироссийским санкциям, продемонстрировали готовность российского руководства нести экономические издержки ради достижения политических целей и создали дополнительные препятствия для нормализации экономических отношений. Хотя эти меры и способствовали развитию отечественного сельского хозяйства и пищевой промышленности, они также привели к росту цен на продовольствие и ограничению выбора для российских потребителей [8].

Воздействие санкций на российскую экономику усугублялось одновременным падением мировых цен на нефть, которые снизились с более чем 100 долларов за баррель в середине 2014 года до менее чем 30 долларов в начале 2016 года. Этот двойной шок - санкции плюс падение нефтяных цен - привел к серьезному экономическому кризису, характеризовавшемуся рецессией, девальвацией рубля, ростом инфляции и сокращением реальных доходов населения. ВВП России сократился на 2,8% в 2015 году и еще на 0,2% в 2016 году, что стало первой рецессией в стране после кризиса 2008-2009 годов.

Девальвация российского рубля, который ослаб с примерно 35 рублей за доллар в начале 2014 года до более чем 80 рублей за доллар в конце 2014 года, стала одним из наиболее наглядных проявлений кризиса доверия к российской экономике. Хотя ослабление национальной валюты частично компенсировало негативное воздействие санкций на экспортно-ориентированные отрасли и способствовало импортозамещению, оно также привело к росту инфляции и снижению покупательной способности населения.

Отток капитала из России достиг рекордных значений: в 2014 году чистый отток частного капитала составил 154 миллиарда долларов, что стало максимальным показателем за всю современную историю страны. Этот массовый исход капитала отражал не только прямое воздействие санкций, но и общее ухудшение инвестиционного климата, связанное с повышением политических рисков и неопределенностью относительно дальнейшего развития ситуации.

Ведущие мировые рейтинговые агентства ответили на кризисные явления каскадом снижений государственного рейтинга России. Standard & Poor's деградировало российский рейтинг до неинвестиционного статуса в январе 2015 года, за которым последовали соответствующие действия Moody's и Fitch. Эти меры не только констатировали наличествующие экономические сложности, но и предвещали долгосрочные опасности, связанные с международным остракизмом страны и урезанными возможностями экономической модернизации в санкционном режиме.

Воздействие ограничительных мер на разные сферы российского хозяйства проявилось асимметрично. Наиболее болезненные последствия испытали банковская отрасль и крупные государственные структуры, лишившиеся возможности использования международных финансовых рынков и переключившиеся на внутренние источники капитала и государственную субсидию. Нефтегазовая индустрия, вопреки технологическим препонам, удержала способность производить крупные валютные доходы благодаря непрерывности экспорта энергетических товаров, оставшихся вне зоны непосредственных санкционных мер. Воздействие санкций на различные сектора российской экономики было неравномерным. Наиболее серьезно пострадали банковский сектор и крупные государственные компании, которые лишились доступа к международным рынкам капитала и были вынуждены полагаться на внутренние источники финансирования и поддержку государства. Нефтегазовый сектор, несмотря на технологические ограничения, продолжал генерировать значительные валютные доходы благодаря сохранению экспорта энергоносителей, который не попал под прямые санкции.

Малый и средний бизнес, формально не затронутый санкциями, тем не менее столкнулся с серьезными трудностями из-за общего ухудшения экономической ситуации, ограничения доступа к кредитам и сокращения потребительского спроса. Многие российские компании были вынуждены пересмотреть свои планы международной экспансии и сосредоточиться на внутреннем рынке, что ограничило их возможности для роста и модернизации.

Российское правительство ответило на санкционный вызов разработкой стратегии импортозамещения, направленной на снижение зависимости от западных технологий и товаров за счет развития отечественного производства и диверсификации внешнеэкономических связей в пользу незападных стран. Эта стратегия предусматривала значительные государственные инвестиции в развитие критически важных отраслей, поддержку отечественных производителей и активизацию сотрудничества со странами Азии, Латинской Америки и Африки [1].

Политика "поворота на Восток" стала одним из ключевых элементов российской стратегии адаптации к санкциям и предусматривала активизацию экономического сотрудничества с Китаем, Индией, странами АСЕАН и другими незападными партнерами. Наиболее ярким символом этой политики стало подписание в мае 2014 года контракта на поставку российского газа в Китай стоимостью 400 миллиардов долларов на 30 лет, который продемонстрировал возможности для диверсификации экспортных рынков даже в условиях западных санкций.

Развитие альтернативных финансовых институтов и платежных систем стало еще одним направлением российских усилий по снижению зависимости от западной финансовой инфраструктуры. Создание национальной платежной

системы "Мир", развитие системы передачи финансовых сообщений СПФС как альтернативы SWIFT, а также активное участие в создании международных финансовых институтов, таких как Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, были направлены на формирование альтернативной финансовой архитектуры [13].

События февраля 2022 года, связанные с началом специальной военной операции на Украине, привели к кардинальной эскалации санкционного противостояния и введению беспрецедентных по масштабам и жесткости ограничительных мер против России. Новые санкции включили отключение ряда российских банков от системы SWIFT, заморозку активов Центрального банка России, находящихся в западных юрисдикциях, полное эмбарго на российские энергоносители со стороны ЕС и множество других мер, направленных на максимальную изоляцию российской экономики от мировой финансовой системы.

Внедрение ценового барьера для российской нефти в 60 долларов за баррель, одобренного государствами G7 и Европейским союзом в декабре 2022 года, стало инструментом сокращения российских энергетических доходов с сохранением глобальных энергопоставок для предупреждения энергетического шока. Данный механизм отобразил новаторские концепции санкционной стратегии, нацеленные на избирательное давление на экономику страны-адресата при параллельном уменьшении деструктивного влияния на мировую экономическую систему.

Российское хозяйство продемонстрировало выраженную адаптивность к свежей волне ограничительных мер, что обуславливалось накопленным за предыдущий период опытом адаптации к санкционному режиму, созданием замещающих торговых и финансовых инструментов, а также повышенными котировками энергетических ресурсов в первой половине 2022 года. Тем не менее, долгосрочные последствия новых санкций для российской экономики остаются предметом дискуссий среди экспертов и будут зависеть от множества факторов, включая продолжительность конфликта, эффективность санкций и способность России адаптироваться к новым условиям [7].

Опыт санкционного противостояния между Россией и Западом демонстрирует как возможности, так и ограничения экономических санкций как инструмента геополитического воздействия в современном мире. С одной стороны, санкции способны нанести значительный ущерб экономике страны-цели, ограничить ее доступ к международным рынкам и технологиям, создать серьезные препятствия для экономического развития. В то же время российская практика свидетельствует о том, что значительные экономики с разнообразной экспортной структурой и богатыми природными активами обладают потенциалом для приспособления к санкционному воздействию и поиска новых векторов развития.

Перспективные результаты санкционного противоборства для мировой экономической системы предполагают активизацию процессов разглобализации, дробление международных торгово-финансовых коммуникаций, возникновение альтернативных экономических союзов и структур, а также ослабление общей эффективности глобального экономического пространства. Подобные трансформации могут повлечь значительные изменения в будущем развитии международных экономических взаимоотношений и обусловят необходимость разработки новаторских методов гарантирования экономической безопасности и стабильности в условиях обостряющегося геополитического противостояния. Восстановление экономического доверия к России в будущем будет представлять собой сложный и многоэтапный процесс, который потребует кардинальных изменений как во внутренней политике страны, так и в характере ее международных отношений. Исторический опыт других стран, переживших периоды международной изоляции, показывает, что процесс восстановления доверия может занимать десятилетия и требует последовательных усилий по демонстрации приверженности мирному развитию, соблюдению международного права и готовности к конструктивному сотрудничеству с мировым сообществом. Первым и наиболее важным условием для начала процесса восстановления доверия станет урегулирование украинского конфликта на основе принципов, приемлемых для международного сообщества. Без политического урегулирования конфликта любые попытки восстановления экономических отношений будут носить ограниченный и временный характер.

Институциональные реформы внутри России также станут критически важным фактором для восстановления международного доверия. Международные инвесторы и партнеры будут ожидать укрепления правового государства, независимости судебной системы, защиты прав собственности, борьбы с коррупцией и обеспечения прозрачности в деятельности государственных институтов. Эти изменения необходимы не только для восстановления внешнего доверия, но и для обеспечения устойчивого долгосрочного экономического развития страны.

Диверсификация российской экономики и снижение ее зависимости от экспорта сырьевых товаров станут еще одним важным направлением работы по восстановлению доверия. Международное сообщество будет более склонно к сотрудничеству с Россией, если она продемонстрирует способность к инновационному развитию, созданию высокотехнологичных производств и интеграции в глобальные цепочки создания стоимости в качестве поставщика не только сырья, но и готовой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Реконструкция доверия предполагает также целенаправленную деятельность по созданию благоприятного имиджа государства и демонстрации его соответствия международным правилам и критериям. Подобная работа

может охватывать интеграцию в международные институты и программы, сфокусированные на преодолении глобальных вызовов, таких как экологические трансформации, борьба с инфекционными заболеваниями, поддержание продовольственной устойчивости. Продуктивное вовлечение России в решение указанных задач может способствовать постепенному пересмотру представлений о стране в международной среде [9].

Важную роль в процессе восстановления доверия может сыграть гражданское общество и деловые круги России, которые могут выступать в качестве мостов для восстановления контактов с зарубежными партнерами. Развитие неправительственных организаций, академических обменов, культурных связей и деловых контактов на негосударственном уровне может создать основу для будущего восстановления официальных отношений и экономического сотрудничества [14].

Процесс восстановления доверия будет носить поэтапный характер и, вероятно, начнется с наименее политизированных областей сотрудничества, таких как гуманитарная помощь, научные исследования, экологические проекты, борьба с общими угрозами. Постепенно, по мере демонстрации надежности и предсказуемости российской политики, сотрудничество может расширяться на торговлю, инвестиции и технологические обмены.

Список использованной литературы

1. Антонович И.И. Глобальный кризис и перестройка системы геополитического равновесия // БЕРЕГИНЯ.777.СОВА . 2012. №2 (13). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnyy-krizis-i-perestroyka-sistemy-geopoliticheskogo-ravnovesiya-1

2. Ариели Д. Время заблуждений: Почему умные люди поддаются фальсификациям, распространяют слухи и верят в теории заговора. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 312 с.

3. Горегляд В. П Мировой кризис и геополитические перспективы России и Европейского Союза // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2012. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-krizis-i-geopoliticheskie-perspektivy-rossii-i-evropeyskogo

4. Евстафьев Д.Г. Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. – М.: Концептуал, 2024. – 320 с.

5. Зеленков М. Ю, Тюриков А. Г Модель вызовов доверию в современной российской федерации // Социодинамика. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-vyzovov-doveriyu-v-sovremennoy-rossiyskoy-federatsii

6. Макаров Е. С, Тихомиров Д. А Проблема определения сущности денег в современной экономической социологии: между государством и доверием // Экономическая социология. 2021. №5. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-suschnosti-deneg-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-sotsiologii-mezhdu-gosudarstvom-i-doveriem

7. Моро К. Украинский кризис и ошибки Запада. Размышления французского политолога / Ксавье Моро. – М. : Вече, 2022. – 272 с.

8. Огнева В. В. Геополитическое самоопределение России в контексте украинского кризиса // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskoe-samoopredelenie-rossii-v-kontekste-ukrainskogo-krizisa

9. Пушкарева Г. В Российская идентичность: испытание геополитическим кризисом // Власть. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-identichnost-ispytanie-geopoliticheskim-krizisom

10. Рипинская П.С. Иран. Экономика под санкциями / П.С. Рипинская; предисл. Д.э.н. Я.М. Миркина. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 240 с.

11. Руденкин В. Н. Мировой финансово-экономический кризис и проблема доверия к политическим и общественным институтам // Вестник экономики, управления и права. 2009. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-finansovo-ekonomicheskiy-krizis-i-problema-doveriya-k-politicheskim-i-obschestvennym-institutam

12. Стоун Ш. Новый мировой порядок. Стратегия империализма – М.: Издательский дом «Тион», 2025. – 384 с.

13. Тодд Э. Поражение Запада / Эммануэль Тодд; [перевод с французского Н. Жиро]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 320 с.

14. Шепелев М. А. Кризис ультрамодерна и перспективы новой геополитической революции // Образование и право. 2018. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-ultramoderna-i-perspektivy-novoy-geopoliticheskoy-revolyutsii

15. Хорев В. П Доверие как институциональный фактор развития национального хозяйства // Армия и общество. 2011. №4 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-institutsionalnyy-faktor-razvitiya-natsionalnogo-hozyaystva

1.7. Влияние краудфандинга на развитие творческих индустрий и культуры в Казахстане и России[7]

Введение

В условиях цифровой трансформации экономики наблюдается глубокое изменение традиционных механизмов производства, распространения и потребления культурного контента. Новые цифровые платформы, социальные сети, технологии блокчейн и механизмы прямого взаимодействия между потребителем и производителем контента радикально трансформируют саму природу творческих индустрий, если ранее культура в значительной степени зависела от институциональной поддержки со стороны государства или крупных спонсоров, то сегодня на первый план выходит модель децентрализованного и распределенного финансирования, в которой ключевую роль начинает играть краудфандинг, при этом анализ статистических данных в области краудфандинга выявляет ключевые направления его наиболее интенсивного применения, среди которых следует отметить технологический и инновационный секторы, сферу искусства и культуры, индустрию путешествий и туризма, социальные инициативы, а также медиа и развлекательные проекты, включая благотворительные и гуманитарные программы [29].

Краудфандинг, как форма коллективного финансирования через цифровые платформы, стал неотъемлемым элементом современной экосистемы поддержки культурных и креативных инициатив. Он обеспечивает прямую связь между автором проекта и аудиторией, способствуя формированию сообщества вокруг идеи и снижая барьеры входа на рынок для молодых и независимых авторов. Эта модель особенно актуальна для таких стран, как Казахстан и Россия, где, несмотря на различия в экономическом и культурном контексте, наблюдается общий тренд на поиск альтернативных источников финансирования для культуры и креативных индустрий.

В России, в условиях активной цифровизации и стремления к диверсификации экономики, краудфандинг развивается как важный инструмент поддержки творческих проектов, дополняя традиционные механизмы государственного финансирования и спонсорства. По данным ЦБ РФ, объем российского рынка краудфандинга в 2024 году составил 54,2 млрд. руб., что свидетельствует о растущем интересе к этому инструменту как со стороны авторов проектов, так и со стороны инвесторов [10].

В Казахстане же, уровень развития традиционной инфраструктуры поддержки культуры и творческих индустрий пока уступает глобальным стандартам, а потребность в альтернативных источниках финансирования объективно высока.

Механизм воздействия краудфандинга на культурную экосистему можно выразить следующей схемой: Краудфандинговая платформа → Привлечение аудитории и донаций → Реализация творческого проекта → Создание культурного продукта → Рост культурного капитала и занятости →

[7] Автор раздела: Мельникова Н.С., Быканова Н.И., Евдокимова О.Н., Иранкунда Э.

Институционализация творческой индустрии.

К преимуществам краудфандинга в Казахстане можно отнести разнообразие проектов и идей, возможность инвестиций для широкой аудитории, участие в развитии инноваций, совместное финансирование и сотрудничество. Рассматривая опыт таких российских краудфандинговых компаний, как Planeta.ru и Boomstarter.ru, можно выявить схожие факторы успеха. На рисунке 1 можно увидеть, как росло количество успешных краудфандинговых проектов в сфере культуры с 2017 по 2024 года в Казахстане и России, где для наглядности также визуализированы средние сборы по годам, отражая общие тенденции развития этой сферы в обеих странах.

17 марта 2021 года во время заседания, посвященного перспективам развития города Алматы, президент Касым-Жомарт Токаев отметил: «Здесь не нужно ‘изобретать велосипед’. Такие технологии, как краудфандинг, образовательные хабы, специальные инвестиционные раунды с бизнес-ангелами, хорошо себя показали за рубежом» [23].

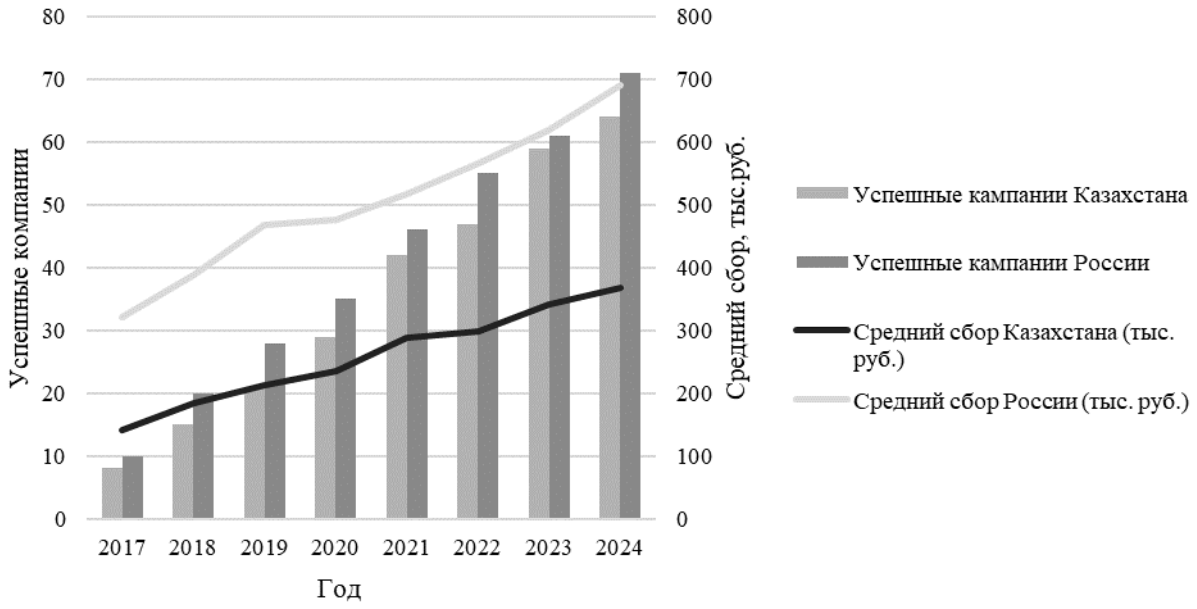


Рис. 1. Количество успешных краудфандинговых проектов в сфере культуры (2017–2024)

Составлено авторами на основе данных краудфандинговых платформ Казахстана [13,14,15,16, 21] и России [12, 19]

Казахстан вступил в фазу активного развития цифровой экономики, и это открывает уникальные возможности для реформирования культурной политики. В стране действуют стратегические документы, предполагающие поддержку творческих индустрий, например, Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы [5], Концепция развития креативных индустрий на 2021 - 2025 годы [3], разработан проект нормативно-правового акта «Об утверждений правил стимулирования и государственной поддержки креативных индустрий», в 2025 году Правительством Республики Казахстан создан Фонд развития креативных индустрий [4].

В России также реализуются различные программы поддержки культурных индустрий, включая федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры» в рамках нацпроекта «Семья» [8], проект по созданию детских культурно-просветительских центров, программы «Высшая школа управления в сфере культуры» и «Капитаны культуры», а также «Пушкинская карта» и «Земский работник культуры» [9]. Президентский фонд культурных инициатив (ПФКИ) оказывает всестороннюю поддержку проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий. Принят Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [1], направленный на развитие креативной экономики и создание условий для самореализации граждан.

Несмотря на предпринимаемые усилия, как в России, так и в Казахстане, сфера культуры сталкивается с рядом общих вызовов. В Казахстане это, в частности, ограниченность государственных грантов, слабость локальных культурных институтов, неравномерность распределения ресурсов между центром и регионами, и недостаточное вовлечение гражданского общества в культурные процессы. В России, в свою очередь, актуальны вопросы сохранения культурного наследия в регионах, поддержки независимых творческих инициатив, обеспечения доступности культурных благ для различных слоев населения и вовлечения граждан в культурную жизнь страны.

В такой ситуации краудфандинг может быть инструментом привлечения ресурсов и механизмом трансформации самой логики культурного развития, что позволяет активизировать горизонтальные связи в обществе, стимулирует формирование сообществ практиков, способствует социализации креативного труда и росту культурного капитала. Более того, краудфандинг может рассматриваться как индикатор общественного спроса на те или иные культурные ценности, выступая своеобразным маркером культурной актуальности.

Несмотря на возрастающий интерес к краудфандингу в Казахстане, как со стороны творческих сообществ, так и со стороны аналитиков, следует констатировать, что научная проработка данного феномена в контексте национального культурного развития находится на начальном этапе, в частности, отсутствуют комплексные исследования, анализирующие влияние краудфандинга на устойчивость и институционализацию творческих проектов и его роль в формировании новой инфраструктуры культурной экономики. Аналогичная ситуация наблюдается и в России, где исследования краудфандинга в контексте развития культуры также находятся на начальном этапе, что обусловливает необходимость более глубокого анализа данного феномена.

В этом контексте настоящая работа направлена на восполнение указанного научного пробела и формирование системного представления о возможностях и рисках краудфандинга как инструмента поддержки культурных инициатив в Казахстане и России.

Цель работы заключается в анализе влияния краудфандинга на развитие творческих индустрий и культуры в Казахстане и России в условиях цифровой трансформации экономики. В рамках поставленной цели предполагается

изучить теоретико-методологические основы краудфандинга как инструмента культурного финансирования; проанализировать текущее состояние творческих индустрий в Республике Казахстан и Российской Федерации, определить характер их институциональных ограничений и возможностей; провести систематизацию казахстанских и российских краудфандинговых платформ и проектов в сфере культуры, выявив различия в моделях финансирования и специализациях; выявить социально-экономические эффекты и ограничения применения краудфандинга в национальном контексте; выработать рекомендации по повышению эффективности использования краудфандинга для поддержки креативного сектора.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу работы составляют современные концепции креативной экономики, институциональной экономической теории, теории публичных благ и теория социального капитала. В рамках исследования использован комплекс общенаучных и специальных методов:

1. Метод сравнительного анализа, примененный для сопоставления казахстанского и российского опыта применения краудфандинга в культурной сфере, выявление общих тенденций и специфических особенностей;
2. Контент-анализ краудфандинговых платформ и успешных кейсов творческих проектов;
3. Экспертное интервью с представителями казахстанских креативных сообществ и менеджерами краудфандинговых кампаний;
4. Статистический анализ данных о динамике творческих индустрий и объемах финансирования культурных проектов в Казахстане и России, используя данные национальных статистических служб, отраслевых исследований и отчетов краудфандинговых платформ;
5. Метод кейс-стади для детального рассмотрения наиболее успешных и значимых краудфандинговых инициатив в Казахстане и России;
6. SWOT-анализ, направленный на выявление сильных и слабых сторон краудфандинга как инструмента культурной политики.

Эмпирическую базу составили данные Министерства культуры и информации РК, отчеты международных культурных организаций, национальные и международные аналитические материалы по вопросам креативной экономики, подготовленные и опубликованные на платформах StartTime, iKapitalist, GoCrowd, Proportunity, InvestRoom, GoFundMe, StartTrack, Planeta.ru, Boomstarter.ru, JetLend, Поток, в специализированных СМИ и научных журналах.

Результаты исследования и их обсуждение

Краудфандинг (от англ. crowdfunding – коллективное финансирование или «народное финансирование») представляет собой инновационный механизм привлечения финансовых ресурсов, основанный на добровольных пожертвованиях широкого круга лиц посредством цифровых платформ. «Принцип краудфандинга очень прост - выкладываешь в сеть идею и собираешь голоса, а затем и деньги тех, кто готов тебя поддержать. Чем больше «акционеров» у проекта, тем меньше сумма на одного человека».

Он выступает как финансовый инструмент и как социальный феномен, переопределяющий отношения между создателем культурного продукта и его аудиторией, хотя это не является благотворительной деятельностью или классической инвестицией в привычном понимании, поскольку авторы проектов не только собирают средства у незнакомых людей, но и предлагают взамен определённые ценности. В качестве обмена выступают создаваемые в рамках проекта продукты или услуги, поэтому краудфандинг работает по принципу предварительной продажи или предзаказа.

Исторически краудфандинг восходит к практике общественных подписок на издание книг, строительство памятников или поддержку независимых артистов, но современное проявление краудфандинга связано с цифровыми технологиями Web 2.0 и формированием платформенного взаимодействия между автором проекта, инвесторами и аудиторией.

По данным сайта statista.com [43], в 2023 году мировая индустрия краудфандинга оценивается в 16,5 миллиардов долларов. Прогнозируется, что при среднегодовом росте в 11,3% к 2032 году объем рынка достигнет примерно 42,9 миллиарда долларов, при этом около 15% этого показателя придется на развитие культурных и креативных секторов. Одна из крупнейших краудфандинговых платформ Kickstarter запустила более 650 000 проектов по состоянию на январь 2024 года [34].

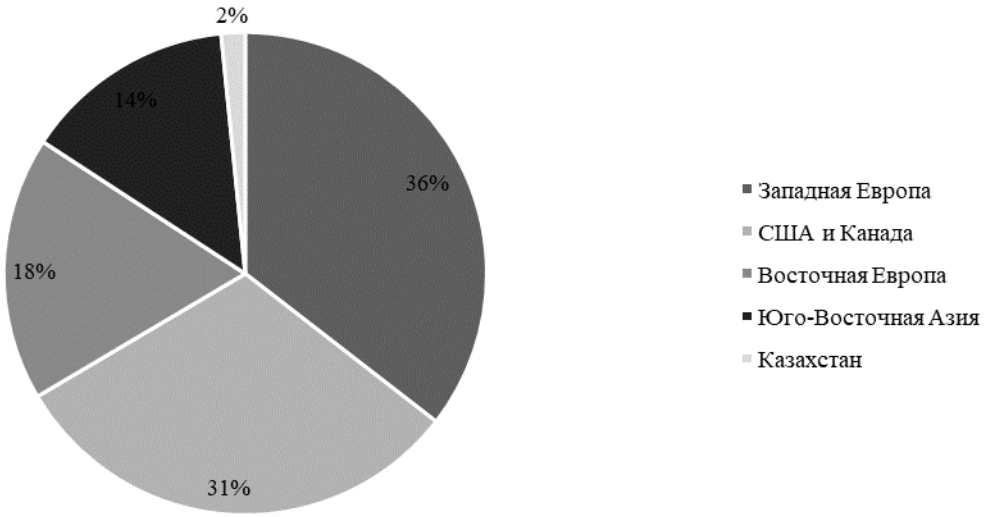


Рис. 2. Сравнение доли краудфандинга в структуре финансирования культуры по регионам в 2024 году
Составлено авторами на основе данных statista.com

В научной литературе существуют различные методологические подходы к изучению краудфандинга в культурной сфере. Экономико-социологический рассматривает краудфандинг как форму сетевого взаимодействия с экономической эффективностью. Культурно-антропологический подход фокусируется на краудфандинге как на механизме формирования идентичности и креативных сообществ. Институциональный подход анализирует

краудфандинг через призму государственной культурной политики и регулирования цифровой экономики. Краудфандинг в сфере культуры – это не просто финансовая альтернатива, но сложный социоэкономический и культурный феномен, отражающий трансформацию моделей культурного производства в эпоху цифровизации [24].

На сегодняшний день в академической и практической литературе принято выделять четыре основные модели краудфандинга описанные в таблице 1, каждая из которых применима к различным форматам культурных проектов.

Таблица 1

Основные модели краудфандинга и их применение в культуре

Модель	**Краткая характеристика**	**Примеры культурных применений**
Донатная	Безвозмездные пожертвования без обязательств	Поддержка музеев, фондов, фестивалей
Вознаградительная	Взамен пожертвования автор предлагает нематериальное вознаграждение	Издание книг, альбомов, коллекционных предметов
Инвестиционная	Доноры получают долю участия или прибыль	Создание театров, киностудий, медиаплатформ
Долговая (краудлендинг)	Финансирование с обязательством возврата или процента	Аренда культурных пространств, съемки, выставки

Составлено авторами на основе [26, 31, 38]

С теоретической точки зрения краудфандинг классически рассматривается как способ расширения культурного участия и инструмент формирования «цифрового гражданства», в отличие от традиционного финансирования, потому что он снижает барьеры входа для творцов, позволяя даже начинающим авторам и коллективам получать средства на реализацию проектов при наличии заинтересованной аудитории [25].

Механизм взаимодействия в краудфандинге культурных проектов можно выразить следующей схемой: Креатор / автор проекта представляет идею на платформе → Краудфандинговая платформа организовывает платежи, продвижение, контроль → Участники/доноры/аудитория создают финансирование и обратную связь → Создание культурного продукта → Устойчивость проекта и цифровая репутация [32].

Согласно концепции «участвующей культуры» [44], пользователи становятся потребителями и активными соучастниками культурного производства, а краудфандинг в этом контексте выступает как средство горизонтального взаимодействия и альтернативной институциональности.

Применение краудфандинга в контексте государственной культурной политики может выполнять функции, описанные в таблице 2.

Таблица 2

Функции краудфандинга в государственной культурной политике

Функция	**Содержание / Пояснение**
Дополнительное финансирование	Компенсация недостатка бюджетных средств за счёт общественных пожертвований
Институциональная поддержка	Встраивание краудфандинга в систему государственных грантов и программ поддержки культуры
Индикатор общественного интереса	Определение приоритетных направлений развития культуры на основе активности граждан
Инструмент мягкой силы	Реализация международных культурных проектов и продвижение культурного имиджа страны

Составлено авторами на основе [28, 33]

Краудфандинг в рамках креативных индустрий открывает перед творческими личностями уникальные возможности и преимущества, описанные в таблице 3, обеспечивая не только финансовую поддержку для воплощения задумок, но и устанавливая тесное взаимодействие с аудиторией, позволяя проверить жизнеспособность идеи и расширить горизонты дальнейшего развития проектов.

Таблица 3

Преимущества краудфандинга для творческих проектов

Преимущество	**Содержание / Обоснование**
Прямой доступ к аудитории	Краудфандинг позволяет авторам (музыкантам, художникам, дизайнерам и др.) напрямую взаимодействовать с публикой.
Тестирование рыночного спроса	Краудкампания подтверждает актуальность идеи и позволяет проверить интерес аудитории до масштабной реализации.
Формирование лояльного сообщества	Поддерживающие становятся не просто донорами, но и частью творческого сообщества, продолжающего следить за автором.
Поддержка смелых и нестандартных идей	Создает условия для реализации уникальных и рискованных проектов вне рамок коммерческих ожиданий.

Составлено авторами на основе [30, 37]

Оценка потенциальной доли привлеченных средств через краудфандинг показала, что рефинансирование через зарубежные платформы, включая развитые европейские страны, обычно колеблется в диапазоне 0–2% годовых. В результате это обуславливает эффективную стоимость привлечения капитала на уровне 12–15% в год. При этом в России расходы на финансирование через межплатформенные сервисы достигают 21–27% ежемесячных. В Казахстане ожидаемый уровень доходности по финансированию региональных краудфандинговых проектов может составлять от 21 до 25% годовых. Анализ показал, что масштабы таких платформ в стране превосходят показатели европейских аналогов, однако уступают российским площадкам [36].

На сегодняшний день объем рынка краудфандинга в России оценивается в диапазоне от 160 до 180 миллиардов рублей. Значительная часть этой суммы – около 70–80% – сосредоточена на двух ведущих платформах: Planeta.ru и Boomstarter.ru. Наиболее часто подаваемые заявки на финансирование

принадлежат проектам в областях технологий, искусства и культуры. Однако по объему собранных средств лидируют инициативы, связанные с киноиндустрией и музыкой [35].

Рассматривая шире тенденции развития креативных индустрий в России, стоит отметить их растущее значение для экономики страны. По данным Росстата [11] и Минэкономразвития РФ [6], в 2024 году вклад креативной экономики в ВВП России составил 4,1%, или 7,5 трлн рублей, демонстрируя положительную динамику (рост на 12,1% по сравнению с 2023 годом). Этот сектор, включающий в себя искусство, моду, дизайн, архитектуру и digital art, все больше концентрируется в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург. Развитие креативных индустрий рассматривается как важный инструмент для диверсификации экономики, особенно в регионах, где традиционные отрасли не столь развиты. Правительство предпринимает шаги для поддержки креативного сектора, формируя Единый реестр субъектов креативных индустрий и разрабатывая Стратегию развития до 2036 года. Креативная экономика охватывает широкий спектр отраслей, от музыки и моды до информационных технологий и ювелирного дела, где ключевым элементом является уникальная творческая идея, обладающая экономическим потенциалом. Наибольший вклад в развитие этого сектора вносят разработка компьютерного программного обеспечения, реклама и пиар, а также гастрономия.

Оценка развития отдельных сегментов креативной экономики в России, представлена в таблице 4.

Таблица 4

Уровень развития отдельных сегментов креативной экономики в России

Сектор	**Объем рынка (трлн. руб.)**	**Занятость (млн. чел.)**	**Основные проблемы**
Программное обеспечение	4,4	1,5	Высокая конкуренция, утечка кадров, необходимость постоянного обновления знаний и технологий
Реклама и пиар	2,0	1,2	Перенасыщенность рынка, необходимость адаптации к новым цифровым каналам, зависимость от экономической ситуации
Мода	2,3	1,3	Зависимость от импортных материалов и оборудования, высокая конкуренция, необходимость постоянного обновления коллекций и трендов
Кино, сериалы и анимация	0,4	0,2	Нехватка финансирования, сложность привлечения инвестиций, пиратство, необходимость поддержки отечественного контента
Ювелирное дело	0,4	0,1	Высокая стоимость сырья, зависимость от мировых цен на драгоценные металлы и камни, конкуренция с импортными производителями

Составлено авторами на основе данных economy.gov.ru

Согласно данным Международного финансового центра «Астана» [7] и Dasco Group [45], креативные индустрии в Казахстане находятся на стадии активного формирования. В 2024 году их вклад в ВВП страны составил около 2,7%, что значительно ниже показателей развитых стран, таких как Великобритания (14%) и Германия (10%). Тем не менее, этот сектор демонстрирует устойчивый рост и обладает высоким потенциалом для дальнейшего развития.

Креативные индустрии в Казахстане включают в себя аудиовизуальное искусство (кино, телевидение, музыка), дизайн и моду, изобразительное искусство и ремесла, архитектуру и урбанистику, цифровые технологии и игры, культурный туризм и наследие. Эти направления сосредоточены преимущественно в крупных городах, таких как Алматы, Астана и Шымкент, что создает дисбаланс в региональном развитии.

Креативные индустрии в Казахстане представляют собой перспективный сектор экономики, способный способствовать диверсификации и устойчивому развитию страны, уровень развития отдельных сегментов описан в таблице 5.

Таблица 5

Уровень развития отдельных сегментов творческой экономики в Казахстане

Сектор	Объем рынка (млрд руб.)	Занятость (тыс. чел.)	Основные проблемы
Музыка и звукозапись	3,4	4,5	Отсутствие студий, пиратство
Кинематограф и видео	5,2	5,2	Слабый прокат, нехватка финансирования
Издательское дело	1,7	2,1	Ограниченный спрос, низкая цифровизация
Театральное искусство	1,1	1,8	Недостаток региональных площадок
Современное искусство	0,5	0,9	Недостаток арт-резиденций и институциональной поддержки
Дизайн и архитектура	4,3	6,4	Устойчивость зависит от частных заказов

Составлено авторами на основе данных платформы [21]

Креативные индустрии в Казахстане обладают значительным потенциалом для роста. Так государственная поддержка выражается в том числе и через принятую в 2021 году Концепцию развития креативных индустрий на 2021–2025 годы, которая предусматривает меры по стимулированию сектора, включая налоговые льготы, создание кластеров и образовательных программ [3]. Экосистема креативных индустрий в Казахстане отражена на рисунке 3.

Развитие цифровой инфраструктуры предполагает увеличение проникновения интернета и мобильных технологий, что открывает новые возможности для создания и распространения культурного контента как в России, так и в Казахстане.

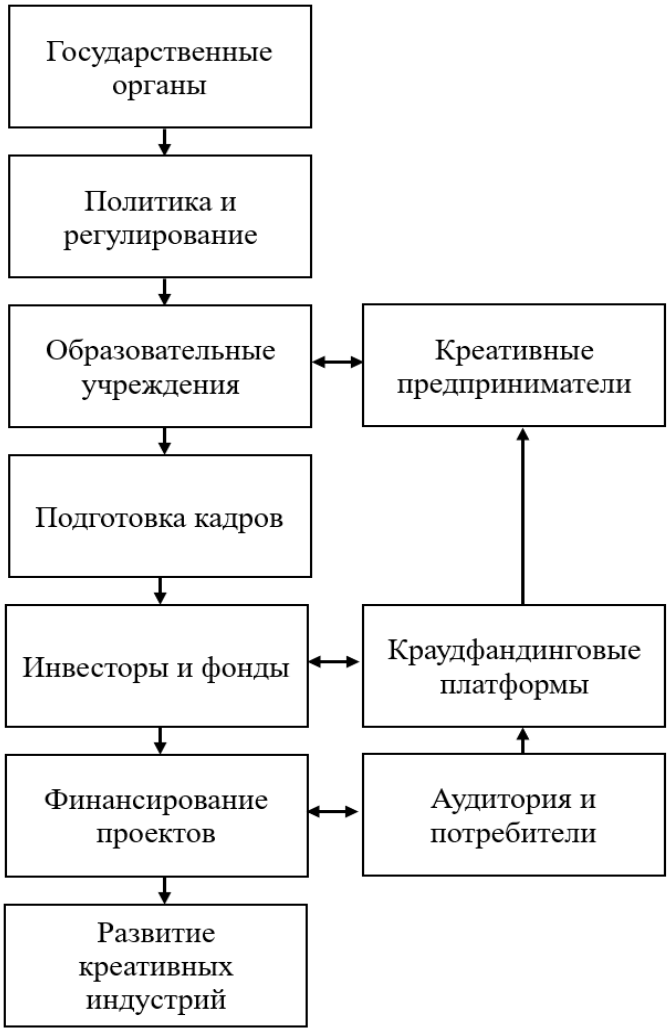


Рис. 3. Схема применения краудфандинга в экосистемах креативных индустрий Казахстана

Составлено авторами на основе данных [24, 40]

Международное сотрудничество, участие в международных проектах и программах обмена опытом способствует повышению конкурентоспособности казахстанских креативных продуктов. Краудфандинг представляет собой эффективный инструмент поддержки креативных проектов, особенно в условиях ограниченного доступа к традиционным источникам финансирования. Он позволяет привлекать средства напрямую от аудитории, что способствует формированию лояльного сообщества вокруг проекта, тестировать идеи на ранних стадиях, получая обратную связь от потенциальных потребителей, повышать видимость проектов, благодаря активному продвижению на платформах краудфандинга.

В Казахстане краудфандинг пока не получил широкого распространения, но его потенциал в поддержке креативных индустрий очевиден. Рост внутреннего спроса, повышение интереса населения к культурным и креативным продуктам стимулирует развитие внутреннего рынка.

Но несмотря на значительный потенциал, развитие этого сектора

сталкивается с рядом вызовов, требующих комплексного подхода и поддержки со стороны государства, бизнеса и общества, которые описаны в таблице 6.

Таблица 6

Системные проблемы развития креативных индустрий в Казахстане

Проблема	Описание
Недостаток финансирования	Отсутствие устойчивых механизмов финансирования и ограниченный доступ к инвестициям затрудняют реализацию проектов.
Низкий уровень институциональной поддержки	Отсутствие специализированных государственных программ и недостаточная координация между различными ведомствами.
Ограниченный доступ к рынкам	Слабая интеграция в международные культурные и креативные сети, что ограничивает экспортный потенциал.
Дефицит профессиональных кадров	Недостаток образовательных программ и квалифицированных специалистов в области креативных индустрий.
Низкий уровень цифровизации	Ограниченное использование цифровых технологий в создании, распространении и монетизации культурного контента.

Составлено авторами на основе экспертных интервью

Для более глубокого понимания препятствий, с которыми сталкивается развитие краудфандинга в Казахстане, был проведён экспертный опрос. В таблице 7 представлены ключевые барьеры, выявленные в ходе исследования, а также доля респондентов, которые отметили каждый из этих факторов как значимый.

Таблица 7

Основные барьеры развития краудфандинга в Казахстане (по результатам экспертного опроса

Барьер	Упоминания (%)
Низкая цифровая грамотность	76%
Недоверие к онлайн-платформам	63%
Отсутствие информационной поддержки	58%
Неразвитость национальных платформ	53%
Отсутствие налоговых стимулов	44%

Составлено авторами на основе экспертного опроса

Для реализации потенциала роста и развития креативных индустрий необходимо преодоление существующих вызовов, включая обеспечение финансирования, развитие инфраструктуры, подготовку кадров и расширение доступа к рынкам. SWOT-анализ применения краудфандинга в креативных индустриях и культурной политике Казахстана рассмотрен в таблице 8. Краудфандинг может сыграть важную роль в поддержке креативных проектов, предоставляя альтернативные механизмы финансирования и способствуя формированию активного сообщества вокруг культурных инициатив.

Таблица 8

SWOT-анализ применения краудфандинга в креативных индустриях и культурной политике Казахстана

Сильные стороны	**Слабые стороны**
Богатое культурное наследие	Недостаток финансирования
Молодое и креативное население	Ограниченный доступ к рынкам
Поддержка со стороны государства	Низкий уровень цифровизации
Развитие цифровой инфраструктуры	Дефицит профессиональных кадров
Прямая связь с аудиторией	Недоверие к электронным платежам
Минимальные стартовые издержки	Отсутствие институциональной поддержки
Гибкость в реализации	Слабая правовая база
Возможности	**Угрозы**
Рост внутреннего и внешнего спроса	Конкуренция со стороны зарубежных продуктов
Международное сотрудничество	Отток талантливых специалистов за рубеж
Развитие краудфандинга и альтернативных форм финансирования	Экономическая нестабильность и риски
Интеграция в глобальные креативные сети	Недостаточная институциональная поддержка
Рост цифровой культуры населения	Конкуренция с международными платформами
Выход на глобальный рынок	Репутационные риски в случае неудачи кампании

Составлено авторами на основе [28, 33, 37, 41]

Несмотря на наличие глобальных краудплатформ, таких как Kickstarter и Indiegogo, в контексте развития локальных креативных индустрий особенно значима роль национальных и региональных платформ, адаптированных под культурные, правовые и экономические реалии Казахстана. Проект считается успешным стартапом, если в установленный срок он собирает с помощью краудфандинга минимум половину необходимой для реализации суммы. В случае, если эта цель не достигнута, проект признается неуспешным, и все внесённые средства возвращаются инвесторам [23].

Таблица 9

Успешные казахстанские культурные проекты на краудфандинге

Название проекта	Платформа	Сфера	Собрано (руб.)	Целевая сумма (руб.)	Год
«Кино о батыре Амангельды»	StartTime	Кинематограф	366 240	305 200	2022
«Арт-резиденция в Шымкенте»	iKapitalist	Современное искусство	183 120	152 600	2023
«Фестиваль казахского джаза»	Kickstarter	Музыка	457 800	441 480	2021
«Издание сборника поэтов Мангистау»	StartTime	Литература	129 710	106 820	2024

Составлено авторами на основе данных краудфандинговых платформ Казахстана [15, 18, 21]

Несмотря на наличие глобальных краудплатформ, в контексте развития локальных креативных индустрий, российские платформы играют ключевую роль, предлагая более релевантные решения с учетом специфики отечественного рынка, языка и культурных особенностей. Успешность краудфандинговой кампании определяется не только достижением заявленной финансовой цели, но и формированием устойчивой аудитории, готовой поддерживать автора в будущем.

Таблица 10

Успешные российские культурные проекты на краудфандинге

Название проекта	Платформа	Сфера	Собрано (руб.)	Целевая сумма (руб.)	Год
Юрий Шевчук. ДДТ. Альбомы на виниле	Planeta.ru	Музыка	41 584 000	10 000 000	2024
Майор Гром: Чумной Доктор. Расширенная версия.	Boomstarter.ru	Фильмы и видео	10 722 677	5 000 000	2021
Издание финальных книг комиксов «TMNT Adventures» на русском языке	Boomstarter.ru	Издательство	7 393 100	1 000 000	2023
Книга Дмитрия Маркова «Россия в квадрате»	Planeta.ru	Дизайн и фотография	5 822 558	700 000	2023

Составлено авторами на основе данных краудфандинговых платформ России [12, 19]

Исторические истоки краудфандинга в Казахстане восходят к примерно 2014 году, когда одновременно появились первые пять платформ для коллективного финансирования: Startuper, Startticket, i6, Gostart и Asar.айнвест. Для сравнения, в России пик развития краудфандинговых платформ пришелся на начало 2010-х годов, с появлением таких платформ, как Planeta.ru и Boomstarter. В 2012 году была запущена Planeta.ru, специализирующаяся на творческих и культурных проектах. В 2013 году Boomstarter, предлагающая широкий спектр направлений: от технологий до социальных инициатив.

В августе 2016 года в Казахстане была запущена краудфандинговая платформа baribirge, ориентированная на поддержку творческих стартапов. Эта площадка интегрирована с платежной системой в национальной валюте – тенге, что дает возможность авторам проектов избежать конвертации комиссии через банки при сотрудничестве с зарубежными платформами.

В России, в отличие от Казахстана, краудфандинговые платформы начали дифференцироваться по моделям финансирования и направлениям деятельности. Основные краудфандинговые платформы, функционирующие в Казахстане и России представлены в таблице 11.

Таблица 11

Сравнение краудфандинговых платформ Казахстана и России

Название платформы (Казахстан)	**Специализация**	**Модель финансирования**	**Особенности**
StartTime	Культура, технологии, стартапы	Всё или ничего	Поддержка на казахском и русском языках, партнёрства с НПО
Kickstarter / Indiegogo	Международные креативные проекты	Всё или ничего / гибкая	Требуется знание английского, сложности с выведением средств
iKapitalist	Стартапы, бизнес-идеи	Долевое финансирование	Возможность инвестировать в обмен на долю, лицензирована в РК
GoCrowd	Культура, образование, социальные инициативы, действующий бизнес, факторинг, IT-стартапы	Гибкая	Адаптация под региональные проекты, фокус на устойчивом развитии
InvestRoom	Инновации, бизнес, креатив, тендер, поставщики маркетплейсов	Пайевое и долговое инвестирование	Регистрация через EDS, верификация проектов, связь с венчурными фондами
GoFundMe	Социальные, медицинские, образовательные проекты	Гибкая	Популярна в диаспоре, затруднён перевод средств в Казахстан, англоязычная платформа
Название платформы (Россия)	**Специализация**	**Модель финансирования**	**Особенности**
Boomstarter	Творческие проекты, бизнес, технологии, социальные инициативы	Всё или ничего	Одна из первых крупных платформ, широкие возможности
Planeta.ru	Музыка, кино, литература, искусство	Гибкая	Ориентация на творческие проекты, часто используется известными артистами
StartTrack (Rounds)	Краудинвестинг, стартапы, МСБ	Долевое финансирование	Возможность покупки акций компаний, ориентированность на рост бизнеса
JetLend	Краудлендинг, займы для бизнеса	Долговое финансирование	Займы для малого бизнеса, возможность получения прибыли от процентов
Potok	Краудлендинг, займы для бизнеса	Долговое финансирование	Займы для малого бизнеса, быстрый процесс одобрения

Составлено авторами на основе данных краудфандинговых платформ Казахстана[13, 14, 15, 16, 18, 21] и России [12, 17, 19, 20, 22]

В Казахстане с помощью краудфандинговых платформ привлекались средства на возведение библиотеки, реставрацию театра и обустройство медицинского кабинета. Так, в 2017 году благодаря краудфандингу было собрано 1,2 млн. тенге на игрушки для маленького льва в зоопарке, в 2019 году более миллиона тенге собрали для центра, предоставлявшего бесплатное обучение молодёжи фотографии, видеомонтажу, операторскому мастерству, и цифровому маркетингу, а также дизайнеры, портные и конструкторы [23, 41].

В России краудфандинг также использовался для различных целей, включая поддержку культурных проектов, издание книг, запись музыкальных альбомов и поддержку социальных инициатив. Например, краудфандинг активно использовался для финансирования независимого кино и документальных фильмов. Благодаря краудфандингу были реализованы проекты по восстановлению исторических памятников, поддержке приютов для животных и оказанию помощи нуждающимся.

В апреле 2017 года в Казахстане театр АRTиШОК начал кампанию краудфандинга с целью финансирования строительства Большой сцены, планируя собрать 3 миллиона тенге. Эти средства предназначались для приобретения светового оборудования и обустройства сцены. Каждый желающий мог внести вклад от 500 до 25 000 тенге и в качестве благодарности получить открытку, набор наклеек, блокнот, футболку или скидочные карты на приобретение билетов – в зависимости от размера пожертвования. Помимо этого, были предусмотрены особые предложения для инвесторов уровней Silver, Gold и Platinum, готовых сделать крупные взносы. Краудфандинг продолжался четыре месяца и был завершён в полночь с 27 на 28 августа 2017 года, при этом театр собрал 4,2 миллиона тенге, что на 41% больше, чем было запланировано [23, 41].

Примером успешного краудфандингового проекта в России может служить сбор средств на издание книги Александра Секацкого «Квинтэссенция». Проект был успешно завершен на платформе Planeta.ru, и собранные средства позволили выпустить книгу в печать. Также, многие музыкальные группы и исполнители используют краудфандинговые платформы для записи альбомов и организации концертов.

Одной из первых крупных отечественных платформ в Казахстане стала StartTime, основанная в 2017 году, ориентированная на поддержку творческих, технологических и социальных инициатив, которая за первый год своей деятельности собрала с вкладчиков 31,7 млн тенге в пользу 215 благотворительных, социальных и коммерческих проектов. Она действует по модели «всё или ничего», что снижает риски для инвесторов и стимулирует авторов к активной коммуникации с потенциальными донорами.

За первые пять лет работы краудфандинга StartTime подали больше 1200 заявок, но к сбору финансирования допустили только 332. Из них успешно удалось завершить сбор требуемых средств в установленный срок только 153 стартапам. За этот период на краудфандинговой платформе было привлечено более 72 миллионов тенге [23, 41].

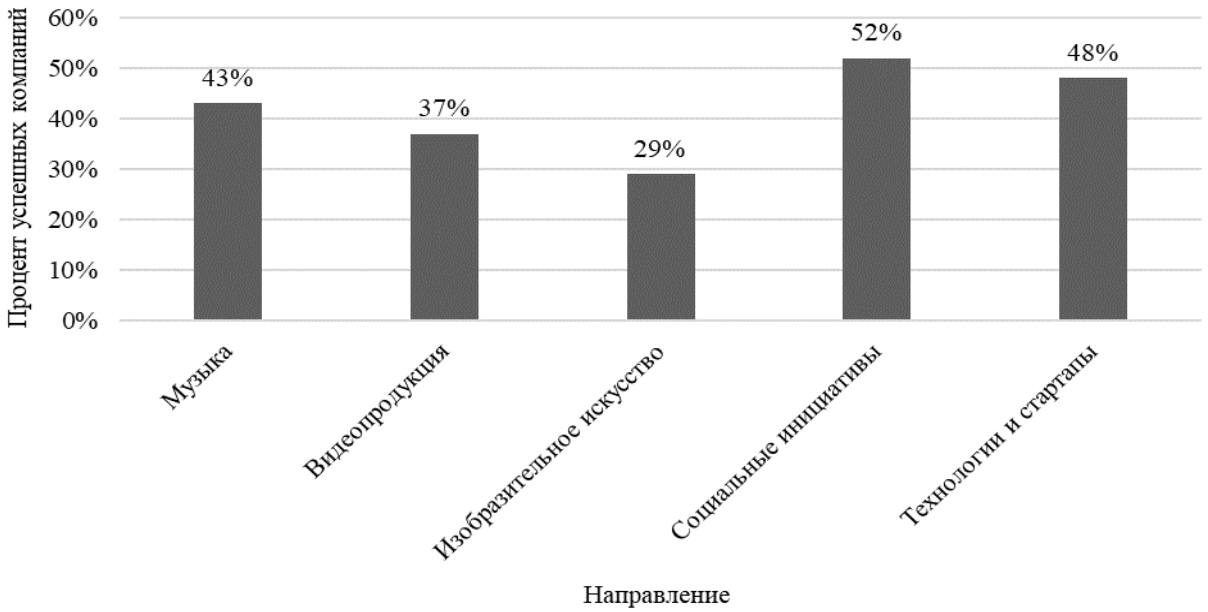


Рис. 4. Уровень успеха краудфандинговых кампаний по направлениям [21]

По словам директора StartTime Азизы Утегеновой: «Огромным преимуществом цифровой платформы является, во-первых, её полная прозрачность. Вы видите, на какие нужды, кем и в каком размере собираются деньги. Будь то создание ремесленной мастерской для детей с ограниченными возможностями, реконструкция сгоревшего храма или строительство сцены для популярного среди горожан театра, вы можете быть уверенными, что ваши деньги будут направлены именно на обозначенные цели» [42]. Стратегия Start Time заключается в том, чтобы предоставлять площадку для всех желающих, вне зависимости от масштабов проекта, отрасли деятельности, социальной или коммерческой направленности. Одним из реализованных проектов, возникших благодаря этой платформе, стал проект Lexicon City, разработанный театральным режиссёром и креативным директором в сфере рекламы Виктором Немченко. Целью этого проекта было создание в Алматы международной инфраструктуры с элементами геймификации, предназначенной для обучения казахскому, английскому и русскому языкам в ходе повседневной городской жизни.

Платформа Ikapitalist стала первой краудфандинговой площадкой, лицензированной согласно нормативам Международного финансового центра Астаны (МФЦА), обладающей специализированным счетом для хранения средств инвесторов и способной функционировать автономно в рамках лицензии МФЦА.

Еще одной заметной платформой в Казахстане является GoCrowd, появившаяся на рынке в 2022 году и специализирующаяся на малом бизнесе, в том числе проектах в области дизайна, музыки и аудиовизуального искусства. Данная платформа является лицензированным инструментом для инвестирования в стартапы и уже функционирующие предприятия. Участники инвестиционного процесса имеют возможность приобретать доли в уставном капитале компаний или получать часть прибыли от их деятельности.

Операционная деятельность платформы осуществляется в рамках юрисдикции МФЦА, которая гарантирует защиту прав и интересов инвесторов и предусматривает освобождение от налогов на доходы [41].

В последние годы появился ряд нишевых решений, таких как Proportunity, InvestRoom, фокусирующиеся на экологических, культурных и просветительских инициативах, но несмотря на это, общий уровень проникновения краудфандинга в Казахстане остаётся относительно низким по сравнению с развитыми экономиками, потому что основные сдерживающие факторы такие как низкий уровень цифровой грамотности среди населения особенно в регионах, ограниченный объём вовлеченной аудитории, в том числе из-за недостатка маркетинга и доверия к онлайн-финансированию и юридическая неопределенность в отношении регулирования краудплатформ.

В России, несмотря на наличие законодательства, также существуют проблемы, сдерживающие развитие краудфандинга. К ним относятся недостаточная осведомленность населения о возможностях краудфандинга, ограниченное доверие к онлайн-инвестициям, высокие риски дефолтов по займам и необходимость усиления мер по защите прав инвесторов.

В таблице 12 рассмотрены основные преимущества и ограничения казахстанских и российских краудфандинговых платформ.

Таблица 12

Преимущества и ограничения казахстанских и российских краудплатформ

	Преимущества	**Ограничения**
Российские краудплатформы	Широкий спектр направлений и моделей финансирования	Высокая конкуренция между платформами и проектами
	Наличие законодательного регулирования	Риски дефолтов и невозврата инвестиций
	Большое количество пользователей и проектов	Недостаточная осведомленность населения о краудфандинге
	Возможность привлечения крупных сумм инвестиций	Проблемы с доверием к онлайн-инвестициям
Казахстанские краудпатформы	Поддержка проектов на казахском языке	Отсутствие правового статуса краудфандинга в законодательстве
	Ориентация на локальные культурные инициативы	Ограниченный охват аудитории
	Возможность использования тенге	Недостаточная автоматизация процессов
	Социальная направленность проектов	Слабое международное присутствие

Составлено авторами на основе [23, 41]

С точки зрения правового регулирования в Казахстане сохраняются значительные нерешённые проблемы. Так, в сентябре 2020 года был разработан законопроект «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Республики Казахстан, касающиеся вопросов инновационного и научно-технического развития», в котором предусматривалось создание четких правовых механизмов для определения статуса краудфандинговых платформ, применяемых в целях организации

розничного финансирования, регулирование процессов инвестирования, установление требований к операторам таких платформ. Помимо этого, предлагалось определить порядок предоставления услуг по организации краудфандинговых кампаний, формулы регулирования и контроля со стороны уполномоченных государственных органов в сфере инноваций и финтеха, рассматривать применение смарт-контрактов для обеспечения прозрачности и безопасности процессов.

В апреле 2021 года был пересмотрен текст законопроекта, при этом из его содержания было исключено всякое упоминание термина «краудфандинг». Схожая тенденция наблюдалась и в отношении иных законодательных инициатив Республики Казахстан, например, проект закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам рискового (венчурного) финансирования». Изначально в его тексте было определение краудфандинга и разъяснения, связанные с этим, но в окончательных редакциях они были исключены.

В России ситуация с правовым регулированием краудфандинга также находится в стадии развития. Документом, определяющим основные принципы работы инвестиционных платформ, является Федеральный закон №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [2]. Этот закон фокусируется в первую очередь на коммерческом краудфандинге, регулируя привлечение инвестиций малыми и средними предприятиями.

Несмотря на ряд институциональных и инфраструктурных ограничений, определённые юридические недостатки и массу неудачных стартапов, народное финансирование в Казахстане продолжает набирать обороты, казахстанские краудфандинговые платформы демонстрируют растущий потенциал как инструмента поддержки креативной экономики, жители страны активно ищут сторонников, готовых внести вклад в развитие своих проектов. Независимо от того, идет ли речь об учреждении ремесленной мастерской, организации спортивного клуба, создании центра реабилитации, обустройстве приюта для животных либо открытии художественной студии, в подобных случаях значимую роль играют даже незначительные финансовые взносы. Важнейшими задачами на ближайшее будущее остаются – формирование правовой базы, популяризация механизма среди широкой аудитории и интеграция с государственной политикой поддержки культуры.

Заключение

В условиях глобальной трансформации культурного производства и усиления цифровизации экономики краудфандинг приобретает всё более значимую роль как альтернативный инструмент поддержки творческих инициатив, обладающий высокой степенью гибкости, демократичности и адаптивности. Проведённый анализ позволил выявить, что краудфандинг восполняет институциональные и финансовые недостатки в системе государственной поддержки культуры и создает предпосылки для устойчивого развития креативного сектора Казахстана и России.

Одним из ключевых выводов настоящего исследования является понимание краудфандинга не как временной или вторичной формы

финансирования, а как полноценного элемента экосистемы культурной экономики. Его потенциал заключается в привлечении средств и в активизации общественного участия, формировании горизонтальных сетей солидарности между авторами и аудиторией, развитии цифровой культуры потребления и поддержки творчества. В этом контексте, анализ российского опыта демонстрирует более зрелый и диверсифицированный рынок краудфандинга, где существуют специализированные платформы, ориентированные на различные типы проектов и аудитории. Успешные краудфандинговые кампании в России подчеркивают важность активной коммуникации с потенциальными спонсорами и формирования лояльного сообщества вокруг проекта. Особенно важной представляется функция краудфандинга как индикатора общественного интереса, позволяющего выявлять культурно значимые проекты, не всегда совпадающие с приоритетами формализованных государственных институтов.

В казахстанском контексте, несмотря на ряд объективных ограничений, таких как низкий уровень цифровой грамотности, ограниченная правовая определённость и слабо развитая крауд-инфраструктура, уже наблюдаются положительные сдвиги. Создание национальных платформ, успешные кейсы финансирования культурных проектов, вовлечение молодёжи в процессы культурного предпринимательства – всё это свидетельствует о постепенном формировании среды, благоприятной для институционализации краудфандинга.

При этом очевидна необходимость комплексной поддержки данного механизма со стороны государства и гражданского общества. Необходима разработка нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность краудплатформ, обеспечение налоговых преференций для участников краудфандинга, а также создание образовательных и просветительских программ, направленных на повышение цифровой компетентности творцов и их аудитории.

В долгосрочной перспективе краудфандинг может выполнять экономическую и социокультурную функцию, способствуя формированию новой этики финансирования искусства – этики сопричастности, коллективной ответственности и культурного суверенитета, вовлекая широкие слои населения в процессы культурного производства, он укрепляет социальную ткань, способствует диалогу между поколениями, регионами и социальными группами, тем самым становясь важнейшим элементом гуманитарного развития стран.

Краудфандинг в Казахстане и России предстает как стратегически значимый инструмент развития креативных индустрий и культуры, способный не только диверсифицировать источники финансирования, но и изменить саму природу взаимодействия между культурным продуктом и обществом. Его дальнейшее развитие требует синергии усилий со стороны государства, бизнеса, гражданского сектора и самих представителей творческого класса, а также интеграции в рамки национальной культурной политики как одного из ключевых элементов устойчивого и инклюзивного культурного роста.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/.

2. Федеральный закон №259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/.

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2021 года № 860 «Об утверждении Концепции развития креативных индустрий на 2021 – 2025 годы». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000860#z10 (Дата обращения: 10.04.2025).

4. Министерство культуры и информации Республики Казахстан. Фонд, хабы и платформа «e-Creative»: как в Казахстане развивают креативную экономику. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/959029?lang=ru (дата обращения: 17.04.2025).

5. Министерство туризма и спорта Республики Казахстан. Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы. 2022. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/tsm/documents/details/338841?lang=ru (дата обращения: 02.04.2025).

6. Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/ (Дата обращения: 10.11.2025).

7. МФЦА. Креативные индустрии Казахстана: тренды и перспективы. 2024. URL: https://aifc.kz/wp-content/uploads/2025/01/kreativnye-industrii-kazahstana-trendy-i-perspektivy.pdf (дата обращения: 17.05.2025).

8. Федеральный проект «Семейные ценности и инфраструктура культуры». URL:https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/semeynye-tsennosti-i-infrastruktura-kultury/.

9. Программы Министерства культуры России. URL: https://culture.gov.ru/

10. Центральный банк Российской Федерации // URL: https://cbr.ru/ (Дата обращения: 11.11.2025).

11. Росстат. URL: https://www.rosstat.gov.ru/ (Дата обращения: 11.11.2025).

12. Boomstarter.ru краудфандинговая платформа. URL: https://boomstarter.ru/ (Дата обращения: 09.11.2025).

13. GoCrowd краудфандинговая платформа. URL: https://gocrowd.io/ (Дата обращения: 21.04.2025).

14. GoFundMe краудфандинговая платформа. URL: https://www.gofundme.com/ (Дата обращения: 21.04.2025).

15. iKapitalist краудфандинговая платформа. URL: https://ikapitalist.kz/ (Дата обращения: 21.04.2025).

16. InvestRoom краудфандинговая платформа. URL: https://investroom.kz/ (Дата обращения: 21.04.2025).

17. JetLend. URL: https://jetlend.ru/blog/team-roman-khoroshev/ (Дата обращения: 12.11.2025).

18. Kickstarter. URL: https://www.kickstarter.com/ (Дата обращения:

21.04.2025).

19. Planeta.ru краудфандинговая платформа. URL: https://planeta.ru/ (Дата обращения: 09.11.2025).

20. Potok. URL: https://potok.digital/ (Дата обращения: 12.11.2025).

21. StartTime краудфандинговая платформа. URL: https://start-time.kz/ (Дата обращения: 21.04.2025).

22. StartTrack.ru. URL: https://starttrack.ru/ (Дата обращения: 12.11.2025).

23. Nurshaikhova A. A., Negizbayeva M. O., Dudinova E. I. Краудфандинг как альтернатива финансирования документальных фильмов: казахстанские и турецкие проекты //Серия Журналистики. – 2024. – Т. 71. – №. 1. – С. 92-102.

24. Болотин К. А. Анализ существующей ситуации в сфере краудфандинга в России //Научные записки молодых исследователей. – 2025. – Т. 13. – №. 2. – С. 13-20.

25. Ваганова, О. В. Краудфандинг в России: текущие проблемы и будущие перспективы развития / О. В. Ваганова, Н. С. Мельникова, А. С. Буряк // Экономические и гуманитарные науки. – 2025. – № 6(401). – С. 29-38. – DOI 10.33979/2073-7424-2025-401-6-29-38. – EDN KPWXSZ.

26. Ибадулла А. Б., Лалаян М. Л. Краудфандинг: современное состояние и перспективы развития в России //Рецензенты: ЮВ Дмитрак, д. т. н., профессор, заведующий отделом моделирования и управления горнотехническими системами ИПКОН РАН. – 2023. – Т. 3. – С. 454.

27. Карловская Е.А., Ваганова О.В., Мельникова Н.С., Быканова Н.И. 2024. Прогнозное моделирование развития рынка кредитования и краудфандинга в условиях увеличения ключевой ставки Банка России. Экономика. Информатика, 51(2): 379–392. DOI 10.52575/2687-0932- 2024-51-2-379-392

28. Копылова В. А. Краудфандинг: характерные особенности, практика развития в России и за рубежом //Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых.–Екатеринбург, 2024. – Издательство Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 1172-1175.

29. Мельникова, Н. С. Теоретические основы возникновения финансового инжиниринга, определение его сущности и направлений развития / Н. С. Мельникова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2025. – № 8(250). – С. 128-138. – EDN UQIUVV.

30. Ольховская А. Н., Саенко Е. В. Развитие и адаптация зарубежного опыта для усовершенствования краудфандинговых платформ в России //Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты. – 2023. – С. 329-343.

31. Орешкина Ю. А., Баскакова И. В. Краудфандинг как инструмент финансирования социального предпринимательства в России в условиях экономической неопределенности //Весенние дни науки ИнЭУ: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых.–Екатеринбург, 2024. – Издательство Издательский Дом «Ажур», 2024. – С. 791-796.

32. Родина Л. А. Краудфандинг в условиях современной цифровой

трансформации российской экономики //Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – №. 4. – С. 25-32.

33. Сатпаева З. Т., Жангалиева К. Н. Обзор цифровых платформ для оценки развития инновационной инфраструктуры Республики Казахстан //Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – С. 103-105.

34. Тарутько О. А. Тенденции развития краудфандинга в сфере устойчивого финансирования //Цифровая экономика и финансы. – 2023. – С. 370-375.

35. Ткачев В. В. Обзор российского рынка краудфандинга в современных условиях //Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – №. 5-3 (99). – С. 133-135.

36. Успенская Е. С., Костеренко Е. О. Развитие краудфандинга в России //Научные записки молодых исследователей. – 2025. – Т. 13. – №. 1. – С. 33-42.

37. Фаст О. Ф., Джуккаева Л. А. Отдельные аспекты сущности краудфандинга. краудфандинговые платформы //Базис. – 2024. – №. 2 (16). – С. 15-19.

38. Халмурзаева К. и др. Сравнительный анализ мирового краудингового рынка: опыт, методология и исследования //«Вестник НАН РК». – 2024. – Т. 408. – №. 2. – С. 627-647.

39. Харлова К.А. Краудфандинг – новый путь финансирования культурных проектов // VIII Международная студенческая научная конференция . – 2016.– №. 1. – С. 13-18.

40. Хмура С. В., Якимова В. А. Краудфандинговые платформы в РФ: методический инструментарий для принятия агентами инвестиционных решений //Journal of new economy. – 2023. – Т. 24. – №. 3. – С. 46-73.

41. Шин Е. П., Мусабаев Т. Т., Жоламанова М. Т. Инновационные подходы к финансовому стимулированию инвестиций в региональные проекты в Казахстане //Central Asian Economic Review. – 2025. – №. 6. – С. 187-205.

42. Редакция Forbes.kz. Как зарождается краудфандинг в Казахстане. URL: https://forbes.kz/articles/kak_zarojdaetsya_kraudfanding_v_kazahstane (дата обращения: 15.05.2025).

43. Crowdfunding Estimated transaction value of crowdfunding worldwide from 2017 to 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/1078273/global-crowdfunding-market-size/ (дата обращения: 03.05.2025)

44. Henry Jenkins Participatory Culture. URL: https://participatoryculture.fandom.com/wiki/Participatory_Culture (дата обращения: 09.05.2025)

45. The Astana Times. Unlocking Kazakhstan’s Creative Economy: Investment Challenges and Opportunities. 2024. URL: https://astanatimes.com/2024/12/unlocking-kazakhstans-creative-economy-investment-challenges-and-opportunities (дата обращения: 23.04.2025).

1.8. Специфика внешней торговли Российской Федерации на рынке меха[8]

Международная торговля товарами на мировом рынке является одной из наиболее привлекательных экономических форм для осуществления инвестиционных вложений, характеризуется быстрыми сроками окупаемости и высокой доходностью. Конъюнктурными аспектами функционирования мирового товарного рынка являются глобализация в сфере предложения, глобализация и интернационализация мирового хозяйства, поляризация рынков, гиперконкуренция, формирование новой структуры потребностей с использованием НТП, геополитические процессы в мире, деятельность интеграционных группировок и международных торговых организаций, внешнеторговая политика государств и др. В современных условиях оценка внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха приобретает особенную значимость. Актуальность темы исследования определяется совокупностью факторов: высокой долей продукции предприятий по производству меха в международной торговле, активной вовлеченностью Российской Федерации в международные торгово-экономические отношения по товарному обмену.

Основными хозяйствующими субъектами мирового рынка меха являются следующие международные аукционы: Genuine Mackenzie Valley Furs, Finnish Fur Sales, Союзпушнина, Kopenhagen Fur, North American Fur Auctions, American Legend Cooperative и др. Специфика внешней торговли российских предприятий на исследуемом рынке представляет научный интерес в современных условиях. Внешняя торговля российских предприятий на мировом рынке меха представлена деятельностью следующих хозяйствующих субъектов: ООО Меховая Фабрика «Русский мех», ООО Фабрика «Золотое Руно», ООО МК «Рокар», ООО «ПЕКО», ООО «Интерсити», ООО «Ярославская овчинно-меховая фабрика», Меховая фабрика «Панафикс», ЗАО Меховая фабрика «Соболь» и др.

Влияние участия в международной торговле на экономику страны является одной из важных тем в экономической науке. Ей посвящены работы Аметовой Э. Э., Бансловой В. Б., Бондаренко И. С., Дещенко А. Ю., Красильниковой Е. А., Кривчанского И. Ф., Кривчанской С. Н., Медынской И. В., Панасенко С. В., Рамазанова И. А., Семенова А. А., Спиридонова А. А., Чеглова В. П., Шеремет Т. Г. и др.

Вопросам функционирования мирового товарного рынка, в т. ч. российского рынка товаров, посвящены исследования таких отечественных и зарубежных учёных как Белявцев М. И., Беляев О. О., Даль В., Дегтяренко А. А., Джевонс У., Долан Э. Дж., Захарченко Л. С., Карпова Я. Ю., Кривенко К. Т., Линдсей Д., Лутчин Н. П., Макаренко П. М., Махнуша С. М., Прокопенко О. В., Савчук В. С., Сень О. В., Солонинко К. С., Сорока И., Хайруллаева А. Э., Школа В. Ю., Энгстлер П. и др.

[8] Автор раздела: Кузьменко С.С.

Вопросам функционирования мирового рынка меха посвящены исследования отечественных и зарубежных ученых: Гусевой М.А., Андреевой Е. Г., Зарецкой Г. П., Петросовой И. А., Гончаровой Т. Л., Мезенцевой Т. В., Кирьяновой Е. Г., Маскальской А. Н., Зуевой О. Н., Валеевой Г. А., Мусиной Д. У., Филатовой И. В., Толиковой Е. Э., Колтышева В. В. и др. Публикации и исследования о мировом рынке меха немногочисленны. Комплексная диагностика внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха в экономической литературе отсутствует, что подтверждает необходимость дальнейших исследований.

Целью работы является исследование специфики внешней торговли Российской Федерации на рынке меха. Достижение этой цели требует решения следующих задач: исследовать конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях; определить специфические аспекты внешней торговли российских предприятий на рынке меха; обосновать стратегические аспекты внешней торговли Российской Федерации на рынке меха в условиях конъюнктурных изменений.

Методология исследования включает в себя комплексный анализ факторов воздействия конъюнктуры на состояние внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов, структурный и динамический анализ статистических данных о внешнеторговых потоках, а также синтез полученных результатов. Теоретическую основу исследования составляют выводы отечественных и зарубежных исследователей в сфере оценки воздействия изменений в торговой политике на экономику стран и отдельные предприятия, а также определение специфики внешней торговли российских предприятий на рынке меха. На основе анализа специфики внешней торговли Российской Федерации на рынке меха обоснованы стратегические аспекты внешней торговли предприятий на исследуемом рынке в условиях конъюнктурных изменений. Основа логики исследования включает сочетание теоретического и эмпирического анализа воздействия совокупности конъюнктурных факторов на внешнюю торговлю, как специфики внешнеторговой деятельности российских предприятий на рынке меха в условиях глобальной геополитической турбулентности.

1. Конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях

Теоретические аспекты исследования специфики внешней торговли российских предприятий на рынке меха включают конъюнктурные тенденции развития рассматриваемого рынка в современных условиях. Неотъемлемым элементом диагностики функционирования мирового рынка меха является изучение типизации товарных групп меховых изделий в соответствии с международными классификациями. В соответствии с Международным классификатором товаров и услуг (МКТУ-12) [1] мировой рынок меха представлен в табл. 1 основными классами товаров (услуг).

Таблица 1

Типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с МКТУ-12 [1]

Типизация	Продукция	Источник
Группы 1-34	Товары	МКТУ-12
Класс 25	Обувь, одежда, головные уборы	
250049	меха [одежда]	
250074	накидки меховые	

Полная расшифровка кода МКТУ 250049: Онлайн классификатор МКТУ-12 с поиском по базовому номеру и наименованию / Код МКТУ 250049 / Международная классификация товаров и услуг (12-я редакция 2023 г.) / Товары / Одежда, обувь, головные уборы. / меха [одежда].

Полная расшифровка кода МКТУ 250074: Онлайн классификатор МКТУ-12 с поиском по базовому номеру и наименованию / Код МКТУ 250074 / Международная классификация товаров и услуг (12-я редакция 2023 г.) / Товары / Одежда, обувь, головные уборы. / накидки меховые.

В соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности (ОКПД-2) [2] продукция рынка включает номенклатурные позиции раздела С (продукция обрабатывающих производств), класса 14 (одежда) и класса 15 (кожа и изделия из кожи), которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с ОКПД-2 [2]

Типизация	Продукция	Источник
Раздел С	Продукция обрабатывающих производств	ОКПД-2
Класс 14	Одежда	
14.2	Изделия меховые	
Класс 15	Кожа и изделия из кожи	
15.1	Кожа дубленая и выделанная; чемоданы, сумки дамские, изделия шорно-седельные и упряжь; меха выделанные и окрашенные	

В соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС) [3] мировой рынок меха представлен группой 43 Натуральный и искусственный мех; изделия из него (табл. 3), в которую включаются следующие товарные позиции: сырьё пушно-меховое (включая головы, хвосты, лапы и прочие части или обрезки, пригодные для изготовления меховых изделий), кроме необработанных шкур товарной позиции

4101, 4102 и 4103 (4301); дубленые и выделанные меховые шкурки (включая головы, хвосты, лапы и прочие части или лоскут), несобранные или собранные (для добавления других материалов), кроме указанных в товарной позиции 4303 (4302); предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха (4303); мех искусственный и изделия из него (4304).

Таблица 3

Типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС [3]

Типизация	Продукция	Источник
Раздел VIII	Необработанные шкуры, выделанная кожа, натуральный мех и изделия из них; шорно-седельные изделия и упряжь; дорожные принадлежности, дамские сумки и аналогичные им товары; изделия из кишок животных (кроме волокна из фиброина шелкопряда)	ТН ВЭД ЕАЭС
Группа 43	Натуральный и искусственный мех; изделия из него	
4301	Сырьё пушно-меховое (включая головы, хвосты, лапы и прочие части или обрезки, пригодные для изготовления меховых изделий), кроме необработанных шкур товарной позиции 4101, 4102 и 4103	
4302	Дубленые и выделанные меховые шкурки (включая головы, хвосты, лапы и прочие части или лоскут), несобранные или собранные (для добавления других материалов), кроме указанных в товарной позиции 4303	
4303	Предметы одежды, принадлежности к одежде и прочие изделия, из натурального меха	
4304	Мех искусственный и изделия из него	

Целесообразно отметить, что типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с Международным классификатором товаров и услуг [1], Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности [2] и Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности ЕАЭС [3] не совпадает, что подтверждает специфику функционирования исследуемого рынка, которую необходимо учитывать при анализе основных экономических показателей отрасли.

Целесообразным является исследование номенклатурных позиций мирового рынка меха в соответствии со Стандартной международной торговой классификацией ООН (СМТК ООН) [4] и Гармонизированной системой описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (ГС ВТамО) [5], результаты которого представлены в таблице 4 и таблице 5.

Таблица 4

Типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с СМТК ООН [4]

Типизация	Продукция	Источник
Раздел 6	Промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала	СМТК ООН
Отдел 61	Кожа, готовые изделия из кожи, не включённые в другие категории, и выделанная пушнина	
Группа 613	Пушнина, дубленая или выделанная (включая головы, хвосты, лапы и прочие кусочки или обрезки), нескомплектованная или в скроях (без добавления других материалов), кроме включенной под заголовком 848.31	
613.1	Цельные шкурки, с головой, хвостом или лапами либо без головы, хвоста или лап, нескомплектованные	
613.11	…норки	
613.19	…прочих пушных зверей	
613.2	Головы, хвосты, лапы и прочие кусочки или обрезки, нескомплектованные	
613.3	Цельные шкурки пушных зверей и их кусочки или обрезки, в скроях	
Раздел 8	Различные готовые изделия	
Отдел 84	Предметы одежды и одежные принадлежности	
Группа 848	Предметы одежды и одежные принадлежности, кроме изготовленных из текстильных тканей; головные уборы из всех материалов	
848.3	Предметы одежды и одежные принадлежности (кроме головных уборов) и другие изделия из меха; искусственный мех и изделия из него	
848.31	Изделия из меха	
848.32	Искусственный мех и изделия из него	

СМТК ООН классифицирует мех (группы 613, 848), определяя его подгруппы в отделах 61 «Кожа, готовые изделия из кожи, не включённые в другие категории и выделанная пушнина» (раздел 6) и 84 «Предметы одежды и одежные принадлежности» [4].

ГС ВТамО классифицирует мех, определяя его коды в разделе 8 «Необработанные шкуры, кожгалантерея, меховые изделия и изделия из них; шорные изделия и сбруя; товары для путешествий, сумки и аналогичные контейнеры; изделия из кишок животных (кроме кишок шелкопряда)», группе 43 «Натуральный и искусственный мех; изделия из него» [5].

Основные классификационные позиции и коды включают следующие номенклатурные компоненты [5]: сырьё пушно-меховое, в другом месте не поименованное или не включенное (включая части, пригодные для изготовления меховых изделий) (4301); дубленые или выделанные меховые шкурки (включая

части и т. д.) (4302); предметы одежды и т. д. из натурального меха (4303); мех искусственный и изделия из него (4304).

Таблица 5

Типизация продукции (услуг) мирового рынка меха в соответствии с ГС Всемирной таможенной организации [5]

Типизация	Продукция	Источник
Раздел VIII	Необработанные шкуры, кожгалантерея, меховые изделия и изделия из них; шорные изделия и сбруя; товары для путешествий, сумки и аналогичные контейнеры; изделия из кишок животных (кроме кишок шелкопряда)	ГС ВТамО
Группа 43	Натуральный и искусственный мех; изделия из него	
4301	Сырьё пушно-меховое, в другом месте не поименованное или не включенное (включая части, пригодные для изготовления меховых изделий)	
4302	Дубленые или выделанные меховые шкурки (включая части и т. д.)	
4303	Предметы одежды и т. д. из натурального меха	
4304	Мех искусственный и изделия из него	

Поправки, внесенные в ГС ВТамО в 2022 г., не только отражают изменения в торговле и технологиях, но и усиливают универсальный характер номенклатуры, учитывают потребность её различных пользователей и изменения в структуре, технологии производства, структуре торговли [6; 7].

По своей структуре и содержанию основные товарные позиции мирового рынка меха в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС и ГС ВТамО имеют сходство, что подтверждает процессы унификации и гармонизации учёта мировых товарных номенклатур. Таким образом, эти классификации целесообразно использовать для оценки статистического массива информации и расчёта показателей внешнеторговой деятельности предприятий на рынке меха.

Основные конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях [8, с. 254; 9] представлены в табл. 6.

Таблица 6

Конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях [8, с. 254; 9]

№ п/п	Конъюнктурные тенденции
1.	Наличие доминант мирового рынка меха: меховое сырьё, меховые полуфабрикаты и готовая продукция
2.	Низкая степень взаимозаменяемости товаров, оборачивающихся на исследуемом рынке
3.	В основе установления спроса и предложения мирового рынка меха – качественное своеобразие отдельных товаров
4.	Рост мирового спроса на пушнину (шкуры енотов, белок, рысей, соболей)

5.	Развитие новых технологий промышленного производства меховых изделий, что приводит к повышению качества продукции на мировом рынке меха, разнообразию моделей меховых изделий, расширению спектра предлагаемых товаров, модельного ряда в соответствии с тенденциями рынка
6.	Рост цен на меховые изделия в силу того, что себестоимость современных технологий обработки меховых изделий более чем на ½ определяет рыночные цены
7.	Ориентация потребления на меховые изделия оригинального дизайна, нестандартной обработки, что обуславливает рост рыночного спроса на такие изделия
8.	Тенденция к закупке более дешёвого сырья: качественные меха не пользуются широким спросом и заменяются менее качественными, но более модными изделиями, что актуализируется для молодёжного сегмента потребителей
9.	Неполноценное использование рыночного потенциала: на мировом рынке меха наблюдается использование 60 % возможного потенциала
10.	Снижение мирового спроса на меховые изделия
11.	Преобладание доли дорогостоящих, ценных видов меха в структуре мирового импорта

Конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях определяют специфические аспекты внешней торговли основных хозяйствующих субъектов исследуемой отрасли, а также параметры диагностики в средне- и долгосрочной перспективе. На мировом рынке меха 95 % всей пушнины реализуется на специализированных аукционах, где учитывается соотношение спроса и предложения и на основании этого определяется актуальная цена на товар. Для создания определенных условий и инфраструктуры для проведения аукциона требуются складские помещения, особые условия для хранения меха и обученный персонал. Требования к пушным аукционам изложены в условиях аукционных торгов. Сами производители меховых изделий не занимаются разведением пушного зверя. Мех, как материал, приобретается на аукционах. Перед тем, как мех будет выставлен на продажу, он должен быть проверен на соответствие принятым стандартам. После этого его сортируют по виду, цвету и размеру шкур. Также мех, как и любой товар, сортируют по категориям. В каждом лоте находится одинаковое количество шкур самок и самцов. Их общего количества достаточно для пошива 1 мехового изделия. Мировые аукционы меха проводятся в течение года, однако самый качественный мех можно купить зимой и до середины весны. Основными хозяйствующими субъектами мирового рынка меха являются следующие международные аукционы: Genuine Mackenzie Valley Furs (GMVF), Finnish Fur Sales (FFS), Союзпушнина, Kopenhagen Fur (CFC), North American Fur Auctions (NAFA), American Legend Cooperative и др. (табл. 7) [10-16].

Таблица 7

Специфические характеристики деятельности международных аукционов на мировом рынке меха [10-16]

Название аукциона	Страна базирования	Характеристики деятельности	Товарные марки
Kopenhagen Fur (CFC)	Дания	продажа невыделанного меха, реализация датской норки, лисы и клеточного песца	Kopenhagen Fur, Kopenhagen Ivory, Kopenhagen Platinum, Kopenhagen Burgundy, Kopenhagen Purple
Finnish Fur Sales (FFS)	Финляндия	реализация норковых шкурок высшего качества, норки класса выше первого, меха лисы и песца	Saga Royal Mink, Saga Mink, Saga Royal Fox, Saga Fox
North American Fur Auctions (NAFA)	Канада	продажа пушнины высокого качества, шкурок клеточных животных: североамериканской лисы, европейской, североамериканской норки и шиншиллы	Nafa Northern Five Star Gold, Black Nafa
American Legend Auctions	США	продажа пушнины высокого класса, североамериканской скандинавской клеточной норки, шкур дикого зверя	Blackglama
Genuine Mackenzie Valley Furs (GMVF)	Канада	реализация эксклюзивных лотов, в т. ч. меха куницы (2 место после русского соболя)	GMVF
Союзпушнина	Российская Федерация	реализация соболя, норки, песца, лисы, енота, а также куницы, колонки, белки	Союзпушнина

Kopenhagen Fur (CFC) – аукцион, который проходит в г. Копенгаген, является крупнейшим в мире аукционом, на котором можно купить невыделанный мех. Kopenhagen Fur Auctions работает в союзе с Ассоциацией Датских Пушных Производителей, в состав которой входят более чем 2000 звероферм. Kopenhagen Fur Auctions реализует датскую норку, лису и клеточного песца. Ярлык Kopenhagen Fur является подтверждением того, что качество меха соответствует заявленному. Производственный процесс контролируется Kopenhagen Fur. На аукционах, которые проводятся компанией Kopenhagen Fur, мех маркируется следующими лейблами: Kopenhagen Fur, Kopenhagen Ivory, Kopenhagen Platinum, Kopenhagen Burgundy, Kopenhagen Purple [10; 11]:

1) Kopenhagen Fur – норка под этой маркой обладает уникальными свойствами; благодаря особенной технологии обработки меха, она становится легкой и мягкой; норка относится к категории самых носких мехов; цветовой спектр ворса колеблется от белого до иссиня-черного; дизайнеры предпочитают работать с этим мехом из-за его свойств, которые он приобретает в результате обработки; нужную фактуру мех получает в результате стрижки, выщипывания, нанесения лазерного рельефа;

2) Kopenhagen Ivory – этот лейбл означает равномерное распределение подшерстка и остевого ворса;

3) Kopenhagen Fur Fox – маркировка лисьего меха высокого качества; длинный густой мех лисицы используется для пошива меховых изделий и в качестве отделки воротника и рукава;

4) Kopenhagen Platinum – мех под этой маркой характеризуется густым и плотным подшерстком; он используется для пошива дорогих элитных шуб; Kopengagen Platinum – мех, отобранный в результате тщательной сортировки;

5) Kopenhagen Fur Chinchilla – лейбл, которым маркируют мех шиншиллы; мех отличается особенной мягкостью и своим объёмом; на 1 шкурке цветовая палитра варьируется от светлых до темных оттенков;

6) Kopenhagen Burgundy – под этим обозначением определяется мех высочайшего качества; в нем объединены длинный остевой волос и густой, мягкий подшерсток.

Finnish Fur Sales (FFS) проводит пушные аукционы в Финляндии. Акции компании можно купить на фондовой бирже. Вся продукция финской компании маркируется как Saga Furs. Все меховые шкурки с этим знаком отвечают международным стандартам по разведению пушного зверя. Животные для получения качественной пушнины содержатся в надлежащих условиях и получают соответствующий уход, поэтому мех, получивший лейбл Saga, признан как один из самых качественных [10; 12].

Меха Saga Furs маркируются в соответствии с 3 категориями:

1) Saga Royal Mink – норковые шкурки высшего качества, которые выставляют в топ лотах, поскольку они самые ценные; из 500 шкурок норки только 1 получает маркировку Saga Royal Mink;

2) Saga Mink – норка класса выше первого; при отборе шкурок только 1 из 150 отвечает требованиям маркировки;

3) Saga Royal Fox и Saga Fox – эта марка определяет качество меха лисы и песца, которое соответствует общепринятым мировым стандартам; из-за небольшого количества шкурок, они могут быть проданы только в рамках 1 топ-лота; за 1 аукцион продается 1500 шкурок этих зверьков (в аукционе участвуют шкурки со скандинавских звероферм: лиса, норка, песец).

North American Fur Auctions (NAFA) – пушной аукцион проводится на территории Канады, в г. Торонто (3 место после копенгагенского и финского аукционов) [10; 13]:

1) Nafa Northern Five Star Gold – под этой маркой на торгах участвует пушнина высочайшего качества; все изделия с этим ярлыком обладают высокой степенью протекции и защищены от подделывания; для этого они получают свой

уникальный серийный номер, проверить подлинность которого можно специальным сканером;

2) Black Nafa – такую маркировку получают шкурки норки самого высокого качества; марка обладает повышенной степенью защиты изделия от подделки; каждому ярлыку присваивается свой серийный номер; ярлык Black Nafa получают шкурки клеточных животных (североамериканская лиса, европейская и североамериканская норка, шиншилла); иногда на аукционе выставляют шкурки других диких зверей: лисы, бобра, ондатры, енота, выдры, куницы, волка.

American Legend Cooperative – американский торговый дом, который создан в 1898 г. в США, штат Вашингтон. American Legend Auctions – это аукцион, в состав которого входят всего 2 ассоциации, занимающиеся разведением норки в Северной части страны. American Legend Auctions занимает лидирующее положение по продаже пушнины высочайшего класса. Торги на аукционе проводятся всего 2 раза в год: зимой в феврале и весной в мае. Основная продукция – североамериканская скандинавская клеточная норка и шкуры дикого зверя Канады. Разведением североамериканской норки занимаются фермеры США и Канады. Скандинавский вид меха поставляют производители из Швеции, Финляндии, Нидерландов, Дании. Деятельность American Legend Auctions характеризуется своей спецификой: в 1 лоте находятся шкуры с 1 индивидуальной фермы, которые отличаются особенным окрасом, размерами и густотой подпуши. Приобрести качественный товар можно только в зимнее время года, поскольку именно в это время мех обладает отличными характеристиками: он лоснится, не линяет, переливает природными оттенками различного спектра. American Legend владеет брендом Blackglama. Под этим лейблом продается черная североамериканская норка, которую выращивают на зверофермах США и Канады [10; 14].

Genuine Mackenzie Valley Furs (GMVF) – под брендом продается пушнина высокого качества, выращенная на территории северной Канады. Пушные животные, шкурки которых реализуются на аукционе, содержатся в удовлетворительных условиях. GMVF – это марка, под которой выставляются дорогие эксклюзивные лоты. На лейбе марки изображены снегоступы, которыми пользуются жители северной Канады. По своей ценности мех куницы GMVF получил 2 место после русского соболя [10; 15].

Союзпушнина – российский аукцион, функционирующий с 1931 г. Аукционные торги проходят во Дворце Меха в культурной столице России – г. Санкт-Петербурге. Реализуются не только российские шкурки, но и пушнина, завезенная из Кореи и КНР. В лотах представлен русский соболь, норка, песец, лиса, енот, которых разводят на фермах, а также мех диких животных: куницы, колонки, белки [10; 16].

2. Специфические аспекты внешней торговли российских предприятий на рынке меха

Современный мировой рынок меха характеризуется изменениями, вызванными изменением потребительского поведения и экономическими факторами. Рынок включает меховое сырье, меховые полуфабрикаты и готовую продукцию - меховые изделия. На мировой рынок меха влияют:

1) геополитические факторы – политическая стабильность в ключевых регионах влияет на доверие инвесторов и торговую политику;

2) региональные правила – например, в Европе строгие экологические нормы побуждают производителей использовать экологически чистые материалы, способствуя инновациям в области устойчивого искусственного меха;

3) мировые торговые политики – тарифы и ограничения импорта-экспорта влияют на стратегии поиска и распределения материалов для изделий из искусственного меха.

4) В современных условиях внешняя торговля российских предприятий на рынке меха (табл. 8) представлена деятельностью следующих хозяйствующих субъектов: ООО Меховая Фабрика «Русский мех», ООО Фабрика «Золотое Руно», ООО МК «Рокар», ООО «ПЕКО», ООО «Интерсити», ООО «Ярославская овчинно-меховая фабрика», Меховая фабрика «Панафикс», ЗАО Меховая фабрика «Соболь» и др. [17-25], которые классифицируются по годам основания, направлениям деятельности и видам продукции.

Таблица 8

Общие характеристики основных российских предприятий на мировом рынке меха [17-25]

Предприятия	Годы основания	Направления деятельности	Виды продукции
ООО Меховая Фабрика «Русский мех»	1994	ремонт меховых изделий; дизайнерский перекрой; химическая чистка; биологическая очистка; хранение шуб и других предметов одежды из меха; пошив (в т. ч. индивидуальный); продажа меха для самостоятельной работы с ним	шубы из норки, лисицы, бобра, овчины, ондатры, куницы, каракуля, каракуль-каракульчи, выдры, кролика, енотовидной собаки; дублёнки; мужские шубы из норки, меха тюленя, бобра; мужские кожаные куртки с отделкой из меха; мужские куртки из овчины; женские и мужские меховые шапки; меховые жилетки и воротники и др.
ООО Фабрика «Золотое Руно»	1992	производство шуб из натурального меха	мужские и женские головные уборы; дублёнки для мужчин и женщин; мутоновые и пушные шубы
ООО МК «Рокар»	1992	производство шуб, совершенствование приёмов обработки	шубы, куртки, пуховики, пальто, плащи, дублёнки, жилетки, шапки и др.

Предприятия	Годы основания	Направления деятельности	Виды продукции
		меха; выделка каракуля, бобра, чернобурки, песца, лисопеса, барсука, норки, енота и фишера	
ООО «ПЕКО»	1998	производство меховых изделий для женщин под брендом «Слава Мех»	шубы, меховые жилеты, куртки, парки, изделия из шерсти и др.
ООО «Интерсити»	2012	производство шуб и других изделий из натурального меха под брендом «MaryBelle»	шубы, джинсовые куртки на подстёжке, пальто из шерсти и экомеха
ООО «Ярославская овчинно-меховая фабрика»	1898	производство тёплой спецодежды; модельное производство дубленок, кожаных вещей на натуральной овчине, парок, джинсовок на меху	меховая спецодежда, женские и мужские куртки-косухи, парки, дублёнки, жилеты, шапки, рукавицы, обувь и др.
Меховая фабрика «Панафикс»	2004	производство шуб из меха различных животных	каракулевые, мутоновые, норковые, лисьи, енотовые шубы; шубы из фишера и астрагана
ЗАО Меховая фабрика «Соболь»	1991	производство меховых изделий	шубы, пальто, полупальто, жакеты, парки, пончо, меховые жилеты, мужские и женские головные уборы из меха, варежки, чехлы, сумки и др.

Специфические аспекты внешней торговли российских предприятий на рынке меха [9; 16] целесообразно систематизировать и представить в табл. 9.

Таблица 9

Специфические аспекты внешней торговли российских предприятий на рынке меха [9; 16]

№ п/п	Специфические аспекты
1.	Создание конкурентоспособной продукции из овчинно-шубного и пушно-мехового сырья на мировом рынке меха
2.	Разработка нового ассортимента изделий, ориентированных на отдельные категории потребителей, на текущие тенденции моды

3.	Внедрение в производственную сферу создания, обработки меховых изделий экологически безопасного оборудования, ресурсосберегающих технологий
4.	Разработка направлений обучения специалистов промышленного производства меховых изделий, программ подготовки и переподготовки научных сотрудников и инженеров
5.	Техническое перевооружение, модернизация отраслей меховой промышленности
6.	Расширение рынков сбыта меховой промышленности в контексте внешнеторгового сотрудничества с дружественными странами
7.	Приоритетность производства и торговли изделиями из натурального меха в силу климатических особенностей Российской Федерации
8.	Актуализация внешнеторговой деятельности российских предприятий в товарном сегменте соболиных меховых изделий в контексте специфики функционирования международного пушного аукциона «Союзпушнина» (соболь промысловый, соболь Баргузинский, соболь Камчатский, соболь Амурский, Якутский, соболь Енисейский и др.)
9.	Учет ценовых факторов формирования рыночного спроса на российские меховые изделия: общеэкономические параметры развития, определяющие уровень реальных доходов населения, уровень благосостояния, покупательская способность и др.
10.	Учет неценовых факторов формирования рыночного спроса на российские меховые изделия: практичность изделий (водоустойчивость, не продуваемость и легкость меховых изделий из меха бобра, устойчивость к влаге меховых изделий из нутрии); износостойкость (меховые изделия из норки и соболя); доступность (сырье и меховые изделия из кролика, песца, нутрии, лисицы); адаптивность к климатическим условиям (теплоемкость меха норки, песца, соболя, нутрии)

Некоторые тенденции современного российского рынка меха:

1) возрождение спроса на натуральный мех: мех снова возвращается в большую моду, что отражается на предпочтениях российских потребителей;

2) сложение ключевых трендов: в современной меховой моде есть тренды – люкс, винтаж и демократичный люкс;

3) рост спроса на люксовые меховые изделия: в 2024 г. сегмент люкса (соболь, рысь, шиншилла) вырос в Российской Федерации на 30 %;

4) увеличение спроса на изделия из овчины: этот вид меха сравнительно недорогой, является побочным продуктом мясной промышленности;

5) популярность натурального меха в мужской моде: несколько модных домов представили коллекции мужских изделий из натурального меха, а также меховые аксессуары.

Специфика экспорта российских предприятий на рынке меха проявляется в следующих компонентах:

1) доминируют восточные и ближайшие направления: основные рынки сбыта для российского мехового сырья – страны Евразийского экономического союза (Казахстан, Беларусь), где действуют упрощённые торговые режимы, и Китай, который является крупнейшим мировым производителем готовых изделий и нуждается в сырьевых ресурсах;

2) ранее значительную долю в торговых операциях занимали европейские страны, но с начала 2023 г. санкции на экспорт российских шкурок в ЕС повлияли на географию внешней торговли; например, европейские страны, прежде всего Италия и Греция, были крупнейшими покупателями российского соболя, в т. ч. самых дорогих шкурок темного цвета; в 2022 г. Россельхознадзор сообщал, что приблизительно 1/2 меха соболя и норки, произведённого в Российской Федерации, отправили на экспорт (в Италию и Германию); в современных условиях география экспорта изменилась в контексте взаимодействия с дружественными странами.

Специфика импорта Российской Федерации на рынке меха проявляется в следующих компонентах:

1) ранее меховое сырье и изделия из меха поставляли напрямую из Дании, Финляндии, США, Канады. В настоящее время датский аукцион закрылся;

2) некоторый объем натуральных шуб импортируется из Китая, Турции или параллельным импортом;

3) изделия из искусственного меха активно поступают из азиатских стран – Китая, Вьетнама;

4) в соответствии с Приказом Минпромторга РФ от 21.07.2023 №2701 (ред. от 05.07.2024), натуральные и искусственные шубы включены в перечень товаров, подпадающих под упрощенные механизмы параллельного импорта.

3. Стратегические аспекты внешней торговли Российской Федерации на рынке меха в условиях конъюнктурных изменений

В условиях многополярности экономического развития и геополитической турбулентности векторы и перспективные направления совершенствования международной торговли на рынке меха [26-30] включают компоненты, представленные в табл. 10 (объёмы, результативность и структура внешней торговли, потребительские предпочтения).

Таблица 10

Перспективные направления совершенствования международной торговли на рынке меха [26-30]

Векторы	Перспективные направления
1	2
Объемы внешней торговли	Преодоление негативной динамики международной торговли мехом на мировом рынке посредством роста объемов мирового экспорта и мирового торгового оборота, дальнейшего уменьшения объёмов мирового импорта меха
	Обеспечение увеличения объемов мирового экспорта и мирового торгового оборота посредством учета базовых

Векторы	Перспективные направления
1	2
	прогнозных сценариев роста показателей при планировании финансовых результатов хозяйствующих субъектов
Результативность внешней торговли	Сохранение положительных ежегодных значений сальдо торгового баланса посредством стабилизации динамики роста мировых объемов экспорта меха и преодоления негативной динамики сальдо торгового баланса в долгосрочном периоде
Структура внешней торговли	Сохранение структурного баланса в международной торговле мехом посредством роста объемов экспорта предприятий
	Оптимизация географической структуры международной торговли на мировом рынке меха посредством дальнейшего наращивания объемов экспорта Таиланда, Камбоджи и др.; уменьшения объемов импорта меха из Гонконга, Финляндии, Дании, США, Южной Кореи и др.
	Сохранение оптимальной товарной структуры международной торговли на мировом рынке меха посредством осуществления внешнеторговой деятельности хозяйствующими субъектами следующих номенклатурных позиций: меховых изделий из норки, лисицы, песца, енота, каракуля, соболя и др.
Потребительские тенденции	Сохранение роста мирового спроса на пушнину (шкуры енотов, белок, рысей, соболей) в условиях реальной стоимости
	Повышение спроса на готовые меховые изделия посредством полноценного использования возможного рыночного потенциала, достижения качественного своеобразия отдельных меховых товаров
	Учет изменений в потребительских предпочтениях: отказ представителей масс-медиа и шоу-бизнеса, ведущих брендов моды от натурального меха (в знак протеста против убийства животных)
	Возврат к натуральным материалам, в т. ч. натуральному меху, в странах с соответствующими климатическими условиями

Реализация перспективных направлений совершенствования международной торговли на рынке меха имеет взаимосвязь с общими тенденциями основных индикаторов рынка в условиях конъюнктурных изменений.

Стратегические аспекты и векторы внешней торговли предприятий на рынке меха [26-30] включают компоненты, представленные в табл. 11 (география внешней торговли, финансовые результаты, технологии). Представленные стратегические аспекты внешней торговли предприятий на мировом рынке меха имеют комплексных характер реализации в современных условиях.

Совершенствование функционирования хозяйствующих субъектов Российской Федерации на мировом рынке меха предполагает систематизацию

рекомендаций по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации, содержащих компоненты, представленные в табл. 12 (объёмы, результативность, структура внешней торговли, финансовые результаты, специфика производства, технологические возможности, конъюнктурная доминанта).

Рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке меха имеют взаимосвязь с общими тенденциями основных индикаторов исследуемого рынка в условиях конъюнктурных изменений.

Следует уточнить, что реализация направлений повышения эффективности внешней торговли российских предприятий на рынке меха имеет рекомендательный характер в условиях неоднородности и асимметрии макроэкономического развития, глобальной геополитической турбулентности, а также мировой многополярности.

Таблица 11

Стратегические аспекты внешней торговли предприятий на мировом рынке меха в условиях конъюнктурных изменений [26-30]

Векторы	Стратегические аспекты
География внешней торговли	Оптимизация географической структуры внешней торговли предприятий на мировом рынке меха посредством дальнейшего увеличения доли хозяйствующих субъектов Китая, Камбоджи, Италии, Таиланда, Турции и Польши в экспортной структуре внешней торговли предприятий на исследуемом рынке, уменьшения доли хозяйствующих субъектов Гонконга, Южной Кореи в импортной структуре внешней торговли предприятий на мировом рынке меха
Финансовые результаты	Сохранение эффективного уровня внешней торговли предприятий на мировом рынке меха посредством преодоления динамики колебаний ежегодных темпов роста показателя, сохранение положительной динамики эффективности внешней торговли предприятий в долгосрочном периоде, стабилизации тенденции исследуемого показателя, учета базовых прогнозных сценариев роста эффективности внешней торговли предприятий при долгосрочном планировании финансовых результатов хозяйственной деятельности
	Сохранение долгосрочной положительной динамики значений чистой прибыли исследуемых предприятий (в т. ч. международных аукционов) посредством адаптации комплекса мер по оптимизации географии и товарной структуры внешней торговли хозяйствующих субъектов на рынке меха, реализации внешнеэкономических стратегий предприятий в условиях интенсификации международной торговли
Технологии	Актуализация тенденции преобладания Интернет как канала для поиска и продажи меха в зависимости от географического рынка

	Дальнейший рост значимости технологий, как важного фактора поддержки всей цепочки создания стоимости (в т. ч. в контексте производства изделий из натурального и искусственного меха)
	Развитие новых технологий промышленного производства меховых изделий, что приводит к повышению качества продукции на мировом рынке меха, разнообразию моделей меховых изделий, расширению спектра предлагаемых товаров, модельного ряда в соответствии с тенденциями рынка
	Соблюдение предприятиями комплекса условий содержания, забоя животных, хранения и транспортировки продукции
	Подтверждение качества продукции, включающее технологическую составляющую по выделке шкурок; подтверждением качества является участие в международных аукционах и получение маркировки организации, проводящей аукцион

Регулирование внешней торговли мехом в Российской Федерации включает в себя как тарифные, так и нетарифные меры. Тарифное регулирование основано на Едином таможенном тарифе ЕАЭС.

Таблица 12

Рекомендации по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли Российской Федерации на рынке меха [26-30]

Аспекты	Рекомендации
1	2
Объемы внешней торговли	Преодоление негативной динамики внешней торговли мехом Российской Федерации на мировом рынке посредством роста объемов российского экспорта и внешнеторгового оборота, дальнейшего уменьшения объемов импорта меха
Результативность внешней торговли	Преодоление импортозависимости российской внешней торговли мехом на мировом рынке посредством стабилизации динамики ежегодных значений внешнеторгового сальдо, сохранения положительной динамики показателя в долгосрочном периоде
Структура внешней торговли	Сглаживание структурного дисбаланса во внешней торговле мехом посредством наращивания объемов экспорта российских предприятий
	Оптимизация географической структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха посредством наращивания объемов экспорта в Казахстан, Беларусь, Азербайджан; уменьшения объемов российского импорта меха из Китая, Турции, Италии, Греции, Франции
	Оптимизация товарной структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха посредством

Аспекты	Рекомендации
1	2
	наращивания объёмов экспорта предметов одежды из меха, прочих принадлежностей к одежде из натурального меха и др.
Финансовые результаты	Достижение эффективного уровня внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха в долгосрочной перспективе посредством преодоления динамики колебаний ежегодных темпов роста показателя и преодоления негативной динамики в долгосрочном периоде
	Сохранение долгосрочной положительной динамики значений чистой прибыли ООО МК «Рокар», ООО «ПЕКО», рентабельности активов (ROA) ООО МК «Рокар», преодоление негативной динамики показателей чистой прибыли и рентабельности активов (ROA) ООО Фабрики «Золотое руно» посредством адаптации комплекса мер по модернизации мехового производства, роста объемов инвестиций, в т. ч. в НИОКР, оптимизации географии и товарной структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха, учета базовых прогнозных сценариев роста показателей при планировании хозяйственной деятельности, позиционирования брендов и соответствия потребительским предпочтениям
Специфика производства	Реализация возможности организации обрабатывающей деятельности (выделка шкурок)
	Снижение себестоимости произведенного изделия за счет исключения разрывов в цикле производства, вызванных передачей от сырья производителя в обрабатывающее производство далее производителю изделий и имеющих своим результатом накопление торговой наценки, возникающей в процессе обмена между участниками производственного цикла
	Организация деятельности меховых ателье
Технологические возможности	Соблюдение российскими предприятиями обязательной цифровой маркировки, которой подлежит меховая продукция с 2016 г.
	Внедрение в производственную сферу создания, обработки меховых изделий экологически безопасного оборудования, ресурсосберегающих технологий
	Техническое перевооружение, модернизация российских отраслей меховой промышленности
Конъюнктурная доминанта	Преодоление снижения спроса на меховую продукцию посредством оперативной адаптации к новым условиям мирового рынка, санкционным ограничениям, влиянию ценовых и неценовых конъюнктурообразующих факторов,

Аспекты	Рекомендации
1	2
	налаживания новых логистических цепочек по экспорту-импорту меховых товаров

Ставки ввозных таможенных пошлин на мех установлены этим тарифом. При этом экспортные пошлины на вывоз из Российской Федерации меха (как искусственного, так и натурального) отсутствуют.

Базу нетарифного регулирования составляет Технический регламент Таможенного союза 017/2011 «О безопасности продукции легкой промышленности». Этот регламент устанавливает обязательные требования к продукции легкой промышленности, чтобы защитить жизнь и здоровье человека, а также предупредить действия, вводящие в заблуждение пользователей продукции.

С 2016 г. в Российской Федерации используется система маркировки меховых изделий для снижения количества незаконно перемещаемых меховых изделий. Все изделия из меха, которые продаются в Российской Федерации, учитываются в единой системе маркировки и прослеживания товаров «Честный знак».

Минпромторг Российской Федерации утверждает, что действующие правила маркировки меховых изделий не обеспечивают необходимого контроля за оборотом меховых изделий, поэтому предлагает перевести маркировку меховых изделий на новый формат с применением DataMatrix, планирует ввести в действие новые правила с 1 марта 2026 г.

По результатам проведенного исследования цель достигнута и поставленные задачи решены. Обобщая материалы исследования специфики внешней торговли Российской Федерации на рынке меха, целесообразно заключить следующее:

1. Основные конъюнктурные тенденции развития мирового рынка меха в современных условиях проявляются следующем: наличие доминант мирового рынка меха: меховое сырьё, меховые полуфабрикаты и готовая продукция; низкая степень взаимозаменяемости товаров, оборачивающихся на исследуемом рынке; рост мирового спроса на пушнину; развитие новых технологий промышленного производства меховых изделий, что приводит к повышению качества продукции на мировом рынке меха, разнообразию моделей меховых изделий, расширению спектра предлагаемых товаров, модельного ряда в соответствии с тенденциями рынка; рост цен на меховые изделия; ориентация потребления на меховые изделия оригинального дизайна, нестандартной обработки, что обуславливает рост рыночного спроса на такие изделия; тенденция к закупке более дешёвого сырья: качественные меха не пользуются широким спросом и заменяются менее качественными, но более модными изделиями, что актуализируется для молодёжного сегмента потребителей; неполноценное использование рыночного потенциала; снижение мирового

спроса на меховые изделия; преобладание доли дорогостоящих, ценных видов меха в структуре мирового импорта и др.

2. Специфика внешней торговли российских предприятий на исследуемом рынке включает следующие аспекты: создание конкурентоспособной продукции из овчинно-шубного и пушно-мехового сырья на мировом рынке меха; разработка нового ассортимента изделий, ориентированных на отдельные категории потребителей, на текущие тенденции моды; внедрение в производственную сферу создания, обработки меховых изделий экологически безопасного оборудования, ресурсосберегающих технологий; разработка направлений обучения специалистов промышленного производства меховых изделий, программ подготовки и переподготовки научных сотрудников и инженеров; техническое перевооружение, модернизация отраслей меховой промышленности; расширение рынков сбыта меховой промышленности в контексте внешнеторгового сотрудничества с дружественными странами; приоритетность производства и торговли изделиями из натурального меха в силу климатических особенностей Российской Федерации; актуализация внешнеторговой деятельности российских предприятий в товарном сегменте соболиных меховых изделий в контексте специфики функционирования международного пушного аукциона «Союзпушнина»; учёт ценовых и неценовых факторов формирования рыночного спроса на российские меховые изделия и др.

3. В условиях многополярности экономического развития перспективные направления совершенствования международной торговли на мировом рынке меха включают компоненты: преодоление негативной динамики международной торговли мехом на мировом рынке посредством роста объемов мирового экспорта и мирового торгового оборота, дальнейшего уменьшения объемов мирового импорта меха; обеспечение увеличения объемов мирового экспорта и мирового торгового оборота посредством учета базовых прогнозных сценариев роста показателей при планировании финансовых результатов хозяйствующих субъектов; сохранение положительных ежегодных значений сальдо торгового баланса посредством стабилизации динамики роста мировых объемов экспорта меха и преодоления негативной динамики сальдо торгового баланса в долгосрочном периоде; сохранение структурного баланса в международной торговле мехом посредством роста объемов экспорта предприятий; оптимизация географической структуры международной торговли на мировом рынке меха посредством дальнейшего наращивания объемов экспорта Таиланда, Камбоджи и др.; уменьшения объемов импорта меха из Гонконга, Финляндии, Дании, Южной Кореи и др.; сохранение оптимальной товарной структуры международной торговли на мировом рынке меха посредством осуществления внешнеторговой деятельности хозяйствующими субъектами следующих номенклатурных позиций: меховых изделий из норки, лисицы, песца, енота, каракуля, соболя и др.; сохранение роста мирового спроса на пушнину в условиях реальной стоимости и др.

4. Стратегические аспекты внешней торговли предприятий на мировом рынке меха включают следующие компоненты: оптимизация географической структуры внешней торговли предприятий на мировом рынке меха посредством

дальнейшего увеличения доли хозяйствующих субъектов Китая, Камбоджи, Италии, Таиланда, Турции и Польши в экспортной структуре внешней торговли предприятий на исследуемом рынке, уменьшения доли хозяйствующих субъектов Гонконга, США, Южной Кореи в импортной структуре внешней торговли предприятий на мировом рынке меха; сохранение эффективного уровня внешней торговли предприятий на мировом рынке меха посредством преодоления динамики колебаний ежегодных темпов роста показателя, сохранение положительной динамики эффективности внешней торговли предприятий в долгосрочном периоде, стабилизации тенденции исследуемого показателя, учета базовых прогнозных сценариев роста эффективности внешней торговли предприятий при долгосрочном планировании финансовых результатов хозяйственной деятельности; сохранение долгосрочной положительной динамики значений чистой прибыли исследуемых предприятий посредством адаптации комплекса мер по оптимизации географии и товарной структуры внешней торговли хозяйствующих субъектов на мировом рынке меха, реализации внешнеэкономических стратегий предприятий в условиях интенсификации международной торговли и др.

5. Совершенствование функционирования хозяйствующих субъектов Российской Федерации на мировом рынке меха предполагает систематизацию рекомендаций по реализации направлений повышения эффективности внешней торговли российских предприятий, содержащих следующие компоненты: преодоление негативной динамики внешней торговли мехом Российской Федерации посредством роста объемов российского экспорта и внешнеторгового оборота, дальнейшего уменьшения объемов импорта меха; преодоление импортозависимости российской внешней торговли мехом посредством стабилизации динамики ежегодных значений внешнеторгового сальдо, сохранения положительной динамики показателя в долгосрочном периоде; сглаживание структурного дисбаланса во внешней торговле мехом посредством наращивания объемов экспорта российских предприятий; оптимизация географической структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха посредством наращивания объемов экспорта в Казахстан, Беларусь, Азербайджан; уменьшения объемов российского импорта меха из Китая, Турции, Италии, Греции, Франции; оптимизация товарной структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха посредством наращивания объемов экспорта предметов одежды из меха, прочих принадлежностей к одежде из натурального меха и др.; достижение эффективного уровня внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха в долгосрочной перспективе посредством преодоления динамики колебаний ежегодных темпов роста показателя и преодоления негативной динамики в долгосрочном периоде; сохранение долгосрочной положительной динамики значений чистой прибыли ООО МК «Рокар», ООО «ПЕКО», рентабельности активов ООО МК «Рокар», преодоление негативной динамики показателей чистой прибыли и рентабельности активов ООО Фабрики «Золотое руно» посредством адаптации комплекса мер по модернизации мехового производства, роста объемов инвестиций, в т. ч. в НИОКР, оптимизации

географии и товарной структуры внешней торговли российских предприятий на мировом рынке меха, учета базовых прогнозных сценариев роста показателей при планировании хозяйственной деятельности, позиционирования брендов и соответствия потребительским предпочтениям; преодоление снижения спроса на меховую продукцию посредством оперативной адаптации к новым условиям мирового рынка, санкционным ограничениям, влиянию ценовых, неценовых факторов и др.

На восстановление меховой отрасли Российской Федерации влияет то, что в мире возвращается мода на мех: он вновь присутствует в коллекциях многих ведущих модных домов, и российские потребители все чаще отдают предпочтение таким изделиям. Однако на перспективы внешней торговли мехом Российской Федерации влияют и некоторые ограничения (с начала 2023 г.) [31, с. 86; 32, с. 232-237; 33, с. 411; 34, с. 105-113; 35, с. 177]. Влияние санкций меховую отрасль остается актуальным научным вопросом и может быть рассмотрен в качестве задач для дальнейших исследований мирового рынка меха.

Список использованной литературы

1. Классы МКТУ // URL: https://classinform.ru/mktu/250049.html (Дата обращения: 12.01.2026).

2. Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД 2) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163703/cd7744fe7651528cbe8b6ff57cbdb0ad7dc6ddc4/ (Дата обращения: 12.01.2026).

3. ТН ВЭД ЕАЭС – тарифы – пояснения // URL: https://issa.ru/tnvd/tnvd_51.html (Дата обращения: 12.01.2026).

4. Стандартная международная торговая классификация // URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_34rev4r.pdf (Дата обращения: 12.01.2026).

5. Гармонизированной системой описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации // URL: https://tfig.unece.org/RUS/contents/HS-convention.htm (Дата обращения: 12.01.2026).

6. Андриянов, Ю. Изменения, вносимые в Гармонизированную систему описания и кодирования товаров с 1 января 2022 года / Ю. Андриянов // Выступление на Международном таможенном форуме – 2021, 21.10.2021 // URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/ 84437/ (Дата обращения: 12.01.2026).

7. Густова, Д. С. Обзор изменений, вносимых в Гармонизированную систему описания и кодирования товаров с 1 января 2022 года // URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/23682/1/Obzor_izmenenii.pdf (Дата обращения: 12.01.2026).

8. Толикова, Е. Э. Таможенное регулирование как фактор повышения конкурентоспособности меховой отрасли / Е. Э. Толикова, В. В. Колтышев // Евразийский юридический журнал. Учредитель: Фархутдинов И. З. Москва, 2020. № 2 (141). – С. 253-256.

9. Рынок меха // URL: https://spravochnick.ru/mikro-_makroekonomika/rynok_ meha/ (Дата обращения: 12.01.2026).
10. Ведущие производители меха: где проходят мировые меховые аукционы // URL: http://moya-shubka.ru/mirovye-mexovye-aukciony/ (Дата обращения: 12.01.2026).
11. Официальный сайт Kopenhagen Fur // URL: https://www.kopenhagenfur.com/ (Дата обращения: 12.01.2026).
12. Официальный сайт Finnish Fur Sales // URL: https://www.sagafurs.com/ (Дата обращения: 12.01.2026).
13. Официальный сайт North American Fur Auctions // URL: http://www.nafa.ca/ (Дата обращения: 12.01.2026).
14. Официальный сайт American Legend Auctions // URL: http://www.american legend.com/ (Дата обращения: 12.01.2026).
15. Официальный сайт Genuine Mackenzie Valley Furs // URL: https://furhar vesters.com/nwt.html (Дата обращения: 12.01.2026).
16. Официальный сайт аукционной компании Союзпушнина // URL: https://sojuz pushnina.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
17. 11 лучших меховых фабрик в России и мире в 2023 году // URL: https://www.kp.ru/expert/proizvoditeli/luchshie-mehovye-fabriki/ (Дата обращения: 12.01.2026).
18. Официальный сайт ООО Меховой Фабрики «Русский мех» // URL: https://rusmeh.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
19. Официальный сайт ООО Фабрики «Золотое Руно» // URL: https://mpozr.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
20. Официальный сайт ООО МК «Рокар» // URL: https://meharossii.ru/patigorsk/ rokar-ooo-mehovaa-kompania.html (Дата обращения: 12.01.2026).
21. Официальный сайт ООО «ПЕКО» // URL: https://slavameh.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
22. Официальный сайт ООО «Интерсити» // URL: https://mary-belle.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
23. Официальный сайт ООО «Ярославская овчинно-меховая фабрика» // URL: https://www.shubenki.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
24. Официальный сайт Меховой фабрики «Панафикс» // URL: http://panafics. stavropolie.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
25. Официальный сайт ЗАО Меховой фабрики «Соболь» // URL: https://sobol-mex.ru/ (Дата обращения: 12.01.2026).
26. Оборот рынка меховых изделий в России в 2022 году составил около 100 млрд. рублей // URL: https://tass.ru/ekonomika/ 17447277 (Дата обращения: 12.01.2026).
27. Экономическая война. Последствия антироссийских санкций. В России упал спрос на изделия из натурального меха // URL: https://rossaprimavera.ru/news/ 75d8f5c0 (Дата обращения: 12.01.2026).

28. Ведущие производители меха: где проходят мировые меховые аукционы // URL: http://moyashubka.ru/mirovye-mexovye-aukciony/ (Дата обращения: 12.01.2026).

29. Долгожданный пушной аукцион: мысли и выводы // URL: https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2017/10/09/649275-dolgozhdannyiy-pushnoy-auktsion-myisli-i-vyivodyi.html (Дата обращения: 12.01.2026).

30. Исследование рынков пушно-меховой продукции и оценка перспектив развития деятельности звероводческого хозяйства, расположенного на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // URL: http://ugra2030.admhmao.ru/docs/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82.pdf (Дата обращения: 12.01.2026).

31. Дещенко, А. Ю. Векторы цифрового развития геомаркетинга / А. Ю. Дещенко, К. А. Кравченко // Экономика строительства. – 2025. – № 1. – С. 85-86. – EDN RCTURH.

32. Семенов, А. А. Влияние мировых нефтяных цен на динамику курса доллара США к российскому рублю / А. А. Семенов, А. А. Кобзий // Современное общество и власть. – 2017. – № 2 (12). – С. 231-238. EDN: ZFUVVR.

33. Цифровизация сквозного проектирования меховых изделий / М. А. Гусева, Е. Г. Андреева, В. С. Белгородский [и др.] // Фан, таълим, ишлаб чиқариш интеграциялашуви шароитида пахта тозалаш, тўқимачилик, енгил саноат, матбаа ишлаб чиқариш инновацион технологиялари долзарб муаммолари ва уларнинг ечими, Ташкент, 16–17 мая 2019 года. Том 2. – Ташкент: Тошкент тўқимачилик ва енгил саноат институти, 2019. – С. 409-412. – EDN AASRHT.

34. Пилуй, В. Н. Мировые тенденции развития звероводческой отрасли / В. Н. Пилуй // Вестник института экономики НАН Беларуси : Сборник научных статей. – Минск : РУП «Издательский дом «Белорусская наука», 2025. – С. 104-114. – DOI 10.47612/27895122202510104114. – EDN RLKHHI.

35. Абрампальская, О. В. Современные тенденции развития рынка продукции звероводства / О. В. Абрампальская, А. И. Двойнова // Студенческая наука, Тверь, 14–16 марта 2023 года. – Тверь: Тверская государственная сельскохозяйственная академия, 2023. – С. 176-178. – EDN PCMXTY.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРИКЛАДНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ[9]

Пространственное развитие современной России представляет собой многомерный процесс, в котором экономическая динамика, социальная стабильность и геополитическая устойчивость переплетены в рамках сложной институциональной архитектуры. Традиционные подходы, рассматривающие территорию лишь как пассивный ресурс или физический контейнер для размещения производительных сил, в условиях нарастающей неопределенности и структурных трансформаций демонстрируют свою ограниченность. Сегодня пространство все чаще осмысливается как активный субъект и одновременно продукт институционального строительства, где устойчивость региональных траекторий определяется качеством правил, норм и практик взаимодействия акторов. Данное исследование направлено на раскрытие институциональных механизмов, формирующих пространственную неоднородность российской экономики, и обоснование методологических подходов к их анализу и регулированию.

2.1. Теоретические подходы к анализу пространственного развития экономики

2.1.1. Пространственный фактор в классической и современной экономической теории

В истории экономической мысли пространство традиционно включалось в анализ с определённой методологической оговоркой: оно признавалось значимым эмпирически, но долгое время не рассматривалось как самостоятельная категория теоретического объяснения. Даже в тех направлениях, где территориальный фактор оказывается в центре внимания, пространство, как правило, трактуется как производная от экономических процессов, а не как условие их формирования. Подобная логика формирует устойчивую асимметрию: экономика объясняет пространственные структуры, но само пространство практически не используется для объяснения экономической динамики и институциональной инерции.

Классические теории размещения стали первой системной попыткой преодолеть полное абстрагирование от территориального измерения. Принципиальное значение модели И. Тюнена заключается в способе концептуализации территории. Пространство у Тюнена представляет собой изотропную и институционально нейтральную поверхность, на которой хозяйственная дифференциация возникает как результат рационального поведения производителей в условиях транспортных издержек и ценовых сигналов [9, С.47-53]. Основная математическая логика здесь описывается через земельную ренту R:

$$R = Y (P - C) – YDf \quad (1.1)$$

[9] Автор главы: Алпатова Э.С.

где Y - урожайность, P - рыночная цена, C - издержки производства, D - расстояние до центра, f - транспортный тариф. Тем самым пространственная неоднородность выводится исключительно из логики рыночного взаимодействия. Пространство изначально мыслится как «пустая сцена», лишенная социальной плотности и собственной логики воспроизводства. Оно не формирует институциональные условия, а лишь отражает рыночные сигналы.

В модели центральных мест В. Кристаллера пространство приобретает более сложную организацию и предстаёт как иерархическая система центров, обеспечивающих обслуживание спроса различного уровня [5, С.59-66]. Ключевая аналитическая ценность данного подхода заключается в выявлении закономерностей территориального распределения функций. Однако и здесь структура выводится из предпосылок однородности среды и отсутствия институциональных различий между территориями. А. Лёш, развивая эти идеи, показал множественность возможных пространственных конфигураций, зависящих от баланса спроса и конкуренции [7, С.85-96]. При этом институциональный каркас территории по-прежнему оставался за рамками анализа и рассматривался как экзогенная данность.

Универсализм классических теорий размещения был отражением ориентации экономической науки на выявление общих закономерностей в ущерб историко-культурной и политико-административной специфике. Пространство мыслилось как однородное и обратимое: предполагалось, что экономическая активность может перераспределяться без качественного изменения самих условий хозяйствования. Это исключало понимание пространства как носителя институциональной памяти, которая определяет устойчивость территориальных диспропорций. Даже фиксируя устойчивость структур, классики объясняли её исключительно через экономические параметры - плотность спроса, транспортные издержки, эффект масштаба, - игнорируя институциональное и управленческое измерение. По мере накопления эмпирических данных подобная редукция стала восприниматься как теоретически недостаточная, что стимулировало переход от анализа размещения к анализу пространственного воспроизводства.

Современные исследования интерпретируют пространство как «антропогенную мегасистему», обладающую свойствами целостности, структурной организации и прямой/обратной связи [21, С.4-6]. В работе В.Н.Лексина пространство рассматривается не как совокупность локальных территорий, а как целостная социально-экономическая система, воспроизводящаяся через институциональные, управленческие и инфраструктурные взаимодействия. Такой подход требует отказа от восприятия регионов как изолированных объектов в пользу их рассмотрения как узлов единой сети, где траектории развития определяется устойчивостью всей системы в целом.

2.1.2. Институциональная экономика и переосмысление пространства как экономической категории

Институциональный подход предлагает принципиально иную аналитическую оптику, позволяющую интерпретировать пространство как форму закрепления устойчивых правил, норм и режимов экономического поведения, различающихся по территориям. С точки зрения этой парадигмы, различия между территориями обусловлены не только географией, но и качеством институтов, структурой стимулов и механизмами координации. Д.Норт обосновал, что именно институты формируют траектории развития, определяя рамки допустимого поведения [8, С.83-87]. В пространственном измерении это означает, что региональная неоднородность является прямым отражением институциональной дифференциации.

Неоинституциональный анализ, опирающийся на теорию транзакционных издержек, позволяет рассматривать пространство как результат минимизации издержек взаимодействия в условиях неопределенности. Регионы с предсказуемыми институциональными режимами стягивают капитал и ресурсы, формируя устойчивые центры роста. Напротив, территории с неблагоприятной средой воспроизводят периферийные модели развития независимо от наличия природных или инфраструктурных преимуществ. Уязвимостью прикладных работ часто является редукция институтов к агрегированным индексам «качества управления», что подменяет глубокое исследование институционального разнообразия простым сравнением статистических дескрипторов.

Институциональная неоднородность пространства проявляется не только в формальных нормах, но и в устойчивых практиках взаимодействия, неформальных соглашениях и особенностях распределения власти. Эти элементы формируют специфические территориальные режимы. Особое значение приобретают неформальные институты - обычаи и модели поведения, которые объясняют устойчивость региональных траекторий даже перед лицом радикальных реформ. Пространство выступает не просто как совокупность регионов, а как система институционально закрепленных различий, определяющих спектр возможных траекторий развития.

В современных условиях 2024-2025 гг. институциональный анализ обогащается концепцией «когерентного подхода» [11, С. 505-514]. Под пространственной когерентностью понимается достижение интеграции, целостности и связности регионального развития. Это подразумевает синхронизацию вертикальной (между уровнями власти) и горизонтальной (между отраслями) координации, что позволяет преодолеть фрагментарность институциональной среды. Именно дефицит такой согласованности рассматривается авторами как ключевой источник фрагментации российского пространства [11, С.509-512].

2.1.3. Универсальные пространственные модели и пределы их применимости в условиях национальной специфики

Большинство современных теорий, включая Новую экономическую географию (НЭГ), сохраняют универсалистский характер. В работах П.Кругмана, М. Фуджиты и А. Венаблеса агломерационные эффекты и возрастающая отдача от масштаба рассматриваются как универсальные источники концентрации активности [13, С. 18-24]. Эти модели обладают нормативной нейтральностью: они описывают пространственные сдвиги как результат действия абстрактных рыночных механизмов, не анализируя институциональные условия реализации.

Для национальных экономик с выраженной неоднородностью, таких, как Россия, подобный подход оказывается методологически уязвимым. Он фиксирует результат воспроизводственных процессов, но не раскрывает механизмы их устойчивого воспроизводства. Пространственные диспропорции в НЭГ предстают как следствие эффективности, тогда как институциональные механизмы их закрепления – включая специфику бюджетного федерализма и роль государства - остаются вне анализа [6, С.123]. Универсальные модели слабо чувствительны к асимметрии власти и роли государства, которые в условиях России во многом определяют иерархию территорий.

В условиях внешних шоков 2022 - 2024 гг. особенно отчетливо проявились ограничения равновесных пространственных моделей [3, С.36]. Наблюдается переход от «спонтанной адаптации» субъектов к формированию новых полюсов роста, что требует пересмотра институциональной системы реализации приоритетов. Ранее сформированные «институциональные ловушки», связанные с доминированием западных бизнес-моделей, ослабевают, открывая возможности для структурной трансформации архитектуры крупного бизнеса и его пространственной экспансии внутрь национальной экономики [3, С.42].

Сопоставление ключевых подходов к интерпретации пространства в экономической теории позволяет обобщить выявленные различия и ограничения (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Интерпретация экономического пространства в ключевых теоретических подходах

Теоретический подход	Статус пространства в анализе	Ключевой механизм формирования пространственной структуры	Основное методологическое ограничение
Классические теории размещения (И.Тюнен, В.Кристаллер, А.Лёш)	Нейтральная, изотропная среда экономической деятельности	Рациональный выбор агентов, транспортные издержки, оптимизация размещения	Игнорирование институциональной и исторической специфики территорий
Новая экономическая география	Результат агломерационных процессов	Возрастающая отдача от масштаба, кумулятивные эффекты,	Экзогенная трактовка институтов и роли государства

		концентрация спроса	
Институциональный подход	Форма закрепления и воспроизводства устойчивых экономических режимов	Правила, нормы и практики взаимодействия экономических агентов	Ограниченные возможности формализации и универсализации

Источник: разработано автором.

Представленное сопоставление показывает, что переход к институциональной интерпретации пространства позволяет рассматривать территориальную неоднородность не как побочный эффект экономических процессов, а как результат воспроизводства устойчивых институциональных конфигураций.

2.1.4. Теоретические импликации для анализа пространственного развития экономики России

Для российской экономики пространство не может рассматриваться исключительно как результат рыночной оптимизации. Оно выступает формой институционального закрепления устойчивых режимов хозяйственной активности. Это означает, что анализ должен быть ориентирован на исследование механизмов, определяющих устойчивость региональных траекторий. Пространственная неоднородность в РФ – это системная характеристика, формируемая не только рыночными сигналами, но и административными решениями, системой перераспределения ресурсов и практиками взаимодействия центра и регионов [15].

Применение универсальных моделей без институциональной адаптации ведет к упрощенной интерпретации, где концентрация активности ошибочно принимается за чистую рыночную эффективность, игнорируя институционально закрепленные преимущества отдельных территорий. Современная *Стратегия пространственного развития до 2030 года* [1] предпринимает попытку учета данных факторов через внедрение концепции «опорных населенных пунктов» (ОНП), направленной на создание более гармоничного каркаса расселения и преодоление депопуляции [4, С. 48; 15]. Теоретический синтез пространственного и институционального подходов позволяет перейти от простого описания диспропорций к анализу механизмов их воспроизводства, что задает логику дальнейшего прикладного исследования.

2.2. Методологические основы институционального анализа пространственных процессов

2.2.1. Качественные и количественные методы исследования пространственного развития

Исследование пространственного развития экономики в его современном состоянии требует преодоления методологического монизма и перехода к интеграции количественных и качественных методов анализа. Сложная природа территориальных социально-экономических процессов, где объективные

экономические показатели переплетены с субъективными управленческими решениями и неформальными нормами, предопределяет необходимость «пространственного разворота» в исследовательской методологии.

Количественные подходы, доминирующие в неоклассической и неогеографической традициях, традиционно ориентированы на выявление жестких закономерностей пространственного распределения активности и оценку агломерационных эффектов. Инструментарий пространственной эконометрики, включая методы пространственной автокорреляции (индекс Морана, локальные индикаторы пространственной ассоциации LISA), позволяет формализовать зависимости и выявлять устойчивые эмпирические паттерны [12, P.7-19]. Так, глобальный индекс Морана I используется для оценки степени кластеризации социально-экономических показателей и определяется следующим образом:

$$I = (n / S_0) \cdot (\sum_i \sum_j w_{ij} z_i z_j / \sum_i z_i^2) \quad (2.1)$$

где n - число регионов, w_{ij} - пространственные веса, z - отклонения от среднего [12, P.13-15].

Вместе с тем доминирование количественного инструментария нередко ведет к методологическому сужению исследовательской оптики. В таких работах институциональная неоднородность территорий либо игнорируется, либо сводится к экзогенным параметрам [13, P.345-352]. Пространство предстает как совокупность наблюдаемых различий в ВРП или инвестициях, но не как социально и институционально сконструированная среда.

Методологический выбор инструментов не является нейтральным: использование только количественных методов предполагает допущение однородности институциональной среды, что в условиях России ведет к систематическим искажениям [15]. Количественные модели фиксируют следствия пространственных диспропорций (например, отток капитала или концентрацию инвестиций), но не раскрывают механизмы их устойчивого воспроизводства – такие, как институциональные ловушки или специфика региональных элит. [3, С.39].

Институционально ориентированные исследования всё чаще обращаются к смешанным методологическим стратегиям (mixed methods research). В такой связке количественные методы выполняют диагностическую функцию, маркируя зоны аномалий, концентрации и диспропорций, в то время как качественные методы - сравнительно-исторический анализ, метод «прослеживания процесса» (process tracing), кейс-стади и углубленный анализ нормативных документов - обеспечивают объяснительную глубину [14, P.87-94]. Именно качественный анализ позволяет сместить фокус с фиксации «разрыва» на анализ того, как этот разрыв институционально легитимизируется и поддерживается. С методологической точки зрения здесь уместно говорить не о противопоставлении, а о функциональной комплементарности: количественные оценки задают масштаб проблемы, а качественные - раскрывают природу институциональных условий её возникновения.

2.2.2. Институциональные параметры и проблема их измеримости

Одной из наиболее острых методологических трудностей является операционализация институциональных параметров. В отличие от экономических индикаторов (инфляция, безработица), институты не поддаются прямому наблюдению и фиксируются опосредованно - через формальные правила или индикаторы качества управления. Это предопределяет высокие методологические риски при эмпирическом анализе.

В прикладных исследованиях часто используются агрегированные индексы качества институтов (например, индексы Worldwide Governance Indicators или рейтинги инвестиционного климата АСИ). Однако такие инструменты имеют существенные ограничения:

1) статичность: индексы фиксируют институты в моменте, не отражая процессов их адаптации и трансформации;

2) сглаживание: агрегированные данные часто скрывают глубокую институциональную неоднородность внутри страны [15];

3) нормативная предвзятость: индексы часто базируются на представлении об «идеальных» западных институтах, игнорируя функциональные аналоги и неформальные механизмы, которые в России могут играть стабилизирующую роль [3, С.40].

Более продуктивным методологическим подходом является анализ «институциональных конфигураций» - устойчивых сочетаний формальных правил, неформальных норм и практик их правоприменения. Подобная постановка вопроса позволяет перейти к анализу территориальных институциональных режимов.

Критически важным является выбор уровня пространственной агрегации.

- Макроуровень (национальная экономика) оперирует общими правилами (бюджетный кодекс, федеральные законы), что неизбежно ведет к сглаживанию региональной специфики.

- Микроуровень (муниципалитеты, агломерации) позволяет детально изучить неформальные практики и локальные сообщества, но его результаты обладают низкой обобщаемостью.

- Мезоуровень (регионы и межрегиональные взаимодействия) признается наиболее адекватным для институционального анализа. Именно здесь общие федеральные нормы преломляются через региональные управленческие практики и интересы локальных групп влияния, формируя уникальные институциональные режимы.

В целях методологической конкретизации институционального анализа пространственных процессов представляется целесообразным соотнести уровни пространственной агрегации с характерными для них институциональными параметрами и ограничениями их эмпирического измерения (табл.2.1).

Таблица 2.1

Уровни пространственного анализа и институциональные параметры

Уровень анализа	Ключевые институциональные параметры	Методологические ограничения измеримости
Макроуровень (национальная экономика)	Национальные институты экономической политики, система межбюджетных отношений, общие правила территориального регулирования	Сглаживание региональной специфики; институциональные параметры фиксируются в агрегированном виде и отражают преимущественно формальные правила
Мезоуровень (регионы, межрегиональные взаимодействия)	Региональные институциональные режимы, управленческие практики, механизмы реализации государственной политики, взаимодействие бизнеса и власти	Ограниченная сопоставимость региональных данных; сложность учета неформальных институтов
Микроуровень (локальные территории, агломерации, муниципалитеты)	Неформальные нормы, локальные институциональные практики, специфические механизмы координации экономической деятельности	Высокая контекстуальная зависимость; низкая обобщаемость результатов; ограниченность статистической базы

Источник: разработано автором.

Представленная систематизация позволяет подчеркнуть многоуровневый характер институциональных факторов пространственного развития и служит основанием для выбора методологического инструментария в прикладных исследованиях.

2.2.3. Интерпретация эмпирических данных в прикладных исследованиях

Интерпретация эмпирических данных в институциональном анализе пространства представляет собой *самостоятельную методологическую задачу*. Количественные показатели не являются нейтральными; одни и те же значения (например, высокая доля государственных инвестиций) могут свидетельствовать как о «точке роста», так и о неэффективности рыночных институтов и доминировании «административной ренты».

В рамках универсалистских моделей интерпретация часто оторвана от контекста. Институциональный же подход требует соотнесения цифр с характеристиками региональных режимов. Так, показатели концентрации ресурсов в агломерациях в России должны интерпретироваться не только через призму эффектов масштаба, но и через призму преимуществ близости к центрам принятия решений. Аналогично, устойчивость бюджетных диспропорций объясняется инерцией институциональной системы «центр-периферия», которая воспроизводит зависимости даже при изменении рыночной конъюнктуры [15].

Современный этап 2024 - 2025 гг. усиливает значимость «когерентного подхода» к интерпретации эмпирических данных. Это означает, что показатели регионального развития должны оцениваться через призму их связности и целостности в рамках «антропогенной мегасистемы» [21, С.7-10]. Например,

успех «опорных населенных пунктов» (ОНП) нельзя оценивать только по росту локального ВРП; методологически верно интерпретировать их как узлы, обеспечивающие доступность услуг для всей прилегающей периферии, что требует изменения набора оцениваемых параметров (индексы транспортной доступности, связность инфраструктуры) [2; 10, С.120-127].

Особое значение приобретает интерпретация адаптационных процессов. Исследования 2025 года показывают, что переход от «спонтанной адаптации» к формированию новых полюсов роста в регионах РФ связан с трансформацией архитектуры крупного бизнеса и его переориентацией на внутренние институциональные стимулы [3, С.35-44].

Таким образом, интерпретация эмпирических данных в пространственном анализе должна обеспечивать переход от простой фиксации «разноскоростного» развития к пониманию глубинных институциональных причин устойчивости и изменчивости пространственной структуры России.

2.3. Институциональная специфика пространственного развития экономики России

2.3.1. Формальные и неформальные институты территориального развития

Пространственное развитие экономики России характеризуется критически высоким уровнем институциональной неоднородности. В отличие от западных экономических систем с их относительной гомогенностью правового поля, в российском пространстве формальные правила и механизмы их реализации демонстрируют существенную региональную вариативность [3, С.40-42]. Это предопределяет формирование различных «институциональных режимов», которые диктуют траектории социально-экономического развития территорий.

Формальные институты территориального развития в РФ представлены иерархической системой стратегического планирования, межбюджетными отношениями и механизмами распределения полномочий. Ключевым доктринальным документом долгое время выступала Стратегия пространственного развития до 2025 года, однако внешние шоки 2022 года привели к частичному разрушению сложившихся балансов и целей. В 2024 году была инициирована разработка новой Стратегии до 2030 года (с прогнозом до 2036 года), которая знаменует собой переход к более системному управлению территорией [16; 15].

Новая Стратегия-2030 интерпретирует пространство как «антропогенную мегасистему», обладающую свойствами целостности и сложной структурной организации [15]. Однако практика реализации формальных инструментов (госпрограмм, институтов развития) по-прежнему демонстрирует высокую зависимость от административно-политического контекста. Как отмечают эксперты, реализация программ во многом определяется не их содержанием, а ресурсными возможностями регионов и степенью их включенности в федеральные приоритеты.

Параллельно с формальными нормами в российском пространстве функционируют мощные неформальные институты - устойчивые практики и модели взаимодействия элит. В условиях институциональной неопределенности неформальные соглашения (лоббирование, персонализированные управленческие практики) часто становятся реальными регуляторами распределения ресурсов. Взаимодействие формальных и неформальных начал формирует «институциональные ловушки», такие, как избыточная зависимость регионов от вертикальных трансфертов, что снижает их адаптивность. Ослабление прежних ловушек, связанных с доминированием западных стандартов, в 2024 - 2025 годах открывает окно возможностей для «прорастания» крупного бизнеса в новые сферы и формирования иных полюсов роста [3, С. 42-44]. Тем не менее, инерция неформальных практик остается фактором, ограничивающим эффективность унифицированных реформ региональной политики.

2.3.2. Региональная дифференциация и институциональные диспропорции

Региональная дифференциация в России носит структурный характер и не сводится только к географическим различиям. Несмотря на политику выравнивания, разрывы по ключевым показателям сохраняются и в ряде случаев усиливаются. Это указывает на глубинные институциональные диспропорции в доступе к бюджетным ресурсам и инфраструктуре.

По данным 2024 - 2025 гг. разрыв между регионами-лидерами и аутсайдерами по ВРП на душу населения по-прежнему превышает 8 - 10 раз (табл.3.1). Подобная асимметрия подкрепляется концентрацией населения и капитала в крупнейших агломерациях, что, по мнению экспертов, препятствует преодолению региональных дисбалансов [15].

Таблица 3.1

Региональная дифференциация социально-экономического развития РФ

Показатель	Группа регионов-лидеров	Среднее по РФ	Группа регионов-аутсайдеров
ВРП на душу населения, тыс. руб.	1350 - 1600	720 - 760	170 - 260
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	380 - 480	200 - 220	70 - 100
Бюджетная обеспеченность (доходы консолидированного бюджета на душу), тыс. руб.	220 - 280	135 - 150	80 - 95

Источник: рассчитано по данным Росстата и Минфина РФ [20; 18].

Представленные данные свидетельствуют о том, что экономическая дифференциация регионов носит комплексный характер и затрагивает как производственную, так и финансовую основу территориального развития. При этом институциональные диспропорции проявляются в различиях доступа регионов к бюджетным ресурсам, инвестиционным программам и инфраструктурным проектам федерального уровня.

Важным нововведением 2024 года стало внедрение концепции «опорных населенных пунктов» (ОНП) как инструмента сглаживания диспропорций. ОНП призваны стать центрами ускоренного развития инфраструктуры для прилегающих территорий [2]. Однако, существует риск, что концентрация ресурсов в ОНП может ускорить депопуляцию малых поселений, находящихся за пределами зоны доступности услуг.

Для аналитической систематизации региональных различий представляется целесообразным выделить укрупнённые типы регионов в зависимости от сочетания экономических и институциональных характеристик (табл.3.2).

Таблица 3.2

Типология регионов РФ по уровню экономического развития и институциональных характеристик

Тип региона	Экономические характеристики	Региональные особенности
Регионы-лидеры	Высокий ВРП, высокая инвестиционная активность	Устойчивые управленческие практики, доступ к федеральным ресурсам
Регионы со средним уровнем развития	Умеренные показатели ВРП и инвестиций	Смешанные институциональные режимы
Регионы-аутсайдеры	Низкий уровень ВРП и инвестиций	Высокая институциональная неопределённость, слабые управленческие практики

Источник: авторская типология на основе данных Росстата и аналитических оценок [20].

Таким образом, региональная дифференциация в РФ воспроизводится не столько за счёт различий в природно-ресурсном потенциале, сколько вследствие институциональных механизмов перераспределения и закрепления преимуществ. В 2024-2025 гг. наблюдается сохранение тенденции концентрации финансовых и инвестиционных ресурсов в ограниченном числе субъектов Федерации, что подтверждает вывод о структурной природе пространственных диспропорций. Механизмы выравнивания, реализуемые в рамках бюджетной и региональной политики, в значительной степени компенсируют текущие дефициты, однако не устраняют институциональные основания устойчивости региональных различий.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о необходимости перехода от формально нейтрального подхода к региональному развитию к институционально дифференцированной политике, учитывающей специфику территориальных режимов и механизмов воспроизводства пространственного неравенства. Данная логика служит методологическим основанием для анализа влияния институциональной среды на инвестиционную и экономическую активность регионов.

2.3.3. Влияние институциональной среды на инвестиционную и экономическую активность регионов

Инвестиционная и экономическая активность регионов в значительной степени определяется качеством институциональной среды, формирующей условия для принятия хозяйственных решений экономическими агентами. В российской экономике институциональные факторы нередко оказывают более существенное влияние на региональные траектории развития, чем различия в ресурсной обеспеченности или отраслевой специализации.

Ключевым элементом институциональной среды, влияющим на-инвестиционную активность, является предсказуемость и стабильность правил хозяйственной деятельности. Эмпирические исследования показывают, что регионы с более устойчивыми управленческими практиками, прозрачными процедурами взаимодействия бизнеса и власти и меньшим уровнем административной неопределённости демонстрируют более высокие темпы привлечения инвестиций в основной капитал. При этом формально единые федеральные институты реализуются на региональном уровне с различной степенью эффективности, что формирует асимметричное инвестиционное пространство (табл.3.3).

Таблица 3.3

Институциональные характеристики и инвестиционная активность регионов РФ

Показатель	Регионы с высокой институциональной устойчивостью	Среднее по РФ	Регионы с высокой институциональной неопределенностью
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	340-440	190-210	80-110
Доля частных инвестиций, %	66-76	56-59	42-46
Темпы роста инвестиций, % в год	104-107	101-102	97-99

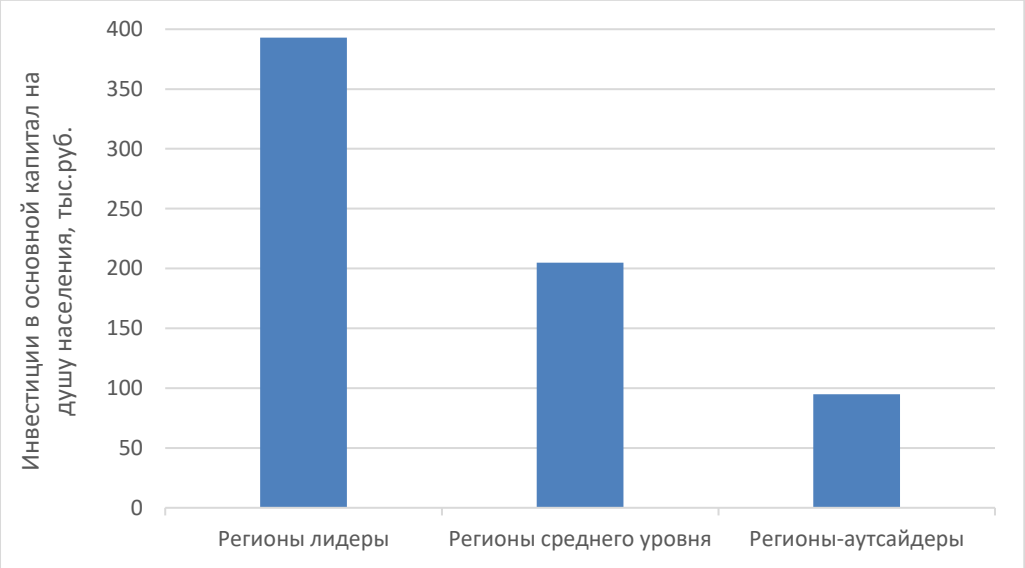
Источник: рассчитано по данным Росстата и аналитических обзоров [20].

Представленные данные подтверждают, что институциональная устойчивость выступает важным фактором формирования инвестиционного спроса, снижая трансакционные издержки и риски долгосрочных вложений. В регионах с высокой институциональной неопределённостью наблюдается ориентация инвесторов преимущественно на краткосрочные проекты либо на

формы квазибюджетного финансирования, что ограничивает потенциал устойчивого экономического роста.

Как показано на рисунке 3.1, различия в инвестиционной активности между укрупнёнными типами регионов носят устойчивый характер и отражают институционально обусловленную асимметрию пространственного развития экономики России.

Влияние институциональной среды проявляется также в структуре экономической активности регионов. Регионы с более развитой институциональной инфраструктурой характеризуются большей диверсификацией экономики, более высокой долей несырьевых и высокотехнологичных видов деятельности, а также большей включённостью в межрегиональные и международные цепочки создания стоимости. Напротив, институционально слабые регионы демонстрируют зависимость от узкого круга отраслей и повышенную чувствительность к внешним шокам.



Источник: разработано автором

Рис. 3.1. Инвестиционная активность регионов РФ по типам институционального развития, 2024-2025 гг.

Существенное значение имеет и характер реализации инструментов региональной экономической политики. Практика создания территорий с особыми режимами хозяйственной деятельности (ТОР, ОЭЗ, индустриальные парки) показывает, что при прочих равных условиях их эффективность существенно варьируется в зависимости от качества регионального управления и степени встроенности данных институтов в локальную экономическую среду. В ряде случаев специальные режимы функционируют как изолированные институциональные «острова», не оказывая значимого мультипликативного эффекта на региональную экономику (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Экономические эффекты специальных институциональных режимов в регионах РФ

Тип региона	Наличие специальных режимов	Инвестиционный эффект	Экономический эффект
Регионы-лидеры	ОЭЗ, ТОР, индустриальные парки	Высокий	Устойчивый рост
Регионы среднего уровня	Отдельные элементы	Умеренный	Локальный эффект
Регионы-аутсайдеры	Формальное наличие	Низкий	Эффект фрагментарен

Источник: авторская интерпретация на основе данных Минэкономразвития РФ и региональной статистики [17].

Таким образом, институциональная среда выступает ключевым фактором, определяющим инвестиционную и экономическую активность регионов, формируя траектории развития, которые воспроизводят существующие пространственные диспропорции. Это означает, что повышение эффективности региональной политики требует целенаправленного улучшения качества институтов на местах, поскольку именно они опосредуют связь между формальными инструментами политики и реальными экономическими результатами. Без эффективных институциональных механизмов даже значительные ресурсные вложения не обеспечивают перехода к устойчивому и диверсифицированному росту.

2.4. Прикладные интерпретации институциональных трансформаций в российском пространстве

2.4.1. Институциональные изменения в условиях структурных и внешних шоков

Период 2022-2025 гг. стал для российской экономики этапом институциональной перестройки, обусловленной совокупным воздействием внешних ограничений, структурных сдвигов и усиления роли государства в регулировании пространственного развития. В отличие от предыдущих кризисных фаз, текущие изменения носят не циклический, а во многом структурно-институциональный характер, затрагивая механизмы бюджетного перераспределения, инвестиционные стимулы и региональные управленческие практики.

По уточнённым данным Росстата, рост ВВП в 2024 г. составил 4,3%, что стало одним из наиболее высоких показателей за последние десять лет [20]. Вместе с тем в 2025 г. наблюдается замедление темпов экономического роста, отражающее исчерпание экстенсивных факторов и усиление институциональных ограничений, прежде всего в сфере инвестиций и рынка труда. Согласно первой оценке Росстата и данным Минэкономразвития, опубликованным 6-7 февраля 2026 года, рост ВВП России по итогам 2025 года

составил 1% [20; 17]. Данная динамика указывает на переход от фазы адаптационного роста к фазе институциональной стабилизации.

Ключевым направлением институциональных изменений стало перераспределение ответственности между уровнями бюджетной системы. В 2024-2025 гг. фиксируется сокращение доли федеральных трансфертов в доходах региональных бюджетов при одновременном росте собственных налоговых и неналоговых поступлений субъектов РФ. Это свидетельствует о смещении модели регионального развития от компенсаторного выравнивания к стимулирующей автономии, однако сопровождается ростом финансовых рисков для институционально слабых территорий.

Таблица 4.1 отражает ключевые параметры трансформации региональных бюджетов в 2023-2025 гг.

Таблица 4.1

Динамика бюджетных параметров регионов РФ в условиях институциональных трансформаций

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г. (оценка)
Рост собственных доходов регионов, %	6,1	8,4	4,2
Доля трансфертов в доходах регионов, %	21,3	19,6	18,9
Совокупный профицит/дефицит региональных бюджетов, трлн руб.	+0,9	+0,4	+0,3
Госдолг субъектов РФ, трлн руб.	3,1	3,2	3,2

Источник: рассчитано по данным Минфина РФ и Росстата [18; 20].

Представленные данные показывают, что формируется более жёсткая институциональная среда, в которой устойчивость регионального развития всё в большей степени определяется качеством управления, структурой экономики и способностью регионов адаптироваться к сокращению федеральной поддержки.

2.4.2. Региональные кейсы и типовые модели пространственного развития

Институциональные трансформации по-разному реализуются в различных типах регионов, что позволяет выявить устойчивые типовые модели пространственного развития**,** проявившиеся в 2024-2025 гг. Анализ инвестиционной активности подтверждает, что пространственная неоднородность экономики России не только сохраняется, но и в ряде случаев усиливается.

Общий объём инвестиций в основной капитал в 2024 г. превысил 39 трлн руб., увеличившись на 7,4 % в сопоставимых ценах [20]. Однако распределение инвестиций носит выраженно асимметричный характер и концентрируется в ограниченном числе субъектов, обладающих институциональными преимуществами - развитой инфраструктурой, устойчивыми управленческими практиками и доступом к федеральным ресурсам.

На основе совмещения экономических и институциональных характеристик можно выделить несколько устойчивых моделей регионального развития (табл. 4.2).

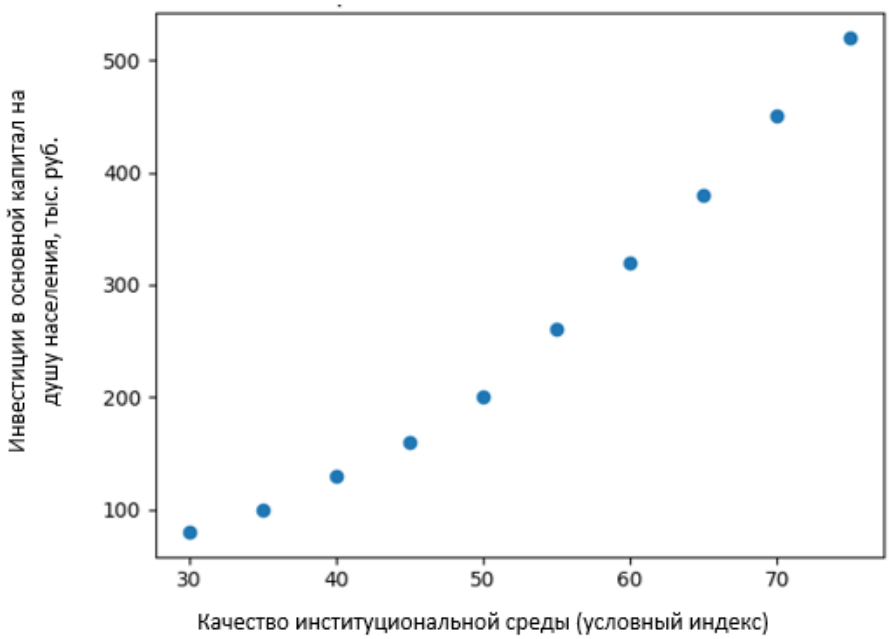
Таблица 4.2

Типовые модели пространственного развития регионов РФ (2024-2025 гг.)

Тип региона	Экономическая динамика	Институциональные особенности	Примеры
Агломерационные лидеры	Высокий рост инвестиций и ВРП	Сильные управленческие команды, доступ к федеральным ресурсам	Москва, Татарстан
Индустриальные регионы	Умеренный рост	Поддержка через госпрограммы и ОЭЗ	Башкортостан, Самарская обл.
Сырьевые регионы	Волатильная динамика	Зависимость от цен и фискальных режимов	ЯНАО, ХМАО
Периферийные регионы	Стагнация	Высокая трансфертная зависимость	ряд субъектов ЦФО и СКФО

Источник: авторская типология на основе данных Росстата, Минэкономразвития РФ и аналитических обзоров [20; 17].

Выделенные модели демонстрируют, что инвестиционная динамика определяется не столько отраслевой специализацией регионов, сколько качеством институциональной среды, в которой реализуются экономические решения. Это подтверждается результатами сопоставления инвестиционной активности и показателей институциональной устойчивости регионов, представленных на рис. 4.1.



Источник: составлено автором по данным Росстата, АСИ и Минэкономразвития РФ [20; 19; 17].

Рис. 4.1. Зависимость инвестиций в основной капитал от качества институциональной среды регионов РФ (2024 - 2025 гг.)

Нелинейный характер выявленной зависимости указывает на ограниченность универсальных рецептов регионального развития: формально схожие институциональные условия могут приводить к различным экономическим результатам в зависимости от локальных управленческих практик и степени интеграции регионов в общенациональные цепочки создания стоимости.

2.4.3. Импликации для экономической политики и стратегического планирования

Полученные результаты позволяют сделать вывод о формировании в 2024 - 2025 гг. новой конфигурации пространственной политики, в рамках которой приоритет смещается от унифицированных мер выравнивания к институционально дифференцированным инструментам развития. Усиление бюджетной автономии регионов при одновременном замедлении экономического роста повышает значимость качества институтов и управленческих решений.

Концептуально институциональные механизмы формирования пространственных траекторий развития экономики России представлены на рисунке 4.2.

Источник: разработано автором.

Рис. 4.2. Институциональные механизмы формирования пространственных траекторий развития экономики РФ

С практической точки зрения это означает необходимость:

- дифференциации межбюджетной политики с учётом типологии регионов;
- усиления институциональной поддержки периферийных территорий через инфраструктурные, кадровые и управленческие инструменты;
- отказа от представления о пространственном развитии как о результате исключительно перераспределительных механизмов.

Таким образом, прикладной анализ подтверждает, что пространственное развитие современной России носит институционально детерминированный характер, а устойчивость региональных траекторий определяется не объёмом ресурсов как таковых, а механизмами их распределения и использования. Это создаёт теоретико-прикладное основание для перехода от декларативной

пространственной политики к стратегическому управлению, ориентированному на институциональное качество и долгосрочную устойчивость регионального развития.

Заключение

В рамках данной главы обоснована значимость институционального подхода к анализу пространственного развития экономики России в условиях высокой территориальной неоднородности и структурных трансформаций. Показано, что пространственные различия не сводятся к результатам действия рыночных факторов, а формируются и воспроизводятся под воздействием устойчивых институциональных режимов, задающих траектории регионального развития.

Теоретический анализ продемонстрировал ограниченность универсальных пространственных моделей применительно к российской экономике и необходимость учёта специфики бюджетного федерализма, управленческих практик и институциональной среды. Это позволило уточнить роль пространства как формы институционального закрепления экономических процессов, а не нейтральной территории их размещения.

Методологическое обоснование исследования подтвердило целесообразность интеграции количественных и качественных методов анализа, обеспечивающих выявление как масштабов пространственной дифференциации, так и механизмов её устойчивости. Особое значение при этом приобретает мезоуровень, на котором федеральные институты трансформируются в региональные практики развития.

Прикладной анализ институциональных изменений в 2024 - 2025 гг. показал, что устойчивость региональных траекторий в возрастающей степени определяется качеством институциональной среды и эффективностью механизмов реализации пространственной политики. Это подтверждает необходимость перехода к институционально дифференцированному стратегическому управлению, ориентированному на согласованное и долгосрочно устойчивое пространственное развитие экономики России.

Список использованной литературы

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 №4146-р // Собрание законодательства РФ. - 2025. - №2. - Ст.74.

2. О внесении изменений в некоторые акты правительства Российской Федерации по вопросу реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»: постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2022 г. №1119 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022. - №26. - Ст.4499.

3. Блохин, А.А. Пространственное развитие российской экономики: переход от спонтанной адаптации к формированию новых полюсов экономического роста / А.А. Блохин, А.М. Гайворонский, К.В. Глухов, С.Я.Дранев, А.А. Лихачев // Проблемы прогнозирования. - 2025.- №4 (211). - С.35 - 46.

4. Дружинин, А.Г. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи / А.Г. Дружинин, В.А.Колосов // Проблемы прогнозирования. - 2025. - №4 (211). - С.47 - 57.

5. Кристаллер В. Центральные места в Южной Германии. - М.: Прогресс, 1966. [Текст по англ. изданию: Central Places in Southern Germany, Prentice-Hall, 1966].

6. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. - 2005. - №3. - С.121 - 126.

7. Лёш, А. Пространственная организация хозяйства / А. Лёш; под ред. А.Г.Гранберга; [пер. с нем. В. Н. Стрелецкого]. - Москва: Наука, 2007. - 662 с. - ISBN 978-5-02-035367-1.

8. Норт, Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. - Москва: Начала, 1997. - 180 с.

9. Тюнен, И.-Г. Изолированное государство / И.-Г. Тюнен; пер. Е.А.Торнеус; под ред. и с предисл. А. А. Рыбникова. - Москва: Экономическая жизнь, 1926. - 326 с.

10. Тютюников А.А., Улезько А.В. Концептуальный подход к организации сельских территорий: исследование на основе идентификации агломерационных структур // Регионология. - 2025. - №1 (том 33). - С.120 - 137.

11. Шибзухова, Р.А. Пространственное развитие российской экономики: когерентный подход / Р.А. Шибзухова, Д.И. Степанова, О.В. Кузьмин, А.В.Алешков // ЦИТИСЭ. - 2025. - №1 (43). - С.505 - 514.

12. Anselin, L. Spatial Econometrics: Methods and Models / L. Anselin. - Dordrecht: Kluwer, 1988. - 284 p.

13. Fujita, M. The spatial economy Cities, regions, a. intern. trade / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. - Cambridge (Mass.); London: MIT press, cop. 1999. - XIII, 367 p. - ISBN 0-262-06204-6.

14. Hodgson, G. *The Evolution of Institutional Economics* / G. Hodgson. - London: Routledge, 2004. - 358 p.

15. Глигич-Золотарева, М.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: старые проблемы, новые решения / М.В. Глигич-Золотарева. - Текст: электронный // Федерализм. - 2024. - №3 (т. 29). - С.5 - 23. - URL: https://doi.org/10.21686/2073-1051-2024-3-5-23 (дата обращения: 01.02.2026).

16. Кузнецова, О.В. Стратегия пространственного развития России-2030: позитив изменений и бремя нерешенных проблем: выступление: [видео] / О.В.Кузнецова. - Изображение (движущееся; двухмерное). - Текст: электронный // Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН): сайт. - 14 ноября 2024. - URL: https:// ecfor.ru/publication/strategiya-prostranstvennogo-raz. (дата обращения: 02.02.2026).

17. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: https:// economy.gov.ru (дата обращения: 13.02.2026).

18. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. - URL: https:// minfin.gov.ru (дата обращения: 13.02.2026).

19. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации. - Текст: электронный // Агентство стратегических инициатив (АСИ): сайт. - URL: https://asi.ru/government_officials/rating/ (дата обращения: 01.02.2026).

20. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт [Электронный ресурс]. - URL: https:// rosstat.gov.ru (дата обращения: 13.02.2026).

21. Leksin, V.N. Development as a key evaluative concept of spatial system transformation / V.N. Leksin. - Electronic resource // Baltic Region. - 2024. - № 3 (vol.16). - P.4 - 20. - DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-1 (date of treatment: 05.08.2026).

ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА МЕЗОУРОВНЕ

3.1. Экономическая устойчивость регионов Российской Федерации: экзистенциальный аспект[10]

Проблема обеспечения экономической устойчивости регионов Российской Федерации приобретает особую *актуальность* в условиях нарастающей внешней нестабильности и структурных трансформаций национальной экономики.

Несмотря на наличие ряда инструментов региональной политики, значительная дифференциация субъектов Российской Федерации (далее – РФ) по уровню устойчивости сохраняется: одни регионы демонстрируют способность адаптироваться к кризисным явлениям, тогда как другие оказываются крайне уязвимыми даже к умеренным шокам.

Цель настоящего исследования состоит в разработке научно обоснованного подхода к оценке экономической устойчивости регионов РФ и формировании системы практических мер по её повышению в условиях действующих внешних и внутренних вызовов.

В исследовании использовались *методы* системного и сравнительного анализа, а также обобщения научной литературы по его тематике Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных авторов, опубликованные за последние пять лет [1-25].

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к проблеме, сочетающем теоретический анализ и прикладные разработки. В отличие от предшествующих работ, в данном исследовании впервые осуществляется систематизация методов оценки устойчивости с учётом их применимости в условиях высокой неопределённости, включая такие инструменты, как стресс-тестирование и сценарное моделирование. Более того, уточняются факторы устойчивости с акцентом на новые вызовы современности – санкционное давление, процессы цифровизации и ESG-тренды. Важным элементом новизны выступает типологизация регионов по уровню устойчивости и адаптационному потенциалу, учитывающая не только экономические, но и социальные, институциональные параметры развития.

В аспекте проблематики нашего исследования были изучены работы таких ученых, как А. Х. Авезов [1], В. В. Алавердян [2], И. А. Антипин [3], А. Р. Бахтизин, Е. М. Бухвальд [4], П. А. Булочников, К. Б. Смирнов [5], Д. А. Власов, А. О. Габриелов [6], А. А. Иванова [7], Е. М. Козлова [8], В. В. Красикова [9], О. В. Кузнецова [10], О. В. Кузьменко, Е. В. Гриценко [11], С. А. Макаров [12], М. В. Михайлов [13], Л. А. Нахметова [14], Ю. С. Никонова [15], Н. А. Павельев [16], Е. Н. Парфенова [17], Е. В. Печкина [18], И. И. Просвирина, Н. С. Довбий [19], Р. В. Фаттахов, М. М. Низамутдинов, В. В. Орешников [20], Л. Г. Руденко [21], Р. Х. Саубанов [22], Т. В. Ускова [23], Д. С. Хайруллов [24], Р. Р. Чугумбаев [25] и других.

[10] Автор раздела: Даник О.Л., Харьковский М.Б., Куриная Н.В.

Анализ литературных источников по теме исследования показал, что традиционные подходы к оценке устойчивости требуют модернизации с учётом новых геополитических и экономических реалий.

В представленных трудах прослеживается детальный и всесторонний анализ, направленный на осмысление новых подходов к формированию стратегий регионального развития с учётом межрегиональной дифференциации и структурных диспропорций. В этих работах наблюдается тщательная систематизация эмпирических данных, а также критический подход к интерпретации уже существующих концепций, что способствует формированию целостного и многогранного представления о современных тенденциях регионального развития и ключевых вызовах, стоящих перед субъектами Российской Федерации. Так, принципиально новые решения проблемы дает Л. Г. Руденко, предлагая новые подходы к комплексной оценке устойчивого эколого-социально-экономического развития, которые легли в основу авторской типологизации: *«Предложен подход к оценке устойчивости через систему из 15 индикаторов, сгруппированных в три блока: экологический, социальный и экономический»* [21, с. 23].

В дальнейшем эта мысль получила свое развитие в работах П. А. Булочникова и К. Б. Смирнова, А. Р. Бахтизина и Е. М. Бухвальда и других ученых. Современные исследователи сходятся во мнении, что отток квалифицированных кадров из периферийных регионов усугубляет их отставание и требует системных мер по закреплению населения: от жилищных программ до развития образовательных кластеров. Как отмечают П. А. Булочников и К. Б. Смирнов, подобная дифференциация отражает глубинные диспропорции пространственного развития регионов РФ [5].

А. Р. Бахтизин и Е. М. Бухвальд подчёркивают, что сокращение уровня межрегиональной дифференциации требует развития специальных экономико-правовых институтов [4].

В. В. Красикова дополняет, что региональная диспропорция оказывает прямое негативное влияние на общее социально-экономическое развитие страны, и указывает на необходимость поиска эффективных путей её преодоления: «*Высокий уровень диспропорций приводит к оттоку квалифицированных кадров из менее развитых субъектов, снижению инвестиционной привлекательности и замедлению общего экономического роста»* [9, с. 206].

Дополнительно ситуацию осложняет зависимость ряда регионов от внешних факторов, поскольку сырьевые субъекты критически уязвимы к колебаниям мировых цен на энергоносители, а приграничные территории – к изменениям логистических цепочек и внешнеторговой конъюнктуры. Многие регионы не обладают достаточным запасом прочности для оперативного реагирования на кризисы различного происхождения – будь то санкционное давление, пандемии или технологические изменения.

Существующие методики оценки устойчивости зачастую не учитывают её комплексную природу, фокусируясь лишь на отдельных показателях

(бюджетная обеспеченность, ВРП и т. д.), что не позволяет полноценно прогнозировать риски и выстраивать превентивные меры.

Р. Х. Саубанов отмечает ограниченность традиционных подходов к оценке экономической устойчивости и предлагает методику, учитывающую более широкий спектр факторов. А. А. Иванова подчёркивает необходимость систематизации методов оценки ресурсного потенциала и устойчивости территорий, особенно в аграрном секторе: *«Необходимо адаптировать существующие методики к специфике конкретных сельских территорий, включая учёт климатических условий, типа почв, доступности инфраструктуры и уровня технологического развития»* [7; 22].

В связи с этим возникает объективная потребность в систематизации методов оценки экономической устойчивости и разработке комплексных инструментов её повышения с учётом специфики российских регионов.

В рамках исследования разработана гибридная модель оценки экономической устойчивости, интегрирующая индексы устойчивости, анализ бюджетных рисков и оценку инвестиционной привлекательности. Также конкретизированы инструменты повышения устойчивости для различных типов регионов – сырьевых, промышленных, аграрных, моногородов и других – с опорой на лучшие региональные практики. Дополнительно предложены прогностические сценарии развития устойчивости на среднесрочную перспективу (3–5 лет) при различных вариантах экономической политики, что позволяет учитывать альтернативные траектории развития.

С. А. Макаров демонстрирует эффективность форсайта и долгосрочной стратегии на примере Республики Татарстан, что подтверждает ценность подобных инструментов для регионального управления: *«В Татарстане форсайт-сессии объединили представителей власти, бизнеса и науки, что повысило легитимность стратегии и снизило риски её невыполнения»* [12, с. 183].

Ю. С. Морозова и Я. В. Ганич подчёркивают важность стратегического планирования как основы устойчивого развития территорий [8].

Е. В. Печкина отмечает, что развитие методов стратегического планирования и прогнозирования является ключевым условием повышения устойчивости региональных систем: *«Наиболее эффективным является комбинированный подход, сочетающий количественные и качественные методы»* [18, с. 80].

В конечном счёте внедрение предложенных подходов позволит повысить обоснованность управленческих решений, снизить уязвимость регионов к внешним шокам и обеспечить сбалансированное развитие страны в долгосрочной перспективе.

Теоретические основы экономической устойчивости регионов

Экономическая устойчивость региона представляет собой способность территориальной социально-экономической системы сохранять стабильное функционирование и траекторию развития в условиях внешних и внутренних возмущений, а также восстанавливать равновесие после прохождения кризисных фаз. Как отмечает Д. С. Хайруллов, ключевая характеристика устойчивости

заключается не в статичности состояния, а в динамическом равновесии, поскольку регион не просто сохраняет текущее положение, но и адаптируется к изменениям, трансформируя при этом структуру экономики для снижения уязвимости в долгосрочной перспективе [24].

Следует отметить, что тесная взаимосвязь экономической устойчивости с понятиями экономической безопасности и развития позволяет выстроить целостную систему обеспечения стабильности региональной экономики. Так, А. Х. Авезов подчёркивает, что экономическая безопасность задаёт пороговые значения устойчивости, определяя при этом критические уровни ключевых показателей – таких, как уровень безработицы, долговая нагрузка, доля собственных доходов бюджета и другие параметры, – выход за пределы которых угрожает стабильности региона. В свою очередь, экономическое развитие выступает целевым ориентиром устойчивости: отсутствие развития ведёт к стагнации, тогда как развитие без должной устойчивости повышает уязвимость территории к различным шокам [1].

Л. А. Нахметова дополняет, что экономическая устойчивость выполняет функцию связующего звена между защитой от угроз (безопасность) и движением к новым качественным состояниям (развитие): *«Устойчивое развитие региона определяется как способность сохранять баланс между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической безопасностью»* [14, с. 110].

Формирование экономической устойчивости региона происходит за счёт взаимодействия ряда взаимосвязанных компонентов, каждый из которых вносит вклад в общую способность системы противостоять рискам. Прежде всего, финансовая стабильность обеспечивает сбалансированность регионального бюджета, низкий уровень долговой нагрузки и достаточность собственных доходов, что отражается в таких показателях, как доля собственных доходов в бюджете, отношение госдолга к ВРП и уровень бюджетной обеспеченности.

Не менее значима диверсификация экономики, снижающая зависимость от одной отрасли или крупного предприятия: чем шире спектр функционирующих отраслей и предприятий, тем меньше вероятность масштабного спада при кризисе в отдельном секторе. Так, Т. В. Ускова указывает, что степень диверсификации можно измерить, например, индексом Херфиндаля-Хиршмана по отраслям и долей градообразующих предприятий в занятости [23].

Инвестиционная привлекательность региона, включающая благоприятный деловой климат, развитую инфраструктуру и налоговые стимулы, определяет способность территории аккумулировать частные и государственные инвестиции. На это указывают объём инвестиций в основной капитал на душу населения и динамика прямых иностранных инвестиций. Е. Н. Парфёнова отмечает, что повышение инвестиционной привлекательности требует решения комплекса проблем, связанных с деловой средой и инфраструктурой, а В. В. Алавердян подчёркивает роль институциональных факторов в привлечении капитала [2; 17].

В настоящее время человеческий капитал, объединяющий качество трудовых ресурсов, уровень образования, здоровье и мобильность населения,

служит драйвером инноваций и адаптации. Его состояние оценивается через уровень образования населения, ожидаемую продолжительность жизни и миграционный прирост.

М. В. Михайлов в своих работах аргументированно доказывает, что инфраструктурная обеспеченность, подразумевающая наличие и качество транспортной, энергетической, социальной и цифровой инфраструктуры, снижает транзакционные издержки бизнеса и повышает связность территории. Автор выделяет такие релевантные показатели, как плотность автодорог, пропускная способность энергосетей и охват широкополосным интернетом [13].

Наконец, адаптивность к внешним шокам отражает способность региона быстро перестраивать экономику под новые условия (санкции, изменение спроса, технологические сдвиги) и включает гибкость рынка труда, наличие резервных фондов и развитость малого бизнеса. Её можно оценить по скорости восстановления валового регионального продукта (далее – ВРП) после кризиса и доле малого и среднего предпринимательства в экономике.

Методы оценки экономической устойчивости регионов

Оценка экономической устойчивости регионов представляет собой многоаспектную задачу, требующую применения комплекса подходов и индикаторов для всестороннего анализа территориальных социально-экономических систем. В современной практике сформировался набор взаимодополняющих методов, каждый из которых обладает своими преимуществами и ограничениями. Так, Р. Х. Саубанов подчёркивает необходимость комплексного подхода к оценке экономической устойчивости региона, учитывающего разноплановые факторы развития: *«Разработана система из 8 ключевых показателей, включая динамику ВРП, уровень безработицы, инвестиционную активность и долговую нагрузку»* [22].

В настоящее время одним из базовых подходов выступает мониторинг макроэкономических показателей с последующим сравнением их значений с установленными пороговыми уровнями. Этот метод позволяет оперативно отслеживать текущее состояние региона и выявлять отклонения, сигнализирующие о потенциальных рисках. Например, превышение порогового уровня долговой нагрузки (обычно 50–70 % от собственных доходов бюджета) служит индикатором финансовой нестабильности и требует принятия корректирующих мер.

Более комплексную оценку даёт применение *интегральных индексов* устойчивости – агрегированных показателей, объединяющих несколько частных индикаторов в единый числовой параметр. Такие индексы учитывают разнонаправленные факторы развития, обеспечивают сопоставимость регионов и позволяют ранжировать их по уровню устойчивости. Дополняют эту картину рейтинговые оценки, формируемые как государственными органами (например, Минфином РФ), так и независимыми агентствами (АКРА, «Эксперт РА», НКР). Рейтинги предоставляют наглядную сравнительную характеристику субъектов РФ и активно используются при принятии управленческих решений на разных уровнях власти.

Е.М. Козлова в своей работе «Устойчивость промышленного предприятия: виды, структурные компоненты и инструментарий оценки» подчёркивает значимость подобных инструментов для оценки устойчивости экономических субъектов разного уровня: *«Рассмотрены различные методики оценки устойчивости, включая агрегированные показатели и индексы. Они помогают оценить степень устойчивости предприятия и его структурных подразделений*» [8]. Р. Р. Чугумбаев отмечает необходимость совершенствования методов комплексной оценки для повышения их релевантности в условиях неопределённости: *«Предложена модифицированная модель оценки, включающая ESG-критерии (экологические, социальные, управленческие) и показатели адаптационной способности»* [25, с. 193].

Особую актуальность в условиях высокой неопределённости приобретают методы сценарного моделирования и стресс-тестирования. Сценарный подход позволяет оценить последствия возможных шоков – таких как санкции, падение цен на сырьё или пандемии, – а стресс-тесты проверяют способность региона выдерживать экстремальные нагрузки. Эти инструменты дают возможность прогнозировать устойчивость при различных вариантах развития событий и заблаговременно разрабатывать антикризисные меры.

О.В. Кузьменко и Е.В. Гриценко акцентируют внимание на методических аспектах оценки устойчивости, подчёркивая важность прогнозирования и сценарного анализа: *«Разработан алгоритм оценки, включающий сбор данных, расчёт индексов по каждому показателю, интеграцию результатов и формирование рекомендаций»* [11, с. 16].

Для реализации перечисленных подходов формируется система ключевых индикаторов, отражающих различные аспекты регионального развития, а именно:

- *ВРП (валовый региональный продукт) на душу населения* служит показателем уровня экономического развития и благосостояния территории, фиксируя объём произведённых товаров и услуг в расчёте на одного жителя.
- *Уровень безработицы* выступает индикатором состояния рынка труда и социальной стабильности: его рост снижает платёжеспособный спрос и повышает социальную напряжённость.
- *Доля собственных доходов в бюджете* (отражает финансовую автономию региона – чем она выше, тем меньше зависимость от федеральной поддержки).
- *Объём инвестиций в основной капитал (*демонстрирует инвестиционную активность и потенциал долгосрочного роста: высокие инвестиции способствуют модернизации экономики и укреплению устойчивости).
- *Индекс промышленного производства* показывает динамику выпуска продукции в ключевых отраслях, свидетельствуя о развитии производственного сектора.
- *Уровень долговой нагрузки региона* (рассчитываемый как отношение госдолга к ВРП или собственным доходам бюджета) (выступает индикатором финансовой стабильности).

- *Динамика реальных доходов населения* (представляет собой интегральный показатель благосостояния граждан. Рост доходов поддерживает внутренний спрос и социальную стабильность, тогда как их падение усиливает уязвимость территории).

Д.А. Власов и А.О. Габриелов отмечают важность системы ключевых индикаторов для оценки рисков и принятия управленческих решений: *«Предложена система из 12 ключевых индикаторов, разделённых на финансовые, технологические и организационные группы»* [6]. Ю. С. Никонова подчёркивает роль KPI как инструмента управления эффективностью на разных уровнях: *«Разработана типология KPI по уровням управления: стратегические (для топ-менеджмента), тактические (для подразделений) и операционные (для сотрудников)»* [15, с. 20]. И. И. Просвирина и Н. С. Довбий дополняют, что учёт инвестиционной активности критически важен для устойчивого развития территорий: *«Выявлено, что „зелёное“ финансирование снижает стоимость капитала для экологически эффективных проектов на 1,5–3 %»* [19, с. 108].

Вместе с тем применение существующих методов оценки сталкивается с рядом существенных ограничений. Прежде всего, отмечается недостаточная оперативность данных: официальная статистика (особенно по ВРП) публикуется с задержкой в 6–12 месяцев, что снижает актуальность оценок. Различия в методологии расчёта между регионами и ведомствами затрудняют сопоставимость показателей, а субъективность выбора весов в интегральных индексах приводит к разночтениям у разных исследователей. Более того, традиционные методы обладают ограниченной прогностической способностью, слабо учитывая новые риски – такие как киберугрозы или климатические изменения. Они также игнорируют качественные факторы: качество управления, институциональную среду и инновационный потенциал сложно формализовать и включить в количественные модели. Высокая зависимость от внешних данных требует пересмотра всей системы индикаторов при изменении методологии Росстата или Минфина, а сложность учёта межрегиональных связей не позволяет в полной мере отразить влияние кооперации с соседними территориями на устойчивость отдельного региона.

Анализ текущего состояния экономической устойчивости регионов Российской Федерации

Анализ текущего состояния экономической устойчивости регионов Российской Федерации демонстрирует значительные диспропорции, обусловленные комплексом структурных, географических и внешних факторов. Как отмечают Р. В. Фаттахов, М. М. Низамутдинов и В. В. Орешников и другие исследователи, оценка устойчивости социально-экономического развития регионов требует комплексного подхода с учётом разноплановых индикаторов: *«Предложена методика оценки устойчивости на основе 12 показателей, сгруппированных в три блока: экономический, социальный и экологический»* [20, с. 115]. Систематизация данных позволяет выделить устойчивые закономерности в развитии субъектов РФ и определить ключевые вызовы для региональной политики.

Сравнительная характеристика регионов по уровню устойчивости выявляет чёткое разделение на три основные группы. К группе лидеров относятся субъекты с высокой социально-экономической устойчивостью, среди которых выделяются нефтегазовые регионы (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Чукотка, Магаданская область), а также столичные агломерации – Москва и Санкт-Петербург. Эти территории характеризуются высоким ВРП на душу населения, уровнем заработной платы и, в случае столичных агломераций, диверсифицированной экономикой. Например, по рейтингу Фонда развития гражданского общества (ФоРГО) за I квартал 2025 года Ямало-Ненецкий автономный округ возглавил список лидеров.

Промежуточное положение занимают регионы - «середняки» со средним уровнем устойчивости, включающие субъекты с развитой обрабатывающей промышленностью или диверсифицированной экономикой – такие как Татарстан, Красноярский край, Московская, Иркутская и Ленинградская области. Наконец, к группе аутсайдеров относятся регионы с низкой устойчивостью, часто характеризующиеся зависимостью от одного вида деятельности, низким ВРП на душу населения или структурными проблемами. В эту категорию нередко попадают аграрные регионы, моногорода и территории с истощённой ресурсной базой, среди которых по рейтингам выделяются Оренбургская, Тверская, Астраханская, Рязанская и Архангельская области.

Существенные региональные диспропорции проявляются в нескольких ключевых аспектах. Прежде всего, наблюдается концентрация экономической активности в столичных агломерациях, что приводит к оттоку населения и ресурсов из периферийных территорий. Москва, Санкт-Петербург и другие крупные города аккумулируют значительную часть инвестиций, квалифицированных кадров и инфраструктурных ресурсов, усиливая разрыв между мегаполисами и регионами.

Параллельно зависимость сырьевых регионов от внешних рынков делает их уязвимыми к колебаниям цен на энергоносители и санкционным ограничениям: например, в 2022–2023 годах нефтегазовые регионы испытали негативное влияние падения цен на нефть и санкций, ограничивших экспортные возможности.

Особую проблему представляют моногорода и периферийные территории, чья экономика зачастую имеет узкую специализацию и зависит от одного предприятия или отрасли. При закрытии градообразующего предприятия или спаде в отрасли возникает массовая безработица, отток населения и социальная напряжённость. Периферийные регионы дополнительно страдают от недостатка инфраструктуры, низкой инвестиционной привлекательности и оттока квалифицированных кадров, что формирует замкнутый цикл отставания.

Следует отметить, что внешние шоки последних лет оказали дифференцированное влияние на устойчивость различных типов регионов. Санкции особенно сильно затронули экспортно ориентированные территории и субъекты, где работали иностранные компании: уход зарубежных предприятий привёл к разрыву производственных цепочек в Калининградской и Калужской

областях. В то же время регионы с диверсифицированной экономикой и развитой обрабатывающей промышленностью, получавшие государственные заказы, продемонстрировали большую устойчивость.

Известен тот факт, что пандемия COVID-19 повлияла на все субъекты РФ, но наиболее тяжело её последствия ощутили регионы с высокой долей сферы услуг и туризма. Аграрные территории в ряде случаев смогли нарастить доходы после первоначального шока за счёт переориентации рынков сбыта и роста внутреннего спроса. Флуктуации цен на энергоносители оказывают существенное влияние на сырьевые регионы, вызывая значительные социально-экономические последствия. Снижение стоимости энергоносителей приводит к уменьшению доходов региональных бюджетов, что, в свою очередь, ограничивает возможности для привлечения инвестиций и снижает уровень жизни местного населения. Это усугубляет зависимость сырьевых регионов от централизованной федеральной поддержки, что требует разработки комплексных стратегий для минимизации негативных последствий и обеспечения устойчивого развития этих территорий.

По данным исследований «Эксперт РА» статистические данные за последние годы отражают неоднозначную динамику ключевых показателей. Так, на 2025 год, реальные денежные доходы населения за 9 месяцев выросли на 8 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, а средний уровень безработицы за июль–сентябрь 2025 года снизился до 2,1 % (с 2,5 % в среднем по 2024 году). Доходы региональных бюджетов за январь–сентябрь 2025 года увеличились на 7 % к аналогичному периоду предыдущего года. Однако динамика существенно различается по территориям: например, в 2025 году производство продукции сельского хозяйства сократилось в Мурманской, Курской, Магаданской областях, Еврейской автономной области и ХМАО-Югре из-за сокращения производства животноводства, ограничений на экспорт зерна и других факторов.

В результате анализа полученных результатов исследования были выявлены следующие «узкие места» и ключевые риски для устойчивости регионов:

- *финансовая зависимость от федерального бюджета*: многие регионы критически зависят от дотаций, что снижает их стимулы к самостоятельному развитию и формированию устойчивой налоговой базы;
- *низкая диверсификация экономики:* моногорода и сырьевые регионы уязвимы к внешним шокам из-за узкой специализации, что ограничивает их адаптационный потенциал;
- *отток населения и дефицит кадров:* периферийные территории теряют квалифицированные кадры, что замедляет экономическое развитие и снижает инновационный потенциал;
- *инфраструктурные ограничения:* недостаток развитой транспортной, социальной и цифровой инфраструктуры в ряде регионов ограничивает их инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность;

– *экологические и энергетические риски:* некоторые субъекты сталкиваются с проблемами энергодефицита, загрязнения окружающей среды и деградации земель, что требует дополнительных затрат на модернизацию и экологическую реабилитацию;
– *геополитические риски:* санкционное давление и изменение внешнеэкономической конъюнктуры продолжают создавать угрозы для экспортно ориентированных и технологически зависимых регионов, требуя поиска новых рынков и партнёров.

На основании проведённого комплексного анализа была разработана детализированная систематизация выявленных рисков, включающая описание их проявлений, иллюстративные примеры из различных регионов и рекомендации по минимизации. Данная методология позволила структурировать и классифицировать потенциальные угрозы, а также предложить эффективные стратегии их нейтрализации (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые риски для экономической устойчивости регионов РФ: проявления и пути минимизации

Риск	Проявления и симптомы	Типичные примеры регионов	Возможные меры минимизации
Финансовая зависимость от федерального бюджета	Высокая доля дотаций в доходах бюджета (свыше 30 %); низкая доля собственных доходов; слабая налоговая база; зависимость от федеральных программ	Республики Алтай, Тыва, Калмыкия; Курганская область; ряд регионов Северного Кавказа	Развитие региональной налоговой базы; стимулирование малого и среднего бизнеса; создание особых экономических зон; повышение эффективности бюджетных расходов; внедрение программ финансовой самостоятельности
Низкая диверсификация экономики	Зависимость от одной отрасли (добыча сырья, монопредприятие); высокая доля отрасли в ВРП; уязвимость к внешним шокам (ценам на сырьё, санкциям)	Моногорода (Тольятти, Магнитогорск, Череповец); нефтегазовые регионы (ХМАО, ЯНАО); угольные регионы (Кузбасс)	Диверсификация экономики; поддержка несырьевых секторов; развитие малого и среднего предпринимательства; создание индустриальных парков и технопарков; переобучение кадров
Отток населения и дефицит кадров	Отрицательный миграционный прирост; старение	Периферийные регионы Сибири и Дальнего Востока;	Программы привлечения и удержания кадров

	населения; дефицит квалифицированных специалистов; низкая привлекательность для молодёжи	малые города Центральной России; моногорода	(подъёмные, жильё, льготы); развитие образования и науки; создание современных рабочих мест; улучшение качества городской среды; развитие удалённой занятости
Инфраструктурные ограничения	Низкая плотность автодорог; недостаток ж/д и авиасообщения; энергодефицит; ограниченный доступ к широкополосному интернету; слабая социальная инфраструктура	Отдалённые территории Сибири и Дальнего Востока; сельские районы Поволжья и Центральной России	Инвестиции в транспортную, энергетическую и цифровую инфраструктуру; государственно-частное партнёрство; федеральные инфраструктурные проекты; развитие логистических хабов
Экологические и энергетические риски	Загрязнение воздуха и воды; деградация земель; энергодефицит или устаревшие мощности; высокие затраты на экологическую реабилитацию	Промышленные центры Урала и Сибири; регионы с добычей полезных ископаемых; территории с АЭС и ГЭС	Экологическая модернизация предприятий; внедрение «зелёных» технологий; развитие ВИЭ; рекультивация загрязнённых территорий; энергоэффективные решения
Геополитические риски	Сокращение экспорта из-за санкций; разрыв логистических цепочек; уход иностранных инвесторов; технологическая зависимость	Экспортно-ориентированные регионы (Калининградская, Ленинградская области); субъекты с высокой долей иностранных предприятий; высокотехнологичные кластеры	Поиск новых рынков сбыта (Азия, Ближний Восток, Африка); импортозамещение; развитие кооперации с дружественными странами; поддержка локализации производств; цифровизация логистики

Представленная в таблице 1 систематизация демонстрирует многоаспектность вызовов, стоящих перед регионами РФ. Полагаем, что для эффективного преодоления выявленных рисков необходим дифференцированный подход, учитывающий специфику территорий и сочетающий меры финансовой, инфраструктурной, кадровой и экологической политики.

Нельзя не согласиться с ведущими специалистами в области экономики с тем, что для эффективного преодоления вышеупомянутых вызовов необходимо разработать и внедрить дифференцированную региональную политику, учитывающую специфические особенности каждого территориального образования. Мы полагаем, что в качестве приоритетных направлений следует выделить следующие стратегически значимые аспекты:

1. Развитие диверсификации экономики, что предполагает создание многоотраслевой структуры хозяйства, способной минимизировать риски, связанные с зависимостью от отдельных секторов.

2. Поддержку малого и среднего бизнеса, включающую создание благоприятных условий для его функционирования, таких как упрощение административных процедур, доступ к финансовым ресурсам и развитие системы консультационной поддержки.

3. Инвестиции в инфраструктуру (как физическую, так и социальную), что является ключевым фактором для повышения конкурентоспособности регионов и обеспечения устойчивого экономического роста.

4. Инвестиции в человеческий капитал, включая образование, здравоохранение и социальное обеспечение, что способствует формированию квалифицированной рабочей силы и повышению качества жизни населения.

5. Совершенствование межбюджетных отношений, направленное на повышение финансовой автономии регионов, что позволит им более эффективно управлять своими ресурсами и адаптироваться к изменениям в экономической среде.

С полной уверенностью можно сказать, что реализация вышеуказанных мер позволит нивелировать существующие диспропорции в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и обеспечить их экономическую устойчивость в долгосрочной перспективе.

Проведённое исследование позволило комплексно оценить текущее состояние экономической устойчивости регионов Российской Федерации, выявить ключевые проблемы и диспропорции, а также определить эффективные инструменты и успешные практики их преодоления.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что усиление межрегионального сотрудничества через развитие транспортно-логистических коридоров, создание промышленных и инновационных кластеров, координацию инвестиционных программ и обмен лучшими практиками способно снизить диспропорции и повысить общую устойчивость экономики. При этом особое внимание следует уделить развитию человеческого капитала: модернизации образовательных программ, программам переподготовки кадров, поддержке научных исследований и стартапов. Стимулирование инноваций и внедрение цифровых технологий в госуправление и бизнес станут дополнительными драйверами роста.

Как подчёркивают Е. В. Печкина и И. А. Антипин, решение данных проблем требует комплексного подхода, сочетающего меры федерального стимулирования и инициативы на региональном уровне*: «Ключевыми направлениями повышения устойчивости должны стать развитие*

человеческого капитала, диверсификация экономики и создание механизмов адаптации к внешним шокам» [18, с. 82].

Таким образом, целенаправленное повышение экономической устойчивости регионов выступает не просто локальной задачей регионального развития, а критически важным элементом национальной стратегии, обеспечивающим долгосрочную стабильность и конкурентоспособность Российской Федерации в меняющемся мире.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена их многоплановым применением в различных сферах. Так, на федеральном уровне полученные выводы могут быть использованы при корректировке стратегий пространственного развития и национальных проектов, совершенствовании межбюджетных отношений и распределении дотаций, а также в рамках программ поддержки проблемных территорий (моногородов, депрессивных регионов).

На региональном уровне результаты помогут при разработке стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, создании систем мониторинга и раннего предупреждения кризисов, планировании инвестиций в инфраструктуру и человеческий капитал.

Список использованной литературы

1. Авезов, Азизулло Хабибович Экономическая устойчивость развития региона: сущность и основные понятия // Вестник ТГУПБП. 2013. №3 (55). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-ustoychivost-razvitiya-regiona-suschnost-i-osnovnye-ponyatiya (дата обращения: 11.01.2026).

2. Алавердян, В.В. Инвестиционный перелом, или об инвестиционной привлекательности российских предприятий // Инвестиционный консалтинг. URL: https://i-con.ru/publikaczii-2/drugie-publikaczii-i-intervyu/ investiczionnyj-perelom-ili-ob-inves (дата обращения 29. 01.2026)

3. Антипин, И. А. Региональное стратегическое планирование и управление: теоретические и методологические основы : монография / И. А. Антипин ; под науч. ред. Н. Ю. Власовой ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2021. – 237 с.

4. Бахтизин, Альберт Рауфович, Бухвальд Евгений Моисеевич Экономико-правовые предпосылки и институты сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. №9 (261). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-pravovye-predposylki-i-instituty-sokrascheniya-urovnya-mezhregionalnoy-differentsiatsii-v-sotsialno-ekonomicheskom (дата обращения: 19.02.2026).

5. Булочников, Павел Андреевич, Смирнов Константин Борисович, Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhregionalnaya-differentsiatsiya-prostranstvennogo-razvitiya-regionov-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.02.2026).

6. Власов, Дмитрий Александрович Габриелов, Александр Олегович Система ключевых индикаторов рисков изменения капитальных затрат инвестиционно-строительного проекта // Вестник МГСУ. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-klyuchevyh-indikatorov-riskov-izmeneniya-kapitalnyh-zatrat-investitsionno-stroitelnogo-proekta (дата обращения: 19.02.2026).

7. Иванова, А. А. Систематизация подходов и методов оценки ресурсного потенциала аграрного сектора сельских территорий / А. А. Иванова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 2599-2614. – DOI 10.18334/epp.15.4.123036

8. Козлова, Евгения Михайловна Устойчивость промышленного предприятия: виды, структурные компоненты и инструментарий оценки // Известия ОГАУ. 2014. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-promyshlennogo-predpriyatiya-vidy-strukturnye-komponenty-i-instrumentariy-otsenki (дата обращения: 10.02.2026).

9. Красикова, В. В. Влияние региональной диспропорции на социально-экономическое развитие России. Пути преодоления / В. В. Красикова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 19 (309). – С. 205-207. – URL: https://moluch.ru/archive/309/69824. (дата обращения: 11.01.2026).

10. Кузнецова, Ольга Владимировна, д.э.н., проф., профессор РАН Стратегия пространственного развития России-2030: позитив изменений и бремя нерешенных проблем 14 ноября 2024 г., ЦДУ РАН https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/04/strategiya-prostranstvennogo-razvitiya-rossii-2030.pdf?ysclid=mltusm9rwu690271963 (дата обращения: 11.01.2026).

11. Кузьменко, О. В. Методические аспекты оценки устойчивости предпринимательских структур / О. В. Кузьменко, Е. В. Гриценко. – Текст : непосредственный // Экономическая наука и практика : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2017. – С. 13-17. – URL: https://moluch.ru/conf/econ/archive/221/12040. (дата обращения: 11.01.2026).

12. Макаров, С.А. Форсайт и долгосрочная стратегия какинструменты развития региона: опыт Республики Татарстан// ЭКО. 2020. № 5.С. 175-191. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-5-175-191.

13. Михайлов, М. В. Анализ инфраструктурной обеспеченности экономического развития региона // Инновации и инвестиции. 2022. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-infrastrukturnoy-obespechennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona (дата обращения: 10.02.2026).

14. Нахметова, Л. А. Теоретические основы устойчивого развития регионов / Л. А. Нахметова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 45 (596). – С. 109-113. – URL: https://moluch.ru/archive/596/129799. (дата обращения: 11.01.2026).

15. Никонова, Ю. С. Система KPI как инструмент управления эффективностью компании / Ю. С. Никонова. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики и управления. – 2019. – № 3 (19). – С. 18-23. – URL: https://moluch.ru/th/5/archive/126/4148. (дата обращения: 11.01.2026).

16. Павельев Николай Алексеевич О факторах, влияющих на устойчивость развития региона // Вестник ВятГУ. 2012. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-faktorah-vliyayuschih-na-ustoychivost-razvitiya-regiona (дата обращения: 19.01.2026).

17. Парфенова, Елена Николаевна Повышение инвестиционной привлекательности региона: проблемы и направления // Энергосбережение. Энергетика. Энергоаудит. 2015. №6 (137). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-investitsionnoy-privlekatelnosti-regiona-problemy-i-napravleniya (дата обращения: 19.01.2026).

18. Печкина, Е. В. Методы и инструменты стратегического планирования регионального развития / Е. В. Печкина. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики и управления. – 2016. – № 4 (6). – С. 78-80. – URL: https://moluch.ru/th/5/archive/38/1102. (дата обращения: 11.01.2026).

19. Просвирина, И. И., Довбий, Н. С. Выбор источников традиционного и «зеленого» финансирования наилучших доступных технологий // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 4. С. 101–116. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-4-101-116.

20. Фаттахов, Рафаэль Валиахметович Низамутдинов Марсель Малихович, Орешников Владимир Владимирович Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России // Мир новой экономики. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ustoychivosti-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossii (дата обращения: 19.01.2026).

21. Руденко, Л.Г. Оценка возможности устойчивого эколого-социально-экономического развития России // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2017. – № 1 (20). – С. 20–27. – DOI 10.21777/2307-6135-2017-1-20-27.

22. Саубанов, Р. Х. Методика оценки экономической устойчивости региона // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2012. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-ekonomicheskoy-ustoychivosti-regiona (дата обращения: 19.01.2026).

23. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.

24. Хайруллов, Д. С. Теоретические подходы определения понятия экономической устойчивости региона // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-opredeleniya-ponyatiya-ekonomicheskoy-ustoychivosti-regiona (дата обращения: 1.

25. Чугумбаев, Р.Р. Направления совершенствования методов комплексной оценки корпоративной устойчивости // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7-1. С. 190-195.

3.2. Преференциальные территории как инструмент стимулирования экономического развития Российской Федерации[11]

Экономическое развитие Российской Федерации и ее экономическая безопасность невозможны без повышения инвестиционной активности, как на уровне национальной экономики, так и на уровне регионов и отдельных территорий.

В настоящее время наблюдается спад инвестиционной активности в России. За 9 месяцев 2025 года инвестиционная активность снизилась на 3,1%, в 2024 году участие иностранных инвесторов в российских компаниях и инвестиционных фондах упало на 54,3 млрд долл., до 207,4 млрд долл., а объём накопленных прямых иностранных инвестиций сократился более чем в 2 раза – с 700 до 300 млрд долл. [1]. Это требует усилий в поиске такого инструментария инвестиционной политики, который бы эффективно мог повысить активность российских инвесторов и бизнеса.

Инвестиционная политика государства – это не только поддержка стратегически важных отраслей промышленности, исследований и разработок как базы экономического роста, но и действия по формированию и поддержанию механизма стимулирования частных инвестиций в регионах [2], и прежде всего на территориях, испытывающих нехватку государственного финансирования, отстающих в социально-экономическом развитии.

Проблемы территориальных дисбалансов свойственны Российской Федерации. Они, как и вытекающие из них проблемы господдержки депрессивных территорий, имеют глубокие исторические корни. Анализ развития методических подходов в распределении бюджетных финансовых потоков показал, что ни один из них не привел к кардинальному улучшению ситуации, и, как мы видим, в современных экономически турбулентных условиях повышается острота проблемы финансового неравенства регионов. По уровню и глубине региональной дифференциации Россия опережает даже такие страны как Бразилия, Индия и Китай. И поляризация продолжает расти – по показателям зарплаты, инвестиций, доходов бюджетов.

Так называемые периферийные регионы требуют особого внимания со стороны государства, поскольку отставание в развитии ведет к оттоку капитала и населения, низкой инфраструктурной доступности, доступности к качественному медицинскому обслуживанию и образованию. Кроме дотационных регионов в эту группу входят моноотраслевые территории [3].

Решение указанных проблем требует принятия государственных мер, одной из которых является финансирование индивидуальных программ социально-экономического развития депрессивных регионов РФ (ИПР). В 2020-2024 гг. на это было направлено около 49,5 млрд руб. федеральных средств и почти 1,7 млрд руб. из региональных бюджетов, однако по свыше 30% мероприятий плановые показатели не достигнуты, а 36,4 % средств израсходовано без достижения плановых результатов. В 2025 года программы ИПР были перезапущены, механизм доведения центром средств подразумевает

[11] Автор раздела: Макарова Н.В.

теперь выделение по 1 млрд руб. на субъект РФ в год. Ответственным за финансирование ИПР является Минэкономики, в функциях которого доводить деньги до депрессивных регионов в составе единой субсидии на повышение уровня инвестиционной привлекательности региональных проектов, на развитие обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, туризма и т.п.

В условиях нехватки средств на бюджетные выравнивания, недостаточной эффективности способов распределения фондов финансовой поддержки, доминирования количества реципиентов над донорами среди субъектов РФ требуется пересмотр и расширение набора инструментов для роста собственных доходов территорий.

В этом ключе принцип «дать удочку, а не рыбу» соответствует государственной политике по стимулированию инвестиционной активности территорий. Через создание благоприятных условий инвестиционной деятельности, что подразумевает в первую очередь налоговые льготы, а также снижение административной нагрузки и инвестиционных рисков, планируется способствовать привлечению инвестиций.

Стимулирование инвестиций требует комплексного подхода на основе взаимодействия различных субъектов экономики: государства, бизнеса, образовательных учреждений и общественных организаций.

Существуют финансовые и нефинансовые инструменты стимулирования инвестиционной активности для развития территорий [4], основные из них представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Инструменты стимулирования инвестиционной активности

Государственные органы играют ключевую роль в формировании благоприятной инвестиционной среды, создавая правовое поле для инвесторов, направленное на минимизацию рисков для вложений капитала. Важным аспектом является предоставление налоговых льгот и субсидий, которые способствуют привлечению инвестиций в стратегически значимые сектора экономики [5]. Научные и образовательные учреждения также вносят значительный вклад в стимулирование инвестиционной активности. Они могут стать движущей силой применения новых технологий, обеспечивая подготовку квалифицированных специалистов, способных адаптироваться к современному рынку. Реализация научных исследований, обладающих коммерческим характером, открывает новые горизонты для бизнеса и создает возможности для будущих инвестиций.

Институциональные меры направлены на создание благоприятного правового поля, защиту прав инвесторов и развитие финансовых рынков.

Примерами таких инструментов могут быть:

– «Фабрика проектного финансирования» – программа по кредитованию для реализации крупных инвестиционных проектов в приоритетных отраслях экономики;

– «Фонд развития», функционирующий для поддержки инвестиционных проектов в различных отраслях экономики;

– «Климатические проекты» – новый инструмент привлечения инвестиций в контексте устойчивого развития регионов.

Особое место в проведении инвестиционной политики занимают фискальные меры в виде льгот по налоговым платежам и преференций для инвесторов, а также в формах грантов и субсидий.

Субъекты РФ используют для стимулирования инвестиционной активности:

– страховые и залоговые фонды за счет средств региональных бюджетов;

– предоставление налоговых льгот инвесторам в рамках установленных полномочий и действующего налогового законодательства;

– участие в инвестиционных процессах посредством предоставления кредитных ресурсов и прямых инвестиций за счет средств региона.

Налоговые инструменты главным образом подразумевают различные виды налоговых льгот для инвесторов: предоставление налоговых каникул, снижение налоговых ставок, уменьшение налоговой базы и т.п. [2].

В отечественной практике также среди инструментов – создание разнообразных институтов поддержки развития, например, корпораций развития, венчурных фондов, инвестиционных агентств, как своеобразных катализаторов экономического роста, имеющих цель эффективного распределения и перераспределения средств.

Инструменты планирования активно используются в процессе формирования инвестиционной стратегии территории. Потребность инвесторов в проведении всестороннего анализа инвестиционного потенциала территории обуславливает внимание к инвестиционной привлекательности и созданию экономических перспектив региона со стороны местной власти. Стратегический

план развития часто бывает основой продуктивных отношений с инвесторами, что повышает вероятность привлечения капитала на территорию.

Финансовые льготы включают в себя субсидирование отдельных затрат. Так, установление сниженных тарифов на коммунальные услуги, уменьшение размера арендной платы за пользование земельными участками и производственными площадями, предоставление кредитов на льготных условиях повышают привлекательность инвестиций.

Административные преференции предоставляются органами управления свободных экономических зон для упрощения процедуры государственной регистрации предприятий, режима въезда и выезда иностранных граждан, а также ускоренного предоставления различных административных услуг.

Важный аспект стимулирования инвестиционной деятельности – улучшение инвестиционного климата в части правовой защиты инвесторов, прозрачности административных процедур, доступности финансовых ресурсов, наличия квалифицированных кадров в регионе [6].

Таким образом, повышение инвестиционной привлекательности различных территориальных образований может происходить за счет набора отдельных разнотипных инструментов, которые следует совместить, урегулировать между собой, но альтернативой может быть создание специального инструмента развития территорий – созданию особых экономических зон (ОЭЗ) и/или территорий опережающего развития (далее – ТОР), на комплексной основе включающего различные виды преференций. Актуальность этого инструмента для России очевидна в сопряжении целей стратегии деофшоризации, развития высокотехнологичных отраслей и повышения уровня социально-экономического развития территорий.

Отметим, что в нашей стране имеется опыт экономических зон с особым юридическим статусом, которые в конце 1980-х годов начали создаваться в СССР (постановление 1989 года о создании свободных экономических зон в городах Находка и Выборг). Предполагалось, что на этих территориях для иностранных инвесторов будут действовать льготные экономические условия, характеризуемые как «заповедник» развитого бизнеса. К концу 1990-х годов число СЭЗ выросло до 20, но фактически функционировали немногие. Законодательная неурегулированность, воздействие макроэкономических, политико-правовых факторов, отсутствие единой политики по преференциальным территориям сделали опыт применения этого инструмента в отечественной практике негативным.

Однако к идее преференциальных территорий вернулись в 2005 году, был принят федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». И в настоящее время в России функционируют 59 особых экономических зон (ОЭЗ), 92 территории опережающего развития (ТОР) и 2 специальных административных района (САР).

Согласно статье 2 Федерального закона от 22.07.2005 № 116-ФЗ, «особая экономическая зона – часть территории Российской Федерации, которая устанавливается Правительством РФ и на которой действует особый режим

осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны» [2].

Преференциальные территории существуют во всем мире, этот инструмент регионального развития успешно зарекомендовал себя в экономике Южной Кореи, Китая, Канады, Норвегии, США. Наибольшее число особых экономических зон в КНР – 2543 территории, что уже более 63% от общего количества ОЭЗ в Азии. Китайский опыт связан с массовым ростом таких зон в период проведения «политики открытых дверей» в начале 1980-х гг., но если в первую волну их роста использован географический фактор для привлечения иностранных инвестиций [4], то современная волна создания ОЭЗ в КНР связана с потребностью проведения институциональных инноваций для недостаточно активно развивающихся провинций.

Во всех странах в основе механизма ОЭЗ, как инструмента стимулирования инвестиционной активности, лежит пакет фискальных и регуляторных преимуществ, включая таможенные пошлины и налоговые льготы, а также снижение административной нагрузки. Подходы разных государств к развитию зон отличаются по специализации зон, по проектированию их как автономных промышленных площадок или интегрированных городов, по уровню международного сотрудничества [4].

В России на начало 2026 года в особых экономических зонах зарегистрировано 1447 их резидентов. Совокупный объём инвестиций – свыше 3 806,6 млрд руб., создано 120,27 тыс. рабочих мест. нарастающим итогом, а объём обязательных платежей достиг 507,9 млрд руб.

Российские ОЭЗ четырех типов:

– промышленно-производственные ОЭЗ;

– технико-внедренческие ОЭЗ;

– туристско-рекреационные ОЭЗ;

– портовые ОЭЗ.

При создании экономических зон финансовые вложения направлены на совершенствование инфраструктуры, логистики, производственных помещений и инженерных коммуникаций. Создание ОЭЗ, технопарков и зон свободной торговли способствует созданию лучших условий для устойчивого экономического роста, интенсификации данных процессов в регионе в соответствии с их целями:

– снижения затрат на производство благодаря льготам;

– стимулирования прогресса в обрабатывающих и наукоемких отраслях;

– выпуска конкурентоспособной продукции;

– формирования востребованных вакансий на рынке труда;

– раскрытия экономического потенциала территорий [7].

Еще одним инструментом развития является создание территорий опережающего социально-экономического развития.

Впервые ТОР появились в 2015 году в Дальневосточном федеральном округе, а затем их опыт был использован для ЗАТО и моногородов. К 2025 году инструментарий ТОР применен в более 60% регионов РФ. В 92 ТОР зарегистрировано более 1200 резидентов, создано более 140 тыс. рабочих мест.

Объем привлеченных инвестиций за весь срок существования ТОР превысил 441 млрд руб. Налоговые льготы для резидентов ТОР показаны в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика ставок налоговых платежей для резидентов ТОР

Вид налогового платежа	Общие условия, %	Резидент ТОСЭР, %	Нормативный акт
Налог на прибыль	20	5 в течение 5 лет	ст.284.4 НК РФ
в т.ч. федеральный бюджет	2	0 в течение 5 лет	п. 1.8 ст. 284, 284.4 НК РФ
бюджет субъекта РФ	18	5 – первые 5 лет 10 – следующие 5 лет	ст. 284.4 НК РФ
Налог на имущество	2,2	0	Определяется субъектом
Земельный налог	1,5	0	
Страховые взносы во внебюджетные фонды	30	7,6 в течение 10 лет	Федеральный закон от 24.07.2009 №212-ФЗ

Но несмотря на льготы, инвесторы недостаточно активно идут в ТОРы, динамика зарегистрированных резидентов в среднем на 1 ТОР показывает, что в последние годы быстрее рост идет в дальневосточном и арктическом направлениях, 53 резидента в среднем на 1 ТОР, по сравнению с 13 в ЗАТО и 15 резидентами на 1 ТОР моногородов, что может быть обусловлено геополитическими факторами и отличиями в льготах. При этом, анализ перечня предприятий-резидентов ТОР позволяет сделать вывод, что основная доля резидентов – субъекты МСП, в т.ч. в сфере услуг, как правило не производящие высокотехнологичную продукцию. При таком количестве и качестве резидентов возникает, на наш взгляд, несоответствие названия и содержания: в части «опережающего развития». Иными словами, существующий подход к формированию и управлению ТОР исходит не из задачи опережать, а из необходимости догонять другие районы, он призван содействовать выравниванию уровня развития территорий. Это не отвечает самой идее опережающего развития и создания «локомотивов» инновационного роста.

Российская практика применения инструмента ТОР получила специализацию как способ решения проблем моногородов и ЗАТО, которые из-за узкой специализации градообразующих предприятий, уязвимости монопрофильной экономики к кризисам, удаленности от центров развития как правило находятся в кризисном состоянии.

Напомним, что основной критерий отнесения к моногороду – высокая степень зависимости социально-экономического развития от деятельности одного или нескольких градообразующих предприятий, обладающих схожими технологическими характеристиками и функционирующих в рамках единого процесса производства [8]. Прямой финансовой поддержкой развития инфраструктуры моногородов и инвестиционных проектов методом

софинансирования занимается ВЭБ.РФ. Основные направления финансовой поддержки:

– возвратное финансирование до 80% стоимости капитальных затрат и сроком до 15 лет: под 1% – под гарантию корпорации «МСП» банка или 5% под залог или иное обеспечение; для моногородов с режимом ЧС федерального характера под 0%.

– безвозвратное финансирование: до 50% стоимости капитальных затрат на социальную инфраструктуру для моногородов численностью до 50 тыс. человек и до 95% капитальных затрат до 750 млн руб. на инфраструктуру новых проектов.

Несмотря на 10-летний период применения инструмента ТОР, социально-экономические показатели моногородов еще далеки от эталонных. До сих пор не выработана единая методика объективной оценки эффективности применения механизма ТОР, как и в целом преференциальных территорий. Минэкономразвития, которое здесь является заинтересованным лицом, отчитывается об улучшении работы ТОР и ОЭЗ. В то же время Счетная палата, сопоставляя численность, привлеченные инвестиции с размером выпадающих налоговых доходов и административными расходами, отмечает низкие показатели многих ТОР в вопросе роста инвестиционной активности. По результатам проверок, не показали ожидаемых результатов ТОРы ДФО.

Ряд авторов [3, 7, 8] справедливо указывают на весьма скромные показатели отдачи от государственных вложений, в том числе в виде выпадающих доходов бюджета от преференциальных территорий, отсутствие задуманного прорыва в развитии регионов.

Однако рассмотрение эффекта преференциальных территорий не следует ограничивать учетом лишь краткосрочных прямых экономических выгод, влияние их может быть как положительным, так и отрицательным. Важнее долгосрочные эффекты, как «большой толчок» к инвестированию в новые технологии, их проектирование и внедрение, а также не только финансовые, но и «косвенные» выгоды – те, за счет которых возможно постепенно менять общий «пейзаж» страны (табл.2).

Таблица 2

Основные прямые и косвенные выгоды от преференциальных режимов [9]

Прямые выгоды	Косвенные выгоды
Наращивание объемов промышленного производства	Развитие профессиональных знаний и навыков
Создание рабочих мест	Трансфер технологий
Рост экспорта	Диверсификация экспорта
Приток прямых иностранных инвестиций	Развитие новых инновационных видов деятельности
Увеличение государственных доходов	Апробация новой экономической политики

Конечно, оценить косвенные, особенно нефинансовые эффекты крайне сложно. Проведение оценки эффективности также часто затруднено из-за небольшого срока существования ОЭЗ или ТОР, созданных в течение 3-5 последних лет. А для более «зрелых» успешных преференциальных территорий замечено, что рост экономических показателей как правило носит временный характер: после периода «разгона» темп развития замедляется.

Также серьезно влияет на оценку ограниченность статистической базы.

В этой связи актуален вопрос совершенствования методики комплексной оценки эффективности функционирования преференциальной территории.

Отметим, что разработанность методического аспекта управления российскими ОЭЗ больше, чем ТОР. В определенной мере комплексный подход к определению эффективности ОЭЗ заложен в методику рейтинговой оценки. Так, созданная в 2011 году Ассоциация кластеров, технопарков и особых экономических зон (далее – АКИТ), осуществляющая сбор, обработку и анализ статистических данных, отражающих динамику развития ОЭЗ на территории Российской Федерации, в 2024 году в рамках национального рейтинга инвестиционной привлекательности ранжировала все ОЭЗ, функционирующие в России. Были сгруппированы и оценены суммарно 7 блоков (Инвестиционная привлекательность региона, условия для предпринимательской деятельности, обеспеченность инфраструктурой, земельные ресурсы и капитальные объекты, инвестиционная активность резидентов, информационная открытость, глобальные вызовы). Всего в этой методике оценке подлежит 41 показатель, из которых помимо количественных оцениваются и некоторые качественные параметры развития ОЭЗ. При этом используются официальная статистическая информация от управляющих компаний ОЭЗ и оценки независимых экспертов.

Согласно рейтингу, наибольшую эффективность функционирования демонстрируют ОЭЗ ППТ «Липецк» и ОЭЗ «Алабуга» (Татарстан). На территории ОЭЗ Московской области отмечен рост авиастроительной отрасли, а в ОЭЗ ППТ «Калуга» развиваются новейшие технологии строительных материалов.

Для ТОР в системе управления применяется методика мониторинга, введенная Постановлением Правительства РФ №1240 от 23.09.2019, которая, во-первых, исключает из анализа ТОР в моногородах, а во-вторых, имеет узкий охват целей показателями. Согласно федеральным требованиям за методический компонент системы оценки ответственны региональные, муниципальные органы власти и управляющая компания, в организационном компоненте, предполагающем контроль показателей функционирования ТОР задействованы уполномоченный орган в партнёрстве с управляющей компанией. Информационную поддержку осуществляют: ФНС России, ФТС России и органы исполнительной власти субъектов и муниципалитетов.

Действующая методика включает оценку динамики:

– объема частных инвестиций: планируемых и фактических;

– объема плановых и фактически направленных средств бюджетов на финансирование инфраструктуры ТОР;

– количества рабочих мест;

– объема добавленной стоимости, созданной резидентами ТОР;

– объема налоговых и таможенных льгот и уплаченных платежей [3].

Главная задача режима ТОР заключается в обеспечении устойчивого и ощутимого повышения уровня благосостояния населения, улучшении качества городской среды и социальной инфраструктуры. То есть эффект от действия преференциального режима проявляется в широком спектре показателей и ТОР, и региона. Но в официальную оценку данные параметры не входят.

Также не берется во внимание при оценке срок действия режима. Рассматривая направления совершенствования официальной методики оценки, можно предложить добавить к используемым показатели динамики уровня безработицы с плановым значением не менее 3% снижения, количества реализованных инфраструктурных проектов, индексов доступности жилья, образования и здравоохранения.

Включение в методику оценки эффективности ТОР комплексного подхода в целях всестороннего охвата эффекта преференциального режима может быть реализовано с помощью выделения блоков (табл. 3). Оценку следует осуществлять по каждому блоку, затем – суммарно по территории.

Таблица 3

Состав показателей предлагаемой методики оценки эффективности ТОР

Блок	Показатель	Допустимое значение
Блок 1 – «Инвестиционная эффективность»	Индекс объема инвестиций в основной капитал резидентов ТОР	Характеризуется темпами роста
	Отношение фактических инвестиций резидентов к недополученным доходам бюджетов всех уровней	Не менее 1,5
	Отношение вложенных частных инвестиций к совокупным расходам бюджетов	Не менее 1
Блок 2 – «Инновационное развитие»	Доля организаций, производящих инновационную продукцию, применяющих инновационные технологии в общем числе организаций-резидентов ТОР	Характеризуется темпами роста
	Индекс объема произведенной инновационной продукции на одного резидента	Характеризуется темпами роста

Блок 3 – «Экономическая эффективность»	Отношение ВВП территории года проведения оценки к ВВП территории до создания ТОР	Не менее 1
	Темп роста объемов добавленной стоимости, созданной резидентами	Не менее 1
Блок 4 – «Многопрофильное развитие территории»	Отношение числа рабочих мест, созданных резидентами ТОР к числу рабочих мест на градообразующих предприятиях	Характеризуется темпами роста
	Отношение объема отгруженной продукции резидентами ТОР к объему отгруженной продукции градообразующих предприятий	Характеризуется темпами роста
Блок 5 – «Социальная эффективность»	Отношение уровня безработицы года функционирования ТОР к предшествующему созданию ТОР	Характеризуется темпами роста
	Отношение средней з/платы работников резидентов ТОР к средней з/плате работников градообразующих предприятий	Не менее 0,7

В целях прозрачности данных о развитии ТОР и поддержки принятия решений потенциальными резидентами, считаем, что результаты анализа и оценки необходимо публиковать в СМИ.

Проблема отсутствия единого информационного ресурса с данными о деятельности российских преференциальных территорий, а также отсутствия единых стандартов представления информации затрудняют межрегиональное сравнение и снижают прозрачность управленческих решений. В связи с этим, целесообразно формирование централизованной федеральной системы сбора, хранения и анализа данных по всем преференциальным территориям РФ.

Системы информационного менеджмента успешно практикуют в крупных корпорациях, решая задачи координации действий множества участников [10]. Исходя из этого, структура системы информационного обеспечения управления ТОР может включать представленные на рисунке 2 компоненты.

В систему целесообразно включать механизмы взаимодействия для повышения результативности как отдельных элементов, так стратегического управления в целом, учитывая, что информация играет важную роль в инвестиционном процессе.

Таким образом, в целях повышения эффективности функционирования территорий опережающего развития необходимо формирование объективной и независимой системы мониторинга их деятельности. Такая система должна обеспечивать не только регулярную оценку их экономических результатов, но и соответствие получаемых социально-экономических эффектов принципам открытости и прозрачности.

Рис. 2. Информационная система для стратегического управления ТОР

Базируясь на взаимосвязи результатов функционирования преференциального режима с широким спектром социально-экономических показателей города или региона следует наряду с финансовыми инструментами, направленными на инвестиционную мотивацию резидентов, следует также использовать более глубокие стимулы, возможно, с отдаленным результатом – льготные программы по семейной ипотеке для привлечения молодых кадров, целевое обучение в учебных заведениях с высоким рейтингом, ускорение реализации проектов «Умный город» и новых технологий в создании комфортной городской среды, развитие культурных и молодежных центров притяжения для устойчивого и ощутимого повышения качества социальной инфраструктуры и арсенал маркетинга территорий.

Современные экономические и научно-технологические вызовы, влияющие на стратегические ориентиры развития России, актуализируют задачу повышения эффективности инвестиционных стимулов. Преференциальные территории должны стать действительно опережающими в пространственном и экономическом развитии, с ориентацией на достижение стратегических целей инновационной политики и технологического развития.

Список использованной литературы

1. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 21.01.2025 г.)

2. Инвестиции : учебник / Е. А. Мамий, Л. Н. Дробышевская, Н. В. Макарова, К. Ю. Охезина. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – 416 с. – ISBN 978-5-8209-2477-4. – EDN YNFKKJ.

3. Мастеров А. И. Фискальная эффективность преференциальных режимов: индикаторы и методы оценки / А. И. Мастеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 9-2. – С. 282-288.

4. Калман К. Особые экономические зоны и стимулирование инвестиций: международный опыт // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. – Т. 218. № 4. – С. 297-307.

5. Какаулина М.О., Горлов Д.Р. Оценка влияния налоговых льгот на инвестиционную активность в особых экономических зонах Российской Федерации // Journal of Applied Economic Research, 2022. – С. 282–324.

6. Сумина Е.В., Бадюков А.А. Социальные и инновационные приоритеты модели устойчивого развития региона // Вопросы инновационной экономики. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 583-602.

7. Романова О.А., Галиуллина Г.Ф. Формирование и оценка потенциала развития преференциальных территорий России // Экономика региона. 2024. №3.

8. Чертковский А.Р., Миронова М.Н. Территории опережающего развития как мера государственного регулирования социально-экономического развития в Приморском крае // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 7. – С. 2563-2580.

9. Якупов Д. И. Оценка экономической эффективности Особых экономических зон / Д. И. Якупов // Актуальные вопросы современной экономики. – 2024. – № 10. – С. 52-58. – EDN BMNFZV.

10. Управление эффективностью функционирования региональных социально-экономических систем с позиций обеспечения инновационных и логистических траекторий безопасности и устойчивости / О. А. Аничкина, А. С. Апачанов, И. В. Бабенко [и др.]. – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2024. – 177 с. – ISBN 978-5-907916-55-5. – EDN OICSIF.

3.3. Определение общей емкости рынка нефтесервисных услуг и смежных отраслей в ХМАО-Югре[12]

Для понимания средней структуры потребления и выявления наиболее востребованных в нефтегазодобывающем производстве материально-технических ресурсов и услуг был проведен анализ закупочной деятельности нефтедобывающих предприятий автономного округа [1,2]. Для проведения данного анализа были сформированы базы данных о закупках по 18-ти наиболее крупным нефтегазодобывающим предприятиям округа. В качестве источников информации о закупках были использованы данные следующих сайтов-агрегаторов: Контур.Закупки, TenderGuru, Инитпро, TenderWin, Bicotender-TRM, Синапс.Про, РТС-Тендер. С помощью данных сайтов была сформирована база данных из 65,87 тыс. уникальных заявок на закупки, размещенных на 12-ти электронных торговых площадках по 16 нефтегазодобывающим предприятиям округа за период с 2016 по 2023 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Общее количество заявок на закупки нефтегазодобывающих предприятий ХМАО-Югры, ед.

Название	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Общий итог
1. ООО «РН-Юганскнефтегаз»	2 970	2 433	1 210	2 047	7 648	7 660	3 310	4 121	31 399
2. АО «Самотлорнефтегаз»	344	626	634	1 501	2 168	2 575	2 345	2 293	12 486
3. АО «РН-Няганьнефтегаз»	221	324	585	1 097	1 259	1 348	994	883	6 711
4. ООО «Лукойл-Западная Сибирь»		14	383	356	627	832	1 504	1 120	4 836
5. ПАО "ННК-Варьеганнефтегаз"	19	85	299	780	1 800	213			3 196
6. ООО «Лукойл-Аик»	4		77	100	207	483	1 122	658	2 651
7. АО «НК «Конданефть»				10	79	264	488	513	1 354
8. ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»			216	171	121	221	196	231	1 156
9. ООО «Газпромнефть-Хантос»			148	153	126	98	94	74	693
10. АО «ННК-ННП»	17	93	4	190	233				537
11. АО «Корпорация Югранефть»	10	38	20	15	16	6			105
12. АО «РН-Мамонтово»	43	25	8	1					77
13. ООО «ННК Северо-Варьеганское»	2	14	8	7	15				46
14. ООО «Салым Петролеум Девелопмент»								39	39

[12] Автор раздела: Ширинкина Е.В., Ушаков А.С.

15. ООО «Канбайкал»								30	30
16. ОАО «Славнефть-Мегионнефтегазгеология»			22						22
Общий итог	3 630	3 652	3 614	6 428	14 299	13 700	10 053	9 962	65 338

Как видно из таблицы 1, динамика изменения количества и суммарной стоимости заявок на закупки нефтегазодобывающих предприятий округа, размещенных на электронных площадках, за анализируемый период характеризуются достаточно высоким уровнем нестабильности. Так, общее количество заявок имеет достаточно высокую тенденцию к росту в период с 2016 по 2020 гг. количество заявок, размещаемых каждый год на ЭТП, увеличилось более чем в 3,5 раза с 3630 ед. до 14299 ед., но в течение последующих 4-х лет количество заявок снизилось практически на 40% до 9962 ед. в 2023 г. По суммарной стоимости заявок динамика изменений еще более неравномерная – с 2016 по 2019 гг. падение составляло от 5 до 25%, с 2020 по 2023 значение то падает на 50-80%, то растет на 30-60%. Если в 2016 – 2018 гг. удельный вес стоимости закупок через торги в общей сумме платежей (табл. 7, п.4) у нефтедобывающих предприятий округа составлял 16-23%, то в 2021 – 2023 гг. он сократился до 1,5-3%. Такая динамика, объясняется, прежде всего, значительным сокращением количества заявок с обозначенной максимальной ценой контракта (НМЦ). Так, если в 2016 г. количество заявок без НМЦ составляло 6%, в 2019 г. уже 70%, а в 2023 г. количество заявок без обозначения ценовых характеристик увеличилось до 95%. Также, необходимо отметить в период с 2020 г. по 2023 г. и отсутствие данных о ценах заключенных контрактов и в самой закупочной документации, выявленное на основе выборочных анализов закупочных документов.

Исходя из вышесказанного, для формирования репрезентативной выборки закупок для определения средней структуры закупок, которую можно было бы отнести к большинству предприятий отрасли в автономном округе из первоначальной выборки были исключены периоды с 2021 по 2023 гг., а также предприятия, у которых за этот период, общий объем закупок на ЭТП составил менее 60 млн. руб., также были исключены заявки признанные несостоявшимися.

Исходя из средней структуры закупок нефтегазодобывающих предприятий автономного округа, полученной на основе анализа закупок, размещенных на электронных торговых площадках предприятий попавших в выборку, а также данных из официальной бухгалтерской отчетности (п. 4121, п. 4221 Форма №0710005 по ОКУД) о платежах поставщикам (подрядчикам) за сырье, материалы, работы, услуги, и платежам предприятий в связи с приобретением, созданием, модернизацией, реконструкцией и подготовкой к использованию внеоборотных активов, по всем нефтегазодобывающим предприятиям действующим на территории округа [2,3], был определен общий потенциальный

объем расходов данных предприятий по направлениям обеспечения их текущей и инвестиционной деятельности (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение платежей нефтегазодобывающих предприятий округа по направлениям обеспечения текущей и инвестиционной деятельности, млрд. руб.

Наименование показателя (статьи расходов)	Средняя структура расходов, %	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Общая сумма платежей нефтегазодобывающих предприятий округа на осуществление текущей и инвестиционной деятельности (п. 4121, п. 4221 Форма №0710005 по ОКУД)		1 310,8	1 418,6	1 332,2	1 434,4	1 611,1	1 722,4
КРС, ПРС, ГРП, мероприятия по повышению нефтеотдачи пластов	14,7%	193,0	208,8	196,1	211,2	237,2	253,6
Строительство нефтяных и газовых скважин	8,6%	113,2	122,5	115,0	123,8	139,1	148,7
Работы геологоразведочные, геофизические и геохимические в области изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы	2,2%	29,2	31,6	29,7	31,9	35,9	38,3
ТО и ремонт нефтепромыслового и бурового оборудования	10,0%	131,3	142,1	133,4	143,6	161,3	172,5
Строительство, обслуживание и ремонт инженерных и энергетических коммуникаций, обустройство кустовых площадок и промысловых производственных и бытовых объектов	29,8%	391,2	423,4	397,6	428,1	480,8	514,0
Производство, поставка, аренда и лизинг нефтепромыслового и бурового оборудования	8,6%	112,9	122,2	114,8	123,6	138,8	148,4
Прочие материально-технические ресурсы (МТР)	7,3%	95,7	103,6	97,3	104,7	117,7	125,8
Услуги логистики, транспорта и спецтехники	9,8%	128,5	139,0	130,6	140,6	157,9	168,8
Экология, обработка и утилизация отходов	3,8%	49,3	53,3	50,1	53,9	60,6	64,8
Обеспечение пожарной, промышленной и пр. видов безопасности	1,3%	17,4	18,8	17,7	19,0	21,4	22,8
КИПиА, ИТ, связь и автоматизация процессов	2,0%	25,6	27,7	26,0	28,0	31,4	33,6

Наименование показателя (статьи расходов)	Средняя структура расходов, %	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Работа с персоналом, включая образование и повышение квалификации	0,7%	9,2	10,0	9,4	10,1	11,3	12,1
Прочие услуги, работы и исследования	1,1%	14,5	15,6	14,7	15,8	17,8	19,0

Как видно из таблицы 2, к наиболее значимым статьям закупок нефтегазодобывающих предприятий округа относятся: «Строительство, обслуживание и ремонт инженерных и энергетических коммуникаций, обустройство кустовых площадок и промысловых производственных и бытовых объектов» - 514,0 млрд. руб. млрд. руб., «КРС, ПРС, ЗБС, ГРП, мероприятия по повышению нефтеотдачи пластов» - 253,0 млрд. руб., «ТО и ремонт нефтепромыслового и бурового оборудования» - 172,5 млрд. руб., , «Услуги логистики, транспорта и спецтехники» - 168,8 млрд. руб., «Производство, поставка, аренда и лизинг нефтепромыслового и бурового оборудования» - 148,4 млрд. руб. «Прочие материально-технические ресурсы (МТР)» - 125,8 млрд. руб., «Бурение нефтяных и газовых скважин» - 80,3 млрд. руб.

К наиболее востребованным заявкам по каждой статье закупок можно отнести следующие [3,4].

КРС, ПРС, ГРП, мероприятия по повышению нефтеотдачи пластов: текущий и капитальный ремонт скважин, освоение, проведение подготовительно-заключительных работ к гидроразрыву пластов; кварцевый песок для производства гидравлического разрыва пласта; выполнение работ по инженерному сопровождению процессов ГРП; выполнение ГРП в рамках программы опытно-промышленных работ по внедрению новых технологий ГС с МГРП Plug-n-Perf на сверхнизкопроницаемых коллекторах; оказание услуг по депарафинизации НКТ; ликвидация гидрато-парафиновых пробок с применением электронагревающих устройств; комплекс работ для осуществления одновременно-раздельной закачки воды; оказание супервайзерских услуг по технологическому надзору и контролю качества текущего и капитального ремонта скважин; проведение глубокопроникающей струйной перфорации с последующим освоением струйным насосом и контролем давления и температуры в подпакерной зоне; услуги по супервайзингу выполнения работ сервисными предприятиями по ГРП и ГНКТ, химические реагенты для производства гидравлического разрыва пласта и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 4 млн. руб. до 4 млрд. руб., средняя стоимость – 200 млн. руб.

Строительство нефтяных и газовых скважин: услуги супервайзинга при эксплуатационном, поисково-разведочном бурении скважин и зарезке боковых стволов; работы по бурению (восстановление скважин методом зарезки боковых стволов на условиях раздельного сервиса); оказание услуг по контролю параметров технологических жидкостей глушения; оказание услуг по

инженерно-технологическому сопровождению буровых растворов; выполнение работ по цементированию скважин; оказание услуг по определению поправок в склонении магнитной стрелки для сопровождения наклонно - направленного, горизонтального бурения; услуги по технологическому сопровождению крепления скважин хвостовиками при бурении/реконструкции; выполнение работ по бурению (по станко-суткам); выполнение работ по цементированию скважин; услуг по техническому и технологическому сопровождению спуска обсадных колонн; обвязки обсадных колонн для бурения скважин; оказание услуг супервайзинга скважинных технологий; погружная телеметрия и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 14 млн. руб. до 500 млн. руб., средняя стоимость – 150 млн. руб.

Работы геолого-разведочные, геофизические и геохимические в области изучения недр и воспроизводства минерально-сырьевой базы: вывод на режим исследования скважин; замер производительности скважин; проведение гидродинамических исследований скважин на месторождениях; проведение геолого-промыслового сопровождения (исследований) работы скважин эксплуатационного фонда; замер производительности скважин; проведение многочастотного диэлектрического каротажа; проведение наземного микросейсмического мониторинга повторного ГРП на наклонно-направленных скважинах; замер дебитов на разведочных скважинах; дополнение к технологическому проекту разработки нефтяного месторождения; актуализация проектов доразведки по месторождениям; проведение экспертиз по законсервированным скважинам; выполнение ПИР по проекту: разведочная скважина; анализ и корректировка ресурсной базы по результатам проведенных ГРР; выполнение геофизических исследований скважин при вводе новых скважин и зарезке боковых стволов (открытый ствол); выполнение работ по отбору керна при бурении скважин; выполнение комплекса промысловых гидродинамических исследований; выполнение геофизических исследований при вводе новых скважин; технологический контроль полевых сейсморазведочных работ; оказание услуг по геолого-технологическим исследованиям; выполнение геофизических исследований при контроле за разработкой; газодинамические, газоконденсатные исследования скважин; геофизические исследования при строительстве эксплуатационных скважин; выполнение работ по специальным исследованиям скважин и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 1 млн. руб. до 300 млн. руб., средняя стоимость – 60 млн. руб.

ТО и ремонт нефтепромыслового и бурового оборудования: выполнение работ по комплексному обслуживанию и ремонту компоновок для одновременно-раздельной добычи (ОРД); капитальный ремонт узлов учёта тепловой энергии и узлов управления; выполнение работ по капитальному ремонту кабельных протекторов; выполнение работ по продлению межремонтного ресурса газотурбинных двигателей; проходная ДНС с УПСВ; компрессорная станция; выполнение работ по капитальному ремонту «сепаратор», «дожимная компрессорная станция», факела аварийного сжигания газа, установки факельные; услуги по техническому обслуживанию

турбогенераторов; оказание услуг по текущему ремонту теплообменной камеры печи трубной блочной; выполнение работ по текущему ремонту регулирующих клапанов; выполнение работ по капитальному ремонту промысловых объектов УСиНГ и УКК; выполнение работ по капитальному ремонту установок компенсации реактивной мощности; выполнение работ по текущему ремонту запорной арматуры; выполнение работ по текущему ремонту импортных УЭЦН; капитальный ремонт электропогружного оборудования (ПЭД) и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 190 тыс. руб. до 13 млрд. руб., средняя стоимость – 90 млн. руб.

Производство, поставка, аренда и лизинг нефтепромыслового и бурового оборудования: арматура промышленная трубопроводная; оборудование для эксплуатации скважин; пакеры буровые и добычные; оборудование насосно-компрессорное; установка компрессорная МБКУ; кабели для погружных насосов 3х16; поставка УЭЦН; электродвигатели; оборудование насосно-компрессорное; оборудование фонтанное и газлифтное прочее; дозаторы промысловые; комплектующее оборудование установок бесштанговых насосов; станции перекачки нефти; клапаны обратные; сепараторы скважинные; гасители вибраций; дозаторы промысловые; устройства для спуска и цементирования хвостовиков; оборудование фонтанное и газлифтное прочее; станции управления и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 2 тыс. руб. до 1 млрд. руб., средняя стоимость – 90 млн. руб.

Строительство, обслуживание и ремонт инженерных и энергетических коммуникаций, обустройство кустовых площадок и промысловых производственных и бытовых объектов: выполнение работ по подготовке и содержанию автозимников; оказание услуг по текущему обслуживанию полигонов; выполнение работ по добыче песка; поставка блок-боксов и зданий; строительство электрокотельной; реконструкция ПС 220 кВ, ВЛ 6 кВ, котельное оборудование с ШМР и ПНР; выполнение работ: газопровод, напорный газопровод, мост; выполнение работ по ликвидации объектов основных средств; обустройство кустов скважин; аренда передвижной модульной трансформаторной подстанции; оказание услуг по энергоснабжению объектов; оказание услуг по комплексному обслуживанию административных и социально-бытовых объектов; поставка кабелей и проводов монтажных и пр. Стоимость подобных закупок колеблется от 3,6 тыс. руб. до 24 млрд. руб., средняя стоимость – 85 млн. руб.

Услуги логистики, транспорта и спецтехники: оказание услуг автомобильным транспортом по вывозу НСЖ без привязки к региону; оказание услуг по хранению, приемке и отгрузке грузов, входному контролю трубной продукции и ревизии фонтанной арматуры; оказание услуг речным транспортом (обеспечение работы пассажирского дебаркадера); обслуживание автотранспорта микропроцессорными пластиковыми картами; услуги по централизованной доставке ТМЦ автомобильным транспортом; оказание услуг грузопассажирскими автомобилями повышенной проходимости; оказание услуг бульдозерами гусеничными (типа Б-10М); оказание услуг экскаваторами - погрузчиками типа JCB 3CX без привязки к региону; оказание услуг

гусеничными экскаваторами без привязки к региону; оказание услуг самосвалы г/п не менее 17 тн.; оказание услуг бортовыми автомобиля на шасси 4*4; оказание услуг вахтовым транспортом для ЦВЭ; оказание услуг по перевозке дизельного топлива грузоперевозящей техникой на шасси 6х6; оказание услуг по подаче-уборке вагонов; комплексные складские услуги; услуги по централизованной доставке ТМЦ. Стоимость подобных закупок колеблется от 192 тыс. руб. до 12 млрд. руб., средняя стоимость – 110 млн. руб.

Таким образом, анализ укрупненных финансовых и производственно-экономических показателей нефтегазодобывающих предприятий автономного округа за период с 2016 по 2023 гг показывает достаточно стабильную динамику роста. Наблюдается рост показателей отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами как по ВЭД «Добыча полезных ископаемых», так и по подвиду данного ВЭД «Добыча сырой нефти и природного газа». Несмотря на большое количество введенных санкций и значительное усложнение эксплуатируемых запасов, падение объемов добычи наблюдалось только в 2020 и 2023 гг. Аналогичной устойчивой динамикой характеризуются и объемы эксплуатационного бурения и показатель ввода новых скважин. В частности, в 2023 г. объем эксплуатационного бурения увеличился на 2% по сравнению с 2022 г., а новых добывающих скважин введено в эксплуатацию на 4% больше.

В тоже время, в значительной степени, демонстрируемая устойчивая положительная динамика большинства показателей развития нефтегазодобывающей промышленности обеспечивается благоприятным для экспортных организаций курсом доллара и достаточно высокими мировыми ценами на нефть и газ.

Анализ Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2035 года, обосновывающих материалов к ней, а также контент-анализ большого количества различного рода аналитических и отчетных материалов, посвященных вопросам развития нефтегазодобывающей промышленности, показывает следующий перечень проблем и вызовов, сдерживающих это развитие.

Истощение традиционных месторождений и увеличение доли трудноизвлекаемых запасов

В последние годы многие традиционные месторождения в округе, которые долгое время обеспечивали стабильные объемы добычи приближаются к стадии истощения, наблюдается рост доли трудноизвлекаемых запасов [4,5]. Это усложняет процессы добычи и увеличивает эксплуатационные расходы, а также требует от компаний активизации геологоразведочных работ и поиска новых месторождений. С увеличением глубины скважин и переходом на трудноизвлекаемые запасы возрастает сложность и стоимость добычи. Это также связано с необходимостью внедрения новых технологий для эффективной разработки таких ресурсов.

Существующие запасы требуют доразведки и более тщательного изучения для выявления оставшихся ресурсов. Без этого процесс истощения месторождений может привести к значительным экономическим потерям.

Усложнение горно-геологических условий

Усложнение горно-геологических условий эксплуатации традиционных месторождений также негативно сказывается на эффективности добычи, требует применения более сложных и затратных технологий для их разработки. Увеличение глубины скважин и изменение геологических условий требуют дополнительных инвестиций в технологии и оборудование.

Недостаток инвестиций в новые технологии

Для решения проблемы истощения необходимо наращивание инвестиций в новые технологии и методы разработки, что требует привлечением капитала и повышения интереса со стороны инвесторов.

Существуют проблемы с привлечением инвестиций в геологоразведку и разработку новых месторождений. Нехватка инновационных решений и технологий приводит к истощению существующих запасов.

Инфраструктурные проблемы

Текущая производственная инфраструктура требует модернизации для повышения эффективности добычи и минимизации экологического воздействия на окружающую среду. Существующие инфраструктурные мощности нефтяных компаний не всегда соответствуют современным требованиям.

Зависимость от импорта технологий

Нефтегазовая отрасль требует использования высокотехнологичного оборудования и специализированных технологий, которые часто разрабатываются и производятся за пределами России. В Югре отсутствуют местные производители, способные обеспечить в достаточном объеме потребности нефтегазового сектора в высокотехнологичном оборудовании и услугах. Зависимость от иностранных поставок делает отрасль уязвимой к внешним факторам, таким как экономические санкции, изменения в международной политике или колебания валютных курсов.

Экономические последствия

Уменьшение объемов добычи нефти и истощение месторождений негативно сказываются на экономике региона, так как нефтегазовый сектор составляет основную часть валового продукта ХМАО-Югры. Это создает риски для бюджета и социальной стабильности региона.

Несмотря на общий положительный тренд в отрасли, некоторые небольшие независимые компании продолжают испытывать финансовые трудности, что проявляется в убыточной деятельности и низкой рентабельности.

Экономические санкции и волатильность цен на нефть

Введение экономических санкций против России и колебания мировых цен на нефть создают неопределенность для нефтегазовых компаний. Это влияет на финансовые результаты, инвестиционные планы и общую стабильность отрасли.

Недостаток высококвалифицированных кадров

Отрасль сталкивается с нехваткой специалистов, способных работать с новыми технологиями и в сложных условиях. Это ограничивает возможности для внедрения инноваций и повышения эффективности производства.

Эти негативные тенденции требуют комплексного подхода к решению проблем нефтегазового комплекса в Югре, включая поддержку инноваций,

развитие кадрового потенциала и улучшение условий для ведения бизнеса. Эффективное использование ресурсного потенциала требует не только модернизации существующих технологий, но и активного внедрения кардинальных инновационных решений в процессы нефтегазового производства. Полноценное решение данной задачи не может быть обеспечено без вовлечения и всесторонней поддержки в данные процессы нефтесервисного сектора, как важной составляющей нефтегазовой отрасли и играющей важную роль в обеспечении эффективного и безопасного процесса добычи.

Список использованной литературы

1. Федоров Д.В., Серебренникова О.В., Ельчанинова Е.А. Исследование состава и распределения органических соединений в нефтезагрязненных органоминеральных почвах территории нефтедобычи (ХМАО-Югра) // Вестник Томского государственного университета. Химия. 2024. № 36. С. 194-201.

2. Саранча А.В., Саранча И.С., Овезова С.М. Перспективы нефтедобычи и краткий анализ разработки месторождений ХМАО-Югры// Академический журнал Западной Сибири. 2014. Т. 10. № 5 (54). С. 121.

3. Саранча А.В., Саранча И.С. Перспективы нефтедобычи месторождений ХМАО-Югры// Территория Нефтегаз. 2015. № 2. С. 64-72.

4. Адрианова Е.В., Большаник П.В., Евланов Е.А., Исламутдинов В.Ф., Исламутдинова Д.Ф., Князева Б.В., Санников Д.В., Семенов С.П., Татьянкин В.М., Устюжанцева А.Н., Шубина В.И. Долгосрочный прогноз развития отраслей экономики северного ресурсодобывающего региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа- Югры). - Ханты-Мансийск, 2018.

5. Сафиуллин Л.Н., Исламутдинов В.Ф., Грошева Т.А., Булатова Э.И., Санников Д.В., Устюжанцева А.Н. Эволюция российских нефтяных регионов: признаки "голландской болезни" (на примере республики Татарстан и Ханты-Мансийского автономного округа - Югры). - Казань, 2019.

3.4. Инновационные методы управления программно-целевой компонентой (на примере муниципального образования «Город Калуга») [13]

Муниципальная программа – это документ, в котором на основе комплексного анализа территориальных (муниципальных) проблем социально-экономического, экологического, инвестиционно-инновационного, законодательного и другого характера выявлены наиболее значимые проблемы и определены пути их решения, как набор требуемых мероприятий с обоснованием необходимых ресурсов, источников финансирования, сроков реализации, конкретных исполнителей. Таким образом, муниципальная программа – это программный документ сетевого характера, представляющий собой ориентированный на достижение конечного результата сетевой график.

Муниципальные программы нормативно-правового характера направлены на разработку и принятие муниципальных нормативных правовых актов, а также внесение изменений в случае необходимости в действующие муниципальные нормативные правовые акты. В это блок муниципальных программ входят программы, направленные на развитие информационного общества и повышение качества государственных и муниципальных услуг [1, с.246].

Муниципальные программы являются инструментом, связывающим стратегическое (так как направлены да достижение приоритетных муниципальных целей развития) и бюджетное планирование [2, с.53].

Для решения задачи совершенствования и повышения эффективности программно-целевого подхода в сфере муниципального управления предлагается использовать метод SWOT-анализа.

Аббревиатура SWOT расшифровывается следующим образом:

S – Strengh – сильные стороны, преимущества системы программно-целевого управления РФ перед другими системами, достоинства и плюсы, которые нужно понимать и использовать максимально.

W – Weaknesses – слабые стороны, недостатки, т.е. особенности, по которым система программно-целевого управления проигрывает другим.

O – Opportunities – возможности, силы, ресурсы для повышения эффективности и результативности.

T – Threats – угрозы, которые необходимо предвидеть заранее, (изменения в законодательстве, изменения спроса на гос. Услуги и т.п.).

Результаты SWOT- анализа программно-целевого управления в МО «Город Калуга» систематизированы в таблице 7.

[13] Автор раздела: Круглов В.Н.

Таблица 1

SWOT-анализ программно-целевого управления в МО «Город Калуга»

Сильные стороны (S)	**Слабые стороны (W)**
Целевое программное бюджетирование, направленное на повышение эффективности муниципальных расходов	Система целей, показателей (индикаторов) и ожидаемых результатов муниципальных программ в ряде случаев не соответствует указам Президента и принятым стратегическим документам
Наличие положительного опыта разработки и реализации муниципальных программ, возможность обмена опытом	Недостаточно высокий уровень качества отдельных муниципальных программ: нелогичность построения, несоответствие отдельных структурных элементов программ, несоответствие детальных план-графиков общей структуре программ и т.п.
Сочетание стратегического и бюджетного планирования	Отсутствие необходимой финансовой мобильности для осуществления ответственными исполнителями финансовых маневров между отдельными структурными элементами программ
Четкая стратегия и программа развития отрасли или направления	Отсутствие обратной связи с получателями услуг врамках реализации муниципальных программ
Выгодное территориально-транспортное положение	Миграционный отток высококвалифицированных кадров в сфере муниципального управления в г. Москву
Постоянный спрос на муниципальные товары и услуги	Формальность процедуры оценки эффективности реализации муниципальных программ
Монопольная позиция муниципального образования	Низкий уровень контроля качества реализации муниципальных программ
Репутация надежности муниципалитета у граждан	Низкая экономическая и бюджетная рентабельность муниципальных расходов, обеспечивающих реализацию муниципальных программ, в том числе налоговых расходов, направляемых на их реализацию
Заинтересованность исполнителей в повышении качества программно-целевого управления	Не проработанность методического обеспечения процедуры разработки муниципальных программ, в т.ч. недостаточное использование принципов сетевого планирования и управления, неработоспособность принципа декомпозиции целей и целевых показателей
Административный ресурс (контроль исполнения приказов и распоряжений)	Низкий уровень эффективности менеджмента, т.е. эффективности деятельности ответственных исполнителей и соисполнителей программ, свидетельствующий о недостаточно высоком профессионально-квалификационном и общем компетентностном уровне управленческих кадров
Наличие комплекса условий (организационно-правовых, кадровых, материально-технических, информационных и других) для реализации инвестиционно-инновационного развития муниципалитета	Недостаточная проработанность маркетинговой стратегии развития муниципального образования «Город Калуга»
Возможности (O)	**Угрозы (T)**
Повышение профессионально-квалификационного и компетентностного уровня кадров	Сложная экономическая ситуация в мировойэкономике и в экономике Российской Федерации

Диверсификация источников финансирования муниципальных программ и их инновационной составляющей	Отсутствие единого государственного решения по вопросу компенсации недополученных доходов, сформировавших убыток и дефицит финансовых средств
Повышение организационной мобильности за счет снижения административных барьеров	Высокий уровень несбалансированной инфляции, негативно влияющий на показатели эффективности муниципальных программ
Повышение уровня цифровизации процесса разработки, утверждения и реализации муниципальных программ	Реализация инвестиционных проектов не в полном объеме, в том числе за счет недобросовестной работы исполнителей программ
Расширение ассортимента возможных государственных услуг и продукции	Рост дебиторской задолженности потребителей бюджетных средств
Совершенствование нормативно-законодательных и организационных аспектов программно-целевого управления	Размытость ответственности по причине отсутствия четкого разделения сфер реализации, четкой персонификации ответственности за результаты реализации муниципальных программ
Развитие принципов системного подхода к реализации программно-целевого управления развитием муниципалитета, в том числе практическое использование методов детерминированного и стохастического сетевого моделирования при разработке муниципальных программ	Низкая экономическая и бюджетная рентабельность муниципальных расходов, обеспечивающих реализацию муниципальных программ, в том числе налоговых расходов, направляемых на их реализацию

По результатам проведенного анализа ответственным исполнителям программ рекомендуется:

– проанализировать причины, повлиявшие на снижение результатов оценки эффективности реализации муниципальных программ за 2023 год и принять соответствующие меры по их устранению и недопущению в плановом периоде 2024 года;

– повысить качество планирования значений целевых показателей с целью исключения их невыполнения;

– при осуществлении ежеквартального мониторинга хода реализации программ своевременно инициировать их актуализацию;

– ежемесячно рассматривать на внутренних планерках ход реализации муниципальных программ;

– своевременно осуществлять размещение изменений в муниципальные программы в системе ГАС «Управление» и обеспечивать постоянный контроль достоверности и полноты предоставленной отчетности.

– управлению архитектуры, градостроительства и земельных отношений города Калуги проанализировать причины неудовлетворительной оценки эффективности муниципальной программы «Сохранение историко-

архитектурного облика центра города «Старый город», инициировать внесение изменений в муниципальную программу.

Муниципалитетом были заявлены четыре основные цели – это развитие человеческого потенциала, создание комфортной городской среды, инвестиционное и инновационное развитие экономики города, создание условий для развития туризма. Реализуются они в настоящее время в рамках нацпроектов «Культура», «Образование», «Демография», «Жильё и городская среда», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Экология». Достижение заявленных целей обеспечивается посредством исполнения 50 утвержденных мероприятий, из которых 47 реализуется в рамках муниципальных программ и 3 – внепрограммные.

На территории МО «Город Калуга» расход средств осуществляется только программно-целевым методом, т.е. средства бюджета используются для достижения целей того или иного национального проекта, которые в Калуге реализуются. Следует иметь в виду, что все муниципальные образования в РФ находятся в условиях конкуренции, то есть, многие средства и субсидии из федерального бюджета предоставляются только на конкурентной основе. Муниципалитет, с точки зрения достижения целевых показателей, находится в так называемой зеленой зоне, то есть, исполняет перед населением Калуги принятые обязательства [3, с.8].

В условиях конкуренции становится все более актуальным мониторинг результативности и оценка эффективности реализации муниципальных программ, анализ полученных результатов и разработка оперативных и действенных управленческих решений, направленных на повышение эффективности реализации муниципальных программ [4, с.91].

Результаты анализа эффективности реализации муниципальных программ МО «Город Калуга» за 2023 – 2023 гг. систематизированы в таблице 2.

Таблица 2

Результаты анализа эффективности реализации муниципальных программ МО «Город Калуга» за 2021 – 2025 гг.

	Наименование показателя	2023 г.	2024 г.	2025 г.
1	Общее количество реализуемых муниципальных программ	26	26	26
2	Количество программ с высоким уровнем эффективности (комплексная оценка составляет 0,9 и более)	18	21	20
3	Удельный вес муниципальных программ, реализованных с высоким уровнем эффективности (%)	69,2 %	80,8 %	76,9%
4	Количество программ с удовлетворительным уровнем эффективности (комплексная оценка находится в интервале от 0,7 до 0,9)	6	5	6
5	Удельный вес муниципальных программ, реализованных с удовлетворительным уровнем эффективности (%)	23,1 %	19,2 %	23,1%
6	Количество программ с неудовлетворительным уровнем эффективности (комплексная оценка составляет менее 0,7)	3	-	-
7	Удельный вес муниципальных программ, реализованных с неудовлетворительным уровнем эффективности (%)	11,6 %	-	-

8	Количество программ с максимальным уровнем эффективности (комплексная оценка 1)	3	4	5
9	Удельный вес муниципальных программ, реализованных с максимальным уровнем эффективности (%)	11,6 %	15,4 %	19,2%

На основании информации, представленной в таблице 2, можно сделать следующие выводы:

1. Общее количество реализуемых муниципальных программ за анализируемый период времени не изменилось.

2. Эффективность реализации муниципальных программ МО «Город Калуга» за период 2023 – 2025 гг. имеет тенденцию к росту. Об этом свидетельствует динамика роста количества муниципальных программ, реализованных с высоким уровнем эффективности (комплексная оценка составляет 0,9 и более). Если в 2023 году с высоким уровнем эффективности было реализовано 18 программ, в 2025 году – 20 программ.

3. Следует отметить снижение количества муниципальных программ, реализованных с высоким уровнем эффективности в 2025 году (20 программ) по сравнению с 2024 годом (21 программа).

4. Доля муниципальных программ, реализованных с высоким уровнем эффективности в 2023 году – 69,2 %, в 2025 году – 76,9 %, однако следует отметить некоторое снижение доли муниципальных программ, реализованных с высоким уровнем эффективности в 2025 году по сравнению с 2024 годом.

5. Наблюдается положительная динамика роста количества муниципальных программ, реализованных с максимальным уровнем эффективности (комплексная оценка – 1). Количество программ, реализованных с максимальным уровнем эффективности, в 2023 годах составило 3 программы, в 2024 году увеличилось до 4, в 2025 году – до 5. Соответственно, наблюдается доля муниципальных программ, реализованных с максимальным уровнем эффективности (с 11,6 % в 2023 году до 19,2 % в 2025 году).

6. В 2024 и в 2025 годах отсутствовали программы, реализованные с неудовлетворительным уровнем эффективности

7. Наличие муниципальных программ (три программы), реализованных с неудовлетворительным уровнем эффективности в 2023 году, объясняется уменьшением финансирования мероприятий и невозможность их проведения в прежних форматах в связи с пандемией коронавируса и введением ограничительных мер.

Таким образом, можно констатировать рост эффективности реализации муниципальных программ, реализуемых в МО «Город Калуга» в течение анализируемого периода времени.

Показатели комплексной эффективности реализации муниципальных программ ответственными исполнителями (органами Городской Управы города Калуги) за период 2023 - 2025 годы отражены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели комплексной эффективности реализации муниципальных программ ответственными исполнителями

Ответственный исполнитель	2023		2024		2025	
	Количество реализуемых программ	Результаты комплек-сной оценки	Количество реализу-емых программ	Результаты комплексной оценки	Количество реализу-емых программ	Результаты комплек-сной оценки
Управление экономики и имущественных отношений г. Калуги	4	0,95	4	0,97	4	0,97
Управление делами Городского Головы	3	0,99	4	0,98	4	0,98
Управление социальной защиты г. Калуги	3	0,74	2	0,87	2	0,81
Управление городского хозяйства г. Калуги	3	0,88	3	0,89	3	0,83
Управление образования г Калуги	2	1	2	1	2	1
Управление физической культуры, спорта и молодежной политики	2	0,93	2	0,92	2	0,97
Управление ЖКХ г. Калуги	2	0,87	2	0,88	2	0,87
Управление по работе с населением на территориях	2	0,83	2	0,9	2	0,86
Управление архитектуры, градостроительства и земельных отношений	2	0,69	2	0,94	1	0,92
Управление культуры	1	1	1	0,98	1	0,97
Отдел по охране прав несовершеннолетних, недееспособных и патронажу г. Калуги	1	0,92	1	0,92	1	0,94
Отдел по организации защиты населения	1	0,95	1	0,93	1	0,97

С наименьшей эффективностью в 2025 году реализованы муниципальные программы, ответственным исполнителем которых было Управление социальной защиты города Калуги, при этом следует отметить динамику снижения показателя комплексной оценки эффективности со значения 0,89 в 2024 году до значения 0,81 в 2025 году.

С максимальной эффективностью реализуются муниципальные программы Управлением образования города Калуги (максимальная эффективность в 2023, 2024 и в 2025 годах), Управлением делами Городского Головы города Калуги (0,99 в 2023 году и 0,98 – в 2024, 2025 годах), Управлением культуры г. Калуги (1,0 в 2023 году, 0,98 – в 2024 году и 0,97 – в 2025 году), Управлением экономики и имущественных отношений г. Калуги (0,95 в 2023 году и 0,97 – в 2024 и в 2025 годах).

Со средней эффективностью реализуются муниципальные программы Управлением городского хозяйства города Калуги (0,88 в 2023 и 0,89 в 2024 годах), Управлением жилищно-коммунального хозяйства г. Калуги (0,87 в 2023 году и 0,88 – в 2024 году), Управлением по работе с населением на территориях (0,83 в 2023 году и 0,9 – в 2024 году).

Следует отметить положительную ежегодную динамику роста финансовых ресурсов, в первую очередь, бюджетных средств, направляемых на реализацию муниципальных программ.

Общее количество нереализованных мероприятий по всем муниципальным программам в 2025 году составило 31 мероприятие из общего количества 381 мероприятие, что составляет 8,1 %. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости установления причин невыполнения запланированных мероприятий, разработки и реализации предложений по их устранению. Основной причиной невыполнения мероприятий является недостаточное финансирование [5, с.138].

К преимуществам программно-целевого метода управления развитием МО «Город Калуга» можно отнести:

– возможность оптимизации сроков исполнения муниципальных программ, их отдельных этапов и мероприятий, которые зависят от обеспеченности программ всеми видами необходимых ресурсов (материальными, трудовыми, инвестиционными, информационными, финансовыми и др.) за счет перераспределения ресурсов [6, с.491];

– комплексный характер муниципальных программ, позволяющих решать важнейшие для МО «Город Калуга» социально-экономические, экологические, научно-технические, инвестиционные, инновационные, экологические и др.

К основным направлениям совершенствования программно-целевого метода муниципального управления следует отнести:

– совершенствование нормативно-законодательных, методических и организационных аспектов программно-целевого управления с целью повышения их организационной и финансовой мобильности [7, с.462];

– совершенствование кадровой подсистемы, связанной с повышением профессионально-квалификационного и компетентностного уровня

управленческих кадров, участвующих в процессе разработки, утверждения и реализации муниципальных программ;

– изучение позитивного зарубежного опыта использования программно-целевого метода государственного и муниципального управления с целью анализа возможности его адаптации к условиям РФ [8, с.34].

Программно-целевой метод муниципального управления заменил устаревший затратный метод планирования, и априори является более эффективным.

Развитием программно-целевого подхода к организации государственного и муниципального управления является проектный подход, при котором приоритетные муниципальные проекты представляют собой обособленные структурные элементы муниципальных программ.

Одним из важнейших направлений развития и совершенствования программно-целевого метода государственного и муниципального управления является внедрение принципов и методов проектного подхода в процесс разработки и структуру муниципальных программ. В этом случае государственная (муниципальная) программа рассматривается как набор отдельных проектов, а проект рассматривается как продукт декомпозиции мероприятий программы. План проекта, при этом, отличается своей «динамичностью», так как в ходе реализации проекта могут измениться его параметры, что требует внесения оперативных изменений [9, с.117].

При разработке плана проекта рекомендуется использование современных методов – диаграммы Ганта, сетевого планирования и других. Диаграмма Ганта – это инструмент планирования, управления задачами, который придумал американский инженер Генри Гант (Henry Gantt). Выглядит это как горизонтальные полосы, расположенные между двумя осями: списком задач (работ) по вертикали и датами по горизонтали. Для построения диаграммы требуется проект представить в виде перечня задач (работ) в их логической последовательности, определить дату начала и длительность или прогнозируемую дату окончания задачи (выполнения работы) [10, с.75].

В практику муниципального управления МО «Город Калуга» осуществляется внедрение принципов и методов проектного подхода. В настоящее время МО «Город Калуга» участвует в реализации 5 национальных проектов (табл. 12). Финансирование национальных проектов в 2025 году (исполнение на 01.01.2026) предусмотрено 4667,8 млн руб., освоено 4616,1 млн руб. (исполнение 98,9%), из них средства:

- средства федерального бюджета: план - 1 098,2 млн руб. (23,8%); факт – 1097,8 млн руб. (исполнение 100,0%),
- средства регионального бюджета: план – 3355,5 млн руб. (71,6%); факт – 3304,1 млн руб. (исполнение 98,5%),
- средства муниципального бюджета: план – 214,2 млн руб. (4,6%); факт – 214,2 млн руб. (исполнение 100,0 %).

1. Национальный проект «Демография»

Финансирование: план– 348,0 млн руб.; факт исполнения – 347,4 млн руб. (99,8%), из них 0,6 млн руб. средства муниципального бюджета (0,2%).

Результаты:

1. По мероприятию «Финансовая поддержка семей при рождении детей» количество получателей по 4-м видам субсидий за 2023 год составило 3666 чел.

2. По мероприятию «Поддержка организаций и приобретение спортивного оборудования и инвентаря»: осуществлено для двух школ г. Калуги.

2. Национальный проект «Жилье и городская среда»

Финансирование: план– 1614,8 млн руб.; факт исполнения – 1564,1 млн руб. (96,9%), из них 20,6 млн руб. средства муниципального бюджета (1,3%).

Результаты:

1. По мероприятию «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда» расселено 57 домов (627 помещений, общей площадью 21 382,86 кв. м.).

2. По мероприятию «Строительство (реконструкция) объектов социальной инфраструктуры» выполнены следующие работы:

2.1 Строительство автомобильной дороги к объекту строительства «Комплекс зданий, строений, сооружений КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Физическая готовность объекта – 77,6 %.

2.2 Строительство ливневой канализации к объекту строительства «Комплекс зданий, строений, сооружений КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана. Физическая готовность объекта – 100%.

2.3 Реконструкции самотечного коллектора КТЗ. Физическая готовность объекта – 100 %

По мероприятию «Формирование современной городской среды» осуществлено благоустройство территории Яченского водохранилища. Физическая готовность объекта – 100 %.

3. Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги»

Финансирование: план - 105,3 млн руб.; факт исполнения – 105,3 млн руб. (100,0%), из них 5,3 млн руб. средства муниципального бюджета (5,0%).

Результаты:

По мероприятию «Финансовое обеспечение дорожной деятельности» отремонтировано 5 автомобильных дорог общей протяженностью 4,6 км.

4. Национальный проект «Образование»

Финансирование: план - 1 938,3 млн руб.; факт исполнения – 1938,0 млн руб. (100%), из них 187,1 млн руб. средства муниципального бюджета (9,7%).

Результаты:

1. По мероприятиям «Создание новых мест в общеобразовательных организациях и оснащение» приобретено здание школы на ул. Ермоловская (мкр. Кубяка) и оснащено необходимым оборудованием.

2. По мероприятию «Патриотическое воспитание» организована деятельность советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в общеобразовательных организациях.

5. Национальный проект «Экология»

Финансирование: план – 661,4 млн руб., факт исполнения– 661,4 млн руб. (100%), из них 0,7 млн руб. средства муниципального бюджета (0,1%).

Результаты:

По мероприятию «Ликвидация несанкционированных свалок» ведутся работы по рекультивации полигона ТБО г. Калуги.

Физическая готовность объекта – 47,9 %.

Национальные проекты, реализуемые на территории муниципального образования «Город Калуга» без участия муниципального финансирования:

- Национальный проект «Здравоохранение».

- Национальный проект «Цифровая экономика» реализуется министерством цифрового развития КО. Цель проекта – цифровая трансформация.

- Национальный проект «Наука и университеты» реализуется ВУЗами региона.

- Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» реализуется министерством культуры и туризма Калужской области.

Как показал проведенный анализ структуры и содержания реализуемых в МО «Город Калуга» в 2025 году проектов, в них отсутствуют такие рекомендуемые к практическому внедрению с 01.01.2026 года понятия, как контрольная точка проекта, а также отсутствуют проекты, разработанные и структурированные в форме сетевой модели.

Можно сделать однозначный вывод о том, что одним из основных современных инструментов, обеспечивающих повышение эффективности и качества муниципального управления, является внедрение и постоянное совершенствование программно-целевого подхода при организации муниципального управления. Можно констатировать рост эффективности реализации муниципальных программ, реализуемых в МО «Город Калуга» в течение анализируемого периода времени. В то же время присутствует формальность оценки эффективности, связанной с большим количеством показателей (индикаторов) программ, зачастую несвязанных с документов стратегического планирования.

Недостаточно высок уровень качества отдельных муниципальных программ, о чем свидетельствуют недостатки структуры программ: нелогичность построения, несоответствие отдельных структурных элементов программ, несоответствие детальных план-графиков общей структуре программ и т.п. В этой связи при разработке муниципальных программ и их структурировании рекомендуется более широко использовать логику и инструменты сетевого планирования и управления, в том числе для оптимизации основных параметров сетевой модели как по срокам, так и по ресурсам [11, 312].

К системным недостаткам реализуемых муниципальных программ также можно отнести:

– несоответствие документам стратегического планирования,
– неконкретность целей, несогласованность целей и задач,
– значительное количество оценочных показателей.

К основным направлениям совершенствования программно-целевого метода муниципального управления следует отнести: внедрение структурно-функционального анализа в процесс разработки и реализации муниципальных

программ [12, с.16]. Внедрение структурно-функционального анализа в процедуру разработки муниципальных программ что позволит получить следующие положительные результаты:

– выявить все основные структурные элементы анализируемого процесса или явления, описать их функциональное назначение, дать количественную (качественную) характеристику. Таким образом, структурно-функциональный подход к анализу изучаемого процесса или явления позволяет построить их комплексную информационную модель, которая лежит в основе обоснования приоритетных направлений развития;

– количественное описание структурных элементов позволяет выявить набор индикаторов (показателей) развития отдельных структурных элементов процесса (явления), имеющих существенное значение для оценки эффективности;

– структурно-функциональная модель позволяет уточнить процесс декомпозиции поставленной стратегической цели развития процесса (явления).

Совершенствование методической основы разработки муниципальных программ и проектов в соответствии с рекомендациями Министерства экономического развития РФ будет способствовать унификации процесса разработки и мониторинга хода реализации муниципальных программ и проектов, а также повышению их гибкости (появится возможность актуализации и до- планирования).

Список использованной литературы

1. Балашов А.И. Рогова Е.М. Тихонова М.В. Ткаченко Е.А. Управление проектами. Учебник и практикум для СПО. / А.И. Балашова, Е.М. Рогова, М.В. Тихонова, Е.А. Ткаченко // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва), 2020. – 383 с.

2. Бельчик, Т.А. Проектное управление: учебно-методическое пособие / Т.А. Бельчик. – Кемерово: КемГУ, 2020. – 78 с.

3. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти / А.И. Васильев, С.Е. Прокофьев // Финансовый университет Москва, 2018 – 8 с.

4. Гегедюш Н.С. Проектное управление в органах власти / Н.С. Гегедюш //Гриф УМО ВО, 2018. – 186 с.

5. Ильин В.В. Проектный менеджмент: практическое пособие / В.В. Ильин // Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018. – 266 с.

6. Круглов В.Н. Инструменты государственного регулирования инновационного развития региона. // Финансовая экономика. – 2019. – №1. – с.489-491. – ISSN 2075-7786.

7. Круглов В.Н., Тютин Д.В. Региональный опыт борьбы с бедностью: поиски и находки. Управленческий учёт. – №3. – 2021. – с. 462-471. – ISSN 1814-8476.

8. Круглов В.Н., Харчикова Н.В. Бизнес-анализ планово-прогнозных динамических показателей субъектов хозяйственной деятельности: учебное пособие / В.Н. Круглов, Н.В. Харчикова; под общ. ред. В.Н. Круглова. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – 180 с. – ISBN 978-5-466-02818-8.

9. Круглов В.Н., Косогорова Л.А., Левинзон В.С. Инновационная составляющая роста качества жизни территориальных и отраслевых кластеров Российской Федерации. Монография / Под общ. ред. В.Н. Круглова. – Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос») – 2022. – 134 с. – ISBN 978-5-907460-88-1.

10. Мигел А.А., Трутнева Н.Ю. Анализ благосостояния населения России. Сборник. Экономика региона: новые вызовы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. – 2018. – с.71-76.

11. Островская В.Н. Управление проектами: учебник для вузов / В.Н. Островская, Г.В. Воронцова, О.Н. Момотова. – 3-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2021. – 400 с.

12. Преображенская, Т.В. Управление проектами: учебное пособие / Т.В. Преображенская, М.Ш. Муртазина, А.А. Алетдинова. – Новосибирск: НГТУ, 2018. – 123 с.

3.5. Пространственное развитие Архангельской области в историческом сознании послевоенного поколения жителей региона[14]

Проблема пространственного развития как объекта исторического сознания общества приобретает значение в контексте развития постсоветских стран, где радикальные реформы 90-х годов XX в. продолжают формировать коллективные представления о справедливости, государственной ответственности и социальном порядке. Современные исследования демонстрируют, что воспоминания о переходном периоде не сводятся к простой оценке успешности или провальности реформ, однако может формировать глубинные культурные коды, влияющие на политические предпочтения и экономическое поведение населения [10, 12]. Исследования исторического сознания и исторической памяти о пространственном развитии территорий базируются на синтезе теории коллективной памяти, социологии культуры и политической экономии.

Серьезным концептуальным достижением стало введение в оборот понятия «экономические воспоминания» («economic memories»), или биографических нарративов, через которые индивиды постигают опыт структурных изменений через жизненные обстоятельства трудовых траекторий, социальной мобильности, моральной оценки справедливости. В работе Т. Хильмара [10] выделяется несколько типов «экономических воспоминаний»: от нарративов мобильности и самореализации до нарративов потери статуса и несправедливости, подчеркивая, что память о трансформации встроена в повседневную моральную экономику населения.

Ряд работ исследует долгосрочные социально-экономические следы пространственных трансформаций, которые сами становятся объектом интерпретаций и политических споров. В работе М. Бёйки [7] о динамике политической революции и экономической трансформации в Восточной Германии подчеркивается, как образ Treuhandanstalt (Трастовое агентство, созданное в Восточной Германии для управления процессом приватизации государственной собственности после падения Берлинской стены) превратился в «негативный миф» и символ несправедливой капиталистической системы, активно используемый в популистской политике. В этом ключе экономические решения 1990-х закрепляются в форме культурной травмы и коллективного образа «обманутого Востока».

Отдельную линию представляют исследования исторической памяти о более поздних кризисах. В статье Т. Хеффернана рассматривается, как после коллапса банков в 2008 г. исландские протестные движения формировали нарративы «публичного свидетельствования» и солидарности, переосмысляя кризис как моральный урок и часть коллективной идентичности, а не только как экономический шок [9].

Отечественная научная традиция опирается на концепции исторического сознания и исторической политики, акцентируя внимание на роли государства в формировании канонических нарративов и на противоречивости представлений

[14] Автор раздела: Тамицкая Е.Н.

разных поколений людей. При этом признается необходимость учета не только институциональных дискурсов, но и повседневных практик памяти, локальных «мест памяти» и культурных репрезентаций.

В российской социологии заметен пласт работ, которые прямо связывают деструкцию советской системы, рыночные реформы и конфигурацию исторической памяти. В работе социолога Е. Рождественской [5] на основе массовых опросов и анализа нарративов представителей разных социальных групп показано, что в массовом сознании 90-е гг. прошлого столетия закрепляются как эпоха радикального риска и социальной неуверенности, но также и как время новых шансов для части предпринимательских групп. Историческая память о 1990-х структурирует сегодняшние границы допустимого: что считается «справедливой» реформой, насколько допустимо неравенство, как воспринимаются государственные гарантии.

Научное исследование регионального кейса Куйбышевской области [1] в 1990–1991 гг. на материале писем и обращений граждан из региональной газеты «Волжская коммуна» исследует повседневное переживание граждан от разрушения советских институтов, фиксируя противоречивость ожиданий: от надежды на улучшение до страха перед безработицей.

Отдельным направлением исследований становится тема памяти о советском социальном государстве как фон для оценки постсоветских трансформаций. Позитивная оценка советского периода, особенно событий Великой Отечественной войны, отдельных политических лидеров (например, И.В. Сталина) во многом обусловлено текущей ситуацией нарастания социально-экономической дифференциации, негативных эффектов процесса оптимизации социальной инфраструктуры, снижения реальных доходов граждан [6, С. 23]. Идеи советской справедливости и «правильного социального устройства» влияют на представления о будущем, при этом оценка современных реформ и неравенства происходит через сравнение с этим воображаемым эталоном [3].

Анализ имеющейся литературы (мы не ставили перед собой задачу представить все имеющиеся работы) позволяет утверждать о том, что историческое восприятие социально-экономической трансформации представляет собой сложный феномен, включающий биографические нарративы, культурные репрезентации, институциональные практики и нормативные оценки.

Для аналитического понимания проявления пространственного развития в личных историях жителей Архангельской области необходимо определить само понятие исторического сознания, поскольку оно обычно применяется в научных работах без необходимой теоретической ясности.

Социальный феномен исторического сознания может быть описан как продукт прошлого, передаваемый в совокупности знаний, представлений, чувств и поведения, которые проявляют взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим при развитии социальных субъектов. Это не случайный выбор термина «конструкт»; он подчеркивает, что историческое сознание как целостная сущность не может быть установлено каким-либо иным способом. Скорее может

быть выведено из эмпирически наблюдаемых качеств и идей, которые обладают способностью их реконструировать. То есть, мы сталкиваемся при анализе личных нарративов информантов не с чистым историческим сознанием как таковым, но с его выражениями в памяти, в оценочных суждениях, в эмоциональных реакциях, в стратегиях адаптации.

Характер исторического сознания является конкретно-историческим, или оно всегда изменяется в зависимости от исторической эпохи и обстоятельств общественного развития. Различные периоды истории создают свои отличительные черты исторического сознания: восприятие прошлого людьми, события, которые они считают важными, уроки, которые они извлекают из истории – все это различается в зависимости от ситуации, в которой живет человек, и требований общества. По мнению Ю.А. Левады, существует разнообразие форм исторического сознания на различных этапах его эволюции [2]. В рамках нашего исследования необходимо отметить, что историческое сознание послевоенного поколения, которое развивалось в условиях стабильности советского режима и плановой экономики, неизбежно должно было измениться, когда оно столкнулось с радикально иной реальностью 1990-х годов.

Важной особенностью исторического сознания является то, что изменения в нем не могут быть описаны без обращения к социальным процессам, которые происходят. Изменение исторического сознания является своего рода пониманием индивидом тех социальных изменений, которые он переживает. Вспоминая падение градообразующих предприятий и разрушение экономики, переосмысливают свой прошлый опыт через призму новой реальности: стабильность советской эры представляется им еще более ценной, т.к. они ощутили ее утрату. Таким образом, историческое сознание является инструментом смыслообразования, который позволяет людям и обществу включать травматический опыт в связное историческое повествование.

Форма исторического сознания может быть выражена в виде сочетания двух измерений: объектов, на которые ориентировано историческое сознание, и элементов, из которых оно состоит. Объектами являются: прошлое во всем многообразии его проявлений, события, фигуры и процессы прошлого; отношение прошлого к настоящему и будущему, осознание того, что прошлое обусловливает или вызывает настоящее; воспроизведение прошлого в настоящем и в культурных практиках и традициях.

Историческое сознание включает следующие элементы. Первое, факт исторического познания, или когнитивное отношение к исторической реальности, средства приобретения знаний о прошлом. В контексте анализа это может быть продемонстрировано описанием информантами фактов советского периода, экономической роли предприятий и механизмов функционирования советской системы. Основа познания в данном случае часто базируется не на научно-историографических источниках, а на индивидуальном опыте и личных повествованиях людей.

Второе, результат процесса познания, или историческое знание как совокупность представлений, фактов и оценочных суждений об историческом

прошлом. Знание о прошлом в наших интервью проявляется в том, насколько люди описывают советскую экономику как экономически предсказуемую, в какой степени предприятия играли свою роль в жизни поселения, и в причинах краха.

Третье, эмоционально-аффективный элемент исторического сознания, или историческое чувство, которое может выражаться в форме ностальгии, горечи, разочарования и надежды на будущее. Возможна амбивалентность исторических чувств, т.е., с одной стороны, есть привязанность к той или иной эпохе и страдание в результате ее утраты, с другой, при этом возможно критическое отношение к некоторым чертам этой эпохи.

Четвертое, историческое сознание в человеческом поведении, или в их выборах и действиях. Это может быть выражено в участии в мемориальных практиках, передаче исторических знаний более молодому поколению, предпринимаемых усилиях по сохранению некоторых аспектов прошлого образа жизни или, напротив, в адаптивных инновациях.

Таким образом, двумерность исторического сознания позволяет одновременно рассматривать, на какие объекты ориентировано сознание социального субъекта (прошлое, настоящее, будущее в их взаимосвязи), и в каких элементах они выражаются (познание, знание, чувства, поведение).

Понятия исторического сознания и исторической памяти не всегда четко разграничиваются в научной литературе. Тем не менее, эти два феномена не являются одним и тем же, хотя они тесно связаны.

В более узком смысле историческая память – это ментальная способность субъектов сохранять память о пережитом опыте. Это спонтанный феномен, который зависит от индивидуальной способности вспоминать события, в которых человек участвовал или которые наблюдал. Историческая память, таким образом, является необходимым предшественником развития исторического сознания, хотя и не является тождественной ему.

Архангельская область представляет собой уникальный случай радикальной социально-экономической трансформации, произошедшей в течение в 1990-е г. В большинстве своем муниципальные образования региона (к примеру, Онежский, Мезенский, Приморский районы), на протяжении советского периода функционировали как монопрофильные территории, экономика которых целиком зависела от лесозаготовительной отрасли, морского и речного промысла, морских портов. Крах плановой экономики привел к закрытию градообразующих предприятий, что спровоцировало цепную реакцию социально-экономических изменений, затронувших буквально все аспекты жизни местного населения.

Цель настоящей главы монографии – проанализировать многогранное влияние деиндустриализации на пространственное развитие территории, их социальную структуру, экономику и мировоззрение населения Архангельской области через призму личных свидетельств жителей. Личные нарративы позволяют выявить экономические потери и психосоциальные последствия деиндустриализации, проявляющиеся в форме коллективной травмы и различных стратегий адаптации к новой реальности.

Исследование проведено методом глубинного полуструктурированного интервью среди жителей Архангельской области на тему «Культурная память населения арктических районов Архангельской области» (9 информантов в возрасте от 57 до 71 лет в 2018 году) и «Ландшафт памяти северных территорий современной России» (11 информантов в возрасте от 52 до 67 лет в 2019 году). Выборка включила как мужчин, так и женщин, проживающих в регионе. Основной метод анализа – тематическое кодирование материалов транскриптов интервью с выделением, повторяющихся тем, касающихся исторического сознания, стратегий выживания и восприятия будущего.

В настоящей работе использован поколенческий подход в социологии (В.В. Радаев) для определения хронологически маркируемых социальных общностей, обладающих уникальным историческим сознанием. Применительно к настоящему исследования в фокусе внимания находилось поколение, которое родилось в послевоенный период (1947-1967 гг. рож.), или поколение «застоя», взрослевшее в годы брежневского застоя (1964–1984) [4, С. 18].

Анализ советского прошлого имеет стратегическое значение для понимания текущей ситуации в Архангельской области. Воспоминания жителей об этом периоде служат не просто ностальгическим фоном, а ключевой точкой отсчёта для всех последующих изменений. Возможно, именно этот опыт формирует их современные ожидания, оценку реальности и представления о справедливом общественном устройстве. Период стабильной занятости и крепких социальных связей, как его представляют информанты, позволяет оценить масштаб потерь, понесённых регионом в постсоветскую эпоху.

В воспоминаниях изучаемого поколения советский период предстает как эпоха полной экономической предсказуемости, выстроенной вокруг нескольких промышленных гигантов. Основой жизни целых районов были ключевые предприятия. Жительница Мезенского района (56 лет) отмечает экономическую роль основных предприятий в жизни местности. Работа на этих предприятиях, а также в многочисленных лесозаготовительных поселках, «обеспечивала не просто доход, но и уверенность в завтрашнем дне».

Как вспоминает житель Онежского района (58 лет): «стабильная занятость в лесном поселке позволяла планировать жизнь на долгие годы». Вся жизнь была подчинена ритму производства, четкому расписанию работы предприятия.

Экономика региона представляла собой классическую монопрофильную модель, где благополучие целых населенных пунктов и тысяч семей напрямую зависело от состояния одного-двух районообразующих производств. Такие монофункциональные территории представляют особый социально-экономический тип территориальной организации, где предприятие выступает не только как производственная единица, но и как главный институт социализации и организации общественной жизни. Такая система могла гарантировать занятость и формировала жизненные траектории для нескольких поколений жителей, однако одновременно создавала структурную уязвимость территории перед лицом потенциальных колебаний в функционировании градообразующего предприятия.

Экономическая стабильность советского периода напрямую транслировалась в социальную сферу. Крупные предприятия выступали не только работодателями, но и центрами общественной жизни, обеспечивая социальную инфраструктуру. Жительница Приморского района (67 лет) вспоминает, как завод содержал местный дом культуры, который был ядром культурной жизни поселка: «завод содержал культурную жизнь». Такой патерналистский подход был характерен для советской модели управления, где государство через предприятие-работодателя брало на себя ответственность за воспроизводство социального капитала. Этом ключе предприятие финансировало не только основное производство, но и сеть культурных, спортивных, образовательных и медицинских учреждений, что делало рабочие поселки фактически замкнутыми социальными системами.

Такая централизованная модель формировала особую социальную ткань, основанную на чувстве общности и взаимопомощи. Примечательно, что даже в рабочих поселках, где рабочий был «вербованный, свезённый с полстраны» (муж., 58 лет, г. Онега), сохранялись прочные добрососедские связи. Как отмечает информант: «помогать друг другу – помогали там до самого конца посёлка» (муж., 58 лет, г. Онега), указывая на то, что материальная помощь была важной практикой в условиях советского быта. Таким образом, патерналистская роль предприятия выступала главным механизмом формирования целостной социальной идентичности в поселениях.

1990-е годы стали для Архангельской области, как и для многих северных территорий страны в целом, переломным моментом, ознаменовавшим начало непростого процесса деиндустриализации. Крах централизованной плановой экономики привел к остановке градообразующих предприятий, что вызвало цепную реакцию, затронувшую все сферы жизни. Экономический шок жители описывают через призму личной трагедии, связанной с потерей работы и привычного уклада жизни. Закрытие системообразующих производств стало символом конца целой эпохи. Жительница Мезенского района (56 лет) с горечью констатирует относительно закрытия промышленных предприятий своего района: «экономическое благополучие было безвозвратно потеряно».

Особенно тяжелые последствия это имело для лесных поселков, существование которых было полностью завязано на лесозаготовках. После того как лес был вырублен, эти населенные пункты, по выражению одного из информантов, попросту «погибли» (муж., 58 лет., г. Онега). Прямым следствием этих событий стал кризис монопрофильной структуры занятости, приведший к утрате профессиональной идентичности для целых поколений. Рыночный переход сопровождался структурной трансформацией занятости, ростом рисков потери работы и нисходящей мобильности, что приводило к падению ранее достигнутых статусных позиций и формированию новых низовых слоёв, при том, что советская система задавала относительно жёстко очерченную статусную иерархию [8]. Жители Архангельского Севера потеряли не только работу, но и социальное место в обществе, что трансформировало их из «рабочих лесной промышленности» в «безработных» или «вынужденных предпринимателей».

В условиях экономического коллапса население было вынуждено вырабатывать собственные стратегии выживания. Рассказы информантов свидетельствуют о возврате к практикам, характерным для доиндустриального общества. Жительница Приморского района (67 лет) вспоминает о многомесячных задержках зарплаты и о том, как завод выдавал продуктовые пайки: «на неделю 300 грамм масла, килограмм песку». Для многих семей основным источником пропитания стало натуральное хозяйство. Как отмечает житель Мезени (53 года), в трудные годы основными занятиями стали «рыбалка, охота». При этом он добавляет деталь, иллюстрирующую конфликт между необходимостью выживать и нормативными ограничениями: «мы ведь живем у реки, рыбу ловим с оглядкой. Все какие-то запреты... вырываемся, оглядываемся, чтобы поймать себе... Мы не на продажу, мы себе, чтоб выжить». Эти стратегии были не экономическим выбором, а вынужденной социальной адаптацией к кризисной ситуации, которая отбросила экономику региона на десятилетия назад.

Долгосрочные последствия деиндустриализации вышли далеко за рамки чисто экономических проблем. Закрытие предприятий привело к стремительному разрушению социальной инфраструктуры, которая ранее ими поддерживалась. Одним из символов этого упадка стал снос дома культуры, о котором рассказывает информант из Приморского района (67 лет). Здание, бывшее центром общественной жизни, оказалось ненужным и было разобрано, что ознаменовало закат организованного досуга в поселке: «дом культуры снесли». Разрушение этого культурного символа следует рассматривать не просто как финансовую проблему, но как исчезновение материальной основы коллективной памяти.

Экономический кризис спровоцировал рост социальных проблем. Отсутствие работы и перспектив, особенно среди молодежи, приводило к распространению алкоголизма. Один из жителей Мезени (53 года), размышляя о причинах пьянства среди молодых людей («им нечем заняться»), приходит к выводу, что молодежь страдает от отсутствия целей и социальной включённости. Таким образом, экономический кризис привел к глубокому и необратимому разрушению привычного социального уклада, создав предпосылки для затяжной демографической и ценностной депрессии.

Анализ текущей ситуации и будущего региона глазами его жителей выявляет сложную картину, в которой смешаны пессимизм, связанный с объективными трудностями, и надежда, основанная на потенциале территории и гражданской активности.

Ключевой проблемой современного Архангельского Севера остается рынок труда. Жители отмечают острую нехватку рабочих мест, особенно для молодежи, что провоцирует ее отток в более крупные города. Жительница п. Каменка Мезенского района (56 лет) делится: «Многие наши дети даже хотели бы вернуться [...], но нет работы, поэтому надо где-то создавать рабочие места». При этом существует понимание, что возврат к старой индустриальной модели невозможен. Как отмечает информант из Онеги (муж., 52 года), современные

высокотехнологичные производства, даже если появятся, не решат проблему занятости: «возьмут в него 10 человек, всё».

В условиях упадка промышленности многие жители видят потенциальную точку роста в развитии туризма, который на практике используют многие дезиндустриализирующиеся регионы. Однако их взгляд на эту перспективу остается двойственным. Информанты отмечают уникальную северную природу (море, лес, река) и сохранившиеся объекты культурного наследия (деревянные храмы) как главные точки притяжения для туристов. Однако они же указывают на серьезные барьеры: отсутствие качественных дорог и сквозных маршрутов, что «делает путешествия долгими и дорогими» (муж., 52 года, г. Онега). Высокие затраты для туристов: логистические трудности ведут к удорожанию турпродукта и ограничивают количество потенциальных посетителей.

Взгляды опрошенных жителей на будущее своих районов полярны. С одной стороны, присутствует прагматичный пессимизм. Согласно этой точке зрения, лучшим сценарием является стабилизация при более низком уровне численности населения, без реальных перспектив для роста. С другой стороны, жива надежда на возрождение. Некоторые связывают ее с фундаментальным изменением ценностных ориентиров – переходом от «человека-потребителя» к «человеку-созидателю». Эта надежда, хотя и кажется на первый взгляд утопичной, но опирается на наличие в обществе социального потенциала для развития, основанного на гражданской активности.

Эта надежда подкрепляется наглядными примерами инициатив снизу. Один из жителей Приморского района (жен., 67 лет) рассказывает об усилиях местных активистов по созданию спортивного комплекса на бесплатной основе. Исследование гражданского общества показывает, что такие инициативы свидетельствуют о возможности самоорганизации и мобилизации местного развития при наличии соответствующих условий [11].

Изучение личных свидетельств жителей Архангельской области позволит нам выйти за рамки показателей формальной экономики и обнаружить скрытые процессы социальных изменений. Личные рассказы информантов демонстрируют, насколько глубока социальная травма, которая не отражается в отчетных материалах, но определяет социальное благополучие сообщества и препятствия на пути его развития.

Исследование региональной политики сегодня показывает, что процесс преобразования моногородов из городов, где расположены заводы, в города, где живут люди, требует не только экономических инвестиций в регион, но и вовлечения жизненного опыта жителей в процесс пространственного развития. Жители севера демонстрируют глубокое понимание своих проблем и возможных направлений развития, но возможность использования этого ресурса недооценивается. Предложения, которые предоставили жители, подтверждают туристический потенциал, который наблюдался на успешных примерах развития сельского туризма в других регионах. Тем не менее, для реализации этого потенциала необходим системный подход.

Таким образом, анализ материалов интервью через призму исторического сознания позволяет увидеть, что происходящие в Архангельской области

процессы – это не просто процесс пространственного развития, экономической трансформации, но фундаментальная переконструкция того, как сообщество понимает свое место в истории, свою идентичность и свое будущее. Историческое сознание выступает здесь не пассивным отражением экономических изменений, а активным инструментом смыслообразования, через который люди пытаются справиться с травмой разрушения и найти новые основания для социального единения и коллективного действия.

Кризис моноотраслевой экономики приводит не только к предсказуемому экономическому спаду, но и к глубокой социальной травме. Она связана с утратой коллективной идентичности, разрушением привычных социальных связей и чувства общности. Такие последствия не попадают в обычные статистические данные, но именно они определяют социальное благополучие населения и создают долгосрочные препятствия для развития. Социальная травма интегрируется в историческое сознание и может воспроизводиться на межпоколенческом уровне, влияя на мировоззрение молодого поколения.

Свидетельства жителей выявляют наличие больших потенциальных возможностей развития на основе местных инициатив и гражданского участия. Тем не менее, этот потенциал должен быть лучше использован при реализации общих программ экономического развития региона.

Перспективы развития Архангельской области лежат на пути создания многофункциональной экономики, которая сумела бы сбалансировать сохранение природных ресурсов с их экономическим использованием, традиционные ценности с современными амбициями молодежи, государственную поддержку с инициативой гражданского общества.

Список использованной литературы

1. Захарченко А. В., Кирдяшев М. С., Панкеева К. В. На заре «Эпохи 1990-х»: общественные настроения жителей Куйбышевской области в 1990–1991 гг. в контексте социальной истории России // Самарский научный вестник. 2018. № 4 (25). С. 89–94.

2. Левада Ю.А. Лекции по социологии [Электронный ресурс]/ Ю.А. Левада. - М.: 1969. - С. 192-193 – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа : http://www.levada.ru/sites/default/files/lekcii_po_sociologii.pdf, свободный (дата обращения 03.12.2024).

3. Лубяной М. С., Самсонов А. И., Фоменков А. А. Образ будущего и справедливое социальное устройство: общественное мнение нижегородцев в 2022 году // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5 (62). С. 30–41. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.5.30–41.

4. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

5. Рождественская Е. Социальный контракт в эпоху 90-х // INTER. 2019. №18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-kontrakt-v-epohu-90-h (дата обращения: 12.01.2026).

6. Титов В. В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 3. С. 20–24.

7. Böick M. In from the socialist "cold," but burned by the capitalist "heat"? The dynamics of political revolution and economic transformation in Eastern Germany after 1990 // Sustainability: Science, Practice and Policy. 2020. Vol. 16, № 1. P. 143–154.

8. Gerber T., Hout M. Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // American Sociological Review. 2004. Vol. 69. P. 677–703.

9. Heffernan T. Crisis and Belonging: Protest Voices and Empathic Solidarity in Post-Economic Collapse Iceland // Religions. 2020. Vol. 11, № 1. Article 22. DOI: 10.3390/rel11010022.

10. Hilmar T. "Economic Memories" of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic // East European Politics and Societies. 2021. Vol. 35, № 1. P. 89–112. DOI: 10.1177/0888325420902248.

11. Seyfang G., Smith A. Grassroots innovations for sustainable development: Towards a new research and policy agenda // Environmental Politics. 2007. Vol. 16. P. 584–603.

12. Smagambet B., Tlespayeva A., Musabayeva A. Social Memory: From Oblivion or Construction to Cultural Trauma // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2021. Vol. 13, № 2. DOI: 10.21659/rupkatha.v13n2.48.

ГЛАВА 4. РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПОДХОДЫ[15]

4.1. Теоретические основы и мировой опыт ресурсного обеспечения развития аграрного производства

В современном мире сельское хозяйство по-прежнему относится к числу базовых сфер экономики, обеспечивая население продовольствием, доходами и рабочими местами. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), в аграрной сфере трудится значительная часть жителей планеты – порядка двух третей населения, при этом на данный сектор приходится заметная доля совокупного мирового ВВП и внешнеторгового оборота.

Земельные ресурсы вовлекаются в сельскохозяйственный оборот в разных формах: около десятой части общей площади земель используется для выращивания сельскохозяйственных культур, ещё примерно четверть территорий отводится под пастбища и угодья для животноводства.

По состоянию на 2025 год агропромышленный комплекс формирует несколько основных товарных групп, включающих продовольственные товары, сельскохозяйственное сырьё, волокнистые культуры, а также различные виды продукции, используемой в качестве топливно-энергетических ресурсов.

Указанные потоки формируются, прежде всего, в ограниченном круге государств, которые входят в число крупнейших мировых экспортёров аграрной продукции.

К числу ведущих участников мирового агроэкспорта относится Китайская Народная Республика. При владении примерно 7% мирового фонда пашни страна обеспечивает продовольствием около 22% населения Земли. На протяжении XX века для Китая принципиальным вопросом оставалось достижение продовольственной безопасности, что предопределило приоритетное развитие аграрной политики и модернизацию сельскохозяйственных технологий.

В результате в XXI веке аграрный сектор КНР характеризуется устойчивым, во многом самодостаточным развитием. В структуре китайского агроэкспорта доминируют рис (по производству которого страна занимает первое место в мире), кукуруза, просо, хлопок, соевые бобы, пшеница и сорго. Значительная часть земель вовлечена в сельскохозяйственный оборот, орошаемые площади достигают 545960 кв. км. Несмотря на утрату около 15% плодородных земель после 1949 года и ограниченность пригодных для земледелия территорий (порядка 10–15% площади страны), аграрное производство поддерживается за счёт интенсивных технологий, в том числе выращивания овощей на крышах зданий и использования вертикальных систем земледелия.

Соединённые Штаты Америки традиционно рассматриваются как один из

[15] Автор главы: Нехайчук Д.В., Нехайчук Ю.С., Павленко И.Г.

наиболее технологически развитых аграрных производителей. В стране широко применяются научные методы анализа состава почв, высокотехнологичное оборудование и цифровые решения в управлении сельскохозяйственными процессами, что способствует высокому уровню механизации и автоматизации.

Подобная технологическая база обеспечивает устойчивый рост производительности аграрного сектора и формирует лидирующие позиции США в области аграрных инноваций. В структуре экспорта США заметную долю занимают поставки кукурузы (порядка 247,9 млн т), соевых бобов (около 74,6 млн т), пшеницы (примерно 69,3 млн т), а также ряда других культур, среди которых картофель, сахарный тростник, кофе, сорго, сахарная свёкла и бананы. Начиная с 1990 года американский аграрный сектор демонстрирует стабильный ежегодный рост примерно на 5%, при этом показатель производительности труда одного фермера увеличивается в среднем на 0,84% в год. Согласно данным сельскохозяйственной переписи 2007 года, в Соединённых Штатах насчитывается около 2,2 млн фермерских хозяйств, различающихся по размерам и специализации. Кроме того, США входят в число крупнейших мировых поставщиков древесины: в их пользовании находится около 70% национальных лесных ресурсов.

Бразилия исторически относится к числу наиболее значимых аграрных держав и традиционно опирается на сельское хозяйство как на важный источник поддержки национальной экономики. Около 41% территории страны задействовано в агропромышленном производстве: при общей площади порядка 2,1 млрд акров под возделывание и орошение используется приблизительно 867,5 млн акров. Аграрные традиции на данной территории насчитывают более 12 тыс. лет, включая культивирование сахарного тростника, кукурузы, сладкого картофеля и арахиса. В структуре бразильского экспорта выделяются сахарный тростник, соевые бобы (страна является вторым по величине мировым экспортёром), кофе (лидирующие позиции по экспорту), крупный рогатый скот, этанол и цитрусовые, прежде всего апельсины, доля которых достигает 13% мирового рынка. Ежегодный объём производства сахарного тростника в Бразилии оценивается примерно в 600 млн тонн, а более 7% территории страны используется под посевы сои, значительная часть которой ориентирована на внешний рынок.

В Индии аграрный сектор играет центральную роль как в экономике, так и в социальной сфере: значительная часть доходов домохозяйств формируется за счёт сельскохозяйственной деятельности, которая остаётся основным источником средств к существованию примерно для половины населения страны. Вклад сельского хозяйства и связанных с ним видов деятельности во внутренний валовой продукт оценивается в пределах около 17–18%. Индийские хозяйства ориентируются на выращивание разнообразных фруктов и овощей (бананы, цитрусовые, манго, папайя, гуайява, нут и другие культуры), а также на производство и экспорт натуральных специй, включая различные разновидности острого перца, чили и имбиря. К ключевым позициям аграрного экспорта относятся пшеница, рис, зернобобовые, джут, молочная продукция, рыба, яйца, мясо птицы и сушёные фрукты; по ряду из этих товаров страна традиционно

входит в число мировых лидеров по объёмам производства. В последние полтора десятилетия аграрный сектор Индии демонстрирует высокие темпы прироста, а такие направления, как садоводство и животноводство, формируют значительную часть сельскохозяйственного ВВП при обширных орошаемых площадях.

В России под посевы пшеницы, картофеля, сахарной свёклы и других основных культур отведена заметная часть сельхозземель, при этом важную роль играют также посевы овса, ячменя, ржи и иных зерновых. На фоне преобладания промышленного и сырьевого секторов удельный вес сельского хозяйства в структуре ВВП страны сравнительно невелик, а занятость в аграрной сфере составляет лишь часть экономически активного населения. В товарной номенклатуре агроэкспорта ведущее место занимают зерновые (в первую очередь пшеница, кукуруза, овёс, ячмень, рожь), а также продукция растениеводства вроде картофеля и сахарной свёклы. Общая площадь сельскохозяйственных угодий значительна, причём большая их доля используется для выращивания зерновых культур.

Франция относится к числу наиболее развитых аграрных держав Европейского союза и одновременно является крупным производителем и экспортёром сельхозпродукции и продуктов её переработки. На её территории действует сотни тысяч фермерских хозяйств, а заметная, хотя и относительно небольшая по современным меркам, доля населения занята в сельском, лесном и рыбном хозяйстве. Структуру аграрного экспорта формируют как сырьевые товары (зерновые и масличные культуры, сахарная свёкла), так и продукция с высокой степенью переработки – вино, мясо, молоко, сыр и другие пищевые продукты, по ряду из которых Франция занимает лидирующие позиции в ЕС. Ежегодные объёмы производства сахарной свёклы достигают десятков миллионов тонн, причём экспорт вин и алкогольной продукции демонстрировал в последние годы устойчивый рост; вместе с увеличением поставок зерна это позволило компенсировать некоторое сокращение экспорта мясной продукции и в целом обеспечить рост доходов аграрного сектора.

В Мексике сельское хозяйство имеет важное значение для исторического и культурного развития страны и традиционно связано с выращиванием томатов, кукурузы, различных видов перца, бобовых культур и авокадо. Растениеводство формирует заметную часть совокупного объёма аграрного производства, а экспортная корзина включает пшеницу, кукурузу, сахарный тростник, сорго, бобовые, овощи (в том числе острый перец), бананы, а также продукцию животноводства: молоко, яйца, мясо птицы и говядину. Существенное значение имеют поставки сахара, овощей, кофе и тропических фруктов, что подчёркивает многоотраслевой характер аграрного сектора. Более половины территории страны используется для ведения животноводства, а значительная, но меньшая доля земель отводится под посевы, что определяет сочетание развитого скотоводства и растениеводства в национальной аграрной системе.

Японское сельское хозяйство, несмотря на небольшую долю в валовом внутреннем продукте (около нескольких процентов), сохраняет важное социально-культурное значение, поскольку заметная часть населения

продолжает проживать в сельской местности и заниматься фермерством. Поддержание традиционной кухни, основанной на употреблении местных зерновых, овощей, рыбы и дикорастущих растений, стимулирует развитие аграрного производства и сохранение его специфики. В условиях ограниченности земельных ресурсов и роста населения страна делает ставку на интенсивные технологии земледелия, при этом меняется структура спроса: сокращается потребление риса и возрастает интерес к высококачественной молочной и мясной продукции. Основными позициями сельскохозяйственного экспорта являются рис, мясо, рыба, овощи и специи. В то же время площадь обрабатываемых земель за послевоенный период заметно сократилась, что сопровождалось снижением производства зерна и уменьшением уровня продовольственной самообеспеченности с достаточно высоких значений до менее чем половины внутренних потребностей; в ответ на это на государственном уровне поставлена цель поэтапного повышения коэффициента самообеспеченности продовольствием.

Территория Германии примерно на три четверти покрыта сельскохозяйственными землями и лесами, что подчеркивает значимость сельского хозяйства для национальной экономики. Наибольшее количество ферм сосредоточено в западной части страны, где почти девять десятых всех домашних хозяйств имеют земельные участки среднего размера порядка ста двадцати четырех акров. Здесь активно развивается экологически чистое производство продуктов питания. Виноградники процветают главным образом в южной и юго-западной частях государства, особенно вдоль рек. Страна импортирует разнообразные продукты, включая пшеницу, ячмень, капусту, свеклу, говядину, зерно, молочные изделия, птицу, фрукты, вина, солод, свинину и пиво. Для нужд сельского хозяйства используется около двенадцати процентов общей площади страны, обеспечивая занятость миллиона жителей. Агропромышленный комплекс ежегодно приносит доход в размере пятидесяти миллиардов евро, причем тринадцать процентов сельскохозяйственной продукции экспортируется. Немецкое пивоварение также играет важную роль в экономике, занимая лидирующую позицию среди мировых поставщиков напитка.

Турция, несмотря на динамичное развитие промышленности и сектора услуг, продолжает рассматривать сельское хозяйство как один из ключевых элементов национальной экономики. Страна обладает благоприятными агроклиматическими условиями, плодородными почвами и достаточным уровнем атмосферных осадков, что позволяет выращивать широкий спектр сельскохозяйственных культур и обеспечивает практически полную продовольственную самодостаточность.

Структура экспорта Турции включает широкий спектр сельскохозяйственных товаров, среди которых выделяются пшеница, сахарная свекла, молочные продукты, говядина, индюшатина, орехи фундук, сушёный виноград (изюм), свежие плоды фигового дерева (инжир), виноград, табачные листья и абрикосовые плоды. В гористых областях успешно развиваются фермы по разведению домашней птицы, чей вклад составляет около четырнадцати

процентов валового продукта сельского хозяйства; ежегодный прирост поголовья достигает свыше сотни миллионов особей индеек. Среди зерновых преобладает посев пшеницы. Турция удерживает первенство по объёму выращивания орехов фундук, сухофруктов изюма, плодов фикуса (инжира) и фруктов абрикоса, являясь одним из ключевых игроков мирового рынка свежих овощей и винограда, а также выступает значительным производителем табака. В сельском хозяйстве трудоустроены около девятнадцати с половиной процентов трудоспособного населения страны.

Помимо упомянутых стран, существенный вклад в глобальное производство и международную торговлю сельхозпродукцией делают и другие государства. Согласно статистике, представленной Министерством сельского хозяйства Соединённых Штатов Америки, основными производителями продовольствия и сырья являются Аргентина, Румыния, Соединённое Королевство Великобритании, Федеративная Республика Нигерия, Итальянская республика, Эфиопия, Южно-Африканская Республика, Индонезийская республика, Объединённая Республика Танзания, Арабская Республика Египет, Республика Филиппины, Социалистическая Республика Вьетнам и Республика Беларусь.

Аргентина выступает крупным поставщиком мяса, пшеницы и сои, а также шерсти; винодельческая отрасль ориентирована преимущественно на внутренний рынок, однако обладает значительными объёмами производства, в том числе сорта Мальбек, доминирующего по площади насаждений и урожайности.

Румыния славится обширными территориями плодородных почв и вековыми навыками земледельцев, благодаря чему стала одним из ключевых производителей кукурузы мирового уровня. Великобритания сосредоточилась на модернизации агропромышленного комплекса, активно внедряя инновационные решения и продвигая экологически чистое земледелие, используя альтернативные виды топлива. Нигерия лидирует среди африканских стран как крупнейший производитель и потребитель риса, а также известна масштабным производством маниоки.

Итальянские фермеры традиционно специализируются на возделывании подсолнечника, виноградников и оливковых деревьев, обеспечивая высокие урожаи и высокое качество продуктов. Несмотря на трудности, вызванные неблагоприятными природными условиями и недостаточной развитостью инфраструктуры, Эфиопия удерживает позицию второго производителя кукурузы на континенте, параллельно наращивая объемы экспорта высококачественного арабики и хлопка. Южноафриканская республика стабильно входит в пятерку мировых поставщиков зерна, успешно диверсифицируя свою продукцию за счёт поставок сахарной свеклы, вина и экзотических плодов.

Индонезия выделяется мощным аграрным сектором, базирующимся на культивировании риса, широкомасштабном производстве пальмового масла, а также известных всему миру кофе, какао-бобов и ароматной ванили. Танзания демонстрирует стабильные доходы от экспорта аграрной продукции, включая

знаменитые танзанийские сорта кофе, сырьё для тканей, чай и востребованные орехи кешью. Египет, обладая значительным количеством засушливых районов, умело развивает сельскую экономику в отдельных регионах с высокоплодородными землями, поддерживая высокий уровень выращивания и продажи хлопка. Наконец, филиппинские крестьяне занимаются массовым производством основных сельскохозяйственных культур – сахарного тростника, риса и кокосовых орехов, одновременно развиваясь в сфере лесного хозяйства, животноводства и рыбоводства.

Во Вьетнаме около половины населения занято в агропроме, значительная доля ВВП формируется за счёт сельского хозяйства, а ключевой экспортной культурой остаётся рис. Беларусь использует около 40% своих земель под сельскохозяйственное производство; для повышения эффективности была проведена приватизация части фермерских хозяйств. В общем списке ведущих производителей Министерство сельского хозяйства США также отмечает уже рассмотренные страны: США, Китай, Бразилию, Индию, Францию, Россию и Германию.

При изучении структуры глобального потребления сельскохозяйственной продукции особое внимание заслуживает исследование крупных импортеров, определяющих мировые тенденции. Данные анализа, представленные Организацией экономического сотрудничества и развития совместно с Продовольственной организацией ООН (OECD-FAO Agricultural Outlook 2015-2024), а также исследованиями Экономической службы Минсельхоза Соединенных Штатов Америки (ERS, International Long-Term Projections), демонстрируют широкий спектр значимых покупателей сельхозпродукции.

Среди европейских государств выделяются крупные игроки рынка импорта: Бельгия, Британия, ФРГ, Испания, Италия, Голландия, Норвегия, Франция и Швеция. Азиатско-Тихоокеанский регион представлен такими крупными потребителями, как Бангладеш, Вьетнам, Гонконг, Индийская Республика, Индонезия, Исламская Республика Иран, КНР, ОАЭ, Королевство Саудовская Аравия, Тайланд, Турецкая Республика, Южная Корея и Страна восходящего солнца. Африку представляют два важнейших покупателя – Алжир и Египет, тогда как Северная Америка представлена Соединёнными Штатами и Мексиканскими штатами. Латиноамериканским регионом интересуются Бразилия, Венесуэльская Боливарианская Республика и Чили.

Наиболее популярными позициями на мировом рынке остаются мясная продукция и её производные, молочные продукты, злаки, растительное масло и сахаросодержащие товары.

С учётом глобальных производственных показателей ряд исследовательских проектов, в том числе аналитические обзоры, позволяют выделить страны с наибольшим уровнем развития сельского хозяйства. На основе так называемой «сельскохозяйственной карты мира» в число ведущих аграрных держав включаются Китай, Индия, Бразилия, США, Индонезия, Япония, Турция, Германия, Франция и Россия. Китай занимает первые позиции по производству зерновых с начала 1990-х годов, а также по разнообразию возделываемых культур (около 80 видов овощных, 60 садовых и 50 полевых

культур). В животноводстве страна аккумулирует до 40% мирового поголовья овец, около 10% коз и около 5% крупного рогатого скота.

Индия располагает крупнейшим в мире поголовьем крупного рогатого скота (около 222 млн голов), лидирует по производству сахара и поставкам молока, а совокупная выручка от экспорта агропродукции достигает примерно 112 млрд долларов США, несмотря на значительную долю малообеспеченного населения. Бразилия с 2015 года регулярно занимает высокие места в рейтингах экспортёров сельскохозяйственной продукции: аграрный экспорт приносит стране около 200 млрд долларов, что соответствует приблизительно 6% мирового агроэкспорта; государство является признанным лидером по выращиванию сахарного тростника и кофе, а поголовье крупного рогатого скота достигает порядка 200 млн голов.

США уверенно занимают передовые позиции по количеству занятых работников в аграрной отрасли (примерно 20 миллионов человек) и численности фермерских предприятий (около 2,5 миллиона). Эта страна отличается наибольшими объемами производства сои и считается одной из главных сил в области сбора сахарной свеклы, причем доля американского участия в общемировом выпуске зерновых составляет приблизительно шестнадцать процентов. Также значительное количество урожая сорго (почти четверть всего объема) собирается именно в США.

Такие выдающиеся достижения обусловлены продуманными инвестициями в развитие аграрного сектора, благоприятствующими географическими и погодными факторами, а также стремительным прогрессом научно-технической базы сельского хозяйства.

Первое место по объему производства растительных жиров, особенно пальмового масла, принадлежит Индонезии. Объем внутреннего производства этой страны, составляющий почти 32,5 млн тонн, значительно превосходит показатель главного соперника – Малайзии. Экспорт индонезийского пальмового масла приносит государству прибыль в районе 19 миллиардов долларов ежегодно. Ведущим направлением местной экономики остается растениеводство, которое охватывает выращивание риса, маиса, ямса, бананов, кокоса и маниоки, а рыбацкое дело играет важную роль, делая страну третьей в списке мировых лидеров по улову рыбы.

Располагаясь на островах, Япония выступает крупным поставщиком рыбы и морских даров. Около пятидесяти процентов земельных угодий отведено под посадки риса, а сумма доходов от внешней торговли продукцией сельского хозяйства выросла вдвое, достигнув отметки в десять миллиардов долларов, благодаря увеличению продаж таких продуктов, как рис, лосось и говядина.

Турция удивляет высокими показателями урожайности граната, айвы, абрикоса, финика, вишни и грецкого ореха, занимая вторую строчку мирового рейтинга по плодоношению помидоров, фисташек, баклажанов, чечевицы и зеленого перца. Доходы государства от реализации орехов и фруктов составляют около трех с половиной миллиардов долларов в год, а общий оборот экспорта продовольствия перевалил отметку в сто пятьдесят семь с лишним миллиардов долларов.

Германия характеризуется высоким уровнем доходности в секторе животноводства, составляющим примерно семьдесят процентов всей сельскохозяйственной продукции, причем больше половины прибыли обеспечивается производством говядины и свинины. Полностью удовлетворяя внутренний спрос на молочную продукцию и покрывая около девяноста процентов потребностей в мясе, страна экспортирует аграрную продукцию общей стоимостью свыше триллиона двухсот миллиардов евро. Во Франции наблюдается самая высокая производительность сахарной свеклы, молока и зерна среди западноевропейских стран, а второе место в Европейском союзе она держит по объему производства винограда, картофеля и мясной продукции.

Российская Федерация показывает уверенный рост объемов производства сельскохозяйственной продукции – примерно три с половиной процента ежегодно. Она неизменно входит в список наиболее значительных экспортеров зерновой группы, отправляя на международный рынок порядка тридцати одного миллиона тонн зерновых, расширяет масштабы экспорта растительных масел (четверть общего объема) и продолжает активное продвижение уникальных продуктов, таких как мед и красная икра.

Вопрос продовольственной безопасности на глобальном уровне обостряется в связи с прогнозируемым ростом численности населения Земли до 8,6 млрд человек к 2030 году. При этом основной демографический прирост будет приходиться на государства Африки к югу от Сахары, где ожидаемый рост доступности калорий на душу населения в ближайшие годы оценивается лишь в 2,5%, до примерно 2500 ккал в сутки к 2030 году. Отставание темпов увеличения питания от темпов демографического роста обусловлено не только слабостью экономик и низкими доходами населения, но и негативным воздействием изменений климата, влияющих на урожайность и структуру производства.

Влияние климатических преобразований на сельское хозяйство оценивается неоднозначно, однако значительная часть экспертов указывает на существенные риски. По оценкам исследовательских центров, при увеличении средней глобальной температуры на каждый 1 градус Цельсия производство основных культур может снижаться примерно на 4%, что, по расчётам Стэнфордского университета, эквивалентно потере порядка 120 ккал на человека в день.

Данная точка зрения, отражающая опасения в связи с учащением засух, наводнений и иными проявлениями климатической нестабильности, является доминирующей для политических и экспертных кругов большинства стран ЕС и Демократической партии США. Вместе с тем существуют альтернативные оценки, в частности, представленные Министерством энергетики США (23 июня 2025 года), согласно которым более высокие концентрации углекислого газа могут оказывать стимулирующее воздействие на рост растений, способствуя повышению урожайности, а потепление климата – расширять ареал возделывания теплолюбивых культур в северных широтах (например, в России и Канаде).

Тем не менее особую обеспокоенность специалистов вызывает тенденция к учащению засух и дефициту влаги в почвах, что приводит к ухудшению

качества посевов и замедлению роста культур. Осенняя засуха 2024 года продемонстрировала, насколько неблагоприятные метеоусловия способны повлиять на всхожесть и развитие корневых систем растений. По данным Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием (2022 год), частота засух уже возросла примерно на 29% по сравнению с предыдущими периодами наблюдений.

Дополнительным фактором влияния на калорийность мирового урожая выступает изменение структуры посевных площадей, связанное с переориентацией производителей на более рентабельные культуры, такие как рапс, сафлор или чечевица.

В развитых странах в среднесрочной перспективе (порядка ближайших пяти лет) прогнозируется сохранение устойчивого интереса к органическим продуктам с минимальной степенью переработки, при условии отсутствия резкого падения доходов населения. Рост спроса ожидается на безглютеновые и безлактозные продукты, мясо и молочную продукцию без использования антибиотиков, а также продукты с сокращённым содержанием пищевых добавок.

Производители, способные подтвердить экологическую безопасность и отсутствие нежелательных добавок, получают значительные конкурентные преимущества на международных рынках. Вместе с тем для российских поставщиков рынок ЕС де-факто закрыт, рынок США остаётся ограниченным для части категорий (в частности, морепродуктов и алкогольной продукции из РФ) и отличается высокой конкуренцией по другим позициям.

В этих условиях российские аграрии объективно ориентируются на развивающиеся страны Глобального Юга, а также на рынки Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, характеризующиеся сравнительно низким уровнем доходов на душу населения, но стабильным спросом на базовые продовольственные товары.

На данных направлениях сохранится приоритет традиционных культур, составляющих основу продовольственной безопасности: пшеницы, масличных (включая подсолнечник и рапс), а также кормовых культур. В развивающихся странах продолжаются процессы урбанизации и роста уровня образования, что стимулирует формирование спроса на специализированное питание, ориентированное на отдельные возрастные и социальные группы. Продукты для диетического питания, суперфуды, функциональные добавки и специализированные пищевые продукты будут выделяться в самостоятельные сегменты рынка. Особое значение приобретут продукты длительного хранения и высококачественные семена, а также функциональные продукты, обогащённые витаминами и минералами.

Рост потребления продовольствия прогнозируется и в мусульманских странах, где будут сохраняться высокие требования к стандартам «халяль». Соответственно, мясо и мясопродукты, молочная и переработанная сельскохозяйственная продукция, соответствующие этим требованиям, останутся одними из приоритетных товарных позиций для российского экспорта. В целом к числу крупнейших участников мирового агроэкспорта в

настоящее время относятся США, Китай, страны ЕС (Франция, Нидерланды, Германия, Испания, Италия), Канада, Бразилия и Россия. При этом с точки зрения стратегических ориентиров особый интерес представляет опыт Бразилии как типичного нетто-экспортёра продовольствия.

США, Китай и Германия, несмотря на высокие объёмы аграрного экспорта (порядка 120 млрд, более 60 млрд и свыше 50 млрд долларов соответственно по итогам 2024 года), являются нетто-импортёрами и закупают за рубежом больше продукции, чем продают. Для России, напротив, принципиальное значение имеет формирование устойчивого положительного сальдо торгового баланса, предполагающего не только полное обеспечение внутренних потребностей, но и существенное превышение экспорта над импортом. Бразилия в этом смысле служит показательным примером: при стоимости экспорта продовольствия около 129 млрд долларов и импорта порядка 19 млрд долларов положительное сальдо составляет около 110 млрд долларов.

Российские показатели в этой сфере демонстрируют заметную динамику. Физический объём экспорта продукции АПК в 2024 году достиг около 109 млн тонн на сумму порядка 42,6 млрд долларов США, тогда как в 2023 году стоимость аграрного экспорта превышала 45 млрд долларов. В соответствии с указом Президента Российской Федерации, к 2030 году перед отечественным агропромышленным комплексом поставлена задача увеличить экспорт аграрной продукции в 1,5 раза по отношению к уровню 2021 года и достичь объёма не менее 55 млрд долларов в стоимостном выражении. Потенциал дальнейшего роста в тоннаже за счёт поставок зерновых и растительных масел сохраняется и в значительной степени будет зависеть от урожайности как в России, так и в странах-импортёрах. Однако для повышения добавленной стоимости экспорта российским производителям необходимо активнее переходить от сырьевой модели к поставкам более маржинальной готовой продукции.

В перспективе экспорт всех зерновых из России оценивается на уровне 87–90 млн тонн при возможной стоимости 22–23 млрд долларов к 2030 году. По сое потенциал страны при условии расширения посевных площадей может составить дополнительные 7–8 млн тонн экспорта, основным направлением сбыта которой, как и в настоящее время, останется Китай. Совокупный объём мирового рынка продовольствия в 2025 году оценивается примерно в 9,4 трлн долларов, что на около 6% превышает показатель 2024 года. В то же время столь высокие темпы роста, вероятно, не сохранятся на длительную перспективу. По данным ФАО, к 2022 году стоимость мирового экспорта продовольствия составляла около 1,9 трлн долларов, а к 2025 году этот показатель оценивается приблизительно в 2,1 трлн долларов. Начиная с 2020 года среднегодовая доля России в этих потоках держится на уровне около 40 млрд долларов (порядка 2%), однако у страны имеется потенциал для увеличения этой доли за счёт расширения присутствия на внешних рынках.

По совокупному объёму поставок Россия, по различным оценкам, входит в десятку крупнейших экспортёров продовольствия (в физическом выражении) и в двадцатку – в стоимостном. С 2020 года суммарный экспорт зерновых культур (пшеницы, ячменя, кукурузы, сои) стабильно превышает 42 млн тонн

ежегодно. При этом стоимость аграрного экспорта в рассматриваемый период находилась в диапазоне 40–42 млрд долларов, тогда как импорт составлял 35–37 млрд долларов.

Для дальнейшего увеличения разрыва между экспортом и импортом принципиально важно не только наращивание объёмов поставок зерновых и увеличение тоннажа, но и развитие экспорта продуктов глубокой переработки, мясной продукции и высокомаржинальных аграрных культур, которые, будучи менее массовыми по объёмам, обладают значительно более высокой добавленной стоимостью на внешних рынках.

4.2. Теоретико-методологические основы анализа ресурсного потенциала агропромышленного комплекса Юга России

В современной российской литературе закрепилось понимание Юга России как макрорегиона, включающего совокупность субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Подобная трактовка обоснована, с одной стороны, наличием естественных географических границ (от побережья Чёрного и Каспийского морей до южной границы степной зоны Европейской России), а с другой – устойчивыми тенденциями усиления межрегиональных хозяйственных связей субъектов ЮФО и СКФО, формирующих единый экономический комплекс.

Анализ ресурсов АПК Юга России предполагает, во--первых, разработку теоретико-методологических подходов к идентификации и измерению ресурсного потенциала, а во-вторых, эмпирическую оценку состояния и динамики ключевых ресурсов – земельных, трудовых, производственных, институциональных – в привязке к территориальной специфике Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Соответствующее исследовательское поле включает вопросы пространственного распределения ресурсов, отраслевой специализации, эффективности использования ресурсной базы и влияния институциональной среды на воспроизводство ресурсов АПК.

Южный федеральный округ (ЮФО) включает Республику Адыгея, Республику Калмыкия, Республику Крым, Краснодарский край, Астраханскую, Волгоградскую, Ростовскую области и город федерального значения Севастополь. На 1 января 2025 г. численность населения округа составляла 16,64 млн человек.

Южный федеральный округ – одна из наиболее сельскохозяйственно освоенных территорий страны. При площади около 2,5% территории России округ концентрирует почти 9,7% населения, доля сельского населения достигает 38% против 27% в среднем по стране. По совокупности почвенно-климатических условий ЮФО выступает «главной сельскохозяйственной зоной страны».

СКФО занимает 1% территории России и концентрирует 7% её населения. Северо-Кавказский федеральный округ включает в себя 6 республик и 1 край, являясь единственным в России федеральным округом, не имеющим в своём составе областей.

В округ входят 7 субъектов РФ: Республика Дагестан, Республика

Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край.

Северо-Кавказский округ, в свою очередь, характеризуется крайне высокой аграрной специализацией: на долю агросектора приходится около 16% валового регионального продукта, а самообеспеченность по зерну в 2024 г. достигла 258,7%, по молоку – 108,3%, по мясу – 108,9%. Это означает, что регион не только полностью обеспечивает собственные потребности, но и является нетто-донором продовольствия для других субъектов Федерации и внешних рынков.

По данным Росстата, в структуре производства продукции сельского хозяйства по федеральным округам доля Южного округа составляет порядка 16%, а Северо-Кавказского – около 7–8%. Это означает, что совокупная доля макрорегиона Юг России в общем объёме сельскохозяйственного производства страны устойчиво превышает 20%, а по ряду оценок достигает четверти и более.

Специальное исследование макрорегиона показывает, что в 2018–2022 гг. суммарное сельскохозяйственное производство Юга России (ЮФО+СКФО) в постоянных ценах 2016 г. выросло с 0,86 до 1,08 трлн руб., то есть на 25,47%, тогда как общероссийское сельхозпроизводство увеличилось на 15,84%. В результате удельный вес Юга России в суммарном сельхозпроизводстве субъектов РФ поднялся до 26,17%, а в совокупной валовой добавленной стоимости (ВДС) – до 1,3%. Это свидетельствует о нарастающей агропромышленной специализации макрорегиона.

Таблица 1 – Динамика сельскохозяйственного производства РФ и макрорегиона Юг России (постоянные цены 2016 г.)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	Абсолютный прирост	Темп роста, %
Суммарная ВДС субъектов РФ, трлн руб.	77,58	78,82	77,34	83,03	83,34	+5,76	107,43
Суммарное сельхозпроизводство регионов РФ, трлн руб.	3,58	3,72	3,81	3,87	4,14	+0,57	115,84
Сельхозпроизводство макрорегиона Юг России, трлн руб.	0,86	0,93	0,90	1,00	1,08	+0,22	125,47

Составлено авторами

Выявленное опережение темпов роста сельхозпроизводства Юга России относительно общероссийских показателей говорит о концентрации в макрорегионе наиболее продуктивных земель, более высокой инвестиционной и инновационной активности агробизнеса, а также о более благоприятной институциональной и рыночной среде для развития АПК.

Следует учитывать и внешние факторы. Согласно данным ФАО, ёмкость мирового рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия возросла за 2012–2022 гг. с 1,3 до 1,5 трлн долл. США, и, по прогнозам ООН, эта тенденция

будет сохраняться в долгосрочной перспективе. В этих условиях экспортно-ориентированный аграрный потенциал Юга России приобретает особое значение: именно макрорегион обеспечивает значительную часть российского экспорта зерна, растительных масел, риса и овощей.

Под ресурсным потенциалом АПК в исследовании целесообразно понимать совокупность взаимосвязанных природно-ресурсных, материально-технических, трудовых, финансовых, институциональных и информационно-технологических ресурсов, которые при заданном уровне организации и управления способны обеспечить определённый объём и структуру выпуска аграрной и пищевой продукции на устойчивой основе.

Применительно к Югу России структуру ресурсного потенциала АПК можно представить в виде следующих блоков:

Природно-земельные ресурсы – сельскохозяйственные угодья (пашня, сенокосы, пастбища), агроклиматические условия (сумма активных температур, обеспеченность влагой), качество почв (чернозёмы, каштановые, аллювиальные, горные почвы) и водные ресурсы для орошения. ЮФО и СКФО обладают уникальной комбинацией степных, предгорных и горных экосистем, высокой долей плодородных чернозёмов и возможностью возделывать субтропические культуры (чай, виноград, плодоводство).

Производственно-технологические ресурсы – парк сельскохозяйственной техники, перерабатывающие мощности (мельничные, масложировые, сахарные, рисоочистительные, мясо- и молокоперерабатывающие предприятия), инфраструктура хранения и логистики (элеваторы, хранилища, логистические центры), а также уровень технологической оснащённости (использование точного земледелия, цифровых технологий, современных сортов и гибридов).

Трудовой и человеческий капитал – численность и структура занятости в сельском хозяйстве, квалификация кадров, состояние человеческого капитала сельского населения, миграционные потоки, институциональные формы занятости (личные подсобные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства, сельхозорганизации).

Финансово-инвестиционные и институциональные ресурсы – доступ к кредитным ресурсам (в частности, через Россельхозбанк), государственная поддержка (субсидии, льготное кредитование, компенсация части капитальных затрат), уровень развития сельскохозяйственной кооперации и интеграционных форм (агрохолдинги, кластеры), качество аграрной политики и земельных институтов.

Информационно-управленческие ресурсы – наличие систем мониторинга и прогнозирования, качество управленческих решений на уровне региональных органов власти и аграрного бизнеса, развитость консультационной и сервисной инфраструктуры.

Такое понимание ресурсного потенциала соответствует задачам, обозначенным в паспорте специальности (оценка и повышение эффективности, формирование ресурсных рынков, институциональные преобразования, прогнозирование и обеспечение устойчивого развития сельских территорий), и позволяет перейти к комплексной эмпирической оценке ресурсов АПК Юга

России.

С методической точки зрения оценка ресурсного потенциала АПК макрорегиона предполагает использование сочетания:

Статистического анализа официальных данных Росстата о производстве продукции сельского хозяйства, структуре посевных площадей, поголовье скота, финансовых результатах сельхозорганизаций и динамике цен производителей.

Межрегиональных сопоставлений показателей ЮФО и СКФО с другими федеральными округами по ключевым индикаторам (доля в валовой продукции сельского хозяйства, индексы физического объёма, поголовье животных, урожайность зерновых и технических культур).

Макрорегионального агрегирования данных субъектов ЮФО и СКФО для получения интегральных показателей развития АПК Юга России (как это реализовано в работах Г.В. Плохотниковой и др.).

Отраслевого анализа по видам деятельности внутри АПК (растениеводство, животноводство, пищевая переработка), а также по формам хозяйствования (сельхозорганизации, КФХ и ИП, хозяйства населения).

Качественного анализа институциональной среды, включая оценку развития кооперации, структуры агрохолдингов, механизмов господдержки, что опирается на данные Россельхозбанка, региональных органов власти и профильных исследований.

Такой многоплановый подход даёт возможность не только зафиксировать текущие количественные параметры ресурсной базы АПК Юга России, но и выявить ключевые ограничения и точки роста, что важно для последующей выработки направлений повышения эффективности использования ресурсов.

4.3. Ресурсный потенциал АПК Юга России: эмпирическая оценка и направления повышения эффективности его использования

Южный федеральный округ традиционно рассматривается как «главная сельскохозяйственная зона» страны. После выделения из его состава Северо-Кавказского округа площадь ЮФО сократилась с 591 до 421 тыс. км², однако именно здесь сосредоточена значительная часть наиболее плодородных чернозёмов европейской части России.

Внутри округа отчётливо прослеживается зональная дифференциация:

Западная часть ЮФО (равнинный Краснодарский край, юго-запад Ростовской области) характеризуется высокой плотностью сельского населения (20–40 чел./км²) и наивысшей распаханностью территорий (до 70–80%). Здесь доминируют озимые зерновые в сочетании с техническими культурами, активно развиты овощеводство и садоводство, на побережье – субтропические культуры (чай, виноград).

Восточная часть ЮФО (засушливые районы Волгоградской и Астраханской областей, Калмыкия) менее распахана, с преобладанием яровых культур (до 70% посевных площадей), развитием экстенсивного пастбищного животноводства и значительной ролью естественных кормовых угодий.

По данным Росстата, в 2023 г. ЮФО обеспечил рекордный валовой сбор зерна – 41,06 млн т (вес после доработки), что существенно превышает

показатели 2020–2021 гг. (31,95 и 35,27 млн т соответственно).

Таблица 2 – Валовой сбор зерна в ЮФО по субъектам, 2020-2022 гг. (тыс. т)

Субъект ЮФО	2020	2021	2022
Южный федеральный округ всего	31954,0	35273,1	41057,0
Республика Адыгея	734,7	654,9	618,3
Республика Калмыкия	584,0	599,0	707,3
Республика Крым	908,3	1432,8	1 926,8
Краснодарский край	12105,0	14798,7	15461,3
Астраханская область	46,8	63,0	81,5
Волгоградская область	5110,1	4126,1	7008,5
Ростовская область	12464,5	13597,4	15252,0
г. Севастополь	0,6	1,2	1,4

Составлено авторами

Из таблицы видно, что основными «зерновыми локомотивами» АПК ЮФО выступают Краснодарский край, а также Ростовская и Волгоградская области. В 2022 г. Краснодарский край и Ростовская область заняли первое и второе место в России по валовому сбору зерна (15,46 и 15,25 млн т соответственно), Волгоградская область – четвёртое место (7,01 млн т).

Такое распределение подчёркивает высокую концентрацию земельных ресурсов высокой продуктивности в южных регионах. Одновременно отмечаются и риски: высокая распаханность, нарушение севооборотов, сокращение площадей кормовых культур и недостаточное внесение органических и минеральных удобрений в ряде территорий приводят к деградации почв и истощению агроландшафтов. Это ставит задачу перехода от экстенсивного освоения земель к ресурсосберегающим и почвозащитным технологиям земледелия.

По данным Росстата, в I квартале 2023 г. индекс производства продукции сельского хозяйства в ЮФО составил 102,6% к аналогичному периоду 2022 г. (рост на 2,6%), при общероссийском росте 2,9%. При этом по производству продукции на душу населения лидируют Республика Калмыкия (8,0 тыс. руб. на человека), Краснодарский край (7,9 тыс. руб.) и Ростовская область (7,6 тыс. руб.), что отражает высокую аграрную специализацию данных регионов.

Расшифровка структуры сельхозпроизводства по видам деятельности в 2023 г. показывает следующую картину (в фактически действующих ценах):

Таблица 3 – Производство сельхозпродукции в РФ и ЮФО в 2023 г., млн руб.

Территория	Всего сельское хозяйство	Растениеводство	Животноводство	Индекс к пред. году, % (в сопост. ценах)
Российская Федерация	8341307	4506669	3834638	99,7 / 98,9 / 100,9
Южный федеральный округ	1474727,5	1056043,4	418684,1	100,3 / 100,5 / 99,6

Составлено авторами

ЮФО обеспечивает около 17–18% стоимости валовой сельхозпродукции

России, при этом доминирующую роль в структуре производства округа играют отрасли растениеводства (более 70% стоимости), что связано с благоприятными климатическими условиями для возделывания зерновых, технических и овощных культур.

Северо-Кавказский федеральный округ производит около 7,2% российского валового продукта аграрного сектора. Производство продукции сельского хозяйства Северо-Кавказского федерального округа выросло до индекса 100,9%, относительно показателей аналогичного периода 2022 года, что подтверждает сохранение позитивной динамики.

Ставропольский край в 2023 году, согласно предварительным оценкам, зафиксировал общий объем производства сельскохозяйственной продукции всех субъектов аграрного бизнеса (включая организации, фермерские хозяйства и частных лиц-предпринимателей) в текущих рыночных условиях на уровне 281,4 млрд рублей, что на 0,6% ниже показателя предыдущего года. За указанный период было заготовлено 552,6 тысячи тонн живого веса скотины и птицы на забой (+4,8%), надой молока составил 566,5 тысяч тонн (+5,2%), а общая выработка яиц достигла 908,6 млн штук (+11,9%). Основную долю мяса животных и птицы в живой массе – 81,4% – дали предприятия региона. Граждане, частные фермеры и индивидуальные бизнесмены произвели соответственно 64,6% молока и 55,9% яиц.

В Кабардино-Балкарской Республике итоговая оценка производственного объема сельскохозяйственной продукции всех форм собственности составила 89,5 млрд рублей, увеличившись на 10,1% по сравнению с показателем 2022-го. Животные и птица, предназначенные на забой, были представлены в количестве 142,4 тыс. тонн живого веса (+9,9%), объем производства молока вырос до 601,3 тыс. тонн (+3,5%), яйца стали производить в объеме 258,6 млн штук (+3,3%). Население, фермерские хозяйства и ИП выпустили основную массу конечной продукции: 67,3% мяса скота и птицы, 84,7% молока и 85,8% яиц.

По итогам 2023 года в Карачаево-Черкесской Республике объем произведенной продукции сельского хозяйства составил 43,6 млрд рублей, показывая прирост на 3,3% относительно прошлого года. Количество забитого скота и птицы составило 59,7 тыс. тонн живого веса (+1,0%), удои молока увеличились до 210,5 тыс. тонн (+1,2%), яйцо стало производиться в объеме 80,7 млн штук (+0,4%). Доля домашних хозяйств, ферм и индивидуального предпринимательства оказалась следующей: 67,7% мяса, 90,2% молока и 77,8% яиц.

Республика Ингушетия в прошедшем году произвела сельскохозяйственной продукции на сумму 20,5 млрд рублей, продемонстрировав снижение на 2,5% по отношению к предыдущему отчетному периоду. Убойный вес скота и птицы увеличился до 18,1 тыс. тонн (+90%), надой молока поднялся до 144,6 тыс. тонн (+2,6%), яйценоскость увеличилась до 28,9 млн штук (+2,0%). Отмечается значительный вклад частного сектора: домохозяйства, фермы и предприниматели реализовали 69,1% мяса, 96,7% молока и весь объем яиц.

В Северной Осетии-Алании общий объем производства

сельскохозяйственной продукции за 2023 год составил 46,0 млрд рублей, повысившись на 6,1% относительно 2022 года. Показатели поголовья скота и птицы на забой достигли 57,2 тыс. тонн (+5,1%), молока было получено 240,2 тыс. тонн (+5,1%), яйца выпущены в количестве 76,7 млн штук (+5,7%). Народное хозяйство республики оказало решающее влияние на формирование результата: домашние хозяйства, фермеры и индивидуальные коммерсанты обеспечили 92,7% мясной продукции, 96,7% молочной и практически весь объем яиц – 97,3%.

В совокупности, ЮФО и СКФО формируют порядка четверти общероссийского производства продукции сельского хозяйства, а по оценкам макрорегионального анализа – до 26,17% . Это количественно подтверждает статус Юга России как ключевого аграрного макрорегиона страны.

Значимым компонентом ресурсного потенциала АПК Юга России является поголовье сельскохозяйственных животных и объёмы производства продукции животноводства.

По данным отчёта Ростовстата, в ЮФО в I квартале 2023 г. было произведено:

- мяса (скот и птица на убой в живом весе) – 332,5 тыс. т (+1,4% к I кварталу 2022 г.), что составляет 8,8% от общероссийского объёма;
- молока – 812,2 тыс. т (+5,4%), или 11,1% от общероссийского объёма;
- яиц – 1084,5 млн шт. (–1,0%), доля 9,8% по России.

Таблица 4 – Производство основных видов животноводческой продукции в ЮФО (I кв. 2023 г.)

Вид продукции	Объём ЮФО	Доля ЮФО в РФ, %	Изменение к I кв. 2022 г., %
Мясо (скот и птица, живой вес), тыс. т	332,5	8,8	+1,4
Молоко, тыс. т	812,2	11,1	+5,4
Яйца, млн шт.	1 084,5	9,8	–1,0

Ведущими производителями мяса в ЮФО являются Краснодарский край (134,2 тыс. т), Ростовская (86,3 тыс. т) и Волгоградская (55,7 тыс. т) области. По производству молока доминирует также Краснодарский край (433,0 тыс. т), за которым следуют Ростовская (181,7 тыс. т) и Волгоградская (91,0 тыс. т) области.

Данные по поголовью скота подтверждают высокую концентрацию животноводческих ресурсов: в ЮФО на 1 апреля 2023 г. содержалось 2 302,1 тыс. голов крупного рогатого скота (рост на 1% к 2022 г., при общероссийском снижении на 0,8%), в том числе 1 135,9 тыс. коров. Поголовье свиней составило 1 426,2 тыс. голов (+0,2%), овец и коз – 5 198,0 тыс. голов (–1,6%).

Отдельно следует отметить Северный Кавказ, где аграрный сектор формирует около 16% ВРП, самообеспеченность по зерну превышает 250%, по молоку и мясу – более 108%. Высокий уровень развития животноводства сочетается с активной кооперацией: на СКФО приходится более 30% всех сельхозкооперативов страны, уровень кооперации фермеров втрое превышает среднероссийский (около 30% против 10%). Это свидетельствует о наличии не только ресурсной, но и институциональной базы для дальнейшего наращивания

производства продукции животноводства.

Юг России занимает лидирующие позиции в производстве зерновых и технических культур. По оценкам Л.А. Мамиек, на долю ЮФО приходится почти треть урожая зерна и подсолнечника страны, четверть объёмов сахарной свёклы, а также более 80% российского риса; в 2023 г. округ обеспечил почти половину общего объёма овощей, произведённых в организованном секторе.

Такая специализация обусловлена сочетанием высокопродуктивных земель, благоприятного климата, развитой мелиоративной инфраструктуры (рисоводческие системы Кубани, орошаемые площади в дельте Волги), а также наличием мощной перерабатывающей промышленности (мукомольной, масложировой, сахарной, консервной).

Особое место занимает Краснодарский край, который в 2022–2023 гг. стабильно лидирует по валовому сбору зерна (15,5 млн т в 2022 г.), обеспечивая более 10% общероссийских посевных площадей зерновых в ЮФО и значительную долю производства подсолнечника и кукурузы. Ростовская область в 2022 г. собрала 15,25 млн т зерна (+12% к 2021 г.), занимая второе место в России. Волгоградская область увеличила валовой сбор зерна до 7,01 млн т (169,8% к 2021 г.), заняв четвёртое место в стране.

По рису ЮФО практически монополизирует федеральный рынок: доля округа в производстве риса превышает 80% за счёт Краснодарского края и части территорий Ростовской и Астраханской областей. В овощеводстве значимую роль играют Краснодарский край, Ростовская и Волгоградская области, а также орошаемые системы Нижней Волги и предгорные зоны Северного Кавказа.

При этом развитие высокоинтенсивного растениеводства сопровождается рядом проблем: монокультуризация (преобладание зернового клина и подсолнечника), снижение доли кормовых культур, деградация пастбищ, особенно в засушливых зонах Калмыкии и Астраханской области, а также риск истощения плодородия почв при недостаточном внесении удобрений. Это требует трансформации структуры посевных площадей и перехода к более устойчивым моделям землепользования.

Человеческий капитал является ключевым ограничивающим ресурсом для АПК Юга России. С одной стороны, регионы ЮФО и СКФО характеризуются относительно высокой долей сельского населения (38% в ЮФО против 27% по России) и значимыми трудовыми ресурсами аграрного сектора (доля агросектора в ВРП СКФО – около 16%). С другой – сохраняются вызовы, связанные с миграционным оттоком молодёжи, старением сельского населения, неравномерным развитием сельской социальной инфраструктуры.

Позитивным фактором для Северо-Кавказского округа выступает высокая степень кооперации фермеров: более 30% всех сельхозкооперативов России расположены в СКФО. Кооперация позволяет объединять разрозненные трудовые и материальные ресурсы малых хозяйств, улучшать их доступ к рынкам сбыта, технологиям и финансированию.

В то же время, по данным региональных исследований, малые формы хозяйствования (личные подсобные хозяйства, КФХ, ИП) в большинстве субъектов ЮФО и СКФО сталкиваются с дефицитом инвестиционных ресурсов,

ограниченным доступом к долгосрочному кредитованию и слабой защитой прав на земельные участки, что повышает социальную напряжённость и стимулирует концентрацию сельхозземель в руках крупных агрохолдингов.

С позиции паспорта специальности 5.2.3 (п. 3.16–3.17) эти процессы затрагивают устойчивое развитие сельских территорий, занятость и доходы сельского населения, а также качество социальной инфраструктуры. Для АПК Юга России это означает необходимость синхронизации политики поддержки аграрного сектора с программами развития сельских территорий (жилищное строительство, образование, здравоохранение, транспортная доступность), что позволит лучше реализовать имеющийся трудовой и человеческий потенциал.

Инвестиции и институциональная среда являются важнейшими составляющими ресурсного потенциала АПК. В макрорегионе Юг России, по данным Россельхозбанка, в развитие АПК Северо-Кавказского округа было направлено порядка 700–800 млрд руб. инвестиций, реализовано более 500 инвестиционных проектов; доля банка на рынке сезонных работ СКФО достигает 86%.

В ЮФО, согласно Л.А. Мамиек, наблюдается значительный рост аграрных инвестиций, выражающийся в модернизации техники и технологий землепользования, расширении парка сельхозмашин и строительстве новых перерабатывающих предприятий. В 2023 г. только в ЮФО было приобретено порядка 11 тыс. единиц сельхозтехники, значительная часть – по льготным программам Росагролизинга.

Государственная поддержка реализуется через меры субсидирования процентных ставок, предоставления грантов КФХ, компенсации части капитальных затрат, а также через реализацию федерального проекта «Экспорт продукции АПК», ориентированного на увеличение экспортной выручки за счёт поставок продукции с более высокой степенью переработки.

В то же время институциональные риски остаются существенными. Исследователи выделяют следующие ключевые проблемы:

- недостаточно эффективная защита прав собственности фермеров на земельные участки, способствующая концентрации земель в собственности агрохолдингов;
- санкционные ограничения, повышающие стоимость импортной техники, семян и технологий, усложняющие логистику торговли с рядом внешних рынков;
- сохраняющиеся инфраструктурные узкие места (недостаток мощностей хранения, логистических центров, портовой и железнодорожной инфраструктуры), особенно в плодоовощном сегменте и глубинных сельских районах.

Решение данных проблем предполагает активизацию инструментов: развитие землеустройства и кадастра, совершенствование механизмов господдержки в пользу малых и средних форм хозяйствования и кооперации, стимулирование инноваций и углублённой переработки сельхозсырья.

Комплексный анализ ресурсного потенциала АПК Юга России позволяет выделить ряд системных проблем и предложить направления их преодоления.

Во-первых, земельно-ресурсные ограничения. Высокая распаханность территорий ЮФО, нарушение севооборотов (замещение озимых культур яровыми в засушливых зонах, сокращение кормовых культур), деградация пастбищного фонда приводят к истощению почвенных ресурсов и снижению устойчивости агроландшафтов. Направления решения: развитие адаптивно-ландшафтного земледелия, расширение доли почвозащитных севооборотов, повышение норм внесения органических и минеральных удобрений, восстановление и модернизация мелиоративной инфраструктуры, особенно в зонах орошаемого земледелия (Нижняя Волга, Кубань).

Во-вторых, дисбалансы в структуре сельхозпроизводства. Преобладание экспортно-ориентированных зерновых и масличных культур при недостаточном развитии кормовой базы и животноводства ведёт к уязвимости аграрной системы к ценовым шокам на мировых рынках и к ограничению добавленной стоимости внутри региона. Требуется стимулировать производство продукции с более высокой степенью переработки (мука, крупы, растительные масла, мясо- и молокопродукты, глубоко переработанные овощи и фрукты), развивать комбикормовую промышленность и интегрированные цепочки «поле – переработка – сбыт» на основе региональных кластеров.

В-третьих, человеческий капитал и социальная инфраструктура. Миграционный отток, старение сельского населения и неравномерное развитие социальной инфраструктуры угрожают устойчивости сельских территорий Юга России. Необходима интеграция аграрной политики с программами развития сельских территорий: поддержка сельского образования (в том числе аграрного), здравоохранения, жилищного строительства, транспортной доступности, цифровой инфраструктуры. Важным направлением выступает развитие системы подготовки и переподготовки кадров для высокотехнологичного сельского хозяйства (точное земледелие, цифровые системы мониторинга).

В-четвёртых, институциональные и финансовые риски. Концентрация земель в собственности крупных агрохолдингов, описанная в работах по Югу России, усиливает социальную поляризацию и снижает устойчивость сельских сообществ. Ответом может стать расширение поддержки сельхозкооперации, механизмов участия фермеров и ЛПХ в интегрированных цепочках, совершенствование земельного законодательства и практики его применения (публичность кадастровых данных, прозрачные процедуры аренды и оборота сельхозземель).

В-пятых, внешнеэкономические и санкционные вызовы. Санкции приводят к удорожанию импортной техники, семенного материала и отдельных видов средств защиты растений, а также к росту транзакционных издержек при экспорте сельхозпродукции. Для Юга России, ориентированного на экспорт зерна, масличных и риса, важны диверсификация экспортных направлений, развитие собственной селекционно-семеноводческой базы, локализация производства техники и компонентов, формирование гибких логистических маршрутов (в том числе через черноморские и каспийские порты).

В стратегическом измерении дальнейшее наращивание и более эффективное использование ресурсного потенциала АПК Юга России

предполагает:

- усиление макрорегиональной координации аграрной политики для субъектов ЮФО и СКФО на основе единой стратегии развития АПК Юга России;
- переход от преимущественной ориентации на экспорт сырья к увеличению доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре экспорта, что позволит увеличить налоговые поступления и занятость, особенно в сельской местности;
- децентрализацию полномочий в сфере регулирования АПК с передачей части инструментов с федерального на макрорегиональный и региональный уровни, с учётом специфики Юга России;
- усиление инструментов поддержки инноваций, цифровизации и «зелёных» технологий в АПК (ресурсосбережение, снижение углеродного следа, адаптация к климатическим изменениям), что соответствует трендам развития мировой аграрной системы и требованиям устойчивого развития.

Тем самым, ресурсный потенциал АПК Юга России, будучи уже сегодня одним из ключевых факторов продовольственной безопасности и экспортных возможностей страны, при целенаправленной институциональной и инвестиционной политике может стать долгосрочным драйвером устойчивого социально-экономического развития как самого макрорегиона, так и национальной экономики в целом.

4.4. Финансовые ресурсы предприятий АПК: теоретико-прикладные аспекты в современных условиях хозяйствования

Формирование финансовых ресурсов предприятий агропромышленного комплекса (АПК) целесообразно рассматривать как многостадийный процесс, включающий четыре ключевых этапа их жизненного цикла. Каждый из этих этапов имеет собственную специфику источников и механизмов привлечения капитала, однако в совокупности они обеспечивают непрерывность воспроизводственного процесса и устойчивость финансового состояния хозяйствующих субъектов.

На первом этапе осуществляется начальное формирование финансовых ресурсов за счёт вкладов собственников (учредителей) и других внутренних источников. Объём стартового капитала определяется, с одной стороны, требованиями действующего законодательства, а с другой – минимально необходимым уровнем обеспеченности ресурсами для запуска производственно-хозяйственной деятельности. Тем самым создаётся исходная финансовая база, позволяющая предприятию войти в отраслевой рынок и приступить к осуществлению основной деятельности.

Второй этап связан с регулярным пополнением оборотных активов, необходимых для поддержания непрерывности производственного цикла. На данной стадии формирование финансовых ресурсов носит постоянный характер и неразрывно сопряжено с текущим функционированием предприятия. Обеспечение достаточного уровня оборотного капитала позволяет своевременно закупать материально-технические ресурсы, осуществлять расчёты с

контрагентами и обеспечивать ритмичность производственных и сбытовых процессов. По сути, именно эта стадия определяет повседневную финансовую устойчивость сельскохозяйственных предприятий.

Третий этап обусловлен расширением масштабов деятельности и необходимостью формирования инвестиционных ресурсов. Речь идёт о мобилизации капитала для реализации проектов модернизации, технического перевооружения, внедрения новых технологий, освоения дополнительных видов продукции и направлений деятельности. На этой стадии возрастает роль долгосрочного финансирования, а также стратегического планирования структуры капитала.

Четвёртый этап характеризуется диверсификацией производства и усложнением организационной структуры предприятия. Он связан с созданием новых структурных подразделений, формированием интегрированных объединений, участием в процессах слияний и поглощений, в том числе с иностранными компаниями, что возможно при условии высокой и растущей рыночной стоимости бизнеса. На данном этапе существенно расширяется спектр используемых финансовых инструментов и источников привлечения ресурсов.

Следует подчеркнуть, что на всех указанных стадиях предприятие осуществляет целенаправленную политику формирования финансовых ресурсов, ориентированную на обеспечение условий эффективного функционирования за счёт оптимизации источников, состава и структуры капитала. Для сельскохозяйственных товаропроизводителей достаточная обеспеченность финансовыми ресурсами выступает базовым условием осуществления производственного процесса, поскольку без соответствующего объёма капитала невозможно своевременно приобретать средства производства и формировать необходимые запасы.

В связи с этим каждое предприятие АПК сталкивается с задачей поиска и обоснования таких источников финансирования, которые позволили бы сформировать требуемый объём финансовых ресурсов при приемлемом уровне риска и стоимости. От рациональности подходов к формированию финансовых ресурсов в значительной степени зависят эффективность производственной деятельности и платёжеспособность хозяйствующих субъектов.

Процесс восполнения текущих активов является неотъемлемой частью функционирования любого хозяйствующего субъекта, при этом особое значение приобретает грамотное управление источниками финансирования, позволяющими поддерживать устойчивый цикл оборота капитала.

Анализ научных публикаций показывает общее согласие среди ученых относительно перечня ключевых элементов, формирующих финансовые ресурсы компаний. Обычно выделяют следующие категории: доход от продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг вместе с основными составляющими этого дохода – прибылью и амортизацией; поступления от ликвидации излишков имущества, включая реализацию скота, выводимого из основного поголовья; займы банков; долги перед кредиторами; государственные субсидии; капитал, полученный посредством фондового рынка; прочие заемные инструменты.

Однако в области корпоративного управления финансами остаются дискуссионными вопросы влияния распределения источников формирования финансовых ресурсов на эффективность экономики предприятий, а также сравнительный анализ выгод и рисков использования внутренних и внешних денежных потоков.

Особенно широко обсуждается эта проблематика в зарубежной литературе, где исходной предпосылкой служит функционирование относительно стабильных финансовых рынков с высокой степенью доступности капитала. В рамках такого подхода нередко утверждается, что развитие предприятия определяется в первую очередь совокупным объёмом вовлекаемых в воспроизводственный процесс финансовых ресурсов, тогда как конкретная структура источников (доля собственного и заёмного капитала) якобы не оказывает существенного влияния на динамику роста.

Теоретической основой подобного взгляда выступает известная теорема Модильяни–Миллера, согласно которой рыночная стоимость фирмы в условиях совершенного рынка не зависит от структуры её капитала. В логике этой концепции доходность предприятия и его финансовые результаты обусловлены в первую очередь экономической эффективностью производства и управления, а не тем, в какой пропорции используются собственные и заёмные источники при формировании финансовых ресурсов. Важнейшей предпосылкой данной теории является положение о том, что заёмные средства, как правило, являются более «дешёвым» ресурсом по сравнению с собственными, то есть требуемая доходность по акциям и паевым взносам должна превышать стоимость кредитов и иных форм долгового финансирования при прочих равных условиях.

В условиях развитых экономик, характеризующихся избытком финансовых ресурсов и широким доступом предприятий к различным источникам капитала, допущения теоремы Модильяни–Миллера в значительной степени могут считаться приемлемыми. Однако в переходных экономических системах, где имеет место трансформация социально-экономических отношений, хронический дефицит финансовых ресурсов и ограниченная доступность ряда источников финансирования для большинства сельскохозяйственных предприятий, структура источников формирования финансовых ресурсов приобретает принципиальное значение. Здесь уже не только объём, но и качество, стоимость и сочетание источников капитала во многом предопределяют устойчивость и траекторию развития аграрных организаций.

Значительный вклад в осмысление роли финансовых ресурсов в развитии предприятий внёс А. Пигу. В центре его концепции – идея о необходимости более равномерного распределения доходов как фундаменте «экономики благосостояния». В научный оборот им были введены категории «несовершенства знания» и «структурных дефектов рыночного механизма», которые, по его мнению, приводят к неэффективному функционированию хозяйственной системы, в том числе к нерациональному использованию финансовых ресурсов. Тем самым подчёркивается, что несовершенная информация и институциональные ограничения могут искажать процессы

формирования и распределения финансовых потоков.

Й. Шумпетер также акцентировал внимание на важности источников финансирования для экономического развития предприятий. Он полагал, что решающим фактором выступает не столько количественное наращивание объёма привлекаемых финансовых ресурсов, сколько повышение их качества, то есть улучшение условий и форм финансирования, позволяющих стимулировать инновации и предпринимательскую активность.

В рамках так называемой новой теории финансов, разработанной Дж. Стиглицем и А. Вайсом, подчёркивается существенное влияние структуры и характеристик источников финансовых ресурсов на экономическое развитие хозяйствующих субъектов. Исследователями обращается внимание на асимметрию информации между кредиторами и заёмщиками, проблемы неблагоприятного отбора и морального риска, которые определяют доступность и стоимость заёмного капитала. Аналогичных позиций придерживался Р. Голдсмит, подчёркивая, что темпы экономического роста во многом зависят от пропорций распределения валовых сбережений между источниками прямого и косвенного финансирования , то есть от того, в какой мере экономика опирается на рыночные механизмы фондирования и банковское кредитование.

Вопрос о нахождении оптимальных границ структуры источников финансовых ресурсов остаётся предметом научных дискуссий. Часть исследователей пытается с использованием математических моделей определить оптимальное соотношение между различными видами источников, прежде всего между собственным и заёмным капиталом. При этом в качестве эмпирической базы используются данные прошлых периодов деятельности предприятий. Однако подобные расчёты, даже опирающиеся на сложный математический аппарат, не могут рассматриваться как абсолютно достоверные и универсально применимые, поскольку они зачастую игнорируют динамичность внешней среды, изменение условий хозяйствования и индивидуальные особенности предприятий.

В экономической литературе достаточно широкое распространение получила точка зрения, согласно которой доля собственных источников финансирования должна быть достаточно высокой и составлять не менее 60–70% совокупного объёма финансовых ресурсов. Аргументация сторонников этой позиции строится на том, что высокая доля собственного капитала обеспечивает большую финансовую устойчивость, снижает зависимость от внешних кредиторов и повышает доверие со стороны деловых партнёров и инвесторов.

В то же время существует и альтернативный подход. Ряд исследователей полагают, что доля собственных средств в структуре финансовых ресурсов не должна превышать 30–40%. Такая позиция объясняется стремлением к более рациональному и эффективному использованию капитала, то есть минимизации «замороженных» собственных ресурсов и более активным привлечением относительно дешёвого заёмного финансирования. При этом предполагается, что более высокая доля привлечённого капитала стимулирует повышение дисциплины в управлении финансами, усиливает контроль со стороны кредиторов и партнёров и тем самым способствует повышению эффективности

использования ресурсов.

Представляется, что попытки вывести единые «средние» оптимальные значения соотношения собственного и заёмного капитала некорректны, поскольку эти параметры являются весьма подвижными во времени и зависят от широкого круга факторов, включая отраслевую специфику, степень специализации предприятия, структуру его активов, фазу жизненного цикла, состояние финансового рынка и др. В связи с этим более продуктивным является подход, при котором структура источников финансовых ресурсов определяется с учётом индивидуальных особенностей хозяйствующего субъекта и конкретной экономической ситуации.

При принятии решения о целесообразности привлечения дополнительных финансовых ресурсов за счёт внешних источников важным ориентиром может служить соотношение нормы прибыли и стоимости заёмного капитала. Если цена привлечённых ресурсов превышает норму прибыли предприятия, использование внешнего финансирования становится экономически невыгодным и предпочтение следует отдавать собственным средствам. Если же, напротив, норма прибыли выше стоимости заёмного капитала, привлечение внешних ресурсов может рассматриваться как целесообразное, поскольку даёт возможность расширить производство и повысить доходность. При этом необходимо учитывать, что рост доли заёмных средств неизбежно сопровождается увеличением финансовых рисков.

Возможна и ситуация, при которой норма прибыли приблизительно равна стоимости кредитных ресурсов. В подобных условиях во многих случаях привлечение дополнительного финансирования также может быть оправдано, так как позволяет расширить масштабы деятельности, создать новые рабочие места, укрепить конкурентные позиции и сформировать потенциал для улучшения финансовых результатов в будущем. Вместе с тем в анализ необходимо включать оценку потенциальных потерь, связанных с невозможностью осуществления тех или иных производственных операций вследствие нехватки финансовых ресурсов. Если ожидаемые потери от неосуществления запланированных операций превышают плату за пользование заёмным капиталом, привлечение дополнительных средств является рациональным решением.

Финансовые ресурсы предприятий АПК находятся в постоянном кругообороте: осуществляются закупки материальных ресурсов для очередного производственного цикла, формируются запасы, производится и реализуется готовая продукция. Теоретически в условиях устойчиво прибыльной деятельности один собственный источник – выручка от реализации – мог бы обеспечить потребность в финансировании производственного процесса, позволяя формировать все необходимые финансовые ресурсы без привлечения заёмных средств.

Однако на практике в сельском хозяйстве реализовать подобную схему в чистом виде невозможно. Главным объективным фактором, препятствующим этому, является сезонный характер производства, который обуславливает неравномерность поступления выручки и несоответствие по времени притока и

оттока денежных средств. Дополнительными обстоятельствами выступают задержки платежей со стороны покупателей, необходимость накопления товарных запасов в определённые периоды для осуществления крупнооптовой реализации, формирование страховых натуральных резервов, потребность в заблаговременной подготовке сырья к переработке.

В совокупности данные факторы приводят к тому, что значительная доля в структуре источников формирования финансовых ресурсов сельскохозяйственных предприятий приходится на привлечённые средства. Причём для аграрного сектора это не является исключительной или «вынужденной» мерой, а выступает объективной предпосылкой устойчивого функционирования.

Распространённая точка зрения некоторых учёных о том, будто бы оптимальным вариантом организации хозяйственной деятельности аграрного предприятия является полное исключение заимствования средств, представляется необоснованной. Такие хозяйства фактически консервируют значительные суммы собственного капитала на продолжительные сроки, теряя гибкость реагирования на рыночные условия и упуская выгоды от эффективного использования всех возможных финансовых инструментов.

Оптимальной финансовой стратегией для агропредприятия выглядит та, при которой собственный капитал используется исключительно для покрытия базовых нужд, обеспечивая устойчивость бизнеса в обычных условиях, а привлечение кредитных ресурсов осуществляется лишь в моменты максимальной потребности, поддерживая постоянный оборот необходимых средств. Подобный подход помогает нивелировать влияние сезонности, сохранять требуемую степень платежеспособности и избегать чрезмерного обременения долговыми обязательствами.

Историческая эволюция структуры источников формирования финансовых ресурсов сельскохозяйственных предприятий наглядно демонстрирует влияние институциональных и макроэкономических факторов. До 1990 г. средние пропорции распределения источников финансирования были следующими: около 50% приходилось на собственные средства, 20% – на государственную финансовую поддержку и 30% – на банковские кредиты. Подобная структура объяснялась значительными объёмами бюджетных ассигнований и крайне низкой стоимостью кредитных ресурсов: процентные ставки по долгосрочным кредитам составляли порядка 0,75%, а по краткосрочным – около 1,5%. В таких условиях банковское кредитование являлось доступным и относительно дешёвым источником финансирования.

После 1990 г. в результате рыночных преобразований произошли радикальные изменения в соотношении источников финансовых ресурсов сельскохозяйственных предприятий. Существенно увеличилась доля кредиторской задолженности, которая к 2000 г. достигла примерно 58,7%, одновременно резко сократился объём прямой государственной поддержки – до 2,1%. Таким образом, к началу реформирования аграрного сектора в 2000 г. структура источников финансирования претерпела серьёзную трансформацию, прежде всего за счёт снижения удельного веса банковских кредитов и

бюджетного финансирования и роста роли прочих привлечённых ресурсов.

В то же время трансформационные рыночные процессы способствовали расширению перечня доступных для сельскохозяйственных предприятий источников формирования финансовых ресурсов – как собственных, так и заёмных. На практике сложилась устойчивая тенденция увеличения доли привлечённых средств в совокупном объёме формируемых финансовых ресурсов. Это связано как с необходимостью компенсировать снижение объёмов государственной поддержки, так и с постепенным развитием финансового рынка, появлением новых инструментов и форм финансирования.

При определении оптимальной структуры источников формирования финансовых ресурсов и выборе конкретных инструментов привлечения капитала необходимо учитывать широкий спектр внутренних и внешних факторов, воздействующих на функционирование сельскохозяйственных предприятий. К внутренним факторам относятся, в частности, производственная структура и специализация, уровень технического оснащения, качество управления, состояние платёжной дисциплины, величина и структура активов, рентабельность деятельности. К внешним – макроэкономическая ситуация, уровень инфляции, состояние финансового и кредитного рынков, государственная аграрная и финансовая политика, налоговый режим, институциональная среда, конъюнктура на рынках сельскохозяйственной продукции и ресурсов (табл. 5). Учитывая комплексное влияние этих факторов, формирование финансовых ресурсов в АПК требует системного подхода и научно обоснованной финансовой стратегии.

Таблица 5 – Основные факторы, влияющие на объем и структуру источников финансовых ресурсов сельскохозяйственных предприятий, и их оценка

Внешние факторы		Внутренние факторы	
Факторы	Оценка состояния	Факторы	Оценка состояния
Состояние экономики	Не стабильный	Форма собственности	Различные
Инфляционные процессы	Высокие	Организационно-правовая структура	Различные
Государственное регулирование	Несовершенное	Кредитоспособность	Низкая
Государственная финансовая поддержка	Низкая	Мотивы собственника	Групповые
Амортизационная политика	Неэффективная	Состав участников	Значительное количество разрозненных пайщиков
Налоговая политика	Не стабильная	Цель и задачи деятельности	Краткосрочные
Цены на продукцию	Низкие	Размер кредиторской задолженности	Высокий
Цени на финансовые ресурсы	Высокие	Объемы производства	Не стабильные
Цены на материальные ресурсы	Высокие	Объемы выручки	Не стабильные
Платежеспособный спрос	Низкий	Прибыльность производства	Низкая

Конкуренция на рынке	Высокая	Размеры амортизации	Инвестируются не в полном размере
Финансово-экономическое положение потребителей	Низкое	Резервы финансовых ресурсов	Отсутствуют
Уровень развития финансового рынка и его инфраструктуры	Низкий	Эффективность управления	Низкая
Отраслевая принадлежность	Не влияет	Физический и моральный износ основных фондов	Высокий
Привлекательность аграрного бизнеса	Низкая	Эффективность использования финансовых ресурсов	Низкая
Потенциал аграрного бизнеса	Высокий	Конкурентоспособность	Не определяется

Составлено авторами

Формирование ресурсной базы требует тщательного учёта одной из важнейших характеристик – стоимости каждого из используемых источников финансирования. Ведь в условиях свободного рынка каждое средство имеет собственную цену, зачастую отличную от первоначальной номинальной величины. Стоимость определяется такими факторами, как необходимость выплаты дивидендов акционерам, оплата аренды имущества, проценты по займам, комиссии банкам, штрафы и пени за нарушение договорённостей.

Стоимость привлечённых средств зависит от множества обстоятельств: уровня действующих банковских ставок, сроков предоставления кредита, объёма полученных средств, направлений их расходования, показателей эффективности производственно-хозяйственной деятельности, качества активационного портфеля предприятия (включая долю высоколиквидных активов), размеров задолженностей, состояния платёжной дисциплины, общих коэффициентов финансовой стабильности и надежности фирмы.

Оптимизация структуры финансирования крайне важна по ряду причин:

- во-первых, правильное соотношение собственных и заёмных средств определяет конечный финансовый результат предприятия и его способность развиваться и расширять деятельность;

- во-вторых, цена собственного и заёмного капитала неодинакова, поэтому компаниям важно детально оценивать стоимость каждой составляющей своего ресурса и находить баланс между различными видами используемого капитала;

- в-третьих, конфигурация источников финансирования влияет на восприятие партнёрами, клиентами, инвесторами и финансово-кредитными учреждениями, демонстрируя финансовую стабильность и уровень риска предприятия;

- наконец, в рыночной ситуации структура источников финансирования непосредственно связана с уровнем финансового риска, степенью устойчивости и способности своевременно погашать обязательства, что сказывается на положении предприятия в отрасли и доступности новых инвестиций.

Поддерживая взгляды ряда экономистов, отметим важность комплексного подхода к формированию финансовых ресурсов, учитывающего систему

приоритетов и взаимодействие различных составляющих в рамках единого целого. Каждая сельхозорганизация формирует собственные уникальные модели финансирования, поэтому обеспечение устойчивого функционирования требует согласования всех элементов этой системы и понимания причинно-следственных связей между ними.

Важно помнить, что формирование ресурсной базы неразрывно связано с общим функционированием предприятия. Как подчёркивали выдающиеся учёные-экономисты прошлого, экономические проблемы на уровне денежных рынков часто являются следствием глубоких структурных дисбалансов и нарушений в сфере реального производства и воспроизводственного цикла.

Оптимизация структуры источников формирования финансовых ресурсов на сельскохозяйственных предприятиях должна осуществляться поэтапно, в определённой логической последовательности, что может быть представлено в виде соответствующей схемы (рис. 1).

Возможные пути эволюции любого предприятия разнообразны и определяются множеством влияющих факторов внутренней среды и внешней обстановки. В условиях рыночной конкуренции решение о выборе конкретной стратегии развития аграрного хозяйства основывается на сопоставлении потенциальных доходов и сопутствующих рисков по каждому рассматриваемому варианту действий. Каждому такому сценарию соответствует своя уникальная комбинация источников финансирования, построенная исходя из критериев максимизации чистой прибыли и минимизации усреднённой стоимости привлечённых средств.

Обнаружение объективных закономерностей и тенденций, выявление существующих несоответствий и отклонений в формировании финансовой базы, а также реакция на негативные воздействия внутренних и внешних условий позволяют выстроить новую, более эффективную модель финансирования. Такой подход способствует снижению негативных последствий искажений в структуре капитала и ослаблению их негативного влияния на финансы предприятия.

Проблематика формирования необходимого объема финансовых ресурсов тесно переплетается с процедурами их выявления, привлечения, накопления, вложения, распределения, перенаправления и эксплуатации. Эти этапы порождают ряд характерных трудностей, особенно ярко выраженных в движении денежных средств и управлении денежными потоками.

Классификация финансовых потоков возможна по разным критериям, однако практика деятельности сельскохозяйственных организаций и выявленные особенности динамики движения ресурсов указывают на полезность введения дополнительных категорий. Среди них выделяются длительность формирования потока, объемность, предугадываемость, регулярность, постоянство периодов появления, а также учет временной составляющей (табл. 6).

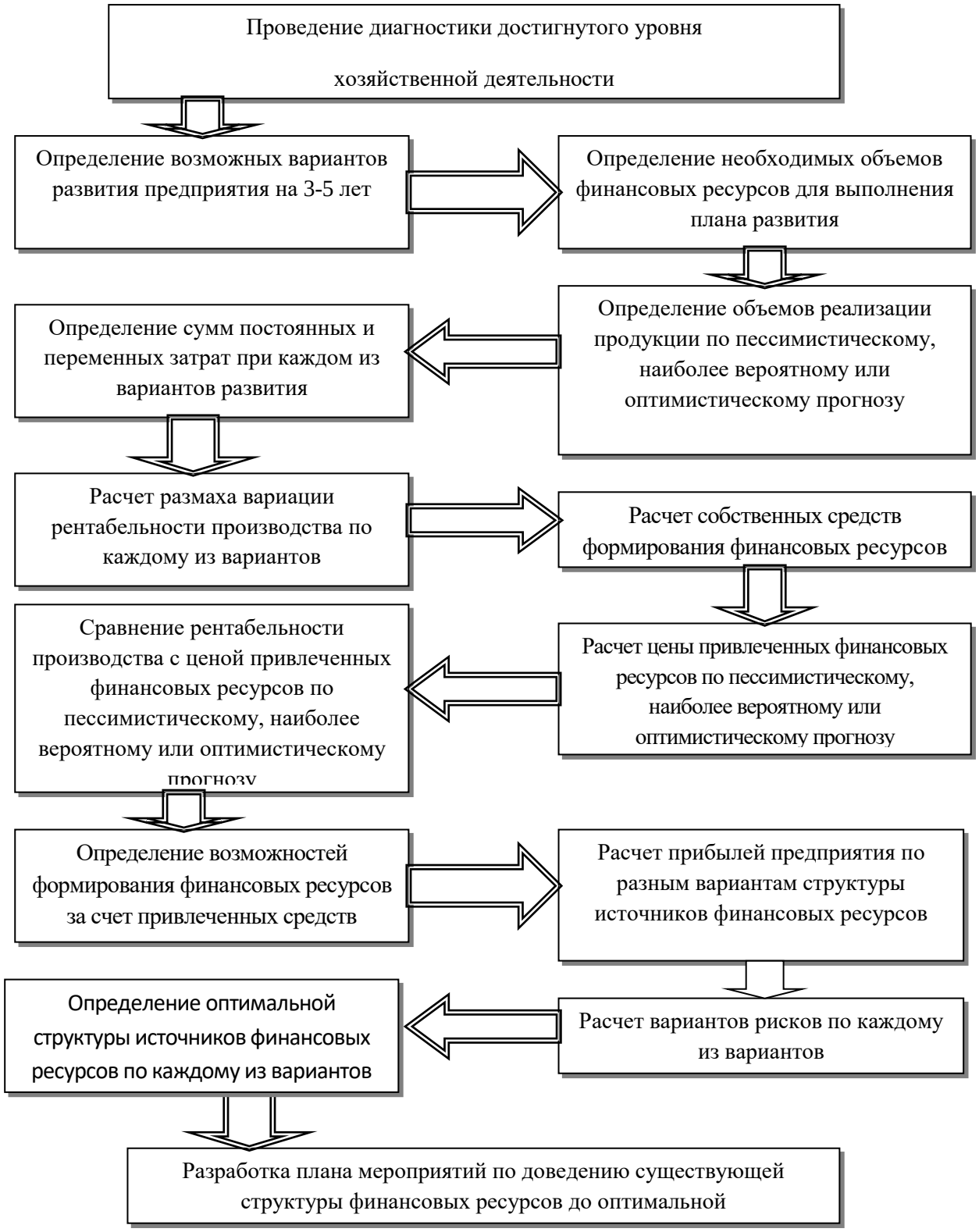


Рисунок 1 – Последовательность этапов оптимизации структуры источников формирования финансовых ресурсов сельскохозяйственного предприятия (составлено авторами)

Такая классификация позволяет систематизировать денежные потоки хозяйств и создавать специальные методы управления ими, способствующие контролю над соблюдением сроков и равномерностью осуществления операций, оказывая направленное воздействие на ускорение циркуляции средств как по

отдельным направлениям, так и в общем масштабе предприятия. Дополнительно возникает возможность оценки доходности конкретных финансовых операций, исследования плотности и прочих свойств потоков с целью увеличения общего показателя прибыльности предприятия. Всё это создаёт основу для комплексных исследований и совершенствования процессов управления финансовыми потоками в сельском хозяйстве.

Таблица 6 – Классификация финансовых потоков сельскохозяйственного предприятия

Классификационный признак	Название финансового потока
Масштаб обслуживания финансово-хозяйственных процессов	1.Финансовый поток предприятия 2. Финансовый поток структурного подразделения 3. Финансовый поток отдельной хозяйственной операции
Вид финансово-хозяйственной деятельности	1. Совокупный финансовый поток 2. Финансовый поток текущей деятельности 3. Финансовый поток инвестиционной деятельности
Направление движения	1. Входящий финансовый поток (приток) 2. Выходящий финансовый поток (отток)
Сфера обращения	1. Внешний финансовый поток 2. Внутренний финансовый поток
Длительность	1. Краткосрочный финансовый поток 2. Среднесрочный финансовый поток 3. Долгосрочный финансовый поток
Достаточность объема	1. Чрезмерный финансовый поток 2. Оптимальный финансовый поток 3. Дефицитный финансовый поток
Прогнозирование	1. Прогнозируемый финансовый поток 2. Непрогнозируемый финансовый поток
Непрерывность формирования	1. Постоянный финансовый поток 2. Дискретный финансовый поток
Стабильность временных интервалов формирования	1. Регулярный финансовый поток с равномерными временными интервалами 2. Регулярный финансовый поток с неравномерными временными интервалами
Оценка во времени	1. Сегодняшний финансовый поток 2. Будущий финансовый поток

Составлено авторами

Отсутствие действенной системы управления финансовыми потоками в сельскохозяйственных организациях обуславливает возникновение рискованных ситуаций, одной из форм которых выступает дефицит финансовых ресурсов. В этих условиях мониторинг внешней среды и постоянная диагностика состояния финансовых потоков становятся важнейшими элементами системы финансового менеджмента.

Так, например, изменение цен на ресурсы вызывает соответствующие колебания в потребности предприятий в привлечении дополнительных объёмов финансовых ресурсов в сторону увеличения или сокращения. В ситуации

повышения процентных ставок по кредитам может быть принято решение о приостановлении либо отказе от реализации отдельных инвестиционных проектов, а также о приоритетном использовании внутренних резервов и механизма самофинансирования вместо ориентации на заёмные источники.

В процессе управления финансовыми потоками целесесообразно ориентироваться на достижение максимального конечного результата при одновременном сокращении затрат, связанных с организацией и координацией этих потоков. По возможности следует стремиться к тому, чтобы одно управленческое воздействие оказывало влияние одновременно на параметры как можно большего числа финансовых потоков. В таком случае решение возникающих проблем осуществляется в более сжатые сроки и с меньшими издержками для предприятия.

Диагностика состояния и динамики финансовых потоков сельскохозяйственных предприятий представляется наиболее информативной при анализе их движения в рамках общего экономического цикла деятельности хозяйствующего субъекта.

В упрощённом виде экономический цикл производства может быть представлен тремя основными стадиями обращения финансовых ресурсов. На первой стадии денежные средства трансформируются в производственные запасы – сырьё, материалы и другие элементы средств производства, а также происходит привлечение рабочей силы. На второй стадии осуществляется собственно производственный процесс, результатом которого выступает готовая продукция. На третьей стадии происходит обратная трансформация: созданная продукция обменивается на финансовые ресурсы, причём их стоимость должна превышать величину первоначальных вложений. Таким образом, в рамках названных стадий одновременно протекают два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса – производственный и финансовый (рис. 2).

Производственный цикл начинается с момента поступления сырья и материалов на склад предприятия и завершается в момент реализации покупателю готовой продукции, изготовленной из этих ресурсов. Он характеризуется, с одной стороны, объёмами незавершённого производства и величиной запасов сырья, материалов и готовой продукции, а с другой – средней продолжительностью их оборота.

Финансовый цикл, в свою очередь, стартует с момента осуществления платежей поставщикам за сырьё и материалы либо погашения соответствующей кредиторской задолженности и заканчивается поступлением денежных средств от реализации готовой продукции, то есть погашением дебиторской задолженности. Его продолжительность определяется длительностью производственного цикла, сроками обращения дебиторской и кредиторской задолженности, а также условиями и периодичностью авансовых платежей.

Следует подчеркнуть, что влияние отдельных элементов расчётных отношений на продолжительность финансового цикла носит разнонаправленный характер. Так, наличие значительных объёмов дебиторской задолженности и осуществление предприятием авансовых платежей поставщикам ведут к удлинению финансового цикла. В то же время использование отсрочки платежа

поставщикам (формирование кредиторской задолженности) и получение авансовых платежей от покупателей, напротив, сокращают его продолжительность.

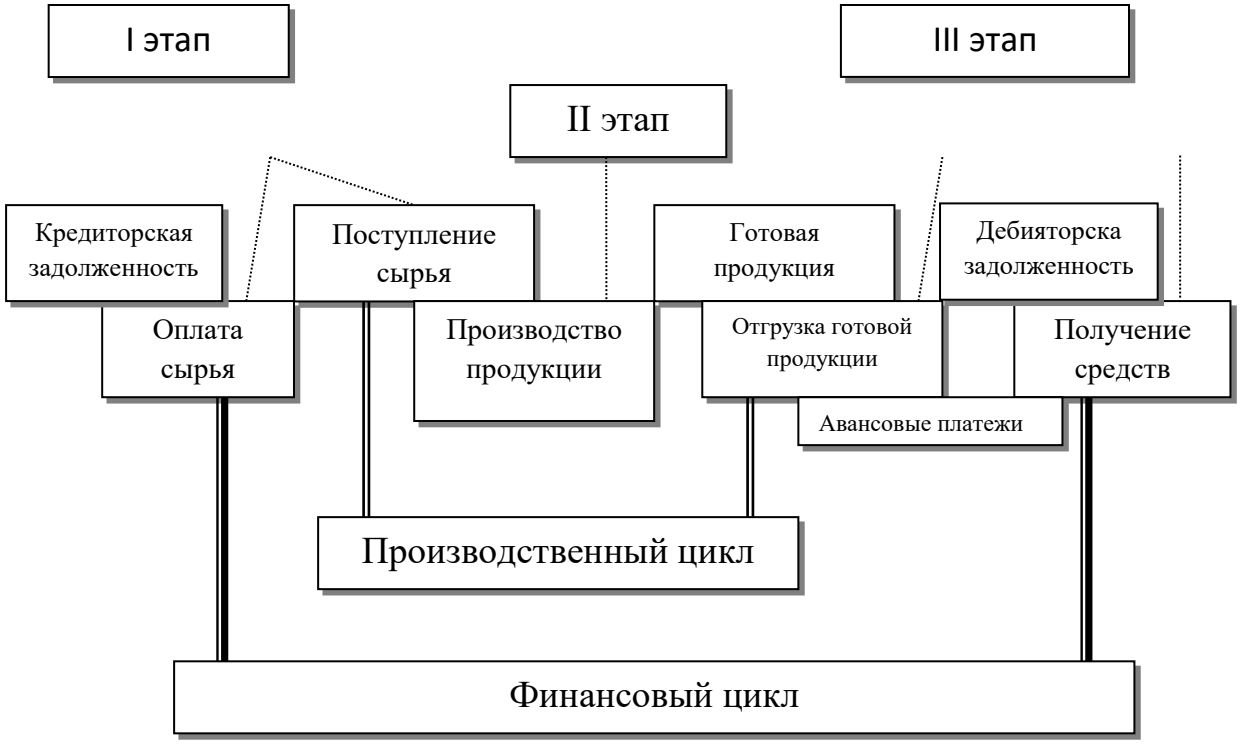


Рисунок 2 – Экономический цикл производства

Финансовое обеспечение хозяйствующего субъекта представляет собой динамический процесс, включающий последовательные фазы преобразования ресурсов из одной формы в другую. Данный процесс традиционно рассматривается как промежуток времени, начинающийся с начала изготовления продукции и завершающийся моментом её сбыта и зачисления денежных средств в качестве выручки.Таким образом, перемещение финансовых ресурсов характеризуется постоянным изменением форм, причем производительность их использования прямо пропорциональна скорости перехода из одной формы в другую. Ускоренный оборот означает увеличение производительности использования ресурсов предприятием. Другими словами, высокая скорость обращения является важным показателем, отображающим качество взаимодействия предприятия с собственными финансовыми средствами.

Скоростные показатели определяют продуктивность задействованных ресурсов, но сами по себе не вскрывают причины достигнутых результатов. Чтобы выявить корневые факторы, используются специализированные метрики, такие как частота оборотов денежных средств, динамика счетов дебиторов и остатков готовой продукции, коэффициент оборачиваемости и схожие индексы.Идеальным положением вещей было бы завершение полного цикла движения ресурсов за сутки, начиная с закупки сырья и заканчивая реализацией товара в тот же день. Но подобная схема невозможна для сельского хозяйства из-за технических, производственных и экономических барьеров.

Реальные субъекты принимают индивидуальные решения, стремясь сократить время пребывания ресурсов на складах. Здесь важно соблюдать баланс между ускорением оборачиваемости и риском остановки производства из-за отсутствия поставок нужных материалов, таких как топливо, семена.

Практика показывает, что многие сельскохозяйственные предприятия предпочитают формировать повышенные объемы запасов. Причины этому кроются в попытках избежать инфляционной потери ценности ресурсов путем перевода их в материально вещественную форму, а также стремление извлечь дополнительную прибыль благодаря росту цен на продукцию или участию в обменных сделках.

Широко применяемым методом сокращения финансового цикла является отсрочка платежей. Основной фактор задержки расчетов в аграрной сфере состоит в несбалансированности стадий экономического цикла, когда расходы совершаются раньше, чем поступают деньги от продаж.

Непродолжительная стадия цикла ускоряет возвращение вложенных средств и повышает ликвидность активов, снижая риски их неэффективного использования. Прибыль от операционной деятельности также существенно зависит от длины цикла, влияющего как на количество произведенного продукта, так и на частоту получения доходов.

Необходимо учитывать, что реальные финансовые потоки отличаются сложной структурой. Например, сырье и товары могут служить средством оплаты вне рамок производственного процесса, а само движение средств сопровождается предварительными выплатами как самим предприятием, так и его партнерами.

При планировании, регулировании и мониторинге движения финансовых ресурсов важно осознавать различия видов и продолжительности циклов. Продолжительность и специфика этих циклов зависят от широкого спектра факторов: внешние условия на государственном и региональном уровнях, меры госрегулирования и поддержка государства, предпочтения владельцев, юридический статус предприятия, особенности сферы деятельности, развитие инфраструктурных институтов, особенности рынков, на которых действует компания. Комплексный учет перечисленных факторов позволит повысить точность оценивания и создать действенный механизм управления финансовыми ресурсами.

4.5. Теоретико-прикладные аспекты государственной поддержки агробизнеса

Успешное развитие сельского хозяйства юга России зависит не только от природных условий, но и от эффективности финансовой поддержки, финансовых ресурсов АПК.

Государственная поддержка играет ключевую роль в развитии сельского хозяйства, обеспечивая стабильность отрасли, стимулируя рост производства, повышая конкурентоспособность и способствуя решению стратегических задач, таких как продовольственная безопасность. Она компенсирует риски, присущие аграрному сектору (неблагоприятные погодные условия, зависимость от

внешних факторов), и создаёт условия для долгосрочного развития.

К основным инструментам государственной поддержки относятся:

Субсидии. Возмещение прямых затрат на создание и модернизацию объектов АПК, производство и приобретение техники, сертификацию и транспортировку продукции.

Льготное кредитование. Возмещение части процентной ставки по кредитам и займам, что повышает доступность заёмных средств для сельхозпроизводителей. В 2025 году объём субсидий на льготные кредиты вырос с 100 млрд до 250 млрд рублей. vaael.ru +1

Льготный лизинг. Предоставление техники и оборудования на выгодных условиях (авансовый платёж от 0%, срок лизинга до 7 лет).

Гранты. Поддержка начинающих фермеров, развитие семейных животноводческих комплексов и других направлений.

Агрострахование. Компенсация потерь при утрате урожая в размере 20% и более.

Развитие инфраструктуры села. Улучшение жилищных условий, строительство дорог, газификация, водоснабжение.

Налоговые льготы. Система льготного налогообложения для снижения налоговой нагрузки на сельхозпредприятия.

Влияние на развитие сельского хозяйства

Повышение финансовой устойчивости. Господдержка позволяет компенсировать негативное влияние внешних шоков (санкции, экономические кризисы, погодные аномалии), поддерживать доходность хозяйств и сохранять рабочие места. Особенно это важно для малых форм хозяйствования (фермерских хозяйств, индивидуальных предпринимателей), которые часто оказываются более уязвимыми, чем крупные предприятия.

Стимулирование инвестиций и технологического обновления. Субсидии на модернизацию объектов АПК, льготное кредитование и другие меры способствуют обновлению техники, внедрению инновационных технологий, развитию сельскохозяйственного машиностроения. Это ведёт к росту производительности труда, снижению себестоимости продукции и повышению эффективности производства.

Обеспечение продовольственной безопасности. Государственная поддержка направлена на достижение самообеспеченности ключевыми видами продовольствия, снижение зависимости от импорта. Например, включение норматива самообеспеченности семенным материалом российских компаний в Доктрину продовольственной безопасности в 2020 году способствовало развитию собственной семенной базы.

Развитие экспорта. Программы поддержки экспорта, включённые в государственные программы, способствуют росту экспортного потенциала сельского хозяйства. До 2020 года экспорт отечественной сельхозпродукции рос в среднем на 9,1% годовых.

Снижение региональных диспропорций. Федеральные и региональные программы учитывают локальные особенности, что помогает выравнивать уровень развития сельского хозяйства в разных субъектах РФ, укреплять

инфраструктуру и улучшать условия жизни на селе.

Поддержка приоритетных направлений. Государство целенаправленно выделяет средства на развитие молочного животноводства, селекцию и генетику, технологическое обновление, виноградарство и другие ключевые сферы. Это позволяет концентрировать ресурсы на наиболее перспективных и стратегически важных направлениях.

Несмотря на положительную роль господдержки, существуют и проблемы:

Зависимость от бюджетных средств. Финансовые показатели сельхозпроизводителей часто напрямую связаны с объёмом получаемых субсидий, что может снижать стимулы к самостоятельной оптимизации производства.

Неравномерность поддержки. Наблюдается тенденция к более активной поддержке крупных сельскохозяйственных организаций при сокращении финансирования малых форм хозяйствования, что может угрожать их устойчивости.

Необходимость повышения эффективности. Требуется совершенствование механизмов субсидирования и кредитования, особенно в сегменте малых хозяйств, чтобы обеспечить долгосрочную стабильность отрасли.

Регионализация поддержки. Более 70% средств приходится на региональные бюджеты, что может искажать конкурентную среду и приводить к дифференциации условий жизни на селе.

Согласно официальным данным на январь 2026 года, совокупный объём государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации (по итогам 2025 года) составил 665 млрд рублей. Указанные финансовые ресурсы были направлены на реализацию механизмов льготного кредитования, предоставление субсидий для стимулирования развития приоритетных направлений сельского хозяйства, а также на обновление парка сельскохозяйственной техники и модернизацию производственного оборудования.

Наибольшая доля финансирования пришлась на государственную программу развития сельского хозяйства – 486,9 млрд рублей. Программа «Земля» получила 40,5 млрд рублей, инициатива «Комплексное развитие сельских территорий» – 116 млрд рублей, а на мероприятия по поддержке рыбохозяйственного комплекса было выделено 21,3 млрд рублей.

В федеральном бюджете на 2026 год предусмотрено 542 млрд рублей на реализацию четырёх указанных государственных программ. При этом объём бюджетных ассигнований может быть уточнён и увеличен в течение отчётного периода в зависимости от динамики социально-экономических условий.

Таким образом, меры государственной поддержки выступают ключевым инструментом обеспечения устойчивого функционирования и развития сельского хозяйства. Их результативность во многом определяется эффективностью распределения финансовых ресурсов, степенью адаптивности к внешним вызовам и уровнем внедрения инновационных технологий в отрасли.

Список использованных источников

1. Баркли П. Основы аграрной экономики / Э. Баркли, П. Баркли; пер. с англ. под науч. ред. Д.С. Терновского. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2022. – 560 с. – ISBN 978-5-85006-401-3. – Текст: электронный. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/2154902

2. Самыгин Д.Ю. Стратегическая модель устойчивости аграрного бизнеса: параметры, риски, решения: монография / Д.Ю. Самыгин, Н.Г. Барышников. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 161 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-012744-6. – Текст: электронный. – Режим доступа: https://znanium.com/catalog/product/1036622

3. Стратегия развития аграрной сферы экономики: проблемы и пути решения: сборник статей по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая – 2 июня 2017 г., г. Краснодар. – 2-е изд., стереотип. – Краснодар: КубГАУ, 2024. – 160 с. – ISBN 978-5-9500999-8-4. – Текст: электронный. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/1024141

4. Котляр А.А., Нехайчук Д.В., Павленко И.Г. Управление инновационным развитием предприятий агропромышленного комплекса // Форпост науки. – 2024. Т. 18. – № 4. – С. 53-62.

5. Кёстер У. Основы анализа аграрного рынка: учебное пособие / У. Кёстер; пер. с нем. под науч. ред. Е.В. Серовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 361 с. – (Переводные учебники ВШЭ). – ISBN 978-5-7598-2499-2. – Текст: электронный. – Режим доступа: https://znanium.ru/catalog/product/2156437

6. Куркина Н.Р., Чиркунова Е.К. Цифровизация как фактор повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса в условиях глобальных вызовов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 2 (175). – С. 173-178.

7. Четвериков О.К. Проблемы повышения эффективности в аграрной сфере на современном этапе // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 6. – С. 342-344.

8. Ванярха Д.С. Проблемы и барьеры в развитии КФХ России в условиях санкционного давления // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 1-1. – С. 38-45.

9. Шевчук И.А., Нехайчук Д.В. Экономические векторы развития агросектора в Крыму // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики. Труды VI Международной научно-практической конференции. – Симферополь. – 2023. – С. 46-48

10. Самыгин Д.Ю., Иванов А.А. Территориальное размещение и стратегическое развитие агропродовольственного сектора // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2023. – № 5. – С. 115-133.

11. Лясников Н.В., Романова Ю.А. Глобальные вызовы и угрозы развития аграрного сектора России // Продовольственная политика и безопасность. – 2019. Т. 6. – № 2. – С. 85-96.

12. Нехайчук Д.В., Павленко И.Г., Нагиев М.А.О. Научно-практические подходы к экономическому стимулированию развития аграрного бизнеса в России // Форпост науки. – 2023. – № 4 (66). – С. 9-16.

13. Бочкова Т.А., Жигарева А.А. Критический анализ состояния АПК:

вызовы и перспективы // Вызовы глобализации и развитие цифрового общества в условиях новой реальности. сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции. – Москва. – 2024. – С. 163-166.

14. Османова Э.У., Нехайчук Д.В., Павленко И.Г. Инвестиционные перспективы развития туризма на сельских территориях Ставропольского края // Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития. Материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург. – 2024. – С. 86-88.

15. Акинина Л.Н., Степулева А.К., Нехайчук Д.В., Иващенко Е.С., Кузнецова П.Д. Экономика современного сельского хозяйства России: на пути к импортозамещению // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 9 (158). – С. 397-403.

16. Плохотникова Г.В. Основные тенденции развития АПК Юга России и факторы его интенсификации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 5-2. – С. 298-302;

17. Aguzarova L.A., Aguzarova F.S., Nekhaychuk D.V. Tax incentives for sustainable agricultural development // Innovations in Sustainable Agricultural Systems, Agriculture 4.0 and Precision Agriculture. Volume 1. Conference Proceedings. Cham, Switzerland, 2026. P. 379-388.

ГЛАВА 5. РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

5.1. Производительность труда в организациях здравоохранения: проблемы и факторы роста[16]

Столетиями одним из показателей привлекающих внимание субъектов управления признается показатель производительности труда. По динамике производительности труда оценивают эффективность использования человеческого капитала, делают выводы относительно себестоимости производимой продукции, рентабельности производства, конкурентоспособности продукции предприятия, уровне жизни населения страны. Значение показателя отличается в разрезе стран, регионов, отраслей. На макроэкономическом уровне разница обусловлена отраслевой структурой экономики, однако на уровне отдельных отраслей и предприятий факторы многообразны. Исследование посвящено определению сущности, факторному анализу и поиску путей повышения производительности труда персонала медицинских организаций. В результате исследования выявлено ведущее значение: а) человеческого капитала личности работника организации; б) качества и уровня организации процесса оказания медицинских услуг, обусловленных информационно-технологическим оснащением компании.

В отечественной и мировой научной традиции производительность труда персонала рассматривается как ключевая характеристика результатов и эффективности функционирования персонала организации, обусловленная комплексом факторов и условий трудовой функции, в том числе институциональной культурой, технологической средой и свойствами их человеческого капитала.

Многофакторная модель изменения производительности труда сформировалась не сразу. Ранние представления объясняли различия в результатах деятельности в силу разделения труда. Согласно воззрению Ксенофонта (430 гг. до н.э.) и Платона (427-347 гг. до н.э.), разделение труда между людьми и ремеслами повышает результативность деятельности, поскольку позволяет углублять навыки и сокращать издержки переключения [1, С. 217]. Об этом же, касательно физического труда, говорил Фома Аквинский (1225-1274 гг.), указывая на то, что физический труд через практические тренировки «обладает постоянным потенциалом для улучшения», тогда как умственный – обусловлен предрасположенностями и имеет пределы для интенсификации [2].

Ученые - представители классической политэкономии, развивая исследуемую теорию, расширили круг определяющих производительность труда факторов. Так А. Смит (1723-1790 гг.) увязал прирост выпуска благ со структурой занятости и углублением разделения труда [6, С. 13]; Т.Р. Мальтус (1766-1834 гг.), обнаруживая связь производительности с динамикой населения, одновременно подчеркивал эффект снижения индивидуальной выработки у

[16] Автор раздела: Хазиахметова Г.А., Пугачёва С.Д., Свечников К.Л., Нурыйахметова С.М., Пугачева М.А.

новичков, что обосновало необходимость инвестиций в обучение и адаптацию работников на предприятии [16]; Д. Рикардо (1772-1823 гг.), изучая вопрос оценки стоимости доказал, что она прямо зависит от затрат труда и обратно – от производительности [21, С. 422].

Представители пост-классической школы продолжили исследование факторов роста производительности труда и влияния последней на социально-экономические процессы, сделав вывод о том, что разделение труда, повышая производительность, одновременно укрепляет социальную интеграцию и снижает напряженность [9, С. 215]. Представители теории реального делового цикла – Ф. Киндланд (1928-1982 гг.) и Э. Прескотт (1940-2022 гг.) объясняли колебания объемов выпуска продукции через отражение технологических шоков – большого разнообразия условий, определяющих рост или сокращение совокупной производительности труда [17, С. 34]. Т. Щульц (1902-1998 гг.) – один из авторов теории человеческого капитала подчеркивал пролонгированный эффект инвестиций в работников: «накопленные компетенции проявляются с лагом и обеспечивают устойчивый прирост эффективности в будущем» [22, С. 1145]. Р. Лукас (1937-2023 гг.), Т. Сарджент (1943 гг.- по наст время), Р. Барро (1944 г. – по наст время) – представители новой классической школы макроэкономики, изучая связь заработной платы и производительности труда, обосновали значение заработной платы как ценового «сигнала» для стимулирования труда.

Отечественная школа экономики труда разработала оригинальные подходы к организации труда и измерению производительности. А.К. Гастев (1882-1939 гг.) и Центральный институт труда, формируя «практику рационального движения» и нормирования, сместили фокус к организационным факторам: оплате, условиям труда, морально-психологическому климату и физическому состоянию работников; «узкой базой для производительности труда является не производственный процесс…, а эффективность каждого конкретного работника на его рабочем месте» [26, С. 3]. О.А. Ерманский (1867-1941 гг.), предложив концепцию «оптимума поддержания высокой производительности», утверждал необходимость минимизации жизненной энергии при максимуме выработки через механизацию и учет специфики работника [7, С. 15]. П.М. Керженцев (1881-1940 гг.), продвигая дисциплину времени, инициировал движение «Лига Время», институционализировав борьбу за рациональное использование рабочего времени [14, С. 76]. Одновременно с исследованием факторов роста производительности труда экономистами подчеркивалось ответное значимое влияние производительности труда на динамику экономического роста. Так С.Г. Струмилин (1877-1974 гг.), основываясь на комплексных расчетах по отраслям, выделил факторы экономического роста, среди которых выделил: интенсивность труда, эффективность оборудования, производительность ресурсов и потенциал работников, утверждая, что резервы производительности – центральная предпосылка выполнения планов [31], а Л.А. Костин (1922 – 2016 гг.) обосновал влияние научно-технического прогресса на темпы экономического роста [13, С. 54]. Эти и другие исследования, стали методологическим основанием

многофакторного анализа способов повышения производительности труда на микро-, мезо- и макроуровнях.

Итак, с концептуальной точки зрения, производительность труда – экономическая категория, раскрывающаяся, согласно представлению А.И. Щербакова на нескольких уровнях.

Первое – на локальном уровне, когда рассматривается индивидуальная и бригадная отдача труда в заданных организационно-технических условиях. В данном случае, по сведениям отраслевых работ, уместно говорить о «мощности» рабочего места, если продукт не выходит на рынок в виде товара, а выступает внутренним полуфабрикатом, не имеющим непосредственной стоимостной оценки в обращении [30, С. 27].

Второе – на организационном уровне, когда производительность измеряется через отношение добавленной стоимости к затратам труда; именно такая постановка используется в статистике и в инструментарии национальных программ повышения производительности [23, 24, 30]. Организационные эффекты возникают при реализации операционных улучшений (TQM, методы бережливого производства, нормирования труда) в сочетании с маркетинговыми инициативами, которые определяют конкурентоспособность продукта на рынке. На локальном и организационном уровнях производительность труда – индикатор зрелости системы управления персоналом, качества бизнес-процессов, уровня культуры непрерывных улучшений, уровня организации институциональных и экономических аспектов мотивации труда и развития персонала» [15, С. 37].

Третье, - на макроэкономическом уровне, когда средняя производительность труда агрегирует эффекты живого и прошлого труда, выступая косвенным показателем общехозяйственной эффективности и технологической зрелости экономики [30, С. 27].

Методически корректная работа по управлению производительностью труда предполагает: разграничение уровней анализа; использование наряду с трудовыми рыночных показателей деятельности; выявление узких мест в контуре «процесс – оборудование – компетенции – спрос», выстраивание циклов улучшений с опорой на нормирование, стандартизацию и обучение. Факторный анализ динамики производительности труда на личном и организационном уровнях должен учитывать: организационный фактор: оптимизация процессов, наличие четких регламентов и стандартов труда, эффективное распределения обязанностей; технические условия: уровень оснащения оборудованием и технологиями, степень автоматизации, позволяющие увеличить выработку одного сотрудника; квалификационный уровень персонала: образование и опыт работников; систему мотивации организации: структурно-содержательный анализ системы стимулирования и степень мотивации сотрудников в результате своего труда; внешние экономические условия: конъюнктура рынка, налоговая нагрузка, доступность сырья и комплектующих.

Центральными показателями для измерения служат выработка и трудоемкость. Под выработкой понимают количество продукции, будь то в натуральном или стоимостном выражении, созданное одним сотрудником за

определенный временной интервал. Сам показатель незаменим для оперативного контроля объемов выполняемых работ и оценки качества труда [25, С. 95]. Анализируя динамику выработки, руководство способно выявлять как передовых, так и отстающих сотрудников, что является основанием для принятия взвешенных управленческих решений, вплоть до кадровых перестановок или сокращений. Для получения объективной картины принято рассчитывать средние значения за длительные периоды, нивелируя тем самым случайные колебания.

В свою очередь, трудоемкость представляет собой обратный выработке показатель, характеризующий суммарные затраты труда, необходимые для производства одной единицы товара или оказания услуги. Его применение особенно оправдано в тех случаях, когда прямой подсчет объема произведенной продукции затруднен, например, в мелкосерийном или уникальном производстве. Следует отметить, что трудоемкость классифицируется на несколько видов. Технологическая трудоемкость охватывает затраты труда основных производственных рабочих. Обслуживающая трудоемкость включает усилия персонала, занятого ремонтом и наладкой оборудования. Управленческая трудоемкость отражает затраты труда административного и руководящего состава. Сочетание технологических и обслуживающих затрат формирует производственную трудоемкость, а при добавлении к ней управленческих затрат получают показатель полной трудоемкости, дающий наиболее полное представление о трудовых издержках [12]. Выбор конкретного метода расчета производительности труда напрямую детерминирован спецификой деятельности предприятия и характером выпускаемой продукции.

Таким образом, в настоящее время признается, что производительность труда персонала – это фундаментальный экономический показатель, комплексно характеризующий результативность трудовой деятельности, который измеряется количеством произведенной продукции или оказанных услуг надлежащего качества в единицу рабочего времени, либо величиной трудовых затрат, приходящихся на производство единицы продукции, и выступает ключевым критерием оценки рациональности использования человеческих ресурсов организации.

За последние десятилетия в экономике России наблюдалась позитивная динамика значений производительности труда, хотя ее абсолютные значения все еще уступают значениям стран Европы и Северной Америки. Например, согласно официальным данным Росстата и Всемирного банка, за период с 2010 по 2020 годы средний ежегодный рост производительности труда в России составил порядка 1%, однако, этот показатель значительно ниже, чем в среднем по ЕС (около 1,5%) и США (примерно 1%). Среднее значение показателя с 2003 по 2024 гг. составило 2,76%: максимальное значение – 7,5% было достигнуто в 2006 году, минимальное -4,1% – в 2009 году [18]. Значение производительности труда в России с 2023 по 2024 года выросло с 2,4 до 3,4 %. Министерство экономического развития России прогнозирует рост показателя на 21% в течение шести лет, минимум по 2,5% ежегодно [5]. Правительственная стратегия предполагает достижение целевых значений через комплексную работу на

микро- и макроуровнях, включающую оптимизацию бизнес-процессов, сокращение простоев, снижение уровня брака, повышение загрузки производственных мощностей и формирование отраслевых программ повышения эффективности.

Исследуя изменение результатов деятельности организаций, работающих в секторе оказания медицинских услуг можно констатировать, что рынок общей врачебной практики в России в 2024 году достиг объема 394,05 млрд. рублей, при этом структура отрасли характеризовалась значительной концентрацией крупных игроков преимущественно в столичном регионе. Выручка лидеров отрасли составила в 2024 году от 1,3 до 21,8 млрд. рублей при численности персонала от нескольких десятков до полутора тысяч сотрудников [19]. Аналогичный разброс наблюдается в значении показателя производительности труда: АО «ЕМЦ» с выручкой 21,77 млрд. рублей и штатом 1279 человек демонстрирует показатель 17,0 млн. рублей на одного работника; ООО «Хавен» при выручке 12,75 млрд. рублей и 944 сотрудниках – 13,5 млн рублей на человека; АО «Медицина» – 10,0 млн. рублей (7,35 млрд рублей выручки, 735 сотрудников); АО «Семейный доктор» – 6,8 млн. рублей (7,18 млрд рублей выручки, 1056 сотрудников). Средние и небольшие клиники характеризуются значениями производительности труда в диапазоне от 3,5 до 9,0 млн. рублей на одного работника. Согласно данным аналитического агентства RBC Research средняя производительность труда в частных медицинских клиниках России составляет 3,5–5,0 млн. рублей на одного работника.

Различия в значениях производительности труда можно объяснить влиянием нескольких факторов. Крупные многопрофильные медицинские центры имеют возможность оптимизировать использование дорогостоящего оборудования, распределять административные расходы на большую базу пациентов и внедрять автоматизированные системы управления. Специализированные клиники, работающие с высокомаржинальными услугами (диагностика, хирургия, онкология), показывают более высокую выработку за счет стоимости отдельных процедур. Географическое расположение играет роль: московские клиники имеют доступ к более платежеспособной аудитории и могут устанавливать сравнительно высокие цены [3, С. 560].

Определенное значение на показатели производительности труда оказывает и обстановка на рынке функциональной рабочей силы. Дефицит специалистов узкого профиля, врачей диагностических специальностей и среднего медицинского персонала с глубокой специализацией усиливается длительным циклом подготовки кадров: более 10 лет для специалиста высшей категории. Сроки закрытия вакансий для редких специальностей увеличились с 1–2 до 3–6 месяцев, что создает дополнительную нагрузку на существующий персонал и снижает общую эффективность работы клиник.

Демографическая ситуация в России оказывает непосредственное влияние на потребность в медицинских услугах и кадровое обеспечение отрасли. Численность населения России после периода снижения в 2000-х годах стабилизировалась на уровне 146–147 млн. человек. Средний возраст населения России продолжает расти: с 39,6 лет в 2015 году до 40,8 лет в 2024 году. Доля

населения старше 65 лет увеличилась с 13,4% в 2015 году до 16,2% в 2024 году, что повышает спрос на медицинские услуги, поскольку пожилые граждане обращаются к врачам в среднем в 3,5 раза чаще трудоспособного населения. При этом структура заболеваемости смещается в сторону хронических патологий, требующих постоянного медицинского наблюдения и более высокой квалификации специалистов. Распространенность сердечно-сосудистых заболеваний выросла с 24,8 млн. случаев в 2015 году до 29,3 млн. в 2024 году, онкологических – с 3,5 млн. до 4,1 млн. случаев за тот же период.

В 2019 году в России был запущен федеральный проект «Обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами» в рамках национального проекта «Здравоохранение». Проект был направлен на устранение кадрового дефицита медицинских работников первичного звена, а также обеспечение необходимыми специалистами терапевтической, хирургической и педиатрической служб. Реализация проекта обеспечила рост числа выпускников медицинских вузов с 2015 по 2024 гг.: врачей – на 45%; среднего медицинского персонала – на 33%; ординаторов – на 62,7% [19]. Число специалистов, участвующих в системе непрерывного образования медицинских работников с использованием дистанционных технологий, к 2024 году составило 1 997 474 человека при плановом показателе 1 900 000. За период реализации проекта было аккредитовано и допущено к профессиональной деятельности 2208740 специалистов, что на 5,2% превысило плановые значения.

К 2024 году были достигнуты все целевые показатели программы. Укомплектованность фельдшерских пунктов, фельдшерско-акушерских пунктов и врачебных амбулаторий медицинскими работниками достигла 94,76% при плановом значении 89,50%. Укомплектованность медицинских организаций, оказывающих амбулаторную помощь, врачами составила 95,45% (план – 92,50%), средними медицинскими работниками – 96,04% (план – 94,00%). Обеспеченность населения врачами, оказывающими первичную медико-санитарную помощь, выросла до 23,87 человека на 10 тыс. населения при целевом значении 22,80. Обеспеченность врачами, работающими в государственных и муниципальных медицинских организациях, достигла 42,14 человека на 10 тыс. населения (план – 40,70), средними медицинскими работниками – 88,25 на 10 тыс. населения (план – 88,20).

Несмотря на рост числа выпускников медицинских вузов, проблема кадрового дефицита сохраняется. Значительная часть молодых специалистов покидает профессию в первые пять лет работы из-за высокой нагрузки, недостаточного уровня оплаты труда в государственном секторе и сложных условий труда. Отток кадров из государственной системы здравоохранения в частную составляет около 15–18% ежегодно, что требует постоянного притока новых специалистов. Компенсация кадрового дефицита происходит через опережающий рост заработных плат. В частном сегменте годовое увеличение оплаты труда врачебного персонала составляет 10–20%, для высоко-дефицитных специалистов – 15–25%. Заработная плата врачей общей практики в регионах в 2024 году находилась в диапазоне 95–130 тысяч рублей, однако конкуренция за

квалифицированные кадры вынуждает работодателей предлагать существенно лучшие условия труда.

В целях повышения производительности труда в здравоохранении государственная программа предусматривает комплекс мер по трем направлениям.

Первое направление – цифровизация медицинских процессов. Внедряются системы поддержки принятия клинических решений на основе искусственного интеллекта, автоматизированные рабочие места врачей с интеграцией в единую информационную систему, дистанционные пациентские сервисы для записи на прием и получения результатов анализов, электронная медицинская карта с возможностью доступа всех специалистов к истории болезни пациента. К 2024 году электронные медицинские карты внедрены в 87% государственных медицинских организаций.

Второе направление – применение бережливых технологий. Оптимизируются функционал рабочих мест врачей с сокращением времени на непрофильные операции, в крупных медицинских центрах внедряются системы навигации для пациентов, применяются современные практики эффективного управления (система 5S, картирование потоков создания ценности, стандартизация и тиражирование процессов) [32, С. 551]. С 2019 по 2024 гг. обучение принципам бережливого производства в России прошло более 185 000 медицинских работников.

Третье направление – обновление материально-технической базы. Осуществляется замена и модернизация парка медицинского оборудования, строительство новых объектов здравоохранения, переоснащение существующих клиник современным диагностическим и лечебным оборудованием. За пять лет реализации программы было обновлено 42% медицинского оборудования в государственных клиниках, введены в эксплуатацию 237 новых медицинских объектов.

Для объективной оценки эффективности российской системы здравоохранения необходимо сопоставление с показателями развитых стран. По данным OECD Health Statistics, производительность труда в медицинской отрасли существенно различается между странами в зависимости от модели организации здравоохранения, уровня технологического оснащения и структуры финансирования (таблица 1).

Согласно данным таблицы 1 Россия имеет один из самых высоких показателей обеспеченности врачами – 42,1 врач на 10 тыс. населения, что сопоставимо с Германией (43,2) и значительно выше, чем в США (26,5) и Японии (25,8). Однако производительность труда российских врачей существенно ниже: 125 тыс. долл. США по паритету покупательной способности против 487 тыс. долл. в США и 342 тыс. долл. в Германии, что объясняется влиянием нескольких факторов. Во-первых, расходы на здравоохранение в России составляют 5,3% ВВП, что в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах, что ограничивает возможности технологического оснащения медицинских организаций и влияет на стоимость медицинских услуг. Во-вторых, структура здравоохранения в России характеризуется избыточной госпитализацией: показатель коек на 10

тыс. населения составляет 71,2 против 29,4 в среднем по ОЭСР, что распыляет ресурсы и снижает эффективность использования кадров. В-третьих, уровень цифровизации медицинских процессов в России пока отстает от развитых стран. Доля электронных рецептов в США составляет 94%, в России – 67%. Телемедицинские консультации в Великобритании проводятся в 38% случаев первичных обращений, в России – 12%, что приводит к более высоким временным затратам на административные процедуры и снижает производительность труда медицинского персонала.

Таблица 1

Сравнительные показатели функционирования системы здравоохранения в различных странах [19]

Показатель	Россия	США	Германия	Франция	Велико-британия	Япония
Обеспеченность врачами на 10 тыс. населения	42,1	26,5	43,2	34,1	30,4	25,8
Обеспеченность средним мед. персоналом на 10 тыс. населения	88,3	115,2	134,7	108,6	95,3	122,4
Расходы на здравоохранение, % ВВП	5,3	16,8	12,7	11,9	11,3	10,9
Производительность труда врача, USD тыс. (по ППС)	125	487	342	298	276	315
Число консультаций на 1 врача в год	2 847	1 956	2 143	2 298	2 187	3 215
Средняя продолжительность жизни, лет	73,2	78,9	81,3	82,7	81,4	84,6

Вместе с тем, по показателю числа консультаций на одного врача Россия (2847 консультаций в год) находится на среднем уровне, что свидетельствует о высокой загруженности медицинских работников. Япония с показателем 3 215 консультаций демонстрирует самую высокую интенсивность труда врачей, однако, это достигается за счет более короткой продолжительности приемов и высокой степени автоматизации рутинных процессов.

Германская модель здравоохранения, основанная на обязательном медицинском страховании с высокой долей частных клиник, показывает оптимальное соотношение между обеспеченностью кадрами, производительностью труда и качеством медицинской помощи. Французская система здравоохранения, признанная ВОЗ одной из наиболее эффективных в мире, сочетает государственное финансирование с элементами рыночных механизмов. Обеспеченность врачами (34,1 на 10 тыс.) ниже российской, но производительность труда в 2,4 раза выше благодаря оптимальному

распределению нагрузки, высокой технологической оснащенности клиник и эффективной системе маршрутизации пациентов.

Глобальные тренды развития здравоохранения позволяют сформировать прогнозы изменения производительности труда медицинского персонала на период до 2035 года. Основными драйверами роста производительности станут технологические инновации. Внедрение систем искусственного интеллекта для анализа медицинских изображений может высвободить до 30% рабочего времени врачей-радиологов. Роботизированная хирургия уже демонстрирует сокращение времени операций на 15–25% при повышении точности вмешательств. Телемедицинские технологии позволяют увеличить число консультаций на одного врача на 40–60% за счет сокращения непроизводительных затрат времени.

Минздрав России в рамках стратегии развития здравоохранения до 2030 года прогнозирует увеличение производительности труда медицинского персонала на 35–40% к 2030 году по сравнению с уровнем 2024 года. Достижение этого показателя предполагается за счет цифровой трансформации отрасли, масштабного внедрения бережливых технологий и оптимизации маршрутизации пациентов.

По прогнозам ОЭСР к 2035 году средняя производительность труда врача в развитых странах достигнет 420–450 тыс. долл. по ППС, что на 35–40% выше текущего уровня. При этом разрыв между странами будет сокращаться за счет ускоренной цифровизации развивающихся экономик. Россия при сохранении текущих темпов развития может достичь показателя 210–235 тыс. долл. к 2035 году, сократив отставание от развитых стран с 3,9 до 2,0 раз.

Важным фактором роста производительности труда станет изменение структуры медицинских услуг. Доля профилактической медицины и ранней диагностики будет увеличиваться с текущих 15–18% до 30–35% к 2035 году, что потребует переориентации части врачей на работу с условно здоровым населением и внедрения новых форм взаимодействия с пациентами через цифровые платформы здоровья.

Демографические изменения окажут разнонаправленное влияние на производительность труда. С одной стороны, старение населения увеличит потребность в медицинских услугах и создаст дополнительную нагрузку на систему здравоохранения. С другой стороны, развитие геронтологии и гериатрии как специализированных направлений позволит создать более эффективные модели оказания медицинской помощи пожилым пациентам.

Понимание вектора развития системы здравоохранения на макроуровне, может перейти к рассмотрению частного случая – текущей деятельности ООО «РТС», которое с 2002 году осуществляет деятельность в сфере медицинских услуг. Компания специализируется на оказании первичной медико-санитарной помощи населению в рамках общей врачебной практики. На рынке медицинских услуг компания позиционируется под брендовым названием «Любимый доктор».

В организации работает 34 человека. Структура персонала организации типична для медицинских организаций амбулаторного профиля и имеет

высокую долю среднего медицинского персонала (41,2%) и врачей общей практики (35,3%).

Не умоляя значения высказывания А.П. Егоршина о том, что «в сфере услуг производительность труда измеряется через выручку на одного работника, однако следует учитывать качественные аспекты обслуживания пациентов» [15, с. 203], представим расчет показателя, свойственный ООО «РТС» (таблица 2).

Таблица 2

Динамика показателей по труду ООО «РТС» [8]

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Прирост 2025/2023	
				Абс.,	Отн., %
Среднесписочная численность, чел.	22	22	34	12	54,5
Выручка, тыс. руб.	79 470	105821	109002	29532	37,2
Производительность труда (выручка на 1 работника), тыс. руб./чел.	3 612	4 810	3 206	-406,33	-11,2
Трудоемкость услуг, чел./ тыс. руб.	0,00028	0,00021	0,00031	0,00003	+12,7
Фонд оплаты труда, тыс. руб.	19 097	20 839	32 330	13233	69,3
Среднемесячная зарплата, тыс. руб.	72,3	78,9	117,2	44,9	62,1
Выручка на 1 рубль ФОТ, руб.	4,16	5,08	3,37	-0,79	-0,19
Доля ФОТ в выручке, %	24,03	19,69	29,66	5,63	0,23

Данные таблицы отражают волнообразный характер изменения показателей производительности труда: положительную динамику с 2023 по 2024 гг. и отрицательную с 2024 по 2025 гг., обусловленную непропорционально высоким ростом численности персонала организации. Последнее в тандеме с возросшим средним размером оплаты труда, привел к нежелательным с точки зрения экономики труда последствиям: во-первых, к значительному росту фонда оплаты труда персонала организации. Рост по сравнению с 2023 годом составил 69,3%, тогда как рост выручки от оказания услуг лишь – 37,2%. Во-вторых, к отставанию темпов роста производительности труда от темпов роста размера средней оплаты труда. Индекс опережения составил:

$$I_{\text{опережения (2025/2023)}} = \frac{88,8}{162,1} = 0,55$$

Согласно нормативам оказания медицинской помощи среднее количество приемов врача за сутки составляет 24 пациента, что в годовом эквиваленте равно 24 * 245 = 5880 чел./год. 12 врачей могут осуществить 70 560 приемов в год, удельная выручка при этом составляет 1,54 тыс. руб. за прием. (109002 / 70 560).

Размер среднего чека в 1,54 тыс. руб. соответствует смешанной модели финансирования медицинской организации (ОМС + платные услуги), где

средний чек по оказанию услуг при финансировании ФОМС составляет 800–1200 руб., при внебюджетном финансировании – 2500 – 4000 руб. Снижение среднего чека по сравнению с 2024 годом (2,12 тыс. руб.) определено ростом доли услуг финансируемых из ФОМС.

Для комплексной оценки эффективности использования персонала ООО «РТС» был проведен опрос сотрудников. В исследовании приняли участие 34 человека из 37 (отклик 91,9%), что обеспечило репрезентативность результатов.

Итак, более половины опрошенных (55,9%) считают систему премирования несправедливой, указывая на непрозрачность критериев начисления бонусов и субъективность принятия решений. А размер оплаты труда – неудовлетворительным. Согласно исследованиям М. Армстронга, «отсутствие четких, измеримых критериев премирования снижает мотивационный потенциал материального стимулирования на 40–50%» [4, С. 48].

70,6% сотрудников указали на дефицит программ развития персонала. В условиях динамичного развития медицинских технологий и нормативной базы данный факт создает риски снижения компетентности персонала и, как следствие, конкурентоспособности компании.

67,6% респондентов отметили на отсутствие возможностей карьерного роста, которое приводит к снижению инициативы и текучести кадров.

52,9% сотрудников не получают своевременной обратной связи от руководства, а 47,1% отмечают неэффективность взаимодействия между подразделениями. В медицинской отрасли, где критически важна координация действий различных служб, подобные разрывы коммуникации могут приводить к срывам сроков, ошибкам проектирования и перерасходу ресурсов.

73,5% опрошенных испытывают перегруженность на рабочем месте, сам факт коррелирует со снижением производительности труда и может объясняться неэффективной организацией рабочих процессов.

Только 44,1% сотрудников планируют продолжать работу в компании через год, что сигнализирует о высоком риске текучести кадров. Индекс потребительской лояльности (eNPS), рассчитываемый на основе готовности рекомендовать компанию как работодателя отрицательный, а значит, организация имеет репутационные риски на рынке рабочей силы:

$$eNPS = \text{Промоутеры}\% - \text{Детракторы}\% = 38{,}2\% - 44{,}1\% = -5{,}9\%$$

Подтверждением высоких рисков текучести кадров служат данные об их динамике за 2023-2025 гг. среднесписочная численность за этот период выросла на 54,5%, текучесть кадров – на 61,8% и в 2025 году составила 14,7%, коэффициент приема – на 175%, составив в 2025 году 50%. Динамика последнего показателя объясняет низкие значения производительности труда тем, что новые сотрудники не успели пройти адаптацию и сформировать необходимый уровень компетенций.

На основании проведенного анализа выявлены три ключевые проблемы в системе управления персоналом ООО «РТС», определяющие динамику производительности труда: 1) снижение производительности труда при опережающем росте численности персонала; 2) дисфункциональная система

материального стимулирования и ее демотивирующее воздействие. Согласно документам внутренней отчетности, соотношение постоянной и переменной частей заработной платы персонала составляет 85:15, то есть 85% приходится на постоянную часть и 15% – на переменную, начисляемую по результатам достижения показателей, оценка большинства из которых имеет субъективное основание. В результате переменная часть воспринимается сотрудниками не как заслуженное вознаграждение за достижение целей, а как проявление личной благосклонности руководства, что подрывает доверие к системе оплаты труда в целом. 3) Отсутствие системы развития и карьерного продвижения персонала создает ситуацию неопределенности для амбициозных сотрудников.

Выявленные в ходе анализа проблемы требуют пересмотра подходов к организации труда и управлению персоналом в ООО «РТС». Стратегически важно для организации реализация трех взаимосвязанных направлений: оптимизации бизнес-процессов и нормирования труда, трансформации системы мотивации и вознаграждения, формирования механизмов профессионального развития и карьерного роста сотрудников.

Итак, первое. Проведенное хронометражное наблюдение за рабочим временем выборки из восьми сотрудников различных категорий на протяжении пяти рабочих дней выявило значительные потери. Врачи общей практики до 28% рабочего времени тратят на заполнение медицинской документации, что при восьмичасовом рабочем дне составляет 2 часа 14 минут. Средний медицинский персонал из-за отсутствия унифицированной системы хранения расходует до 18% времени на поиск необходимых материалов, инструментов и медикаментов. Административный персонал затрачивает до 22% времени на повторную обработку информации и согласование документов между подразделениями.

Структурирование рабочих процессов начинается с картирования потоков создания ценности для пациента [28]. Анализ типового пути пациента от записи на приём до получения медицинского заключения показал, что из общей продолжительности приема в 52 минуты лишь 18 минут (34,6%) составляет непосредственное взаимодействие с врачом, представляющее прямую ценность. Остальное время распределяется следующим образом: ожидание в очереди на регистрацию – 8 минут, оформление медицинской карты – 6 минут, перемещение между кабинетами – 5 минут, ожидание врача – 12 минут, получение результатов анализов и заключения – 3 минуты.

Выявленные временные потери свидетельствует о низкой эффективности организации рабочих процессов и подтверждает необходимость внедрения инструментов бережливого производства. Сокращение непроизводительных затрат времени пациента позволит не только повысить удовлетворенность качеством обслуживания, но и увеличить пропускную способность клиники без дополнительных капитальных вложений в расширение площадей или закупку оборудования. Сокращение непроизводительных затрат времени может быть достигнуто за счет освоения принципов бережливого производства, адаптированных к специфике медицинской деятельности. Предварительная запись пациентов с интервалами, учитывающими реальную продолжительность приема по различным профилям обращений, позволит устранить очереди и

снизить время ожидания на 60-75%. Оцифровка медицинских карт и результатов обследований через единую информационную систему сократит время на поиск документации на 80-85%. Реорганизация рабочих мест врачей и медсестер по принципу 5S обеспечит экономию до 12 минут в час за счет устранения поиска необходимых инструментов и расходных материалов.

Пересмотр системы нормирования труда опирается на фактические замеры производительности и учет специфики различных категорий обращений. Установлено, что продолжительность приема варьируется от 12 минут для повторных консультаций с контролем хронических состояний до 35 минут для первичных обращений со сложной диагностикой. Усредненный норматив в 20 минут на пациента, используемый в настоящее время, приводит к систематической перегрузке врачей при работе с новыми пациентами и недоиспользованию рабочего времени при ведении хронических больных.

Дифференцированное нормирование предполагает установление трех категорий приема: экспресс-консультация длительностью 10-12 минут для повторных обращений без изменения терапии, стандартный приём продолжительностью 18-22 минуты для типовых случаев первичного обращения, углубленная консультация длительностью 30-40 минут для сложных диагностических случаев пациентов. Подобная структуризация позволит планировать рабочий день врача с учетом реального времени, необходимого для обеспечения качественной медицинской помощи, устраняя перегрузки и одновременно повышая пропускную способность клиники на 15-18%.

Второе. В условиях дисфункциональности системы стимулирования персонала рассматриваемой организации целесообразным видится освоения системы ключевых показателей эффективности сопряженной с системой сбалансированных показателей. Системная работа в области структурированного целеполагания на организационном уровне и уровне отдельных бизнес-процессов, выраженное в измеримых показателях эффективности дают четкое понимание того, что и как выполнять. Модель сбалансированных показателей, разработанная Д. Нортоном и Р. Капланом в 1992 году, представляет собой шаблон для планирования эффективности деятельности организации, условием которой является структурно-содержательная связь миссии, стратегии, целей перспектив: «финансы», «клиенты», «бизнес-процессы», «персонал: обучение и развитие». Понимание значимости и влияния друг на друга каждой из перспектив обусловливает необходимость принятия мер по их развитию, что предполагает действия. Каждое действие инспирирует реализацию операции бизнес-процесса и должно характеризоваться определенным показателем (KPI), который позволяет понять причинно-следственную связь между целями производительности и драйверами производительности [11, С. 19]. Организации может быть предложена следующая система целей:

Стратегическая цель: укрепление позиции как клиники доверия с высоким качеством сервиса, обеспечивая устойчивый рост прибыли за счет эффективности и лояльности пациентов. Тогда система целей в рамках модели сбалансированных показателей может иметь вид представленный таблице 3.

Таблица 3

Проект системы целей и ключевых показателей эффективности медицинской организации

Параметр	Перспектива			
	Финансы	Клиенты	Внутренние процессы	Обучение и развитие
Цель	Устойчивая рентабельность и рост стоимости бизнеса	Создание ценности для пациентов и формирование лояльности	Оптимизация и стандартизация ключевых процессов	Мотивированная команда и технологическое развитие
Стратегическая задача	Повышение прибыльности и эффективного использования активов	Повышение удовлетворенности, удержание и привлечение пациентов	Повышение качества медицинских и сервисных процессов	Инвестиции в человеческий капитал и инфраструктуру
KPI	- чистая прибыль, - маржинальность по услугам, - выручка на 1го врача, - оборачиваемость дебиторской задолженности, - структура выручки (ОМС/ДМС/платные услуги)	- индекс NPS (Net Promoter Score) – готовность рекомендовать клинику, - уровень удовлетворенности, - количество повторных обращений, - доля новых пациентов от общего потока, - количество жалоб/претензий	- заполненность расписания врачей (средний %), - среднее время ожидания приема, - процент «брака»/рекламаций (повторные обращения по тому же вопросу, ошибки в диагнозах/назначениях), - выполнение стандартов лечения, - эффективность логистики (среднее время от заявки до готовности анализов/исследований)	- индекс удовлетворенности сотрудников (eNPS или опрос), - коэффициент текучести кадров, - количество часов обучения на 1 сотрудника в год, - внедрение новых технологий/услуг, - уровень цифровизации (доля онлайн-записей, электронных документов)

Разработанная система показателей должна быть увязана с системой ежеквартального стимулирования персонала клиники в размере 30% от общей суммы фонда оплаты труда. Для этого целесообразным видится разделение ключевых показателей эффективности на общеклинические, влияющие на размер премиальных выплат всех работников организации и индивидуальные, определяющие размер премии конкретного сотрудника. При утверждении методики премирования важно отметить, при достижении какого минимального порога выполнения KPI начнет начисляться премия. Также важно определить ограничение размера максимального вознаграждения. Распределение весов

переменной части оплаты труда для разных категорий сотрудников клиники неодинаково. Она определяется в зависимости от значимости перспективы для мотивации определенной роли. Например, для врача значимость по перспективам «финансы», «клиенты», «внутренние процессы», «обучение/развитие» может распределяться как: 30%/40%/20%/10%; для медперсонала: 10% / 30% / 40% / 10%; для администратора: 10% / 50% / 30% / 10%; для руководителя: 40% / 25% / 25% / 10%; для маркетолога: 30%/ 40%/ 20% / 10%.

При освоении системы стимулирования персонала важно: а) довести до каждого сотрудника персональную карту KPI с формулами их расчета, информацию о периодичности учета и источниках данных; б) понимать необходимость регулярного пересмотра целей и корректировки целевых значений и значимости KPI для разных категорий работников. Внедрение системы позволит трансформировать цели развития клиники в финансовые цели каждого ее сотрудника.

Третье. Дополнительные меры стимулирования должны включать реализацию ежегодных программ обучения и планирование карьерного трека сотрудников. Внедрение системы карьерных треков решает проблему «тупиковой» карьеры, предоставляя сотрудникам три пути развития: профессиональный (рост категории), управленческий и экспертный. Это создаёт прозрачные условия для роста, удерживает ценные кадры и мотивирует на долгосрочную работу в компании, напрямую поддерживая стратегию повышения производительности труда.

Ключевой инструмент для реализации этих планов – масштабная цифровизация [27, С. 51]. Анализ текущего уровня цифровизации ООО «РТС» выявил его отставание от лидеров медицинской отрасли. Клиника использует локальную учетную систему для ведения расписания приемов и хранения медицинских карт пациентов, однако функционал ограничен базовыми операциями регистрации и не интегрирован с внешними информационными системами.

Отсутствует личный кабинет пациента для онлайн-записи и получения результатов обследований, взаимодействие с лабораториями происходит через бумажные бланки с ручным переносом данных в учетную систему, отчетность формируется вручную путём выгрузки данных в электронные таблицы.

Хронометражное наблюдение показало, что врачи тратят в среднем 2 часа 14 минут в день на оформление медицинской документации, административный персонал расходует до 3 часов на обработку обращений пациентов и формирование отчетности. Дублирование ввода информации, поиск архивных данных в бумажных картах, согласование назначений между врачами по телефону создают непроизводительные потери рабочего времени, снижающие пропускную способность клиники и качество обслуживания пациентов.

Совершенствование процессов ООО «РТС» должно опираться на три взаимодополняющих компонента: внедрение медицинской информационной системы нового поколения, развертывание пациентского портала с мобильным приложением; интеграцию с внешними сервисами и системами обмена

медицинскими данными. Большим потенциалом обладает проект освоения искусственного интеллекта в целях обеспечения точности постановки диагноза и индивидуального подхода при разработке протокола лечения, что ускоряет принятия врачом решения, а значит, обеспечивает рост вероятности положительного эффекта при оказании медицинской помощи и качества оказания медицинской помощи [29, С. 82]. Последовательная реализация данных направлений обеспечит переход клиники на качественно новый уровень операционной эффективности и конкурентоспособности.

Ядром цифровой трансформации ООО «РТС» может стать медицинская информационная система класса МИС, охватывающая полный цикл взаимодействия с пациентом от первичного обращения до получения медицинского заключения и рекомендаций по дальнейшему лечению. Функциональность МИС охватывает электронную медицинскую карту пациента с историей обращений, результатами обследований и назначенной терапией, планирование загрузки врачей с учетом категорий приема и фактической продолжительности консультаций, автоматизированное формирование медицинской документации на основе шаблонов с возможностью голосового ввода, систему поддержки принятия клинических решений с доступом к базе знаний по стандартам лечения, модуль учета расходных материалов и медикаментов с контролем остатков на складе, финансовый блок для работы с договорами обязательного и добровольного медицинского страхования.

Интеграция МИС с лабораториями, диагностическими центрами и аптечными партнерами через защищенные каналы обмена данными устраняет ручной ввод результатов анализов и обследований. Врач получает доступ к результатам диагностики непосредственно в электронной медицинской карте пациента в момент их готовности, сокращая время ожидания и снижая вероятность ошибок при переносе информации. Автоматическая передача назначений в аптечную сеть упрощает процесс получения пациентом рекомендованных препаратов и обеспечивает контроль соблюдения терапии.

Встроенная аналитическая панель руководителя предоставляет доступ к ключевым показателям эффективности работы клиники в режиме реального времени: количество обслуженных пациентов с детализацией по категориям обращений, выручка с разбивкой по источникам финансирования, загрузка врачей и кабинетов с выявлением простоев, динамика удовлетворенности пациентов по результатам автоматических опросов после приема. Возможность формировать произвольные отчеты за любой период устраняет трудозатраты административного персонала на ручную обработку данных.

Пациентский портал с веб-интерфейсом и мобильным приложением для iOS и Android обеспечивает круглосуточный доступ к услугам клиники без необходимости телефонных звонков для записи на прием. Функционал портала включает онлайн-запись на приём с выбором врача, даты и времени из доступных слотов расписания, просмотр электронной медицинской карты с историей обращений и результатами обследований, получение уведомлений о предстоящих приёмах, готовности результатов анализов, окончании срока рекомендованной терапии, онлайн-оплату медицинских услуг и программ

комплексного обследования, чат с администратором клиники для консультаций по организационным вопросам.

Внедрение портала снижает нагрузку на административный персонал, занятый телефонными консультациями и записью пациентов. Анализ статистики обращений показал, что регистратура клиники обрабатывает в среднем 87 звонков в день, из которых 64 (73,6%) связаны с записью на приём, уточнением расписания работы врачей и стоимости услуг. Перевод данных операций в автоматический режим через портал высвободит до 4,2 часов рабочего времени регистраторов ежедневно для решения более сложных задач, требующих человеческого участия.

Автоматические опросы удовлетворенности пациентов, запускаемые через 2 часа после завершения приема, обеспечивают регулярную обратную связь о качестве обслуживания. Накопление статистики оценок позволяет выявлять проблемные зоны в работе клиники и отдельных сотрудников, формируя основу для целевых улучшений.

Интеграция с федеральными информационными системами здравоохранения откроет доступ к данным о предыдущих обращениях пациента в другие медицинские организации, застрахованных рисках и лимитах по полису обязательного медицинского страхования, реестрам медицинских работников с проверкой действительности сертификатов специалистов. Автоматический обмен данными с территориальным фондом обязательного медицинского страхования ускорит процесс выставления и оплаты счетов, сокращая дебиторскую задолженность и улучшая финансовое состояние клиники.

Телемедицинский модуль расширит возможности клиники по оказанию удаленных консультаций для пациентов, не требующих личного осмотра. Легализация дистанционного контроля хронических больных произошла в результате вступления в силу ст. 36.2 ФЗ-323, а качественный переход к полноценному цифровому наблюдению закрепили приказы Минздрава 2020–2021 гг. (в частности, № 947н по электронному документообороту) и постановление Правительства 2023 года о расширении прав врачей в рамках экспериментальных режимов». Таким образом, повторные приёмы для контроля хронических заболеваний, консультации по результатам анализов, коррекция терапии при отсутствии осложнений могут осуществляться через видеосвязь, экономя время врача и пациента. Расчеты показывают, что перевод 18-22% повторных обращений в формат телемедицины увеличит пропускную способность клиники на 12-15% без расширения штата врачей.

Система управления репутацией интегрируется с популярными площадками отзывов о медицинских организациях, автоматически собирая упоминания клиники и формируя сводный рейтинг. Проактивная работа с обратной связью позволит повысить лояльность пациентов и будет стимулировать повторные обращения.

CRM-модуль для управления взаимоотношениями с пациентами обеспечит автоматическую коммуникацию на всех этапах взаимодействия. Напоминания о предстоящих приемах за 24 и 2 часа до визита снижают количество неявок на 35-40% по данным пилотных проектов аналогичных

клиник. Поздравления пациентов с днем рождения, информирование о новых услугах и специальных предложениях, рекомендации по профилактическим обследованиям на основе истории обращений формируют долгосрочные отношения и увеличивают средний чек.

Ожидаемые экономические эффекты от реализации проекта предложений формируются по трем основным направлениям: рост выручки за счет увеличения пропускной способности клиники и расширения спектра услуг; снижение операционных затрат через оптимизацию использования рабочего времени персонала и устранение непроизводительных потерь; повышение качества обслуживания пациентов с последующим ростом их лояльности и частоты повторных обращений.

Реализация комплекса предложений требует инвестиционных вложений в размере 8625 тыс.руб. единовременно и ежегодный рост операционных расходов на сопровождение – 1280 тыс. руб. Расчет показателей эффективности реализации проектных предложений и с выходом на «проектную мощность» в течение трех лет, обосновывает целесообразность финансирования инвестиций: срок окупаемости составит 2 года 10 месяцев, дисконтированный срок окупаемости при средневзвешенной стоимости капитала организации равной 15% годовых – 3 года 1 месяц, чистая текущая стоимость за 5 лет реализации проекта составит 4 926,4 тыс. руб., внутренняя норма рентабельности – 50%. Операционные и стратегические выгоды в виде повышения производительности труда, укрепления конкурентных позиций, роста лояльности сотрудников и пациентов, качества оказания услуг обосновывают целесообразность реализации проекта предложений.

Список литературы

1. Антонова И.М. Логика оптимизационных построений В. В. Новожилова // Петербургский экономический журнал. – 2022. – № 1–2. – С. 217–222.

2. Виноградов П.Г. Интерпретация экономических взглядов Фомы Аквинского [Электронный ресурс] // История экономической мысли: обзорные материалы – Режим доступа: https://1economic.ru

3. Владзимирский А.В., Волошин Р.И., Сморчкова А.К., Ерижоков Р.А. Производительность труда медицинских работников: проблемы методологии (нарративный обзор) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2025 г. – № 3. – С. 560-573.

4. Генкин Б.М. Организация, нормирование и оплата труда на промышленных предприятиях: учебник / Б. М. Генкин. – 6-е изд., изм. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 416 с.

5. Глава Минэка спрогнозировал рост производительности труда на 21% за шесть лет [Электронный ресурс] // Эксперт – Режим доступа: https://expert.ru/news/glava-mineka-sprognoziroval-rost-proizvoditelnosti-truda-na-21-za-shest-let/

6. Гриценко В.С. Проблема труда в классической политэкономии [Электронный ресурс] // Вестник пермского университета. – 2010. – № 4. – С. – 13-23.

7. Долженко Р.А., Малышев Д.С. Развитие подходов к производительности труда и ее оценке // Экономика труда. – 2021. – №12. Том 8. – С. 15- 19.

8. Доля рынка компании ООО "РТС" [Электронный ресурс]. // Информация о компаниях. – Режим доступа: https://companies.rbc.ru/id/1021602838652-ooo-rts/

9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1991. – 575 с.

10. Зайцев А. В. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики – 2016. – №9. – С.67-93.

11. Ильдарханова А.К., Василова М.С., Бикташева Д.Д. Исследование зарубежного и отечественного опыта внедрения системы ключевых показателей эффективности // Казанский экономический вестник. – 2024. 1(3). – С.19-23.

12. Как грамотно произвести расчет производительности труда. [Электронный ресурс] // Экономический онлайн-справочник. – Режим доступа: https://assistentus.ru/oplata-truda/raschet-proizvoditelnosti-truda/

13. Костин Л.А. Производительность труда и технический прогресс. – Экономика, 1974. – 254 с.

14. Костриков С.С. Керженцев П.М.: «Борьба за время» [Электронный ресурс] // Вестник Университета. 2014. – № 18. – С. 76-80.

15. Круглов Д. В., Резникова О. С., Плакса Ю. В. Производительность труда как ключевой фактор экономического роста. [Электронный ресурс] // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 37-48.

16. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения. – М.: Эконов-Ключ, 2008. – 411 с.

17. Москалева А.А. Эдвард Прескотт о спадах и подъемах в экономике и в экономической мысли [Электронный ресурс] // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2019. – Том 11. Выпуск 2. – С. 34-48. – Режим доступа: file:///C:/Users/adelk/Downloads/121-149-1-SM.pdf

18. Национальный проект «Производительность труда». [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_proizvoditelnost_truda/

19. Производительность труда в здравоохранении [Электронный ресурс] // Информационные новости по экономике. – Режим доступа: https://ilex.by/proizvoditelnost-truda-v-zdravoohranenii-berezhlivoe-proizvodstvo-i-ego-normativnoe-zakreplenie-v-zakonodatelstve-respubliki-belarus/

20. Рейтинги стран и регионов // Гуманитарный портал – Режим доступа: https://gtmarket.ru/ratings/global-health-expenditure

21. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. – М.: Эксмо, 2016. – 1040 с.

22. Рока-Пуч В. Сочетание эффектов человеческого капитала и его влияние на корпоративную эффективность // Журнал бизнес-исследований. – 2012. – Т. 65. – № 8. – С. 1145–1151.

23. Сладкова Н.М., Ильченко О.А. Производительность труда: подход к разработке типовых опережающих показателей результат-ориентированной системы труда // Социально-трудовые исследования. – 2019. – (3). – С.17-26.

24. Сладкова Н.М., Ильченко О.А. РОСТ: эффективный инструментарий оценки барьеров и определения драйверов производительности труда // Социально-трудовые исследования. – 2020 – (1). – С.121-127.

25. Смирнова Е. А., Тарасова Е. А., Постнова М. В. Методологические аспекты измерения производительности труда // Экономика труда. – 2018. – Т. 5. – № 4. – С. 95-108.

26. Социальный инженеризм в эпоху советской власти [Электронный ресурс] // Социология. – 2017. – №1. – С. 3-21.

27. Стерник С.Г. Проблемы и перспективы развития рынка цифрового здравоохранения // Казанский экономический вестник. – 2025. (1-2). С. 51-59.

28. Хазиахметова Г.А., Киреева-Каримова А.М., Шитов М.В., МухамбетовА.Т., Шакиров Ю.А. Инструменты моделирования и управления бизнес-процессами предприятия // Экономика и предпринимательство. - 2025. - №9. - С. 777 - 784.

29. Хазиахметова Г.А., Мубаракшина Д.Н., Ахмадеева Л.Р. Использование технологий искусственного интеллекта для оптимизации процессов управления в производственных системах // Современные наукоемкие технологии. – 2025. –№ 2. – С. 82-87

30. Щербаков А.И. Производительность труда, как экономическая категория и обобщенный показатель эффективности // Социально-трудовые исследования. – 2022 – №48(3) – С.27-34.

31. Щербаков С.А. Планирование трудовых показателей на предприятиях в трудах академика С.Г. Струмилина [Электронный ресурс] – Режим доступа: file:///C:/Users/adelk/Downloads/analiz-trudovyh-pokazateley-v-rabotah-s-g-strumilina.pdf

32. Khaziakhmetova G.A., Khusainova A.S., Khaziakhmetov A.Z., Ghafurov S.G. Development of ecosystems for accounting and reporting process as a factor of digital transformation of the business service center of PJSC TATNEFT // Procedia Environmental Science, Engineering and Management. – 2022. – – Т. 9 (2). – P. 551 – 559.

5.2. Цифровая трансформация бизнес-процессов на примере предприятий агропромышленного сектора экономики[17]

Современная экономическая реальность характеризуется ускорением процессов цифровизации, что оказывает сильное воздействие на все сферы управления предприятием, в том числе и на маркетинг. Маркетинговая деятельность, понимаемая как целостная система, направленная на организацию производства и сбыта продукции для удовлетворения потребностей потребителей и получения прибыли, сталкивается с необходимостью фундаментальной трансформации. В условиях динамичной конкурентной экономики, которая является движущей силой преобразований, маркетинг выдвигается на первый план, становясь одной из основных функций управления.

Маркетинг с позиции предприятия в современной трактовке представляет собой не просто экономический процесс, связанный с товарной, ценовой и сервисной политикой, а комплексную философию ведения бизнеса, которая полностью подчиняется требованиям и условиям рынка, находящегося в непрерывной динамике [1, С. 57]. Цифровизация экономики привносит в эту философию новые фундаментальные принципы (табл. 1).

Таблица 1

Новые фундаментальные принципы цифровизации экономики

Новые фундаментальные принципы	Характеристика в интеграции с цифровыми технологиями
1. Клиентоцентричность и гиперсегментация	Возможности работы с большими данными (big data) позволяют перейти от массового маркетинга к персонализированному взаимодействию с каждым отдельным потребителем
2. Скорость и адаптивность	Циклы принятия решений в маркетинге сокращаются, стратегии должны быть гибкими и позволять оперативно реагировать на изменения в поведении потребителей и действиях конкурентов.
3. Интеграция онлайн- и офлайн-каналов	Границы между цифровой и физической реальностью стираются, и успешная маркетинговая стратегия требует создания единого покупательского опыта через все точки контакта.
4. Данные как ключевой актив	Информация о потребителях, их предпочтениях и поведении становится стратегическим ресурсом компании, по значимости в наше время не уступающим финансовым и материальным активам.

[17] Автор раздела: Заступов А.В.

Все эти принципы формируют новое видение, новую парадигму маркетинга, в рамках которой традиционные подходы и концепции требуют переосмысления и интеграции с цифровыми технологиями.

Несмотря на осознание необходимости изменений, ряд российских предприятий сталкивается со значимыми проблемами на пути цифровой трансформации маркетинга. К наиболее важным проблемам такого рода можно отнести:

1. Недостаточный уровень интеграции цифровых инструментов в существующие маркетинговые стратегии. Многие компании, особенно относящиеся к малому и среднему бизнесу, продолжают использовать традиционные подходы, в то время как потребители активно перемещаются в цифровую среду. Отсутствие комплексного подхода приводит к разрозненности данных, несогласованности коммуникаций, низкой общей эффективности маркетинговых затрат.

2. Необходимость постоянного анализа и адаптации к изменяющемуся поведению потребителей, недостаточный уровень аналитики и работы с большими данными. Цифровизация экономики создаёт нового, более информированного и требовательного потребителя, модель поведения которого перестала быть линейной. Поведение цифрового потребителя, в частности принятие решения о покупке, требует глубокого изучения с использованием методов больших данных (big data) и аналитики, так как игнорирование новых особенностей приводит к потере потенциальных клиентов на разных этапах воронки продаж.

3. Сложности в управлении многоканальными маркетинговыми коммуникациями. Появление новых каналов взаимодействия с потребителем, таких как социальные сети, мобильные приложения, мессенджеры, таргетированная реклама, чат-боты, требует от предприятий разработки интегрированных коммуникационных стратегий, создания единого центра управления маркетинговыми коммуникациями, обеспечивающих последовательный и непротиворечивый покупательский опыт.

4. Недостаточное развитие цифровых компетенций персонала. Внедрение и эффективное использование современных маркетинговых технологий, таких как CRM- и ERP-системы, автоматизация маркетинга, инструменты веб-аналитики и SEO, невозможно без наличия квалифицированных кадров.

5. Проблема оценки эффективности. В цифровой среде традиционные метрики уже недостаточны для оценки реальной эффективности, возникает необходимость в отслеживании более сложных показателей: стоимости привлечения клиента (CAC), пожизненной ценности клиента (LTV), уровня удержания клиентов и т.п.

Решение данных проблем видится в реализации комплекса мер, направленных на цифровую трансформацию маркетинга. В качестве ключевых направлений можно выделить следующие важные направления (табл. 2).

Таблица 2

Ключевые направления цифровой трансформации маркетинга

Ключевые направления	Характеристика мер, направленных на цифровую трансформацию маркетинга
1. Разработка и внедрение целостных цифровых маркетинговых стратегий	Определяются цели, целевая аудитория, ключевые каналы коммуникации, критерии эффективности. Формируется план по интеграции цифровых инструментов в единую экосистему и являющихся неотъемлемой частью общей стратегии развития компании.
2. Инвестиции в новые технологии и цифровые платформы	Сбор и анализ данных о потребителях (внедрение CRM-системы, использование платформ аналитики и систем сбора данных)
3. Клиентоориентированный подход	Внедрение клиентоориентированного подхода и персонализация маркетинга
4. Нестандартные методы цифровой трансформации	Активное использование нестандартных методов, таких как QR-коды, интерактивный контент и геймификация, для повышения вовлеченности аудитории
5. Непрерывное обучение и развитие сотрудников предприятия и корпоративной культуры	Инвестиции в обучение и переквалификацию действующих сотрудников или привлечение на рынке труда высококвалифицированных специалистов по цифровому маркетингу
6. Реорганизация организационной структуры	Реорганизация организационной структуры маркетингового подразделения, ответственного за координацию всех каналов взаимодействия с клиентом, для эффективного управления многоканальными коммуникациями
7. Система сквозной аналитики и атрибуции	Внедрение системы сквозной аналитики и атрибуции для точной оценки эффективности, которые позволят оценить роль каждого маркетингового канала в принятии потребителем решения о покупке и оптимизировать бюджет

Оценка рисков в управлении предприятием, в том числе в сфере маркетинга, предполагает совокупность этапов определения возникновения рисков, факторов и причин, а также анализ возможностей и последствий для организации. Риск-менеджмент – это особая система управления, которая направлена на разработку и реализацию экономически обоснованных для определенного предприятия рекомендаций и мероприятий по снижению негативных последствий [4, С. 102]. Управление рисками отражает основную цель защиты финансового положения предприятия на всех этапах его развития, стабилизируя возможные колебания рыночной стоимости товаров и услуг. Антикризисное управление, в том числе в области маркетинговой деятельности, решает несколько важных задач для организации (рис. 1).

Рис. 1. Задачи антикризисного управления предприятием в условиях цифровой трансформации

Таким образом, в условиях цифровизации экономики маркетинговая деятельность российских предприятий переживает период трансформации. Выявленные проблемы: фрагментарность внедрения цифровых инструментов, слабая аналитика, несоответствие изменяющемуся поведению потребителей, разрозненность коммуникаций, кадровый дефицит, риски в управлении маркетингом – носят системный характер. Их успешное преодоление возможно только при условии комплексного подхода, включающего стратегические, технологические, организационные и кадровые изменения.

В условиях цифровой экономики маркетинг окончательно перестает быть вспомогательной функцией и становится определяющим компонентом менеджмента, экономики предприятия, формирующим потенциал увеличения стоимости фирмы, а также прибыли. Успешная адаптация к новым реалиям экономики, активное внедрение цифровых инструментов, инвестиции в человеческий капитал и пересмотр традиционных маркетинговых моделей являются залогом конкурентоспособности и устойчивого развития российских предприятий на современном рынке [2, С. 547].

Параллельное развитие сегмента специализированного программного обеспечения, декларирующего радикальное повышение производительности

планировочных процессов, формирует дилемму управленческого выбора. Данная ситуация актуализирует исследовательский вопрос: при каких условиях инвестиции в цифровые решения управления предприятием, в частности для бизнес-планирования, демонстрируют экономическую и операционную обоснованность, а в каких случаях они представляют собой неоправданные издержки, не приводящие к соразмерному повышению качества стратегических решений.

Интеграция специализированного программного обеспечения (далее – ПО) в практику управления предприятием, прежде всего в области маркетинга и бизнес-планирования, представляет собой качественный трансформационный сдвиг, переводящий эту деятельность из области индивидуального «ремесла» в плоскость технологически обеспеченных процессов. Традиционные инструменты концентрируют усилия пользователя на архитектурном построении модели и выполнении рутинных вычислений, тогда как современные цифровые решения предлагают встроенную методологическую основу. Данный подход позволяет перераспределить интеллектуальные ресурсы специалистов с технических задач на содержательный стратегический анализ, создавая предпосылки для достижения нового уровня точности, оперативности и убедительности формируемых бизнес-планов [3, С. 138].

Специализированные программные продукты предлагают комплекс взаимосвязанных операционных преимуществ:

1. Минимизация погрешностей и повышение точности расчётов. Автоматизация вычислительных процедур устраняет распространённые в среде табличных процессов ошибки, связанные с человеческим фактором при вводе данных, некорректным копированием формула или случайным нарушением ссылочной целостности модели. Программные алгоритмы обеспечивают устойчивые логические связи между элементами финансовой конструкции: корректировка единственного исходного параметра инициирует каскадный пересчёт всей системы взаимосвязанных показателей (от выручки и себестоимости до налоговых обязательств и результирующего потока), что гарантирует внутреннюю непротиворечивость разрабатывающего документа.

2. Гарантированная стандартизация структуры и комплексность аналитического охвата. Профессиональные программные продукты базируются на апробированных шаблонах, инкорпорирующих требования международных стандартов или ключевых финансовых институтов. Это реализует функцию методологического навигатора, предотвращая упущение критически важных разделов, таких как анализ чувствительности, оценка валютных рисков или планирование графика финансирования, что представляет особую ценность для начинающих специалистов.

3. Существенная оптимизация временных затрат и поддержка итеративного моделирования. Автоматизация трудоёмких операций, включая формирование полного комплекса финансовой отчётности или расчёт сложных кредитных схем, сокращает общую продолжительность разработки плана. Возможность оперативного варьирования исходных допущений и мгновенной оценки их влияния на ключевые метрики инвестиционной привлекательности

трансформирует планирование из линейной процедуры в цикл непрерывной проверки гипотез, способствуя поиску оптимальной стратегии.

4. Профессиональная визуализация данных и усиление презентационной составляющей. Интегрированные библиотеки визуальных элементов и инструменты построения дашбордов позволяют автоматически генерировать материалы презентационного качества. Это не только облегчает восприятие комплексных данных руководством, но и существенно повышает убедительность бизнес-плана в коммуникации с потенциальными инвесторами или кредитными организациями, формируя образ профессионально подготовленного проекта.

5. Учёт отраслевой специфики и доступ к нормативным данным. Многие продвинутые решения содержат встроенные базы финансово-экономических показателей для различных секторов экономики, а также актуальные макроэкономические прогнозы. Это позволяет планировщику осуществлять оперативное сравнение собственных допущений с рыночными реалиями и отраслевыми нормативами, повышая реалистичность построенных моделей.

Таким образом, совокупный эффект от внедрения, специализированного ПО проявляется в переходе бизнес-планирования на качественно более высокий уровень технологической зрелости. Ключевая выгода заключается в системной трансформации процесса: снижении операционных рисков, обеспечении методологической дисциплины и перераспределении интеллектуальных ресурсов сотрудников на задачи стратегического анализа. Это создает объективные условия для повышения надежности и инвестиционной привлекательности разрабатываемых проектов, что особенно критично в ситуациях, когда цена ошибки в расчетах является неприемлемо высокой.

Внедрение специализированного программного обеспечения сопровождается комплексом ограничений, выходящих за рамки первоначальной финансовой оценки. Помимо существенных капитальных затрат на лицензии и операционных расходов на облачные подписки, ключевым риском является формирование технологической зависимости. Пользователи систем с закрытой архитектурой, лишенные прозрачности алгоритмов, становятся заложниками «эффекта чёрного ящика» (то есть вынуждены принимать результаты без понимания внутренней логики расчетов). Это приводит к эрозии аналитического мышления и превращению специалиста их архитектора решений в технического оператора. Дополнительные сложности создают затраты на обучение персонала и потенциальное сопротивление сотрудников, а жесткие программные шаблоны могут подменять творческий поиск оптимальной бизнес-модели. Проблемы совместимости данных и сложности интеграции с корпоративными системами завершают спектр ограничений, создавая технологические барьеры для полноценного внедрения цифровых решений в управленческую практику.

Рациональность перехода на специализированное ПО требует комплексного анализа условий применения. Критериями выбора выступают: регулярность и сложность задач (разовые расчёты/планирование инвестиционных портфелей), уровень экспертизы команды, бюджетные ограничения, а также стратегическая роль планирования в организации.

Например, для инвестиционного фонда, анализирующего множество стартапов, стандартизация и скорость, обеспечиваемые ПО, критически важны, тогда как для индивидуального предпринимателя адекватным инструментом может остаться структурированная модель в табличном редакторе. Таким образом, целесообразность носит контекстуальный характер и оценивается через призму конкретных бизнес-потребностей.

Целесообразность применения, специализированного ПО для бизнес-планирования, представляет собой ситуационно обусловленную оптимальность. Цифровые решения предлагают механизм минимизации ошибок и стандартизации процессов, но их внедрение связано со значительными затратами и рисками технологической зависимости. Наиболее рациональной стратегией является формирование интегрированной методологии, где ПО служит инструментом автоматизации рутинных вычислений, а стратегическое целеполагание и интерпретация результатов сохраняются за экспертной деятельностью человека. Таким образом, программное обеспечение следует рассматривать как технологический усилитель компетенций планировщика, применение которого оправдано там, где сложность задач перевешивает издержки внедрения. Перспектива эффективного бизнес-планирования заключается в синергии критического стратегического мышления и адекватно подобранного цифрового инструментария.

Цифровизация экономики становится всё более широким трендом, который сильно меняет прежние основы существования и развития экономики и её секторов. Рассматривая сельские территории как объект, имеющий разрыв с городами в темпах, как экономического, так и цифрового развития, можно сделать вывод, что неизбежная цифровизация большинства процессов имеет позитивные и негативные аспекты. В качестве положительных аспектов можно выделить появление потенциальных возможностей для сокращения и оптимизации затрат на ресурсы, возможность избежать риска, благодаря проведению точного анализа.

Рассмотрим значимость и влияние процессов цифровизации в агропромышленном секторе экономики.

Цифровизация экономики позволяет улучшить логистику предприятия, сократить ручной труд и обеспечить прозрачность процессов. Несмотря на позитивные аспекты, внедрение цифровых технологий представляет для агропромышленного комплекса и негативные последствия. Они могут способствовать увеличению разрыва, связанного с цифровым неравенством и «утечкой» имеющихся данных.

По данным на июль 2025 года, искусственный интеллект и цифровые технологии используют почти 40% аграрных предприятий в России. Основная часть цифровизации приходится на крупные аграрные компании и холдинги, в то время как большинство субъектов среднего и малого бизнеса имеет дефицит ресурсов для цифровизации своих предприятий. Однако процесс внедрения современных цифровых и IT-технологий не останавливается и постоянно совершенствуется. Об этом можно говорить, так как, если раньше использование цифровизации экономики было связано, как правило, только с управлением

финансами, то сейчас применение цифровых технологий охватывает всё больше практических сторон хозяйственной деятельности агропромышленных компаний.

Основным преимуществом цифровизации агропромышленного комплекса России является рост экспорта сельхозпродукции, за счёт увеличения темпов производства. Автоматизация выращивания растений, роботизация логистики тепличных комплексов, а также использование технологий мониторинга и управления способствуют улучшению качества обработки полей. По оценкам экспертов, внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство повышает его эффективность на 10-30%, оптимизирует ресурсы и повышает производительность. К 2030 году планируется достижение уровня цифровизации промышленности в аграрном секторе экономики на 70-80%. В то же время цифровизация должна быть использована не только для крупных федеральных фермерских хозяйств и агрохолдингов, но и для малого бизнеса и фермерских хозяйств региона.

Как следствие, цифровизация сельскохозяйственного сектора экономики устраняет длительные производственные и технологические затраты, различные риски, такие как природные или климатические. Она делает возможным оперативно контролировать посевные площади, обновлять записи мест для навигационной системы и снижать количество краж товаров, продуктов питания, средств для растений и семенного материала. Однако из-за высокой стоимости многие современные достижения технологического прогресса сельского хозяйства недоступны частным фермерам и используются только на крупных государственных предприятиях. Например, в данный момент цифровая платформа «АгроСигнал» осуществляет пилотный проект в Уганде. Площадь, которая будет подвергнута внедрению ИТ-технологий, составляет 500 гектаров, предназначенных для выращивания таких культур, как кукуруза и соя. Платформа планирует осуществить запуск испытаний и адаптации в течение одного года. Главными целями проекта цифровой платформы «АгроСигнал» является сокращение расходов до 30% (в частности, расходы на приобретение материалов), а также возможность добиться роста производительности и, вследствие этого, роста урожайности выращиваемых культур.

Главной причиной невысокого развития цифровых технологий сельскохозяйственных предприятий можно назвать недостаточное наличие государственных инвестиционных программ, которые стали бы продолжением федеральных программ по развитию цифровизации отрасли и стали бы вспомогательными агентами для малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) агропромышленного комплекса, которые ставят перед собой цель цифровизации экономики собственного предприятия. Совершенствование механизмов поддержки МСП должно включать введение проектного финансирования, развитие системы льготного кредитования для начинающих предпринимателей и создание отраслевых программ поддержки с учетом специфики регионов [5, С. 309]. Повышение доступности поддержки предполагает развитие цифровых платформ для подачи заявок, упрощение процедур получения субсидий и налоговых льгот. Важным направлением

является внедрение системы мониторинга и оценки эффективности, включающей введение ключевых показателей эффективности для оценки региональных программ, регулярный мониторинг удовлетворенности предпринимателей и публикацию рейтингов эффективности поддержки малого и среднего предпринимательства в сельском хозяйстве по регионам.

Таким образом, для того, чтобы цифровизация и следующие за ней инновации могли интенсивнее проникать в экономику и развитие аграрных территорий, необходимы внедрение и достаточная вовлеченность государственных инновационных проектов по развитию агропромышленного комплекса России не только на государственном федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях. Такие проекты будут играть роль поддержки и посредника для сельских территорий. Только массовое распространение цифровых технологий, внедрение IT-решений и создание серверов для коммуникаций с большим количеством аграрных комплексов всех размеров сможет обеспечить полноценный прирост числа предприятий агропромышленного комплекса, использующих информационные технологии и различные цифровые инструменты в своей производственной и хозяйственной деятельности. Важным аспектом в продвижении данных инструментов также могут стать различные государственные субсидии и скоординированная работа по внедрению технологий цифровизации и цифровых бизнес-платформ.

Список литературы

1. Абрамова, Е.А. Цифровая экономика как ключевой фактор эффективного управления современными бизнес-процессами / Е.А. Абрамова // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2018. – № 4 (38). – С. 56-60.

2. Ватутина, Л.А. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции / Л.А. Ватунина, Е.Ю. Злобина, Е.Б. Хоменко // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 545-551.

3. Нигай, Е.А. Процесс цифровизации бизнеса: от точечной оцифровки бизнес-процессов к цифровой трансформации / Е.А. Нигай // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 134-145.

4. Распутин, А.А. Цифровые технологии и цифровая трансформация под новые реалии бизнеса / А.А. Распутин, Е.А. Боркова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 4 (130). – С. 99-104.

5. Сазонов, А.А. Цифровые трансформации как импульс всестороннего развития малого и среднего бизнеса / А.А. Сазонов // Московский экономический журнал. – 2022. – № 8. – С. 303-314.

5.3. Техническое перевооружение на судостроительном предприятии[18]

В начале XXI века в глобальной экономике наблюдается постоянный рост экономической интеграции и интернационализации финансовых и хозяйственных процессов, появляются новые возможности для передачи информации и коммуникации. Организации, стремящиеся сохранять конкурентоспособность, должны не только работать на привычных рынках, но и активно осваивать инновационные направления. Особенно это становится актуально для таких высокотехнологичных секторов, как судостроение, где от качества и эффективности производства напрямую зависит конкурентоспособность на международном уровне.

Кроме того, внедрение инновационных решений в производственные процессы не только улучшает конкурентоспособность выпускаемой судостроительным предприятием продукции, но и способствует повышению уровня безопасности труда, снижению негативного воздействия на окружающую среду и улучшению условий работы для сотрудников.

Современный этап экономического развития определяется как цифровая экономика, то есть такая модель экономики и общества, где управление осуществляется с помощью компьютерных технологий. Упор в данной модели экономики ставится на инновации. Для этого необходимы новые идеи, улучшение качества продукции и постоянное совершенствование производственных процессов. Технологии и инновации при такой модели экономики становятся ключевым фактором экономического роста страны, региона, отрасли и отдельного предприятия.

В данном контексте особую актуальность приобретают такие понятия, как модернизация, техническое перевооружение, техническое переоснащение. Несмотря на то, что эти термины часто используются как синонимы, они имеют свои специфические значения и отражают различные аспекты развития экономики и общества. Обзор основных определений данных понятий представлен в таблице 1.

По результатам исследования подходов к определению термина «техническое перевооружение» авторами Г. П. Беляковым, Д. В. Еремеевым сделана следующая систематизация [9]:

- к технической модернизации относится процесс усовершенствований, который сопряжен с заменой деталей на новые (как на идентичные прежним, так и на технологически новые) вследствие их физического износа;

- к техническому переоснащению относится замена оборудования вследствие морального износа. Данный процесс может проходить в трех формах: переналадка, замена используемых материалов и оснастка. Кроме этого, в понятие технического переоснащения включены изменения методов управления;

- техническое перевооружение подразумевает обновление технологий в производстве, что включает использование нового оборудования для замены устаревших. В процессе могут быть внедрены измененные инструменты для

[18] Автор раздела: Сергеева К.И., Алешина Е.В.

изготовления привычной продукции, улучшено качество выпускаемой продукции или начат выпуск совершенно новых товаров – возможно, все это одновременно. Также важно учитывать, что в ходе перевооружения может потребоваться повышение квалификации работников и адаптация технологий к современным экологическим стандартам.

Таблица 1

Обзор определений понятия «техническое перевооружение»

№ п/п	Автор	Определение
1	Б.А. Райзенберг [13], Современный экономический словарь [1414]	комплекс мероприятий, направленных на повышение технического уровня производства за счет внедрения более совершенной техники, технологии и организации работ в основном и вспомогательном производствах
2	Экономический словарь [17]	комплекс мероприятий по повышению технико-экономического уровня отдельных производств, цехов и участков на основе внедрения передовой техники и технологии, механизации и автоматизации производства, модернизации и замены устаревшего и физически изношенного оборудования новым, более производительным, а также по совершенствованию общезаводского хозяйства и вспомогательных служб
3	Налоговый кодекс РФ, ст.257, ч.2 [1]	к техническому перевооружению относится комплекс мероприятий по повышению технико-экономических показателей основных средств или их отдельных частей на основе внедрения передовой техники и технологии, механизации и автоматизации производства, модернизации и замены морально устаревшего и физически изношенного оборудования новым, более производительным

Проблеме технического перевооружения производственных процессов на промышленных предприятиях в последнее десятилетие уделяется пристальное внимание как со стороны государства, так и научной, а также предпринимательской общественности. Со стороны государства стоит выделить ряд нормативно-правовых актов, в которых определяется необходимость технологического развития (рисунок 1).

Так, например, перспективы развития российской судостроительной промышленности в настоящее время базируются на государственной программе «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы» [2].

Основные цели программы связаны с обеспечением новых научных разработок и технического перевооружения отрасли с целью повышения конкурентоспособности российского судостроения, в первую очередь, в выпуске морской техники, применяемой на месторождениях морского шельфа.

Сущность технического перевооружения может быть раскрыта через его цели и задачи.

Основные цели технического перевооружения на предприятиях:

– повышение производительности труда: за счет внедрения новых технологий и оборудования, оптимизации производственных процессов;

– улучшение качества продукции: соответствие продукции современным стандартам качества, расширение ассортимента;

– снижение себестоимости продукции: за счет экономии ресурсов, повышения эффективности использования оборудования;

– повышение надежности и долговечности оборудования: замена изношенного оборудования на новое;

– соответствие экологическим нормам и стандартам: снижение негативного воздействия на окружающую среду;

повышение гибкости производства: способность быстро адаптироваться к изменениям рынка и потребительских предпочтений.

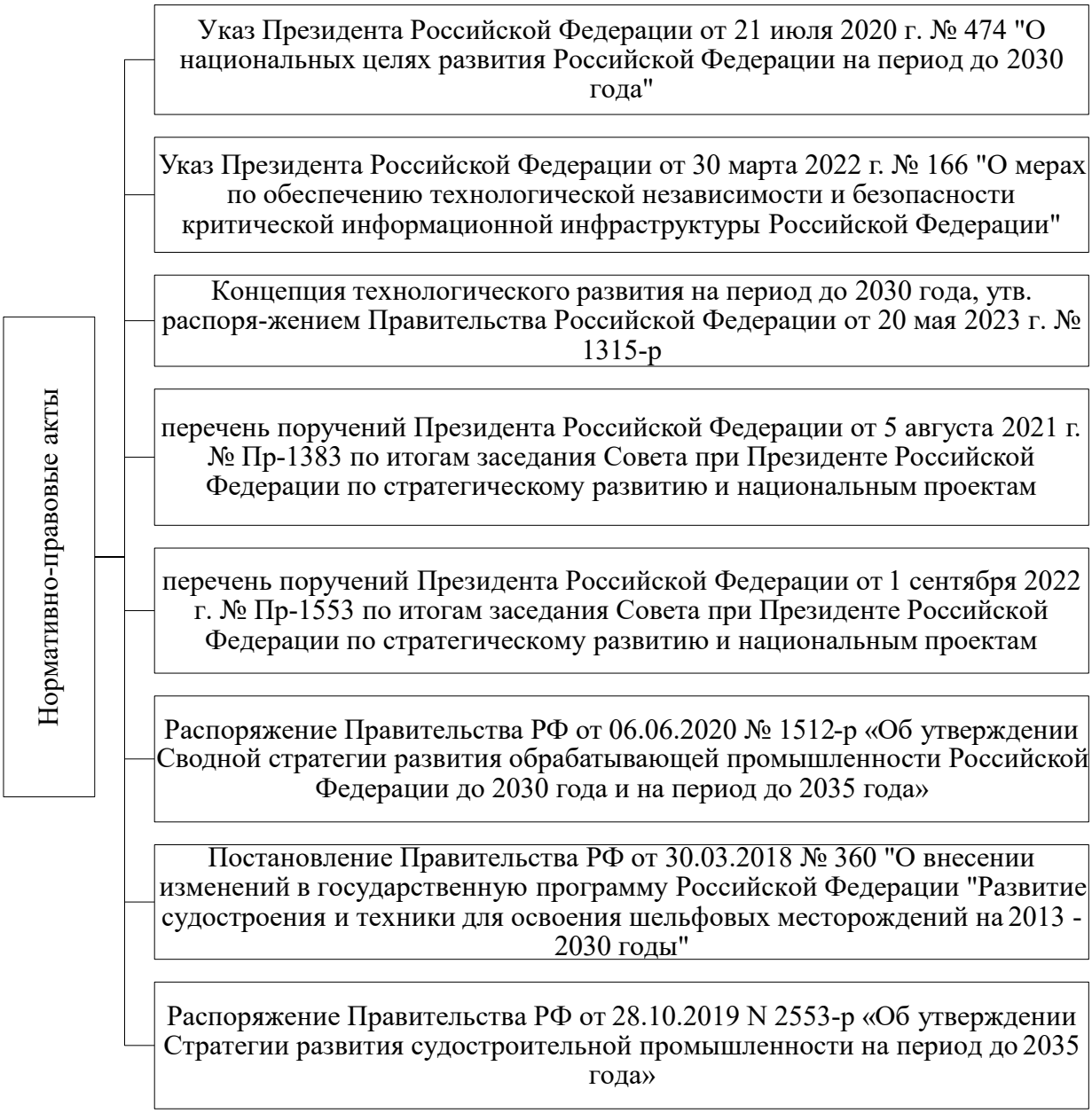


Рис. 1. Нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы модернизации промышленности РФ, в т.ч. судостроительной отрасли

Сегодня ключевым стимулом для модернизации российских заводов остается стремление минимизировать издержки. Обновление технической базы

позволяет предприятиям не только эффективно применять инструменты бережливого производства, но и укреплять свои позиции на рынке, закладывая фундамент для стабильного развития в будущем [4].

Задачи технического перевооружения:

– анализ существующего состояния производства: оценка технического уровня оборудования, выявление узких мест и резервов.

– разработка технического задания: определение целей, задач и объема работ по перевооружению.

– выбор оборудования и технологий: подбор оптимального оборудования и технологий, соответствующих требованиям производства.

– проектирование и монтаж нового оборудования: разработка проектной документации, монтаж и пуско-наладка оборудования.

– обучение персонала: повышение квалификации персонала для работы с новым оборудованием и технологиями.

– внедрение новых производственных процессов: организация эффективной работы нового оборудования и технологий.

– мониторинг и оценка эффективности: контроль за результатами перевооружения, оценка достигнутых показателей.

Среди основных способов технического вооружения стоит выделить:

– обновление основного производственного фонда:

а) замена физически изношенного оборудования:

б) модернизация существующего оборудования;

- внедрение новых технологий:

а) автоматизация производственных процессов;

б) применение цифровых технологий: использование компьютерных систем, программного обеспечения, интернета вещей для управления производством, сбора и анализа данных;

в) роботизация производства: внедрение роботов для выполнения сложных и опасных операций, а также для повышения точности и производительности;

- изменение технологических процессов:

а) оптимизация производственных циклов: сокращение времени выполнения операций, минимизация потерь материалов и энергии;

б) изменение последовательности операций: пересмотр технологического процесса для повышения его эффективности;

в) внедрение новых материалов: использование более современных и эффективных материалов, позволяющих улучшить качество продукции и снизить себестоимость;

- повышение квалификации персонала:

а) обучение новым навыкам: персонал проходит обучение работе с новым оборудованием и технологиями;

б) переподготовка кадров: при необходимости проводится переподготовка сотрудников для освоения новых профессий;

в) мотивация персонала: создание системы мотивации, стимулирующей сотрудников к внедрению новых технологий и повышению эффективности труда;

- обеспечение экологической безопасности:

а) внедрение оборудования и материалов, минимизирующих негативное воздействие на окружающую среду;

б) очистка производственных стоков: установка очистных сооружений для предотвращения загрязнения водоемов;

в) утилизация отходов: организация эффективной системы утилизации производственных отходов.

- совершенствование системы управления производством:

а) внедрение систем планирования ресурсов предприятия (ERP), автоматизация процессов планирования, учета и контроля производства;

б) использование систем управления качеством.

На выбор стратегии технического обновления влияет комплекс факторов: от отраслевой специфики и бюджета компании до соблюдения экологических стандартов. При этом ключевым ориентиром служит характер производства (массовый, серийный или единичный) и тип его специализации – именно эти параметры определяют, на какой технологической базе будет строиться будущая модернизация [4].

Опыт показывает, что модернизация производственных мощностей зачастую носит хаотичный характер и не всегда опирается на выверенные стратегии. Согласно статистическим данным, лишь 3% предприятий внедряют по-настоящему эффективные решения, нацеленные на создание гибкой интеллектуальной среды и реализацию принципов бережливого производства [4].

Основные подходы к модернизации мощностей в оборонно-промышленном комплексе (в частности, в судостроении) систематизированы на рисунке 2.

Рассмотрим данные подходы подробнее.

Классификация методов организации техперевооружения по признаку производственной специализации включает три основных вектора: предметный, технологический и интеграционный:

- предметный подход фокусируется на модернизации оборудования, непосредственно связанного с производством, например, для судостроения – это модернизация станков для резки и сварки стальных листов, необходимых для строительства корпуса судна;

- технологический подход, наоборот, направлен на обновление технологических процессов в целом, внедрение новых методов производства. например, переход от традиционных ручных или механических работ к автоматических, роботизированным (пример для судостроения – роботы для проверки качества корпуса и его окраски);

- интеграционный подход объединяет предметный и технологический, перевооружение проводится комплексно, затрагивая все производственные процессы, от проектирования до выпуска готовой продукции. Примерами интеграционного подхода в судостроении выступает внедрение систем автоматизированного проектирования (САПР), создание цифровых двойников судов.

Рис. 2. Принципиальные подходы к техническому перевооружению производства предприятий ОПК (составлено по данным [4]

Подходы к организации процесса технического перевооружения исходя из выбора оборудования и технологий включают в себя:

- подход, основанный на принципе инновационности, предполагает использование самых современных технологий и оборудования, с целью достижения максимальной эффективности и конкурентоспособности. Однако реализация данного подхода требует значительных инвестиций. Для судостроения это использование 3D-печати, применение аддитивных технологий;

- подход, основанный на принципе оптимальности: выбирается оборудование и технологии, обеспечивающие наилучшее соотношение цены и качества. Например, использование станков с ЧПУ средней ценовой категории, которые обеспечивают достаточную точность обработки для большинства деталей судна;

- подход, основанный на принципе минимизации затрат, например, применение бывшего в употреблении оборудования, оптимизация технологических процессов для снижения потребления сырья, материалов и энергии;

- подход, основанный на принципе преемственности опыта других предприятий: изучается опыт других предприятий, успешно реализовавших техническое перевооружение, и адаптируются их решения к конкретным условиям, например, внедрение системы бережливого производства;

- подход, основанный на принципе кратчайших сроков, нацелен на максимально быстрое проведение модернизации, чтобы минимизировать простои производства. В качестве примеров можно привести использование модульных и быстросборных конструкций судов.

Стоит отметить, что выбор определенного подхода или их комбинации зависит от значительного количества как внутренних (наличие собственных средств, доступ к заемным средствам, состояние оборудования и т.п.), так и внешних факторов (состояние рынка, требования заказчиков к скорости и качеству выполнения проекта, процентные ставки и т.п.).

Необходимо отметить, что современное техническое перевооружение предприятий, невозможно без реализации принципов цифрового производства.

С учетом значительных преимуществ, предлагаемых за счет развития цифровых производств, в развитых странах в начале второго десятилетия XXI в. началось их активное внедрение, тем самым, наступила эпоха концепции «Индустрия 4.0». Концепция «Индустрия 4.0» предусматривает сквозную цифровизацию всех физических активов и их интеграцию в вертикальные и горизонтальные цепочки создания стоимости [11], то есть можно сказать, что «Индустрия 4.0» – это концепция цифровой трансформации производственной сферы.

«По статистике, компании, реализующие концепцию «Индустрия 4.0» на 26% более прибыльны. В то же время организации, делающие ставку только на эффективный менеджмент, получают лишь 9% дополнительной прибыли» [3, с.53].

Термин «Индустрия 4.0» зародился в Германии, где в 2013 г. был выпущен официальный документ «Индустрия 4.0» Федеральным министерством экономики и энергетики Германии. Под «Индустрией 4.0» (Industrie 4.0) имелось в виду развитие, которое коренным образом меняет традиционные отрасли.

В рамках «Индустрии 4.0» в последние годы развивается и концепция «Судостроение 4.0» (Shipbuilding 4.0). Целью «Судостроения 4.0» является интеллектуальная верфь, которая характеризуется адаптируемостью, эффективностью использования ресурсов и эргономикой, а также тесной интеграцией между судовладельцем и судостроителем с решающим сотрудничеством верфей [18].

«Судостроение 4.0» подразумевает применение таких технологий, как облачные вычисления, Интернет вещей, искусственный интеллект, 3D-печать, дополненная реальность и блокчейн.

В настоящее время «Индустрия 4.0» все активнее применяется в мире. Примеру Германии последовали США, Япония, Китай и другие развитые страны, в том числе и в сфере судостроения.

Говоря о развитии цифровых технологий в российском судостроении, стоит отметить следующее. В военной области стоящие перед отраслью задачи определены указом Президента РФ № 603 от 07.05.2012, в котором, в частности, говорится о необходимости создания системы управления полным индустриальным циклом производства вооружения, военной и специальной

техники – от моделирования и проектирования до серийного выпуска изделий, обеспечения их эксплуатации и дальнейшей утилизации.

Вектор развития гражданского сектора отрасли задан Стратегией развития судостроительной промышленности до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ №2553-р). Ключевые ориентиры документа включают создание конкурентоспособных мощностей, оптимизацию систем управления на верфях, а также достижение технологического суверенитета при строительстве и сервисном обслуживании морской техники.

Согласно актуальным данным [10], процесс цифровизации охватил более 70% российских судостроительных заводов и КБ. Сегодня в отрасли повсеместно внедряются системы автоматизированного планирования, 3D-проектирование и технологии цифровых информационных моделей. Значительных успехов в этом направлении достигло ЦКБ «Балтсудопроект», которое еще с середины 2010-х годов формирует рабочую конструкторскую документацию (РКД) на базе трехмерных моделей. Аналогичные технологии внедрены в Невском ПКБ, где проектирование ведется в системе FORAN. Примечателен опыт интеграции РКД, созданной в среде Ship Constructor, с отечественной информационной системой Tronix. Кроме того, специализированное ПО (такое как системы Tribon и решения от AVEVA) активно применяется в ЦМКБ «Алмаз» и на «Северной верфи» для технического сопровождения сложных заказов.

Несмотря на значительные преимущества, которые дает «Индустрия 4.0» и «Судостроение 4.0» применительно к отрасли судостроения, процессы цифровизации до сих пор носят еще достаточно фрагментарный характер, не имеют единой системы [16], что связано как с особенностями отрасли, так и рядом системных проблем. Таким образом, можно сказать, что процессы цифровой трансформации производственной деятельности в судостроении в РФ находятся на начальном этапе развития.

Так, говоря о промышленности в целом, в России до сих пор около 60% промышленных компаний работают в рамках концепции «Индустрия 3.0» [11]. При этом в РФ один из самых низких уровней удельного веса сектора ИКТ в валовой добавленной стоимости. В тоже время в РФ сформирована конкурентоспособная на глобальном уровне ИТ–отрасль, созданы крупные цифровые компании, некоторые из которых добились международной известности, например, онлайн-банк «Тинькофф», системы сервисов «Яндекс» (включающий в себя такие услуги как карты, навигацию, доставку еды, каршеринг и многие другие), социальную сеть «ВКонтакте», компания по производству цифровых решений в области безопасности «Лаборатория Касперского».

Как следует из представленных примеров, в РФ имеются компании, активно использующие современные технологии в рамках цифровизации экономики, однако уровень проникновения ИКТ неравномерен в российской экономике. Наиболее продвинутыми в области применения цифровых технологий в настоящее время являются сфера услуг, разработка ПО, телекоммуникации, торговля, финансовый сектор экономики [15]. Этот вывод согласуется с результатами исследований Высшей школы экономики (ВШЭ),

представленных в докладе к XX международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества [7], а также в статистических сборниках «Цифровая экономика» за 2022 г. [5] и 2023 г. [6], Белой книге цифровой экономики за 2023 г. [8].

По данным [5, 6, 8] структура внутренних затрат организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг по видам экономической деятельности существенно различается. Применительно к разработке ИИ-решений, статистика за 2023 г. приведена на рисунке 3.

Рис. 3. Разработка ИИ-решений в организациях по отраслям в РФ за 2023 г. [8]

Так, в обрабатывающей промышленности, к которой можно отнести и судостроение, имеет довольно высокие показатели (39,2% ИИ-решений были разработаны самостоятельно), но все же эти значения существенно ниже секторов финансовых услуг, ИКТ, науки и образования.

В материалах XX международной научной конференции [7] подчеркивается селективный характер цифровизации: её воздействие на различные секторы экономики крайне неоднородно. Наиболее глубокие трансформации фиксируются в сфере услуг и наукоемких промышленных отраслях. В частности, к числу лидеров по уровню внедрения цифровых технологий относится машиностроение, что подтверждается статистическими данными, приведенными на рисунке 4.

Согласно прогнозу Высшей школы экономики, рост производительности в машиностроительной отрасли обеспечит дополнительный вклад в размере 1,52 %, а фактор капитала добавит ещё 1,48 %. В совокупности это позволит увеличить долю сектора в добавленной стоимости на 3,0 %.

По данному показателю машиностроение занимает четвёртую строчку в рейтинге отраслей – выше только финансовый сектор, транспорт и химическая промышленность. Такой результат наглядно демонстрирует, насколько

существенную роль играет цифровая трансформация в развитии машиностроения, включая судостроительную отрасль.

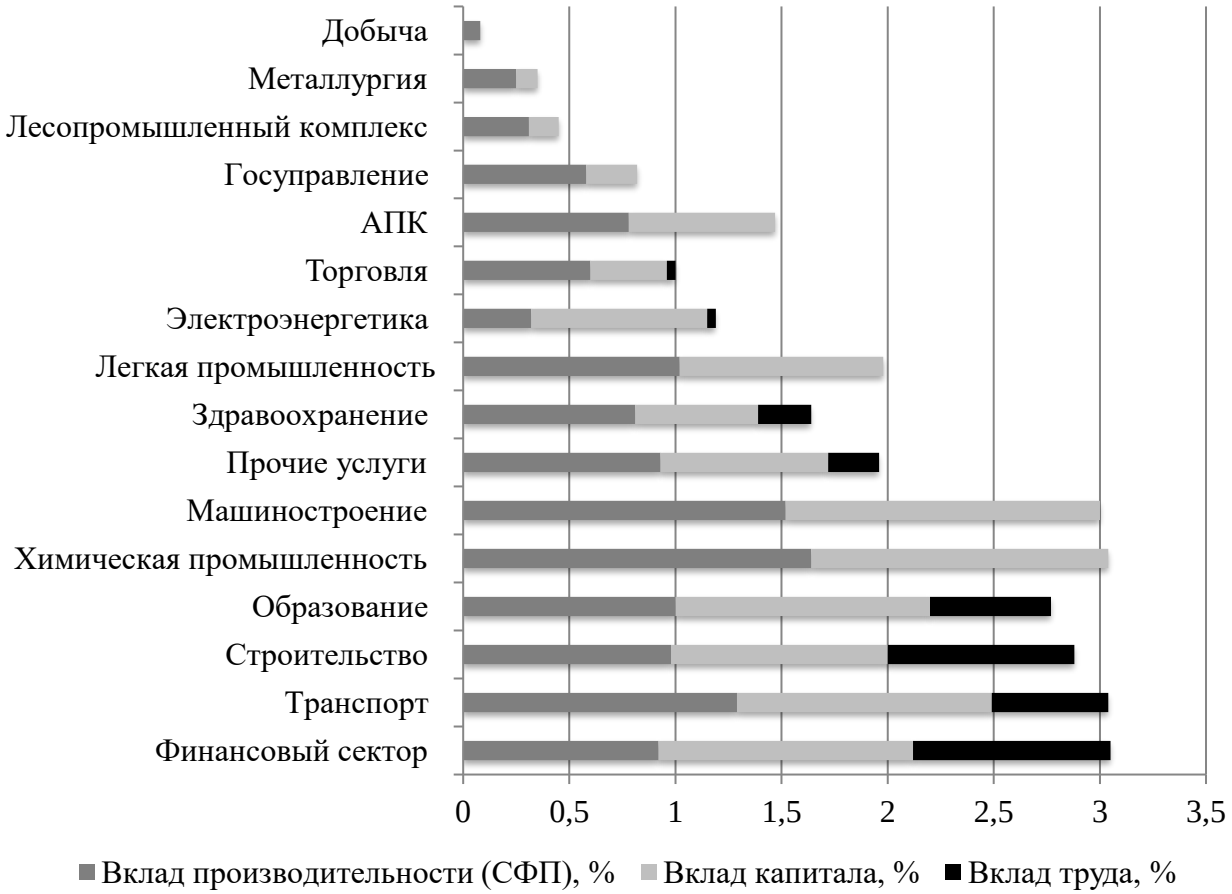


Рис. 4. Среднегодовые значения дополнительного вклада факторов роста в добавленную стоимость секторов экономики в результате цифровизации за период 2019-2030 гг. [7]

И хотя цифровизация неоднократно объявлялась одной из стратегических задач отечественного судостроения, темпы ее внедрения существенно ниже мировых.

Основные причины этого видятся следующими [16]:

– консерватизм в отрасли судостроения;

– сложность координации действий между всеми участниками (как отмечалось выше, в отрасли насчитывается более 600 предприятий и еще около 2 тыс. предприятий-смежников) и отсутствие общего информационного пространства;

– значительные отличия в процессах эксплуатации гражданских и военных судов;

– система ценообразования основывается не на эффективности, а на затраченных нормо-часах, что в случае государственного заказа делает проектирование и производство с меньшими затратами невыгодным;

– отставание нормативной базы от возможностей современных технологий – как на государственном уровне, так и на уровне предприятий.

Недостаточная проработка вопросов технического перевооружения, технологического аудита для сферы промышленности и судостроения приводят к недопониманию концепций, необходимых для формулирования целей в области цифровых технологий и разработки показателей для отслеживания прогресса. В результате становится сложно оценить эффективность использования средств в рамках реализуемых проектов, значительная часть которых - бюджетные;

– трудности обмена информацией из-за строгих мер безопасности в связи с ориентацией отрасли на ГОЗ;

– недостаточная интеграция цифровых технологий, сводящаяся к оцифровыванию отдельных компонентов или систем;

– отсутствие стратегии управления жизненным циклом продукта и знаниями;

– нехватка квалифицированного персонала.

В то же время, важность внедрения современных технологий, технического перевооружения производств в судостроительную отрасль России на сегодняшний день высока. Во-первых, она играет ключевую роль в экономике страны, на нее приходится до 1% при уровне добавленной стоимости до 30% [12]. Во-вторых, развитие этой отрасли способствует созданию рабочих мест для 4–5 человек из других отраслей, таких как металлургия, электроника, приборостроение, а также улучшает транспортную систему морского и речного судоходства как внутри страны, так и за ее пределами, что составляет до 90% от общего объема грузоперевозок.

В целом, можно сделать следующие выводы. Цифровая экономика является новым направлением модернизации, который требует значительных инвестиций в информационные технологии и человеческий капитал. Модернизация является общей целью, а техническое перевооружение и техническое переоснащение – это средства ее достижения. Техническое перевооружение – это процесс повышения технологического уровня производства путем внедрения нового оборудования, изменения инструментов и технологий, а также обучения персонала и адаптации производственных процессов к экологическим нормам. Техническое перевооружение – это комплексный процесс, требующий тщательной подготовки и планирования. Одним из важнейших его этапов является технологический аудит.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: федер. закон: от 05.08.2000, № 117–ФЗ (дейст. ред. 2024). – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/, доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:10.01.2026). – Загл. с экрана.

2. Российская Федерация. Правительство. О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013 - 2030 годы [Электронный ресурс]: постановление: 30/03/2018, N 360 (дейст. ред. 2024). – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_294805/, доступ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

3. Гуськова, Н.Д. Предпосылки формирования и ключевые положения концепции «Индустрия 4.0» [Текст] /Гуськова Н.Д., Неретина Е.А.//В сборнике: Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы труды научно–практической конференции с международным участием. – 2017. – С. 51–57.

4. Пискунов, А.И. Техническое перевооружение как основа инновационного развития промышленных предприятий России [Текст] / А.И. Пискунов // Вопросы инновационной экономики. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 137-150.

5. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник [Текст]/ Г. И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун–т «ВШЭ». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 124 с.

6. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник [Текст]/ Г. И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун–т «ВШЭ». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.

7. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам раз– вития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. ; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун–т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. – 82 с.

8. Белая книга цифровой экономики 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://d-economy.ru/analitic/belaja-kniga-cifrovoj-jekonomiki-2023/, свободный (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

9. Беляков, Г.П. Исследование содержания понятий: техническое перевооружение, техническое переоснащение, модернизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-soderzhaniya-ponyatiy-tehnicheskoe-perevooruzhenie-tehnicheskoe-pereosnaschenie-modernizatsiya , свободный (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

10. Верфи будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4154779, свободный (дата обращения: 15.01.2026). – Загл. с экрана.

11. Индустрия 4.0: создание цифрового организации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn——dtbhaacat8bfloi8h.xn—p1ai/sites/default/files/global_industry–2016_rus.pdf, свободный (дата обращения: 16.01.2026). – Загл. с экрана.

12. Развитие судостроительной отрасли в РФ в 2023 году: спрос превышает предложение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/razvitie-sudostroitelnoy-otrasli-v-rf-v-2023-godu-spros-prevyshaet-predlozhenie/, свободный (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана

13. Райзенберг, Б. А. Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/index.htm (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана

14. Современный экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1235.slovaronline.com/4404-техническое_перевооружение_предприятия (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

15. Халин, В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски/ Халин В.Г., Чернова Г.В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya–i–ee–vliyanie–na–rossiyskuyu–ekonomiku–i–obschestvo–preimuschestva–vyzovy–ugrozy–i–riski, свободный (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

16. Цифровая трансформация Севмаша// Судостроение. – 2022. – № 6 (865). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50145861, свободный (дата обращения: 13.01.2026). – Загл. с экрана.

17. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/economics_dict/Техническое_Перевооружение (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

18. Stanic, V. Toward shipbuilding 4.0–an industry 4.0 changing the face of the shipbuilding industry [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hrcak.srce.hr/file/296240, свободный (дата обращения: 10.01.2026). – Загл. с экрана.

5.4. Анализ организации экологического менеджмента[19]

Экологический менеджмент (ЭМ) представляет собой важный аспект управления современными предприятиями, особенно в таких отраслях, как судостроение, где воздействие на окружающую среду может быть значительным. Перед лицом глобальных проблем – климатических изменений, загрязнения водных систем и истощения ресурсов, предприятия вынуждены выходить за рамки простого соблюдения норм и внедрять в свою стратегию принципы устойчивого развития. Примером такого подхода может выступать предприятие судостроительной отрасли. Внедряя комплексную систему экологического менеджмента предприятие не только сокращает экологический след, оставленный деятельностью производства, но и укрепляет свои рыночные позиции за счет оптимизации процессов, экономии ресурсов и формирования ответственного имиджа. Активное внедрение принципов экологического менеджмента позволяет не только минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, но и повысить конкурентоспособность на рынке. В данном материале будет проанализирована организация экологического менеджмента на предприятии, а также будут выявлены проблемные зоны экологической политики в процессе ее реализации. На рисунке 1 отражены принципы экологического менеджмента, применяемые на предприятии. Данные принципы могут лечь в основу последующего анализа экологического менеджмента предприятия, охватывающего ее организационное построение, ключевые процессы, достигаемые результаты, а также существующие трудности и барьеры для развития.

Функционирование системы экологического менеджмента на предприятии базируется на требованиях международного стандарта ISO 14001, что гарантирует комплексное и упорядоченное регулирование экологической деятельностью. Базовые элементы структуры системы экологического менеджмента включают в себя:

- экологическая политика: документ, определяющий цели и обязательства предприятия в области экологии;
- организационная структура: закрепляет персональную ответственность за экологические задачи за реализацию мероприятий по охране окружающей среды на всех уровнях управления;
- регламентирующие процедуры: стандартизируют порядок реализации природоохранных мероприятий. Они детально описывают как должен осуществляться мониторинг, контроль и периодическая оценка воздействия на окружающую среду.

Эффективность работы системы экологического менеджмента зависит не только от работы службы охраны окружающей природной среды, но и от всех сотрудников предприятия. Принимая во внимание ужесточение экологических требований в вопросах судостроения и возросшее общественное внимание к вопросам охраны окружающей среды грамотно выстроенная работа в этой области становится крайне важна [3, с. 63].

[19] Автор раздела: Закорецкая О.С.

Рисунок 1 – Принципы экологического менеджмента

Организация процессов экологического менеджмента включает несколько ключевых этапов:

1. идентификация экологических аспектов: определение всех процессов, которые могут оказывать влияние на окружающую среду
2. оценка воздействия: анализ значимости выявленных аспектов с точки зрения их воздействия на экосистему
3. планирование мероприятий: разработка программ и мероприятий по минимизации негативного воздействия
4. мониторинг и контроль: регулярная проверка выполнения запланированных мероприятий и оценка их эффективности
5. аудит и пересмотр: проведение внутренних аудитов для оценки соответствия системы требованиям стандартов и выявления возможностей для улучшения [1].

На практике предприятие реализует ряд мероприятий, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду:

- внедрение технологий по очистке сточных вод [4, с.27];
- модернизация систем утилизации отходов производства;
- проведение регулярных обучений для сотрудников по вопросам охраны окружающей среды.

Для оценки эффективности функционирования системы экологического менеджмента используются различные показатели:

- уровень выбросов загрязняющих веществ в атмосферу;
- объемы образуемых отходов и их утилизация;
- соответствие установленным нормативам и стандартам.

Анализ динамики указанных показателей в соответствии с анализом использования основных средств за последние несколько лет демонстрирует положительную тенденцию, выражающуюся в снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и увеличении доли переработанных отходов. Эти изменения, зафиксированные в отчетах и исследованиях, подтверждают эффективность реализуемых мероприятий и стратегий в области экологического менеджмента [6, с.4]. В таблице 1 представлен анализ экологии и эколого-экономических показателей.

По данным таблицы 1 за три года наблюдаются в целом положительные экологические тенденции с одновременным ростом расходов на экологию и небольшим ростом эмиссионной интенсивности на выручку. Абсолютные выбросы CO2 снизились с 3200 т в 2022 году до 3 000 т в 2024 году (примерно −6,25%), что свидетельствует о поступательном снижении углеродной нагрузки. При этом энергопотребление варьировало: 7500 тыс. МВт·ч в 2022 году, пик в 7 800 тыс. МВт·ч в 2023 году и снижение до 7 600 тыс. МВт·ч в 2024 году, что указывает на колебания производственной активности и эффективности энергоменеджмента. Поступательное снижение выбросов NOx, SO2 и PM подтверждает улучшение технологических процессов и эффективности очистки:

- NOx снизились с 40 до 36 т (примерно −10%);
- SO2 – с 28 до 25 т (≈ −10,7%);
- PM – с 12 до 11 т (≈ −8,3%).

Таблица 1

Анализ экологии и эколого-экономические показатели

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год
Объем выбросов CO2, тыс. т	3 200	3 100	3 000
Потребление энергии, тыс. МВт·ч	7 500	7 800	7 600
Выбросы NOx, т	40	38	36
Выбросы SO2, т	28	26	25
Выбросы PM, т	12	11	11
Доля переработанных (утилизируемых) отходов, %	60	62	65
Расходы на экологию, тыс. руб.	1 200	1 500	1 800
Эмиссионная интенсивность CO2 на выручку, т CO2 на 1 млн руб выручки	23.7	24.4	24.6

Доля перерабатываемых отходов растет с 60% в 2022 году до 65% в 2024 году, что говорит о более эффективной ресурсной политике и снижении потребности в утилизации за счёт повторного использования материалов. Расходы на экологию устойчиво растут: с 1 200 тыс. рублей в 2022 году до 1 800 тыс. рублей в 2024 году, что отражает расширение экологических мероприятий, аудит и модернизацию контрольных систем. Эмиссионная интенсивность CO2 на выручку, которая зафиксирована как 23,7 т CO2 на 1 млн рублей выручки в 2022 году, 24,4 в 2023 году и 24,6 в 2024 году, слегка выросла: примерно на 3,8% за три года. Это означает что, хотя абсолютные выбросы снижаются, выручка растёт не настолько быстро, чтобы держать этот показатель на прежнем уровне, или темп снижения эмиссий оказался ниже темпа роста выручки. Таким образом, энергия и выбросы демонстрируют разнонаправленные динамики: с одной стороны, производится значительное снижение ключевых загрязняющих веществ и рост утилизации отходов, с другой - эмиссионная интенсивность требует дополнительного внимания в контексте динамики выручки и ценовой политики.

Из этого следует, что предприятие успешно продвигается в части снижения абсолютных выбросов и повышения доли переработанных отходов, а также расширяет экологическую программу за счёт роста расходов на экологию. Тем не менее рост эмиссионной интенсивности на выручку указывает на необходимость более целевых мер по снижению выбросов в расчёте на единицу выручки, а также анализа динамики выручки и структуры затрат. Рекомендации включают углублённый разбор источников выбросов и их долю по видам производства, продолжение и усиление энергоэффективных проектов, мониторинг эффективности очистки газов и систем утилизации, а также оценку ROI экологических инвестиций и планирование целевых показателей по снижению эмиссионной интенсивности в рамках бюджетирования на ближайшие годы.

Значительное сокращение вредных выбросов в атмосферу, отмеченное в последнее время, напрямую связано с переходом предприятий к более

осмысленной экологической политике. Их действия выходят за рамки формальностей и выражаются в прямых инвестициях в обновление производства и во внедрение экологически безопасных технологий.

Параллельно растёт доля отходов, направляемых на переработку. Развиваются системы утилизации и переработки мусора, что уменьшает нагрузку на природу, а люди всё активнее сортируют отходы.

Однако, несмотря на достигнутые результаты, функционирование данной системы сталкивается с рядом проблем, которые могут ограничивать ее эффективность:

1) недостаток финансирования;
2) нехватка квалифицированных кадров;
3) сложности в интеграции новых технологий;
4) низкий уровень вовлеченности сотрудников;
5) проблемы мониторинга и оценки эффективности;
6) строгие требования природоохранного законодательства РФ.

Одной из ключевых проблем функционирования системы экологического менеджмента является недостаток финансирования экологических инициатив. Когда бюджет ограничен, сложно воплотить в жизнь все запланированные мероприятия по защите природы, и это, конечно, сказывается на работе всей системы.

Финансовые средства требуются не только на текущие проекты, но и на долгосрочные инвестиции: замену оборудования на более современное, внедрение новых природоохранных технологий и обучение персонала. Но когда экономика нестабильна, а ресурсов мало, приходится выбирать, куда тратить деньги в первую очередь. И зачастую экологические проекты оказываются в конце списка, уступая задачам по увеличению производства или сокращению расходов.

Из-за нехватки финансовых средств важные экологические мероприятия могут быть отложены на неопределённый срок или вообще отменены. Предположим ситуацию: из-за нехватки средств задерживаются модернизация очистных сооружений и внедрение систем переработки отходов. Это создаёт риски не только для природы, но и для самого предприятия: нарушение экологических норм может привести к штрафам и подорвать репутацию.

Существенным барьером выступает нехватка квалифицированных кадров и средств на исследования. Инвестиционный голод препятствует обучению сотрудников, оставляя их без современных знаний по экологии, что ослабляет систему экологического менеджмента. Не владея актуальными методами управления рисками, персонал снижает общую эффективность системы. Финансовые ограничения также гасят внутреннюю мотивацию персонала к участию в экологических проектах. Если работники предприятия видят, что руководство не уделяет должного внимания экологическим инициативам и не выделяет на них достаточно средств, у них пропадает желание что-либо делать. В итоге система экологического менеджмента сталкивается не только с трудностями во внедрении мер, но и с тем, что в организации не формируется культура бережного отношения к природе.

Чтобы решить эту проблему, нужно определить, как привлечь дополнительные финансовые средства для экологических проектов. Можно постараться оптимизировать бюджет внутри компании или поискать внешние источники финансирования, например, государственные гранты или партнёрство с другими организациями. Инвестиции в экологию не только помогают улучшить состояние окружающей среды, но и приносят долгосрочную экономическую выгоду предприятию, повышая его конкурентоспособность и снижая риски. Компании, заботящиеся об экологии, сейчас ценятся больше. Инвестиции в экологические проекты не только способствуют улучшению состояния окружающей среды, но и могут привести к долгосрочным экономическим выгодам для предприятия за счет повышения его конкурентоспособности и снижения рисков.

Другой значимой проблемой, с которой сталкивается система экологического менеджмента, является нехватка квалифицированных специалистов в области экологического менеджмента. В условиях современного производства, где требования к охране окружающей среды становятся все более строгими, наличие компетентных кадров является критически важным для успешного функционирования системы экологического менеджмента. Однако на предприятии наблюдается дефицит специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками для эффективного управления экологическими аспектами. В таблице 2 представлен кадровый анализ в системе экологического менеджмента на предприятии.

Таблица 2

Кадровый анализ экологического менеджмента (ЭМ)

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год	Примечания
Численность сотрудников в области ЭМ (чел)	52	50	48	Негативная динамика может означать задержку роста и потенциальный отток при отсутствии мер
Доля сотрудников с высшим образованием, %	66	65	63	Сохранение роста в прошлом, затем возможный спад из-за текучести.
Доля сотрудников со средним специальным образованием, %	22	21	20	Дальнейшее снижение доли работников со средним профобразованием
Доля сотрудников с профильной квалификацией ЭМ (%), в т.ч. инженер по ЭМ, эколог	50	49	47	Риск снижения доли профильных специалистов при демотивации и кадровой текучести
Средний возраст сотрудников ЭМ (лет)	40	41	42	Старение кадрового резерва без достаточной молодёжной замены

Средний стаж в области ЭМ (лет)	9	10	11	Нарастание стажа может увеличить зависимость от узко квалифицированных специалистов
Доля сотрудников, прошедших обучение по ЭМ в год, %	75	72	68	Уменьшение темпов обучения и повышения квалификации
Число обучающих мероприятий по ЭМ в год (шт)	28	24	20	Снижение активности программ обучения
Уровень компетентности ЭМ (оценка 1–5)	4.2	4.1	3.9	Возможное снижение компетентности по итогам ухудшения обучения и зрелости кадров
Дефицит специалистов ЭМ (чел)	1	3	5	Усиление дефицита к 2024 году

В сфере экологии наблюдается нехватка специалистов, и причин тому несколько. Одна из главных – недостаточно хорошо готовят кадры в вузах и колледжах. Получение диплома не обеспечивает необходимой подготовкой к работе. К тому же, опытные экологи часто уходят из профессии, потому что платят мало и карьерного роста почти нет. И это только усугубляет проблему с кадрами.

Действенная вовлеченность сотрудников в природоохранные инициативы возможна лишь при условии их осознания собственной значимости в этой системе. Работникам необходимо четко представлять экологические последствия своих ежедневных действий, а также понимать риски, возникающие при несоблюдении установленных регламентов. Отсутствие такого понимания, равно как и системного обучения, неизбежно ведет к дефициту внутренней мотивации и как следствие, сводит на нет усилия по достижению устойчивых позитивных изменений в экологической сфере.

Инвестиции в развитие кадров способствует не только профессиональному росту сотрудников, но и формированию на предприятии целостной модели ответственного природопользования. Сотрудники, осознавая свою роль в природоохранной деятельности, становятся активными участниками процессов системы экологического менеджмента. Такой подход повышает общую эффективность системы экологического менеджмента и обеспечивает предприятию соответствие требованиям современного экологического законодательства.

К формированию ответственности в коллективе необходимо подключать специальные стимулирующие механизмы. Целесообразно разработать и внедрить программу поощрений, которая будет материально и нематериально мотивировать сотрудников за достижения в сфере охраны окружающей среды.

Для повышения эффективности системы экологического менеджмента важное значение имеет системный обмен передовым опытом внутри компании.

Этого можно достичь путем проведения плановых рабочих встреч с участием представителей разных организаций, посвященных обсуждению природоохранных практик. Подобный формат позволяет распространять лучшие решения на все предприятия, что позволит оптимизировать работу системы в целом.

Грамотно внедренная система экологического менеджмента приводит к:

- снижению рисков: предупреждение аварий, штрафов, судебных исков;
- экономии: за счет снижения потерь сырья, энергии, платежей за негативное воздействие (НВОС);
- росту конкурентоспособности: улучшение имиджа, выход на новые рынки, привлечение «зеленых» инвестиций;
- повышению мотивации персонала: сотрудники гордятся работой в социально-ответственной компании;
- устойчивому развитию: обеспечение долгосрочной жизнеспособности бизнеса в условиях экологических ограничений.

Так комплексная программа обучения и профессионального развития, включающая в себя теоретические курсы, практику, обмен опытом и привлечение внешних экспертов, позволит предприятию не только повысить квалификацию своих сотрудников, но и сформировать культуру бережного отношения к окружающей среде, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности системы экологического менеджмента и соответствию современным требованиям охраны окружающей среды. На многих предприятиях мотивация сотрудников участвовать в экологических инициативах недостаточна, что негативно влияет на эффективность системы и достижение установленных целей. Без активного участия каждого сотрудника в реализации экологических мер значимых экологических результатов достичь невозможно.

К числу причин низкой вовлеченности относится также недостаточная профессиональная подготовка кадров в сфере современных практик экологического риск-менеджмента. Не обладая необходимыми знаниями о природе актуальных проблем и алгоритмах их решения, работники не способны в полной мере осознать релевантность своих должностных обязанностей для достижения целей систему экологического менеджмента.

Существенным управленческим вызовом является неразвитость системы оценочных показателей для мероприятий в области охраны окружающей среды. Отсутствие четких измеримых ориентиров делает проблематичным анализ достигнутых результатов и оценку их качества [2, с. 17]. Данная неопределенность в оценках создает препятствия для адаптивного управления, не позволяя достоверно определить наиболее успешные практики и выделить направления, нуждающиеся в модернизации или полной замене

Оценка экологического состояния предприятия – это комплексный процесс, который включает мониторинг воздействия на окружающую среду, анализ данных и подготовку отчетности для контроля и улучшения экологических показателей.

В основе оценки лежат два взаимосвязанных направления: собственный производственный экологический контроль (ПЭК), который предприятие проводит постоянно, и проверки со стороны государственных органов, подтверждающие соответствие законодательству.

Основные компоненты производственного экологического контроля (ПЭК):

- постоянный внутренний мониторинг для выявления и предупреждения нарушений. Регулируется ФЗ №7 «Об охране окружающей среды»;
- инструментальные замеры (лабораторный анализ проб воздуха, воды, почвы), расчетные методы, экологический аудит;
- выбросы в атмосферу, сбросы сточных вод, образование и утилизация отходов, уровни шума и вибрации, состояние почвы;
- ежегодный отчет по ПЭК, представляемый в Росприроднадзор.

Цель и основание: проверка соблюдения экологических требований. Регулируется ФЗ №294 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Ключевые методы: плановые (по графику) и внеплановые (по жалобам, авариям) проверки; документарные и выездные.

Объект оценки: полнота и достоверность отчетности, наличие разрешительной документации, фактическое состояние очистных сооружений и систем контроля.

Результат: акт проверки с предписанием об устранении нарушений и возможным наложением штрафов.

Оценка эффективности строится на анализе трех групп показателей:

- показатели состояния окружающей среды: отражают фактическое состояние компонентов среды в зоне влияния (концентрация загрязняющих веществ в воздухе/воде, уровень радиации и т.д.);
- показатели эффективности функционирования: характеризуют результативность операционной деятельности (объем выбросов/сбросов на единицу продукции, процент утилизации отходов, потребление ресурсов);
- показатели эффективности управления: демонстрируют усилия руководства (затраты на природоохранные мероприятия, количество обученного персонала, своевременность проведения аудитов).

Наиболее эффективна система экологического менеджмента, интегрированная в общую систему управления предприятием. Ее логично объединять с: системой менеджмента качества (ISO 9001); системой охраны труда и промышленной безопасности (ISO 45001). Это создает единую систему менеджмента (ECM), устраняет дублирование, снижает затраты и повышает управляемость.

Комплексный подход к решению этих проблем значительно повысит эффективность системы экологического менеджмента. Строгие требования природоохранного законодательства сказываются на успешном развитии экологического менеджмента. Высокая стоимость штрафов оказывает

негативное влияние на экономическую часть системы экологического менеджмента.

В таблице 3 представлены штрафы за несоблюдение природоохранного законодательства РФ.

Таблица 3

Штрафы за несоблюдение природоохранного законодательства РФ

Нарушение	Статья КоАП РФ	Размер штрафа
Атмосферный воздух:		
Выброс вредных веществ без разрешения	Ст. 8.21	Должностные лица (20000 – 30000 руб.); Юр. лица (180000 – 250000 руб.)
Нарушение условий разрешения на выброс	Ст. 8.21	Должностные лица (10000 – 20000 руб.); Юр. лица (80000 – 100000 руб.)
Водные объекты		
Нарушение правил водопользования	ст. 8.14	Должностные лица (10000 – 20000 руб.); Юр. лица (80000 – 100000 руб.)
Несоблюдение режима водоохранных зон	ст. 8.42	Должностные лица (8000 – 12000 руб.); Юр. лица (200000 – 400000 руб.)
Обращение с отходами:		
Несоблюдение требований при обращении с отходами	ст. 8.2	Должностные лица (10000 – 30000 руб.); Юр. лица (100000 – 250000 руб.)
Отсутствие паспортов на отходы I-IV классов опасности	ст. 8.2	Должностные лица (20000 – 30000 руб.); Юр. лица (200000 – 300000 руб.)
Несвоевременное внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду	ст. 8.41	Должностные лица (3000 – 6000 руб.); Юр. лица (50000 – 100000 руб.)

Так же по мимо штрафов могут быть применены другие санкции:

1) приостановка деятельности предприятия на срок до 90 суток;

2) возмещение вреда окружающей среде по утвержденным методикам (может превышать административный штраф в разы);

3) уголовная ответственность.

Для предотвращения получения штрафов предприятием, необходимо проводить обучения сотрудников на знание природоохранного законодательства.

Сложности в интеграции новых технологий представляют собой еще одну значимую проблему. Современные методы и инструменты управления экологическими рисками требуют не только финансовых вложений, но и времени для обучения персонала. Частой преградой является естественная для коллектива настороженность по отношению к нововведениям, что негативно сказывается на темпах их интеграции в рабочие процессы.

Оптимизация природоохранной деятельности на основе технологических инноваций является ресурсоемкой задачей. Для ее успешной реализации требуется формирование детальной программы модернизации, поиск инвестиционных средств, организация обучения работников и проведение пилотных испытаний. Критически важным этапом остается комплексная оценка

потенциальных рисков и операционных сложностей, вероятных на различных стадиях внедрения. Организации сталкиваются с рядом задач при интеграции новых технологий в существующие производственные процессы, и эти задачи тянутся как за техническими аспектами, так и за человеческими факторами, что делает процесс внедрения ещё более сложным и многогранным.

Адаптация новых технологий может затрудняться устаревшим оборудованием или нехваткой готовности персонала к изменениям. Устаревшее оборудование, используемое на предприятии, может не поддерживать современные технологии или требовать значительных затрат на модернизацию, что создаёт дополнительные препятствия на пути к достижению целей системы экологического менеджмента и ограничивает эффективность внедряемых экологических инициатив.

Во избежание таких рисков, нужно заранее планировать обучение персонала. Без хорошей подготовки сотрудники не смогут полноценно использовать новые технологии, будут допускать ошибки, что снизит общую эффективность и может привести к экологическим проблемам.

В современных условиях ведения бизнеса экологическая ответственность трансформировалась из добровольной инициативы в ключевой фактор конкурентоспособности, устойчивости и минимизации рисков. Систематическая внутренняя оценка и внедрение системы экологического менеджмента на предприятии не только минимизируют риски штрафов и репутационных потерь, но и могут стать фактором повышения энергоэффективности и конкурентоспособности предприятия. Внедрение системы экологического менеджмента – это стратегический шаг, позволяющий системно управлять воздействием на окружающую среду, соблюдать требования законодательства и извлекать экономическую выгоду.

Список литературы

1. Российская Федерация. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» № 296-ФЗ от 08.08.2024 г.

2. Сидоров, П.В. Технологии очистки сточных вод // Экология производства. - 2021. - № 4(12). - с. 17–21.

3. Петрова, Е.А. Анализ состояния экологии в судостроении // Экологические исследования. - 2022. - № 2(10). - с. 63–65.

4. Александрова, Т.С. Динамика выбросов загрязняющих веществ. - Екатеринбург: Экологический мониторинг, 2020, с. 9-11.

5. Ковалев, Р.М. Финансирование экологических проектов // Финансовый менеджмент. 2021. - № 6(8). - с. 23-27.

6. Кирсанов Ю.Г. Оценка воздействия выбросов вредных веществ на атмосферный воздух, учебное пособие. 2018. Электронный ресурс - Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/60949/1/978-5-7996-2341-8_2018.pdf, свободный (дата обращения: 15.12.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой главе монографии «Концептуальные основы пространственного развития экономики России» рассматриваются: пространственная экономика России: ретроспектива, теория и стратегия; синтез экономической безопасности и сбалансированного пространственного развития в федеральной стратегической политике России; финансовые средства для пространственного развития экономики; взаимосвязь межбюджетных отношений и пространственного развития: теоретический аспект бюджетного регулирования; налоговое право и налоговая политика в системе управления пространственным развитием Российской Федерации: теоретико-прикладной синтез; современные вызовы и угрозы для экономического доверия в условиях глобализации; влияние краудфандинга на развитие творческих индустрий и культуры в Казахстане и России; специфика внешней торговли Российской Федерации на рынке меха.

Во второй главе монографии «Институциональные основания пространственного развития экономики России: теоретический анализ и прикладные интерпретации» рассматриваются: теоретические подходы к анализу пространственного развития экономики; методологические основы институционального анализа пространственных процессов; институциональная специфика пространственного развития экономики России; прикладные интерпретации институциональных трансформаций в российском пространстве.

В третьей главе монографии «Пространственное развитие экономики России на мезоуровне» рассматриваются: экономическая устойчивость регионов Российской Федерации: экзистенциальный аспект; преференциальные территории как инструмент стимулирования экономического развития Российской Федерации; определение общей емкости рынка нефтесервисных услуг и смежных отраслей в ХМАО-Югре; инновационные методы управления программно-целевой компонентой (на примере муниципального образования «Город Калуга»); пространственное развитие Архангельской области в историческом сознании послевоенного поколения жителей региона.

В четвертой главе монографии «Ресурсное обеспечение и экономическая эффективность функционирования агропромышленного комплекса: теоретико-прикладные подходы» рассматриваются: теоретические основы и мировой опыт ресурсного обеспечения развития аграрного производства; теоретико-методологические основы анализа ресурсного потенциала агропромышленного комплекса Юга России; ресурсный потенциал АПК Юга России: эмпирическая оценка и направления повышения эффективности его использования; финансовые ресурсы предприятий АПК: теоретико-прикладные аспекты в современных условиях хозяйствования; теоретико-прикладные аспекты государственной поддержки агробизнеса.

В пятой главе монографии «Роль предприятий в пространственном развитии экономики России» рассматриваются: производительность труда в организациях здравоохранения: проблемы и факторы роста; цифровая трансформация бизнес-процессов на примере предприятий агропромышленного

сектора экономики; техническое перевооружение на судостроительном предприятии; анализ организации экологического менеджмента.

Анализ текущего состояния пространственного развития российской экономики выявил ряд системных проблем:

- гиперконцентрация экономической активности в Московском регионе и ограниченном числе крупных агломераций, что приводит к: перегруженности инфраструктуры в центре; дефициту инвестиций в периферийных регионах; асимметрии социально-экономического развития;
- устойчивые диспропорции между регионами по: уровню ВРП на душу населения; качеству жизни и доходам населения; доступности социальных услуг;
- неэффективность существующих механизмов межрегионального перераспределения ресурсов, выражающаяся в: ограниченном действии инструментов выравнивающей бюджетной политики; недостаточном развитии межрегиональных производственно-технологических связей.

Основными детерминантами территориальной дифференциации экономического развития выступают: природно-ресурсный потенциал (размещение полезных ископаемых, земельных и водных ресурсов); инфраструктурная обеспеченность (транспортные сети, логистические узлы, коммуникации); человеческий капитал (квалификация трудовых ресурсов, миграционные потоки); инновационный потенциал (научно-технологическая база, внедрение цифровых технологий); институциональные условия (налоговые режимы, государственная поддержка, регуляторная среда).

Дальнейшая разработка темы пространственного развития экономики России требует углубленного изучения: влияния цифровой трансформации на пространственную организацию экономики; оптимизации системы расселения и размещения производительных сил; совершенствования методов стратегического территориального планирования; развития инструментов управления пространственным развитием в условиях экономических санкций.

Общая объединяющая тема монографии создала широкие рамки для участия специалистов, интересующихся пространственным развитием экономики России, а также теоретико-методологическими подходами и практическими результатами исследований в данной научной области. НИЦ «ПНК» приносит искреннюю признательность всем участникам издания и выражает надежду, что данная книга не станет последней в серии оригинальных монографий.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешина Елена Владимировна – доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат экономических наук, доцент

Алпатова Эльмира Сунгатовна – профессор АНО ВО «Российский новый университет» (г. Москва), доктор экономических наук, доцент

Быканова Наталья Игоревна – доцент кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат экономических наук, доцент

Вихарев Вадим Вячеславович – старший преподаватель кафедры «Экономика и финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, Краснодарский филиал, соискатель ученой степени

Гавчук Денис Васильевич – член Международной федерации информационных технологий, путешествий и туризма (Австрия), Нью-Йоркской академии наук (США), Торгово-промышленная палата РФ, PhD

Глушак Николай Владимирович – профессор кафедры национальной и мировой экономики ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», д.э.н., доцент

Даник Ольга Леонидовна – доцент кафедры социологии и социальных технологий Луганского государственного университета имени Владимира Даля, кандидат педагогических наук, доцент

Евдокимова Оксана Николаевна – магистрант кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Закорецкая Ольга Сергеевна – доцент Филиала федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» в г. Северодвинске Архангельской области, кандидат экономических наук, доцент

Заступов Андрей Владимирович – доцент ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», кандидат экономических наук, доцент

Иранкунда Эрик – магистрант кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета

Круглов Владимир Николаевич – профессор кафедры менеджмента ЧОУ ВО «Институт управления, бизнеса и технологий», д.э.н., доцент

Кузьменко Светлана Сергеевна – доцент кафедры международной экономики ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Куриная Наталья Викторовна – старший преподаватель кафедры государственного управления и техносферной безопасности Краснодонского факультета инженерии и менеджмента (филиал), Луганского государственного университета имени Владимира Даля

Макарова Наталья Владимировна – доцент ФГБОУ ВО «КубГУ», кандидат экономических наук

Манжула Татьяна Юрьевна – доцент кафедры финансов и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», кандидат экономических наук

Мельникова Наталия Сергеевна – доцент кафедры инновационной экономики и финансов Института экономики и управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат экономических наук, доцент

Нехайчук Дмитрий Валериевич – профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского», доктор экономических наук, доцент

Нехайчук Юлия Серафимовна – доцент Севастопольского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент

Нурыйахметова Светлана Мазгутовна – доцент кафедры экономики производства института управления, экономики и финансов Казанского Федерального университета, кандидат экономических наук, доцент

Павленко Ирина Геннадьевна – доцент ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет», кандидат экономических наук, доцент

Пефтиев Олег Владимирович – доцент кафедры правовых и политических наук ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», кандидат юридических наук, доцент

Продолятченко Павел Алексеевич – доцент кафедры «Экономика и финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, Краснодарский филиал, кандидат экономических наук

Пугачева Мария Александровна – доцент кафедры экономики производства института управления, экономики и финансов Казанского Федерального университета, кандидат экономических наук, доцент

Пугачёва Светлана Дмитриевна – доцент кафедры экономики производства института управления, экономики и финансов Казанского Федерального университета, кандидат экономических наук, доцент

Свечников Константин Леонидович – доцент кафедры экономики производства института управления, экономики и финансов Казанского Федерального университета, кандидат педагогических наук, доцент

Сергеева Ксения Игоревна – старший преподаватель Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Тамицкая Екатерина Николаевна – старший преподаватель Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

Танков Александр Максимович – старший преподаватель кафедры информационно-технических и экономических дисциплин филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева в г. Новокузнецке, соискатель ученой степени

Ушаков Александр Сергеевич – аспирант Сургутского государственного университета

Хазиахметова Гузель Азатовна – доцент кафедры экономики производства института управления, экономики и финансов Казанского Федерального университета, кандидат экономических наук, доцент

Харьковский Максим Борисович – доцент кафедры государственного управления и техносферной безопасности Краснодонского факультета инженерии и менеджмента (филиал), Луганского государственного университета имени Владимира Даля, кандидат экономических наук, доцент

Хорошева Анна Сергеевна – доцент кафедры экономической теории Донецкого государственного университета, кандидат экономических наук

Хорошева Елена Ивановна – доцент кафедры финансов и банковского дела Донецкого государственного университета, кандидат экономических наук, доцент

Ширинкина Елена Викторовна – заведующий кафедрой менеджмента и бизнеса Сургутского государственного университета, доктор экономических наук, доцент

Научное издание

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ТЕОРИЯ, АНАЛИЗ, МОДЕЛИРОВАНИЕ

Монография

Под редакцией Алпатовой Э.С., Подкопаева О.А.

Подготовка оригинал-макета Подкопаев О.А.
Подготовка обложки Подкопаев О.А.

Подписано в печать 22.02.2025. Бумага офсетная.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Печать оперативная. Усл. печ. л. 17,7. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Поволжская научная корпорация».
443082 г. Самара, ул. Тухачевского, 80, оф. 218
Тел.: (917) 812-32-82
E-mail: info@naucorp.ru
URL: naucorp.ru

ISBN 978-5-6055952-2-9